

Вера Викторовна Камша Ник Перумов Млава Красная

Млава Красная – 1

Текст предоставлен издательством http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2672265
«Млава Красная»: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-54030-3

Аннотация

Осень 1849 года. Гролом среди ясного неба раздается манифест василевса, отправляющего войска Державы к границе с Ливонией. Напрасно пытаются убедить государя, что такой жест чреват новой общеевропейской войной, к которой русская армия не готова. Напрасно напоминают о балканской кампании, которую ливонская авантюра грозит сорвать, твердят об амбициях кайзера Пруссии и его отборных наемниках. Арсений Кронидович не из тех, кто отступает, и не из тех, кто бросает единоверцев без помощи. Приказ отдан, и со сказанным теперь предстоит жить... а тем, кто выйдет к берегам пограничной реки Млавы, – возможно, и умирать.

Другая история, другая Россия, другой XIX век, в котором еще слишком свежа память о славных походах Буонапарте и Суворова.

Новый роман – итог сенсационного соавторства двух блестящих писателей,

лежащий в фарватер отечественной исторической и военной прозы, но это не «Князь Серебряный», не «Россия молодая», не «Живые и мертвые» и не «Битва железных канцлеров», это – «Млава Красная», и в этой книге возможны любые чудеса.

Ник Перумов, Вера Камша **Млава Красная**

Пролог

Если бы я разбил Коалицию, Россия осталась бы столь же чуждой Европе, как, к примеру, Тибетское царство. Благодаря этому я бы обезопасил мир от казаков.

Наполеон Бонапарт

*Королевство Великая Саксония
Окрестности Зульбурга
26 июля 1824 года*

Солнце в зените, и лучи его отвесны, они впиваются в землю подобно штыкам, давят на плечи, жгут. Городок Зульбург замер, прислушиваясь к яростному рёву пушек – подле самых своих стен. Пусты улицы, пусты булыжные мостовые, добрые обыватели попрятались кто куда – потому что совсем близко сошлись грудь на грудь две армии, два многоглавых дракона, рвущие сейчас друг друга в клочья.

Солнце в зените, но само светило не разглядеть. Пороховой дым плавает уже не облаками – тучами; копоть оседает на лицах и мундирах, жжёт даже привычные ко всему солдатские глотки. Но дышать пусть и этакой гарью куда лучше, чем стоять под чугунным ливнем французских ядер, кромсающих сейчас два русских полка, что зубами вцепились в невысокие холмы Шляфхерде. Пушки с клеймом великого Буонапарте, императора французов, раз за разом с глухим, смягчённым расстоянием гулом извергают всё новые порции проклятого дыма, круша многострадальные редуты на холмах и выбивая их защитников.

Барон Александер фон Шуленберг, ротмистр лейб-гвардии его высочества принца Иоганна гусарского полка, достал уже далеко не белоснежный платок и украдкой промокнул слезящиеся глаза. Надо же, боевой офицер, а самый страшный враг – не вражьи клинки или пули, а пороховая гарь. Её ротмистр переносил плохо, но ещё хуже у него получалось терпеть бездействие. Сводная бригада прусских гусар и русских кавалергардов с утра стояла за возвышенностью, примыкавшей к увенчанному разбитой мельницей холму, и ждала приказа. Как бы ни хотелось добраться до чужих батарей и проверить остроту сабель на французских шеях, но...

– У нас есть приказ – стоять, – отрубил, опережая возможное недовольство подчинённых, командир первого эскадрона Конрад фон Пламмет, – значит, мы стоим. Вот и наследники тут, оба. Вместе с полковыми командирами. Тоже стоят и смотрят.

Возразить на это – если на мгновение представить, что в эскадроне найдётся смельчак, способный перечить Лысому Конраду, – было нечего. Принц Иоганн и русский наследник сидели на барабанах, время от времени поднося к глазам подзорные трубы. Беседовали августейшие особы или молчали, гусары издали понять не могли, но неподвижность свит говорила сама за себя: цвет союзнической конницы в бой пока не идёт.

– Как бы не перестоять нам тут, – донеслось до барона.

Младший брат эскадронного командира, Герберт фон Пламмет, прищурившись, смотрел на скрытое дымными клубами поле, словно надеясь разглядеть там что-то, не видимое товарищам.

– Слабовато у нас здесь, господа. Надавят французы – быть беде. Русские побегут и нам помешают.

– Тоже мне стратег! – вырвалось у Шуленберга. Тон Герберта был холодным, сухим и каким-то неприятным. О союзниках, что русских, что австрийских и британских, он говорил с откровенным пренебрежением, хотя русские труса отнюдь не праздновали. Как и сам Герберт, кстати.

Пламмет-младший не удостоил ротмистра ответом. Даже головы не повернул. Однако, с неудовольствием признавался себе Шуленберг, в чём-то заносчивый Герберт был прав...

Да, приказа всё не было. Знаменитые чёрные гусары стояли в считанных минутах галопа от избиваемых редутов. Господин полковник фон Зерофф разрывался между сражением и августейшим шефом, не отвлекаясь на вверенный ему полк, но Лысый Конрад несдержанности подчинённых не потерпел бы, тем более на глазах у русских. Эскадроны хмуро топтались на месте, люди молчали, но лошадей, как бы вышколены они ни были, показным спокойствием не обманешь. Заводясь от своих всадников, легконогие вороные красавцы рыли землю, охлёстывали себя хвостами, прижимали уши, будто вместе с дымом ловили ноздрями тревогу.

Барону Александру чудилось, что цветом лица он неотвратимо уравнивается с мастью своего коня и оттенком мундира. Разумеется, гусар преувеличивал – если кто сейчас и уподоблялся африканским чернокожим, так это защитники холма, на котором стояли русские батареи, а здесь, в расположении кавалерии, пушек не было, не было и боя. Гвардейские, украшенные высочайшим вензелем, клинки мирно покоились в ножнах. Французская артиллерия безумствовала. Русская пехота держалась.

* * *

– Буонапарте, чертяка. Так же хорош, нам на горе...

Корпус князя Петра Ивановича Арцакова-Калужинского стоял на стыке союзных армий, занимая те самые холмы Шляффхерде, наскоро укреплённые редутами перед сражением.

Уже и в ту, и в другую стороны прокатились волны атак, столь же бесплодных, сколь и кровавых. И русские с пруссаками, и французы так и оставались, где были, нигде не сбив противника с позиций. По крайней мере здесь, у Шляффхерде. Впрочем, могло обернуться и хуже – особенно когда на сильно поредевшие в ходе последнего наступления Угреньский и Ладожский полки обрушилась подоспевшая вражеская кавалерия. Разогнавшиеся уланы разом ударили во фланг и тыл наступавшим русским батальонам. К счастью, и угренцы, и ладожане сумели перестроиться и, отбившись штыками, отойти. Конница, сделав своё дело, убралась, но треклятые ядра усугубляли и без того немалые потери.

– Нет, не стал ты, Буонапарте, хуже, никак не стал...

Император французов вёл сражение с ловкостью прирождённого бойца, мастерски владеющего любым оружием. Изящный и молниеносный выпад конницы – словно разящий укол рапирой; атака же пехоты, поддержанная пушками, – точно кулаком в скулу. Французов здесь, под Зульбургом, меньше, чем союзников, зато командует ими настоящий полководец. И, несмотря ни на что, заставляет русского василевса с прусским кайзером плясать под свою дудку. Удар то на одном фланге, то на другом. Тени конных, мелькающие чуть ли не в тылу союзной армии, и поди пойми, учинил ли Буонапарте столь излюбленный им глубокий обход или отрядил пару эскадронов – сбивать неприятеля с толку, вынуждая гоняться за призраками.

Русские же и прусские контратаки натывались на умело направляемый огонь вражеских батарей – не зря ж Буонапарте был в молодости артиллеристом, и притом из лучших.

Вот и сейчас вражеские орудия стреляли с завидной точностью и частотой, так что князю Петру Ивановичу только и оставалось, что всею душой молиться за удачу собственных пушкарей, старавшихся дать укорот знаменитой буонапартовой артиллерии. И ещё давить в себе запоздалую и потому ненужную злость.

Сегодняшний неуспех являлся сыном вчерашней ошибки, когда не растерявший за годы заточенья своих талантов Буонапарте в третий раз за кампанию опередил союзников. На сей раз – на холмах возле Зульбурга. Шедших в авангарде прусских драгун встретили французские артиллеристы, успевшие укрепиться на ближайшей к городу и при этом более высокой гряде. Вежливый союзник уступил место русской пехоте, вынужденной занять гряду пониже. Редуты строили всю ночь, не рассчитывая, впрочем, на особо шумное дело.

И василевс Кронид Антонович, и кайзер Мориц-Иосиф полагали, что основные события развернутся южнее, а у Зульбурга всего лишь будет разбит спешащий на соединение с императором французский корпус. Оказалось наоборот. Это Буонапарте присоединился к своему маршалу, заняв город под самым носом у русско-прусской армии, после чего немедленно двинулся навстречу союзникам. Потрясатель Эуроп был настроен решительно, его армия, одержав несколько побед в предыдущих столкновениях с австрийцами и русскими, – тоже.

Разбитые в пух и прах австрийки после полученной трёпки притихли, хорошо ещё – не подписав сепаратного мира. Впрочем, бездействие их мало отличалось от капитуляции; император, великодушно пощадив напуганную Вену, получил возможность всей силой обрушиться на свежего врага и, разумеется, её не упустил. Буонапарте помнил, сколь сильно мешала его противникам «двухголовость» в первую войну его имени, и не без оснований рассчитывал на несогласованность действий русских и пруссаков.

Союзники тоже спешили. Кайзер опасался вторжения, предпочитая воевать на чужих землях, которые в случае очевидного успеха могли бы и перейти к Пруссии. Не забыли в Берлине и события Первой Буонапартовой войны, когда после первых же неудач кайзеровской армии крепости одна за другой сдавались коронованному капралу почти без выстрелов. А если принять в расчёт, что император вновь громче, чем когда-либо, говорит о Свободе, Равенстве и Братстве... Нет уж, лучше держать его подальше от своих границ.

Кронид же Антонович был уязвлён неудачами помогавшего Австрии русского корпуса, зол на Буонапарте, видя в нём «разрушителя священных основ», и при этом очень верил в своих генералов и своих солдат.

В общем, все три монарха торопились решить если не судьбу уже третьей по счёту большой «буонапартовой» войны, то уж текущей кампании – точно. Преждевременная встреча лишь распалила василевса и кайзера, что, надо думать, немало обрадовало императора. Впрочем, начал он как обычно: атаковал первым, стремясь захватить инициативу. И, тоже вроде бы как обычно, стал давить большей частью на флангах. Атаки, однако, были отбиты, и союзники в свою очередь пошли вперёд. Тоже безуспешно. Надежды обеих сторон на быструю победу угасли спустя четыре часа артиллерийских дуэлей, атак и контратак. Битва вскипела по всему изгибу позиции, от по-русски непроходимого леса до довольно-таки полноводного Зуля.

Дважды верный наступательной тактике Буонапарте добивался успеха в каком-то одном месте, сначала против русских, потом – пруссаков, был атакован вторым союзником, и на этом всё кончалось. Но от намерения разгромить врага император французов отказываться не собирался, и Арцаковым всё настойчивей овладевала мысль, что пресловутый «третий раз» придётся на край русской позиции, где у реки холмы сходили на нет, а напротив, за грядой, вполне могла сосредоточиться вражеская кавалерия. Впрочем, несладко было везде. Арцаков пытался разглядеть хотя бы ближние редуты, но видел лишь дым, где ждали очередной атаки два полка. Вернувшийся адъютант заверил, что и угреньцы, и ладожане держатся, но это было четверть часа назад.

– Ваше высокопревосходительство! – Молодой князь Шаховской, адъютант василевса, картинно осадил своего аргамака рядом с привычным ко всему донцом Арцакова. – Его василеосское величество обеспокоены состоянием нашего правого фланга...

– Я тоже обеспокоен. – Пётр Иванович неторопливо опустил трубу.

– Его василеосское величество требует во избежание обхода нашей позиции елико возможно скрытно выдвинуть бригаду полковника Булашевича к реке в распоряжение князя

Варчевского. Государь в то же самое время велел отметить, что весьма удовлетворён стойкостью вверенного вашему сиятельству корпуса.

– Прошу передать его василеосскому величеству мою признательность.

– Приказ...

– Будет выполнен.

* * *

Белые с алой оторочкой мундиры, статные серые кони, жаркая медь касок и кирас... Отличить одного кавалергарда от другого – задача не из лёгких, тем паче в пороховом дыму, но «Кусаку» Янгальчева штаб-ротмистр Тауберт узнал тотчас. Любезный друг Васенька бешеным карьером нёсся напрямик к начальству. Обычно Янгальчев держался в седле, как и положено лейб-гвардейцу, лишь изредка сбиваясь на приёмы, унаследованные от предков – татарских мурз. Обойти Васеньку, когда такое случалось, на памяти Тауберта не удалось ещё никому.

– Странно, – не поняли за спиной штаб-ротмистра, – в чём дело-то?

– Никак что-то важное?

– Может, хоть сейчас зачешемся!

– А ты удила погрызи. Полегчает.

– Кусака просто так не вернётся, увидел что-то... Никола, как думаешь?

Янгальчев со своими был в передовом охранении, что стояло повыше, у разбитой в щепки мельницы. Он в самом деле мог увидеть...

– Господа, давайте подождём.

Васенька подлетел к командиру полка, спрыгнул с седла и под перекрёстным огнём русских и прусских взглядов принялся докладывать, пару раз неуставно ткнув рукой в сторону французов. Начальствующий над кавалергардами князь Лев Григорьевич Орлов-Забецкой вольности подчинённого не заметил. Повернулся и в сопровождении не отстающего ни на шаг Васеньки направился к прусскому полковнику. Разговор получился коротким, пруссак махнул рукой кучке гусар, так же как и Тауберт со товарищи составлявших охрану начальства. Кавалергардам особое приглашение не требовалось. Небольшой отряд устремился к останкам несчастной мельницы, где и замер, пожирая глазами поле боя.

Два статных всадника, чёрный и ещё утром белоснежный, долго всматривались в дымные облака, эскорт со рвением следовал их примеру.

В гуле канонады разобрать приглушённый разговор не смогла бы даже сова. На первый взгляд казалось, что французы как стояли у подножья своего холма, так и стоят. Собственной трубы Тауберт не имел и разглядеть в деталях, что происходит, не мог, выручил Васенька: пока господа командиры любовались на дым, подъехал и просветил.

– За холмом лягушатники. С самого Шляффхерде не видно, но отсюда, со стороны, кой-чего просматривается. А мы глазастые... – Янгальчев залихватски подмигнул, но привычных смешинок в голосе не было и в помине. – Кого там и сколько, пока не понять, но ты же видишь – батарей-то выставили, ей-богу, ещё столько же, сколько было. Так что, брат Никола, скоро будет ещё жарче.

– Кому жарче? – огрызнулся штаб-ротмистр, сдерживая пляшущего Аякса. Жеребцы, ища выход нерастраченной злости, лезли в драку, но и Тауберт, и Кусака Янгальчев были слишком хорошими наездниками, чтобы позволить лошадям сцепиться. – Кому, Василий? Нам с тобой или Орлову?

– А нечего было Орлуше четыре ноги на две менять! – Васенька то ли скривился, то ли улыбнулся. – Эка невидаль, старший братец полк принял. Не вешаться же!

Тауберт не ответил – балагурить остзейский немец не умел и не любил, а за Орлова сердце болело с самого утра. Когда приятель решил расстаться с белым мундиром, эскадрон был полностью на его стороне. Сергей славился своими выходками на всю столицу, и Льву

Григорьевичу, чтобы сохранить лицо, пришлось бы взыскивать с младшего брата куда строже, чем было принято в полку. Знаменитого Орлушу с распростёртыми объятиями приняли бы хоть конногвардейцы, хоть лейб-гусары, но Сергей подал рапорт о переводе в пехоту. Армейскую. Василевса такое желание приятно поразило, и ротмистр кавалергардов стал пехотным полковником¹. Ко всеобщему удивлению, неплохим. Прекратились и знаменитые орловские фортели – дуэли, пирушки, розыгрыши; чужие жёны и те отступили пред аглицкими да Буонапартовыми воинскими трактатами. Только вряд ли писания тогда ещё низложенного императора помогают стоящим сейчас под ливнем Буонапартовых же ядер ладожанам.

– Никола, к генералу!

Значит, начальники приняли решение. Точно, приняли! Окликнувший Николу адъютант уже гнал своего красавца куда-то в тыл, а тяжёлый взгляд Забецкого гнул к земле следующего подчинённого.

– Ротмистр², вот донесение для князя Арцакова. И давайте быстро; кто его знает, что видно там Петру Ивановичу из его виноградников...

Генерал-майор на брата походил не слишком сильно, но фразы они обрывали одинаково.

* * *

Французские пушки стали бить чаще, это полковник Орлов понял очень быстро. Проклятуший дым мешал разобрать, что творится, – пространство перед холмом просматривалось какими-то лоскутьями, прорехами в сером саване, да ещё и плывущими по воле ветра. В конце концов Сергей смог-таки углядеть новые батареи, внезапно возникшие против русских позиций. Вот их не было, а теперь есть. И что же это означает, хотелось бы понять...

Объяснение имелось, и оно полковнику не нравилось неимоверно. Увы, ничего другого в голову не приходило, а на редуты сыпалось всё больше ядер, укрепляя Орлова во мнении, что надобно ждать сюрпризов. Пока же ничего не менялось: синие массы французской пехоты с места не двигались, свежие силы из-за осёдланного артиллерией холма тоже не спешили.

По отрывочным сведениям от промелькнувших дивизионных адъютантов Сергей знал, что и справа, и слева всё кипит, и вот тебе раз – новые пушки Буонапарте выставляет не там, где жарче всего, а против Шляфхерде.

Полковник окликнул ординарца, тоже Сергея, и с нарочитой неторопливостью обошёл поредевшие батальоны, через каждые десять шагов всматриваясь в то, что трактаты величают ареной военных действий, а поэты – полем брани. Императорская артиллерия просто сходила с ума, и когда наконец сквозь прорехи в дымном саване получилось разглядеть ползущие из-за холма свежие колонны, Орлов не удивился, почти отстранённо отметив, что, если так пойдёт и дальше, к началу теперь уже несомненной атаки от полка останется не больше половины. И у соседей в Угреньском – тоже.

Двадцатисемилетний Орлов был не самым молодым полковником русской армии, но самым младшим из полковых командиров. Василевс, командующий корпусом, командир дивизии, брат, наконец, – все с той или иной долей такта советовали, намекали, требовали в отсутствие прямого приказа слушать командира угреньцев, но тот на сей момент ничем не мог помочь. Французское ядро угодило в пушку, обломки полетели во все стороны, и полковника Росского приложило куском лафета. Орлов видел, как бесчувственного Сигизмунда Михайловича волокут в тыл. Соседу повезло не дожидаться шагавших вслед за

---

¹ Гвардия двумя чинами выше армии.

² Приставка «штаб-», «штабс-» при обращении традиционно опускалась.

французами соотечественников-лехов, Орлову не повезло остаться старшим воинским начальником в двух расстреливаемых полках. И сейчас он не собирался смиренно стоять под ядрами, благо старшим офицером угреньецев оказался командир первого батальона Колочков, человек храбрый, решительный, ну и добрый приятель Сергея.

Дальнейшее было очевидным – написать предельно краткий рапорт, сунуть его легкораненому поручику, собрать батальонных командиров, ещё раз прикинуть силы французские и свои собственные.

Когда-то Орлов считал ошибкой вступление в европейскую войну, к тому же на стороне напрочь прогнивших германских монархий. Ещё зимой он изрядно повздорил с Васенькой Янгальчевым, полагавшим вернувшегося Буонапарте упырём, коего надобно любой ценой упокоить вместе с его эгалитами, кодексами и банкирами. Никола Тауберт, ходячее немецкое здравомыслие, насилию тогда растащил разошедшихся приятелей. А сегодня в мозгу Орлова осталась только ненависть к ополовинившим его полк французам и уверенность, что выход есть, нужно только забыть устав и прочее «не положено». Последнее для бывшего кавалергарда Орлуши труда не составляло.

* * *

Бригада Булашевича ушла, и возвращение её требовало времени. То, что пришлось бы нарушить прямой приказ василевса, Арцакова не тревожило. Булашевич был кем угодно, но не трусом и не педантом, он закрыл бы прорыв грудью, не спрашивая дозволения, хоть бы и высочайшего, вот только появление у французов новых пушек могло означать как попытку удержать столь необходимые в другом месте резервы у ненужного Шляффхерде, так и скорую атаку именно здесь.

Василевс предполагал, что Буонапарте, великий мастер обходов, попробует проявить своё уменье у реки. Или и у реки тоже... В обоих случаях возвращать Булашевича было нельзя, в третьем, становящемся всё вероятнее, – нужно, но, похоже, поздно. Во всех смыслах. Это Арцаков понял из записки Орлова-Забецкого, доставленной плотным, серьёзным штаб-ротмистром.

Уточнять особого смысла не имелось, Лев Григорьевич писал толково и чётко, но Арцаков всё же спросил:

– Сам-то видел?

Штаб-ротмистр ответил уверенно: да, ваше высокопревосходительство, видел. В точности кто и сколько – не скажу, но резервы к французам подходят...

– По всему, подошли уже. – Донесение Забецкого переключало к ординарцу лишь с небольшой припиской: *«Я тут их задержу, чем и сколько смогу, но шлите подкрепления как можно быстрее»*. Соблюдать политес было некогда, объяснять очевидное – глупо. Государь и так разберёт, что Буонапарте решил ударить на стыке русских с пруссаками, разрубая пополам всю позицию союзников. Превосходная организация армии позволила императору французов скрывать свой замысел почти до самого конца: собранные для решающего удара резервы уже выходили на исходные позиции, а союзное командование, отвлечённое ложными атаками на обоих флангах, опасности всё ещё не видело. Арцаков перехватил поводья, заметил серьёзного кавалергарда и вдруг вспомнил себя двадцатилетнего у стен почитавшейся неприступной османской крепости. Как же его тогда тянуло в бой! Стоять и смотреть – это генеральское проклятье, молодость должна драться и не думать ни о чужих смертях, ни о своей, а великий князь Севастиан без отцовского приказа и бутерброда не скушает, не то что не атакует.

– Тауберт.

– Да, ваше высоко...

– Останетесь при мне. Разберусь и отправлю вас с ответом. Господа, едем к ладожанам.

* * *

Теперь выползающий из-за горки неприятель был виден просто отлично. Глядя на марширующие к его редутам густые колонны, Орлов всё сильнее укреплялся в своём решении. Не ждать, не ждать, опередить! Если нельзя стоять на месте и ещё больше нельзя идти назад, остаётся идти вперёд.

На покрытом копотью лице полковника ярко блестели злые светлые глаза, превращая князя то ли в арапа, то ли в оперного демона, но держался Орлов с невозмутимостью опытного картёжника. Это Колочков в карты не играл – ни средств не имея, ни склонности... Орлов по лицу приятеля читал, как по книге, – тот готов был грызть французов зубами, но не знал, с какой стороны кусать.

– Видишь? – хрипло сказал Колочков. – Лягушатники-то!

– Да, они весьма заметны, – согласился Сергей. – Мил-друг Аникита, а не ударить ли нам, пока они всей толпой разворачиваются да устраиваются?

– А и ударить! – Угренец стукнул кулаком о кулак. – Сейчас как слетим с горочки, как врежем, а там и подоспеет... кто-нибудь. Ты ж донесение посылал?

– Посылал. Мол, ждать нельзя, всё погубим. Значит, решили?

– Да.

– Не дожидаясь приказа?

– Куда, к чёрту, его ждать?!

– Ну, раз решили... Барабанщики!

Французы не успели пройти и половины пути до высот, как два русских полка устремились вниз по склону.

* * *

Орловский посланец попался Арцакову на полпути к редутам. Генерал прочёл короткую записку-донесение, чертыхнулся и дал шпоры коню. Привычная свита рванулась следом.

На холм они выскочили, когда батальоны ладожан уже спускались. Угреньцы без командира слегка замешкались, и князь, не меняя аллюра, резко свернул, послав дончака через разбитую телегу. Тауберт со своим Аяксом арцаковский маневр повторили, прочие догнали начальство уже среди строящихся колонн. Генеральский рык своё действие возымел. Не прошло и пяти минут, как Угреньский полк скорым шагом двинулся навстречу свежей вражеской пехоте. Лехи, и спасибо, что в этот раз не кавалерия.

– Если Буонапарте возьмёт Шляффхерде и прорвётся дальше, – Арцаков ожёг взглядом свиту, точно среди поручиков и штаб-ротмистров затесался сам Потрясатель Эуроп, – нас отрежут от пруссаков, и как бы любезные союзники не уподобились австриякам! Княжевич, пиши. Его василеосскому величеству. В дополнение к рапорту Забецкого.

– Стягивать сюда другие части корпуса опасно, – счёл своим долгом вмешаться начальник штаба. – Против них французы тоже начали атаку, приковывая к месту.

– Верно, душа моя. – Арцаков уже притушил вырвавшееся на мгновение пламя. – Только растопыренными пальцами Буонапарте не бьёт, а кулак у него здесь, перед нами. Смотри-ка...

Генералы со своими трубами могли видеть и отсюда, но для обычных глаз было слишком далеко, и Тауберт отъехал поближе к редутам, восхищённо глядя в спину уходящей в бой пехоте: ну Сергей, ну орёл...

– Ротмистр! – Так, ясно... Князь поворачивается, сейчас придётся...

Из дымного мешка вырывается ослепительное солнце. Огромное, тяжёлое, жаркое, оно валится вниз на них с Аяксом. Вспышка. Грохот. Тьма. Звон... Тишина.

– ...слышите меня? Чёрт... Ротмистр?!

Что за несуразица? С чего это он разлёгся и зачем так орать?.. Какой-то гусар... Поручик... Гусары вообще громкие, а этот ещё и курносый... Ох, голова-то... того,

побаливает. В спину упирается нечто твёрдое... А, прислонили к разбитому лафету. В общем, понятно – приложило тебя чем-то, друг ситный, но не насмерть и даже, похоже, без крови. Руки-ноги целы, да...

– Да я, оказывается, и встать могу! Сейчас...

– Не спешите, ротмистр. Назад я вас сейчас посылать не буду. – Арцаков. Смотрит с некоторым сочувствием... Вот ведь какой! От Забецкого подобного не дождёшься. – Я уже отправил к великому князю своего адъютанта, так что приходите в себя. Целы, и слава богу. Теперь долго жить будете.

– Спасибо, ваше высокопре...

– Сидите уж! Коня я вам одолжу, но, уж не обессудьте, гнедого.

Коня? Какого коня? Зачем?! Чёрт, он же был верхом...

Болела не только голова, но и шея, пришлось отрываться от лафета и поворачиваться всем телом. Слева не нашлось ничего примечательного, справа... Справа взгляд упёрся в осёдланный неподвижный холмик. Такой знакомый, такой серый... М-да, бедный Аякс. Отбегался, мой хороший...

– Хлебните-ка. – У губ булькнула любезно поднесённая фляга. Курносый гусар всё понял без слов, да и как бы иначе? Гибель лошади для кавалериста – потеря друга, родного существа, его не заменишь... То есть заменишь, конечно же, куда денешься, вот прямо сейчас и заменишь. И ком в горле тоже проглотишь. – Чем же это нас так?

– Зарядный ящик на батарее рванул, вот и достало. – Курносый снова понял. – Вашего серого осколками... Он начал падать, а вас оземь знатно приложило. Ушиблись, не без того, хорошо, каска выручила, а так ни царапины!

– Каска? – Точно, помята, гребень сбит напрочь, зато голова цела... Вроде бы... Что ж, прощай, Аякс. Пять лет вместе были; с тобой пять, с Орлушей – шесть... А вот каркать не надо, хоть бы и про себя, – не ворона!

– Простите, не расслышал.

И хорошо, что не расслышал.

– Коньяк, поручик, у вас неплох...

– Не у меня, у Петра Ивановича. Так встаёте?

– Встаю.

* * *

Русская пехота шла в атаку. Изнывающей же кавалерии оставалось либо злиться, либо размышлять, и фон Шуленберг обдумывал происходящее, стараясь не позволить эмоциям ударить в голову. Вывод был очевиден. Тот русский начальник, что решился на атаку двумя полками против не менее чем дивизии, немножко сумасшедший, но он абсолютно прав, а вот стоящие на месте – нет. Ротмистр не отказался бы выслушать мнения майора фон Пламмета и полковника фон Зероффа, поскольку от высочайших особ мнения, судя по всему, ждать не приходилось, и это было прискорбно. Шуленберг видел, как фон Зерофф и русский генерал, вроде бы и не сговариваясь, смотрят на шефов своих полков, и не сомневался, что взгляды эти требовательны и жёстки, как сама война.

Русские знамёна уже спустились до середины склона, ещё немного, и дойдёт до штыков. Отличный момент для фланговой атаки, но принцы медлят, и виноват в этом русский. Наследник василевса старше Иоганна почти на десять лет, и, чёрт побери, это его пехоте сейчас нужна поддержка кавалерии.

Сбоку что-то сказали на чужом языке. По-русски Александер знал не так много слов, эти были ему незнакомы, но ротмистр предполагал, что может сейчас говорить быстрый кавалергард, который вчера так интересно рассказывал об османах и, как это... зербах, веселя весь бивак. Странная такая фамилия, Йан-га-ли... Как он говорит, восточные корни, а командиры полков, оба, уже почти кипят. Когда старина Зерофф так поджимает губы, он взбешён, да и русский... Мой бог, он же сейчас перчатки свои порвёт! В конце-то концов,

что его высочество Иоганн, что этот... сын василевса – они не командуют, а лишь при сём присутствуют. Понятно, придворный политес обязывает, но здесь не дворец и даже не плац, здесь сражение.

Фон Зерофф отчаянно рубанул воздух рукой, русский уставился на своего принца требовательным взглядом, свиты – обе – даже попятились, спрятавшись за спины высочайших особ.

Шуленберг так и не понял, что и как произошло, наследники по-прежнему сидели с застывшими лицами, а господа командиры вскакивали на коней. И долгожданное на два голоса:

– Трубачи!

Ну вот и славно, Шуленберг вместе с товарищами радостно-облегчённо рывкнул:

– Хох!

Поют трубы, зловеще шелестят обнажаемые клинки, и чёрные гусары трогаются с места. Застоявшиеся лошади, заводясь всё сильнее, рвутся вперёд, их приходится сдерживать, не позволяя ломать строй. Эскадроны ускоряются, набирают ход.

Шуленберг на левом фланге, совсем рядом правофланговые всадники русских. Поймав взгляд барона, салютует своим клинком Йан... тот самый Василий, и Александер отвечает старинным прусским приветствием. Неважно, что там решили наши принцы, а мы, приятель, идём в атаку. Вместе идём!

* * *

Барабаны мерно рокочут, и рокот этот, хоть и заглушаем непрерывной орудийной пальбой, добирается, как говорят солдаты, до самого «нутра». Военная музыка не просто так появилась, она придаёт решимости, помогает сделать первый, такой нужный шаг и уже не останавливаться и не оглядываться.

«Это как идти к барьеру, – повторял про себя Орлов, шагая под барабанный рокот по заросшему пыльной травой склону, – разве что чуть дольше. Это как идти к барьеру, только и всего!» В самом деле, так ли уж важно, сколько пуль в тебя метит, от судьбы не уйдёшь, но догнать её можно. Да, два помятых полка против дивизии – нонсенс, но сдавать Шляффхерде нельзя, а значит – вперёд, и пусть князь Арцаков сделает больше. Петру Ивановичу не впервой хватать Буонапартовых маршалов под уздцы, герой Калужина и перед самим императором не оплошает, лишь бы узнал вовремя... Сергей сделал ставку на то, что узнает.

Атаки сверху французы не ожидали и, увидев спускающихся им навстречу русских, на какое-то время замялись, а тут и артиллерия с полуразбитых редутов помогла, внезапно перенеся огонь с чужих батарей вниз, на подступающую пехоту. Ядра ударили в тесно сомкнутые ряды, пробивая в них кровавые просеки, убивая, калеча, разрывая тела на части. Это как идти к барьеру, Орлуша...

До врага две сотни шагов, даже меньше. Пожалуй, пора. Когда всё решено, когда ничего не остановить и не изменить, когда поздно передумывать, ты можешь быть только прав. Полковник вскидывает шпагу и оборачивается, на миг сталкиваясь взглядом с тёзкой-ординарцем:

– Вперёд, ребята! В штыки, дружно!

Озверевшие от стояния под ядрами ладожане переходят с мерного шага на быстрый, а затем и на бег, благо бежать вниз, и ударяют-таки в штыки. Сразу. Без выстрелов. Ружейный залп у французов выходит поспешным, с дальнего расстояния: всё же растерялись там немного командиры и слишком рано приказали палить. Свист проносимой мимо смерти, падающие с криком или же молча те, кому не повезло, частая-частая барабанная дробь, хриплое дыхание и редкая ругань. Ещё один залп, теперь уже почти в упор; десятки валятся под ноги сотням, но взятого разгона не остановить. На последних шагах – рёв из множества глоток, с криком легче бросаться на выставленные штыки, которые вот-вот обогрятся твоей кровью. Ур-р-р-ра! Опр-р-р-рокинем! Пр-рор-рвёмся! Ур-р-ра!

Синие и зелёные стены сходятся и словно вскипают мешаниной штыков, прикладов, киверов, медвежьих шапок, но это видят разве что облака и те, кто на холмах. Здесь, внизу, всё просто. Удар в живот, под скрещивающиеся на груди ремни, удар, после которого не выживают, выдернуть клинок, увернуться, когда сосед убитого попытается достать тебя, ударить снова...

– Вперёд, ребята! Вперёд!

Первые шеренги французов не выдержали яростно-отчаянного броска ладожан, дрогнули, показали спину, смешав порядок тех, кто шёл следом, но до конца опрокинуть всю линию не получилось. Надрывались трубы, барабаны и офицерские глотки, Буонапартовы ветераны-шрамоносцы хватали бегущих за шиворот и чуть не пинками заставляли повернуться, а снизу спешили на помощь своим гренадеры свежих батальонов. И вот вместо бурых ранцев на синих спинах перед глазами чужие озлобленные лица и вновь ищущие русской крови штыки – успех при первом натиске оказался впечатляющим, но недолговечным, да Сергей другого и не ждал. Смешали, опрокинули передовых, оттеснили от редутов, вынудили бросить в бой резервы – вон слева замелькали мундиры с красными отворотами, не было их сначала – уже хорошо.

– Рота, пали!

Как же теперь пригодился прибережённый заряд в стволе. Залп с десятка шагов, почти в упор, не очень стройный, зато ни одна пуля не пропала – первый ряд воодушевившихся синих словно уложило невидимой косой.

– Сбили французу ход! – заорал, пользуясь секундной передышкой, полковник. – Сбили, братцы! И дальше им спуска не давай!

Не давали. Штыки пронзали тела, приклады ломали, дробили кости и валили с ног, в ход пошли солдатские тесаки, а кое-где и кулаки, но всему бывает предел. Порыв русской пехоты сначала понемногу, а потом всё быстрее сходил на нет. Ладожане падали, французы прибывали.

– Сергей... Сергей Григорьевич!

– Что, Ельшин?

– Угреньцев справа обходят! – Так ли это и насколько страшно, в смертоносной суматохе не разберёшь, но ведь разумно же! Со стороны французов самое милое дело, а Колочков, увы, не Русский, может и растеряться. Полковник рванулся к угреньцам, и тут его ухо сквозь какофонию боя уловило нечто знакомое. Нет, он не ошибся, это трубы, родные трубы кавалергардского полка выводят «Атаку»... Братка Лев, и как же, чёрт бы его взял, вовремя!

* * *

Тяжёлые кавалергарды на своих мощных рослых конях шли в центре, гусарские эскадроны с обеих сторон обрамляли нацеленный на французский фланг живой таран. Всё как положено: кавалерия атакует на рысях, команду «Марш-марш!» дадут в ста шагах от неприятеля – чтобы сохранить строй и ударить разом. Уже скоро дадут.

Александр фон Шуленберг торопливо – больше времени не будет – утёр несчастные глаза и покосился на русских. Чего они медлят? Если сейчас не...

Звонко вскрикивает чужая труба, её призыв сливается с приказом прусских горнов.

«Марш-марш!»

Вот оно!

Русские разом переходят на просторный всесокрушающий галоп. Угнаться за могучими серыми скакунами трудно – у них просто ноги длиннее, да и сердце больше, они дольше не задохнутся, но барон Александр не желает отставать. Гейер – отличный конь с примесью восточных кровей, они справятся, ведь справятся, правда, дружище? Ветер бьёт в лицо и сдувает эти проклятые слёзы, гудит под ударами тысяч копыт земля, и всё громче храп прибавляющих ходу лошадей, серых и вороных. Они с Гейером идут почти вровень с

Василием, и они не одни такие. Многие, как и Шуленберг, хотят при столкновении оказаться рядом с русскими, многие рвутся вперёд, не все выдерживают... Гусары немного растянулись; собственно, так и должно быть – тяжёлая конница ломает строй противника, лёгкая гонит и рубит бегущих, если... когда те побегут.

Впереди вразнобой трещат выстрелы... хватит оглядываться, французы уже вот они! Думать некогда, бояться – тоже. Это пехота идёт в бой с криком, кавалерия налетает молча. Только гул разбуженной неистовым бегом земли и конский храп. Ну и лязг – сколько металла на лошадиной амуниции, сколько – на кавалергарде!

Пустое поле впереди сматывается грубым выцветшим сукном, синяя полоса растёт, распадается на фигуры с лицами, шапками, ружьями... Ага, не успели! Несущихся в атаку кавалеристов не встретила артиллерия, не перехватили драгуны, ну так получайте, господа! Что, не ждали от нас такого?!

Шедшие первыми русские буквально сносят, как весенняя вода запруды, начавший было перестраиваться егерский батальон, а вот уже и работа для гусарских сабель.

Хох! Форвертс! Александер рубил крест-накрест, по обе стороны лошадиной шеи, лезвие послушно рассекало человеческие тела и только раз обиженно звякнуло об умело подставленный ствол ружья – повезло этому стрелку, ну да ладно, нет времени топтаться на месте, вперёд! Синие фигуры разбегаются, чёрные, как карающие фурии, преследуют и убивают. Бой – это охота, празднество, пир!..

Шуленберг, ликуя, вместе со своим взводом пронёсся сквозь развалившийся французский строй, за которым металось нечто светло-зелёное. Вестфальцы! Ах вы ж подпевалы Буонапартовы... Явились, да? Почти на границу Пруссии? Так получайте!

* * *

– Господин полковник! Вашвысокобродь!

Орлов обернулся. Не выдержал, присвистнул не хуже Янгальчева.

Совсем близко неуклонно продвигалось вперёд императорское знамя – статный француз в расшитом золотом и залитом кровью мундире увлекал за собой плотно сбитый клин опытных, судя по их немолодым лицам, бойцов. Гренадеры, явно из тех, «Славнейших»...

– Я их останавливаю! Дозвольте.

– Отставить.

Остановит он... Ладожане не лейб-гвардионцы, а герой поручик Ельшин – не Байар Неистовый. Ты, впрочем, тоже...

– За мной, ребята! – Это опять просто, это опять как к барьеру... Хриплое «Ура!» за спиной, топот ног, справа и слева. Догоняют, такие-разэдакие, а француз-то у нас генерал! Надо же, схватка вождей, прямо как в старину! Представиться? Незачем.

Лязгнули, сталкиваясь, клинки, противник метнулся в сторону, норовя проколоть русскому бок. Не успел: может, споткнулся, может, кровь, заливавшая синий мундир, была не чужая, а своя – Сергея это не волновало, он просто хлестнул по подставленному плечу. И сразу второй удар, теперь уже в горло...

– Вашбродь!!!

Ненависть в чужих глазах и нацеленные в грудь штыки. Ветераны-гренадеры чуть-чуть не успели спасти своего командира, что ж, теперь они отомстят. Французы-то промешкали, а вот ординарец Сергей успел. Стволом ружья отмахнул в сторону два вражеских штыка и грудью принял третий. От четвёртого Орлов ушёл сам, отправив синего ветерана следом за его генералом. Подоспел Ельшин с наспех собранной полуротой, оттеснил французов, дав командиру короткую передышку – как раз закрыть тёжке глаза. Пресветлый ключарь не заметит подмены. Раба Божьего Сергея он встретил, а уж князь тот или солдат...

Полковник поднял мимоходом сорванный французским штыком медный солдатский крестик, сунул в карман. Вольнодумец Орлов существование Бога отрицал, но при чём тут

Бог?

* * *

У Николы Тауберта едва горло не перехватило от гордости за свой полк и за своих товарищей – они налетели так яростно и стремительно, с такой отчаянной отвагой! Неудержимо несущаяся лавина кавалергардов и чуть приотставшие, прикрывающие их с флангов эскадроны пруссаков. Белое и чёрное... Великолепное зрелище, вызывающее душевный трепет, а он – здесь, на холме, без бедняги Аякса и с фляжкой генеральского коньяка! В душе всё вскипело от чудовищной смеси восторга, обиды и досады, но восторга, потеснившего даже боль потери, всё же было больше.

Выстрелы и штыки не смогли остановить союзную кавалерию, и вот фланговые батальоны французов разбегаются, солдаты группами и поодиночке стремятся под защиту своих не попавших под удар и не потерявших строя товарищей. А тем уже не до обходов и не до Орлова – части, что должны были сокрушить русскую пехоту, разворачиваются и смыкают ряды, готовясь отразить новый натиск. Да, это тебе не австрияки, не баварцы и даже не лехи. Это Буонапарты французы! Ощетиненные штыками каре одной лихостью не возьмёшь, как бы ни хотелось. Атаке конец, теперь только ждать артиллерию и лейб-гренадер – личные резервы василевса, если не врут адъютанты князя, уже в пути.

Услужливый ветер доносит сквозь притихшую было канонаду зов трубы. Орлов-Забецкой не глупей своего штаб-ротмистра, он созывает кавалергардов назад, под знамёна, и не только он. Белое, чёрное, синее, светло-зелёное стекается в крупные капли, подаваясь в разные стороны.

Взгляд с болью отмечает на блеклой траве среди обильного синего снежные пятна знакомых мундиров. Не даром удалось остановить маневр французов, ох не даром! И пруссакам тоже досталось... А сейчас, похоже, им всем достанется ещё больше!.. Кто бы из маршалов Буонапарте здесь ни командовал, соображает он быстро, и вслед за пехотной из-за холма на поле выплёскивается вторая волна, на сей раз конная.

* * *

– Эгей, гусар! – прокричал вновь оказавшийся рядом Василий. – Руби их в песи! Ферштей?

Фон Шуленберг не понял и просто отсалютовал кавалергарду клинком.

– И то, – кивнул русский. – Вместе и жабу есть веселей! Не то что лягушатников!

Йан-га-ли-чефф, само собой, отлично изъяснялся по-французски – как и сам барон, но сейчас речь врага звучала бы издевательством.

– Да, – обрадовался знакомым русским словам Шуленберг. – Вместе! Веселей!

Мысль была шалая и по-настоящему гусарская, кроме того, она оказалась последней, потому что пришлось вновь идти в бой согласно диспозиции, которую в считанные минуты при виде брошенной в бой французской кавалерии сочинили господа полковые командиры.

На сей раз первыми на врагов – бодрых и чистых драгун – ринулись «чёрные гусары», налетели, закружили, разозлили и увлекли за собой. Под удар заново собравшихся в кулак русских. Василий с товарищами не сплеховали, их атака заставляла вспомнить о белых альпийских лавинах, столь же неудержимых и блистательных. Всё вышло просто великолепно, и сейчас барон Александер со товарищи увлечённо охотился на французов, брызгами разлетевшихся по полю. О, сей момент ротмистр чувствовал себя отменно, даже глаза не беспокоили. Гейер тоже был доволен, жеребец желал драки не меньше всадника, злостью и азартом напоминая... Василия. Восточная кровь свирепа и неукротима, но как же она хороша под седлом!

Единое целое – конь, всадник и смертоносная сталь, и это целое неумолимо настигает жертву, легко, даже изящно уклоняясь от чужой пули или клинка, чтобы в свою очередь

нанести верный удар. Что рядовой драгун, что ветеран-сержант, что молодой, безусый ещё офицер... они были храбры и хорошо обучены, но... удар, торжествующий визг Гейера, и очередной конь с опустевшим седлом уносится прочь.

– Сбор! – велит несносная труба. – Под штандарты!

Проклятье, всему хорошему обычно приходит конец. И гусарское приволье тоже закончилось – к угодившим в ловушку драгунам спешила подмога, и какая! Высокие красные гребни шлемов, блеск кирас... Отборная тяжёлая кавалерия, карабинеры – это *очень* серьёзно. И ещё драгуны, опомнились, умники, и теперь обходят, так и норовя захлестнуть тяжёлым крылом. Давайте, господа, давайте! У нас в этой игре отличные партнёры, так что мы тут сейчас разыграем новую партию, никуда вы от нас не денетесь! Как там говорил этот гвардеец восточных кровей: «Вместе есть веселей!» Сегодня у нас на обед французская кавалерия. Или наоборот...

* * *

Уже Ельшин с остатками первого батальона отправился выручать угреньцев. Уже Колочков сам привёл с полсотни человек заткнуть свежую прореху. Потом угреньцам и ладожанам стало одинаково скверно, но остатки двух пехотных полков всё ещё держались у подножия Шляффхерде. Обескровленные, лишившиеся почти всех офицеров, измотанные, но держались. Орлов уже не считал, сколько раз ему пришлось самому вступать в схватку, и ничего, жив оставался. Пара царাপин, разодранный мундир, сбитая пулей шляпа – судьба хранит, не иначе. Судьба и солдаты, берегущие командира пуще собственной жизни.

Справа, где-то там, за такими же жидкими порядками Угреньского полка, рубились кавалергарды. Из недр рукопашной кавалерии не разглядишь, трубы молчат, но раз французы до сих пор не обошли, не обскакали, не навалились своей конницей с тылу, значит, Васенька с Николой дерутся, и кто его знает, кому сейчас жарче.

– Передышку бы, – закопчённый, измазанный кровью Колочков хватается ртом воздух, – хоть коротенькую! Четверть часика бы!

– Подойдёт Арцаков, отдохнём.

Часы куда-то запропастились, а со временем сам чёрт ногу сломит вместе с рогами. Стрелки выпускают последние заряды, французы – не менее ладожан потрёпанные – даже не отвечают, быстро, почти бегом откатываясь назад и в сторону, открывая тех, кто идёт им на смену.

– Матерь ты Божия!

А что ещё скажешь при виде таких знакомых по книгам, по рассказам братьев высоких чёрных шапок с красными султанами, густых батальонных колонн, их сплочённых, ровных рядов. Считай, всё! Минут через пять, под рокот барабанов, подойдут своим мерным шагом.

– Ты, мил-друг Аникита, кажется, хотел передышку?

– Хотел... Знать бы, достаточно мы тут времени выгадали?

– Достаточно, – соврал, не моргнув глазом, Сергей. – Я по часам заметил.

– Тогда хорошо. – Колочков, задрав голову, глядел на вершину Шляффхерде. – Надо же, а батарея-то ещё палит, не всю её, выходит, французы снесли.

– Ну, значит, и мы будем также – пока не снесут.

* * *

Вот оно! Внизу, сдавив и русских, и пруссаков в своих сокрушающих объятиях, наваливалась Гвардия, уж её-то золотые значки Арцаков помнил отлично, ей был обязан до сих пор ноющей раной, лазоревой Арсеньевской лентой и титулом князя Калужинского.

Именно Гвардия по воле своего императора наносит решающий удар, когда силы противника уже связаны и ослаблены. Именно Гвардия, когда всё повисает на волоске, идёт в огонь последним доводом великого Буонапарте. Так было и в 1810-м, и в 1812-м, так будет

и теперь, уж в этом-то Пётр Иванович не сомневался, как и в том, что план Потрясателя Эуроп ещё не сорван, но уже очевиден. Появление Гвардии здесь и сейчас не может быть случайным и объясняет всё. Именно Шляффхерде избран для рассекающего союзную армию победоносного удара, прочие были лишь демаршем, дабы Кронид Антонович и кайзер Мориц перебросили резервы на фланги, и ведь-таки перебросили!

Так что низкий поклон полковнику Орлову, его брату-генералу, то ли вырвавшему у великого князя согласие на атаку, то ли обошедшему без оно, спасибо превеликое и прусским гусарам, выручили, черти чёрные, и до сих пор выручают, а выигранное время бесценно. К Шляффхерде вот-вот подойдут посланные василевсом резервы, там и гвардейская конная артиллерия, и гренадеры. С ними, Арцаков был уверен в этом, и Гвардию Буонапарту можно остановить, а то и опрокинуть. Главное – продержаться до их подхода, а это трудно, очень. Но можно и нужно! Ты бросил своих ветеранов сюда, император, ну так я постараюсь, чтобы шанса нанести нам новый удар у тебя не было.

Всё, чем располагал сейчас князь Пётр Иванович, это успевшими подтянуться частями своего корпуса – пехотными полками Володимерским и Желынским да Закаменским егерским. Это не составило бы и полной дивизии, но промедление становилось смерти подобно, а единственным выходом оставалась контратака. Сколько их было в его жизни, Арцаков не помнил, но допускал, что эта может оказаться последней. Впрочем, подобные мелочи его никогда не занимали.

– Княжевич!.. Денисов!..

Барабаны ударили тотчас. У Арцакова знали, как вступать в бой прямо с марша.

Тауберт услышал сигнал с редута: смотрел, стиснув кулаки, как уже почти в окружении рубятся однопольчане, белые мундиры вперемешку с чёрными прусскими, а вокруг них – чужая синь. Решение пришло даже как-то и без мыслей – ноги сами понесли к знамени володимерцев, а рука схватилась за наконец дождавшийся дела палаш.

Один из адъютантов, вроде Княжевич, с несчастным лицом отдал честь князю и бросился к лошадям, и штаб-ротмистр без колебаний занял освободившееся место. Пётр Иванович заметил, кивнул. Двенадцать лет назад при Калужино он вёл вперёд конницу, тогда это спасло армию, позволило свести битву вничью, а что сейчас?

– Господа, – Арцаков голоса не повысил, только обнажил шпагу – неуставную, старого образца, – говорить вам про долг, честь и славу отечества времени не имею. Вы чувствуете то же, что и я. Иначе в сей день и час немыслимо. Вперёд!

* * *

Вперёд, навстречу вражеским залпам, в клочья рвущей тела картечи и штыкам французских гвардейцев, и в мыслях не держащих, чтобы отступить. Вперёд!

Они ещё не знают, что эта их атака по большому счёту положит конец эпохе. И уж точно никто не может сказать, что Буонапарте ещё не самое страшное. Что со вторым и окончательным падением Потрясателя Эуроп на победителей отнюдь не снизойдёт многолетнее безмятежное счастье. Напротив.

Сколько подвигов осталось бы несвершёнными, знай свершившие их об идущих следом умниках-мародёрах? Или не изменилось бы ничего, и кровь за други своя всё равно была бы отдана, ибо для вставших на пути врага нет «завтра», а лишь сегодня.

Штаб-ротмистр Тауберт печатает шаг рядом со спускающимся по склону Арцаковым, на ходу прикидывая, как ловчей прикрыть князя собой. Ротмистр фон Шуленберг наспех перематывает выдавшим виды платком окровавленную руку Василия. Бледный, как пороховой дым, русский смотрит на схватку пехоты и что-то шипит сквозь прокушенную губу. Полковник Орлов выдёргивает шпагу из тела синего гренадера с нашивками за русский поход и оборачивается к новому противнику. Его василевское высочество великий князь Севастиан Кронидович облегчённо переводит дух – курьер от отца привёз приказ незамедлительно атаковать. Принц Иоганн снимает с шеи орденскую цепь и возлагает на

плечи раненого фон Зероффа. Солнце стоит ещё высоко, но разглядеть его сквозь клубы порохового дыма не проще, чем будущее.

Глава 1

Анассеополь, столица Российской Державы

2 сентября 1849 года

Единственная здоровая основа великого государства есть государственный эгоизм, а не романтика, и недостойно великой державы бороться за дело, не касающееся её собственного интереса.

**Отто-Эдуард-Леопольд
фон Бисмарк-Шенхузен**

Подражайте русским, для них нет ничего невозможного.
Карл XIV Юхан Бернадот

1. Дворцовая площадь

Сентябрь ещё не вспыхнул жёлтыми и багряными пламенами осенних листьев, но день выдался уже по-осеннему прохладным и хмурым. Дремотно застыла Ладога, великое озеро, вольно раскинувшееся на сотню вёрст; далеко отсюда до Новограда Великого, ещё дальше – до Володимера, старой русской столицы. Окраина, когда-то – забытая глухомань.

Ныне же – там, где незримый меч разрубил озёрный берег, дав начало речному руслу, широкому и короткому, что соединяет Ладогу с Балтийским морем, – встал город. Строили не на гнилых болотах невской дельты, но на прочных каменных плечах древней земли; а морским кораблям нетрудно подняться по глубокой и медленной реке хоть бы и против течения. Наготове и бурлацкие артели, коли случится совсем уж противный ветер или какая ещё напасть.

Велик Анассеополь, вольно раскинулся он по красногранитным берегам Ладоги – скалы обтесали, превратив в широкие набережные, а оставшихся после этого плит хватило одеть камнем и невский исток.

В самом сердце города, перед Бережным дворцом василевсов, – просторная строгая площадь, вымощенная всё тем же красноватым гранитом. Её обняло крыльями летучих колоннад здание Генерального Штаба; в середине – колонна, увенчанная статуей преклонившего одно колено воина. Колонну возвёл василевс Кронид Антонович, отец нынешнего хозяина Державы, в честь отражения нашествия двенадцати языков. Кронидов столп высится здесь уже три десятилетия, так что даже потомственные анассеопольцы не мыслят города без него. Сейчас колонну окружил плотный строй – пять сотен барабанщиков не сводят глаз с готового взмахнуть жезлом тамбурмажора.

По краю площади застыли прямоугольники гвардейских полков, сверкающие золотом и серебром парадных мундиров; их роскошные шеренги перемежаются рядами более скромной армейской пехоты, стрелками отдельных штуцерных батальонов, артиллеристами, пионерами¹... Стоят тут и всадники – во всём великолепии развернулись лейб-гвардии Конный и Кавалергардский полки, краса и гордость русской гвардии, кирасы горят на нежарком солнце – тучи собираются, собираются и всё никак не могут решиться вконец заслонить стремящееся к зениту светило.

На высоком крыльце, окружённые эскортом из роты дворцовых гренадер, – дипломаты, прибывшие в Анассеополь со всех краёв земли; были тут даже посланники заокеанских федератов с конфедератами, хотя, казалось бы, где Россия и где оные Америки? И по тому,

---

¹ Имеются в виду сапёрные части, инженерные войска.

кто возле кого стоит и кто с кем шепчется, можно с совершенной достоверностью воссоздать всю карту большой *realpolitik*.

Как всегда, рядом, чуть ли не под руку, послы английский и французский. Оно и понятно, их державы со второго и последнего падения великого Буонапарте неразлей-вода. На первый взгляд. Пихаются исподтишка локтями, но пихаются по поводам благородным, весьма понятным: тарифы, пошлины, колонии... Сие на публику не выносятся, и французский посланник маркиз де Севра любезно кивает английскому коллеге лорду Грили. Как можно не соглашаться, когда речь заходит о смехотворных притязаниях русских встать вровень с просвещёнными и разумно управляемыми державами?!

Не позабывший обменяться изысканно-вежливыми поклонами и исполненными яда улыбками с французом пьемонтец избрал в собеседники подтянутого пруссака в золотом пенсне и его традиционных спутников – баварца и ливонца. С послом наполеоновским вполне мирно, несмотря на совсем недавние распри, беседует весёлый, будто не в его стране никак не закончится очередная гражданская война, испанец. Австрияк граф фон Вертхофен-Майссл унд Литтиц собрал вокруг себя кучку германской мелочи, «нейтральные» – свей, швейцарец, голландец и дан – оживлённо, насколько позволяют национальные темпераменты, обсуждают русскую псовую охоту, важный осман счёл уместным присоединиться к высокому худому янки, а быстрый коренастый конфедерат словно в насмешку завладел вниманием изысканного персиянина.

И совершенно наособицу, не примыкая ни к тем, ни к этим, стоит посол сербский. Он, единственный из всех, носит не сюртук, не мундир своей страны, но форму русской службы. Положенной по уставу каской старый соратник Вука Кириаковича пренебрёг, и ладожский ветер треплет совершенно седую гриву волос. Его собственных – не парик и не накладку.

Послы негромко переговариваются, косясь на невозмутимых солдат в парадной форме. Усатые гренадеры молчат, а дальше, за чугунной оградой, толпятся анасеепольцы всех сословий; висят на столбах и деревьях вездесущие мальчишки. Четверо господ в цилиндрах коротают ожидание за спором о высоких материях. Степенный купец поглядывает на часы с массивной, червонного золота цепью, но не уходит – государев выезд не каждый день увидишь. Стайка семинаристов пытается пробиться поближе к решётке; серьёзный художник раскрыл альбом, делает торопливые наброски карандашом. Удивительно красивая женщина опирается на руку дурно скроенного молодого человека с чеканным профилем, на неё смотрят чуть ли не все оказавшиеся поблизости мужчины, а неизвестная напряжённо вглядывается в устье вливающейся в площадь улицы. Ждёт. Ждут все – обыватели, барабанщики, замершие в шеренгах войска, иностранные послы, а за Бережным дворцом, как тысячелетия назад, бьются в берега хрустальные ладожские волны.

* * *

Граф Александер фон Шуленберг, посол его величества кайзера Иоганна, любил Анасееполь, как бы странно ни звучало это для коллег по дипломатическому корпусу. Он никогда не открыл бы своё сердце пёстрому и яркому, невзирая на древность, Володимеру, но суровый и чёткий город на берегу великого озера пруссаку нравился, хоть он в том и не признавался. А вот свою неприязнь к Англии дипломат скрывал со всё большим трудом, и тянулась та ненависть из-под Зульбурга.

Тогда с триумфом водворённый на трон очередным парижским переворотом Буонапарте вновь обнажил меч. Вынужденно, но загнанный волк много опасней вышедшего на охоту. Увы, французские Бурбоны и в самом деле ничему не научились; вернувшись, они принялись насаждать уже однажды стоившие им короны порядки, после чего взбунтовавшийся народ и призвал низложенного было императора. Замок Святого Ангела услужливо распахнул свои двери, запертый в нём демон вырвался на волю. Теперешний посол граф фон Шуленберг не отказался бы узнать, как подобное стало возможным, тогдашний гусарский ротмистр барон Александер и не думал удивляться – ведь это же

Буонапарте!

Императору удалось оседлать революцию и даже направить её бег, но ни остановиться, ни сойти он не мог. Франция делалась опасной даже не вновь собранной армией, хотя недооценивать её было бы безумием. Главную угрозу несли Буонапартовы кодексы и дурной, но привлекательный для неокрепших умов пример. Война была неизбежна, и она вспыхнула. Поводом стало возвращение Империей Пьемонта.

Англия, Австрия, Испания и Пруссия объявили узурпатору войну, к ним присоединилась Саксония, но в западногерманских землях на Рейне и Дунае зрело недовольство, а в испанские колонии Буонапарте направил армию для поддержки инсургентов. Ускользнув от британского флота, экспедиция успешно высадилась в Ла-Плате. Успех сопровождал императора и в Европе, но лишь пока верный договору с Пруссией русский василевс не вступил в войну. Вопреки советам своего канцлера и патриарха.

Был заключён очередной Союз, но англичане не спешили переходить от газетных сражений к стали и пороху, а годы Реставрации не сделали Буонапарте худшим полководцем и французов – худшими солдатами. Подкреплённая русским корпусом австрийская армия была разбита, и Потрясатель Эуроп двинулся дальше. У Зульбурга его встретили главные силы пруссаков и русских. Был там и Александер фон Шуленберг.

Даже сейчас пруссак вспоминал зульбургское побоище с содроганием. У союзников был некоторый перевес в численности, у французов – энергия Буонапарте и лучшее управление армией. К полудню всё повисло на волоске: корпус князя Арцакова и два конных полка – прусские чёрные гусары и русские кавалергарды – приняли на себя главный удар, сшиблись с самой императорской Гвардией, однако выдержали. Такое не забывается, даже если на то есть приказ, и бывший ротмистр до сих пор видел во сне истоптанную траву, горы людских и конских трупов, разбитые орудия. К вечеру армии остались на исходных позициях, но Буонапарте всё же сдал... Или решил исправить давнюю ошибку. В 1812 году, после чудовищной битвы при Калужине, император, сочтя «обладание полем боя» за истинную победу, пошёл вперёд, на Володимер, проиграв не только войну, но и трон; теперь же с юга угрожали зашевелившиеся австрийцы, подпевалы из Рейнского союза становились ненадёжны, и Буонапарте начал отход к Рейну. Именно там его и застигла новость о высадке в Голландии англичан со свеями.

Англо-свейско-голландская армия подошла к Парижу. Часть командиров резервных корпусов то ли изменила, то ли проявила преступную нераспорядительность, и столица пала. Взбешённый император передал командование единственному ни разу не предавшему его маршалу, велел удерживать линию Рейна до конца, а сам с Гвардией и частью кавалерии бросился отбивать столицу. Там, однако, уже сидело сформированное Сенатом правительство, которому один за другим присягали переметнувшиеся военачальники. К Буонапарте присоединились лишь несколько батальонов, и он был разбит.

Повторному плену император предпочёл смерть. Или не предпочёл... Слухи ходили противоречивые, но самозванные преемники Потрясателя Эуроп подписали сепаратный мир. Англия объявила себя победительницей и извлекла из своего положения все возможные преференции. В берлинских кабинетах этого если не простили, то учли в очередном роббере бесконечной политической игры, а вот рубившийся под Зульбургом ротмистр оказался злопамятней и нынешнего министра иностранных дел, и самого кайзера. Такова была фамильная черта фон Шуленбергов. Бароны, а с недавних пор графы могли молчать годами, могли, посадив ненависть на украшающую родовой герб цепь, пожимать врагам руки и ждать своего часа. Граф Александер, из-за глазной болезни покинувший военную службу и вступивший на дипломатическое поприще, ждал, уверенно поднимаясь по карьерной лестнице, что в конце концов привела его на крыльцо дворца русских василевсов.

Коллеги-послы негромко переговаривались, косясь на невозмутимых солдат в парадной форме. Лорд Грили не удержался и принялся рассказывать прибывшему весной французу, как ужасно выстаивать анассеопольские парады зимой, причём на здешних двуногих медведях ничего, кроме обычных мундиров, нет. Француз смотрел кисло – в русской

трагедии Великой Армии всё настойчивей обвиняли генерала Мороза.

Шуленберг поклонился и отошёл, будто бы разглядывая выстроившиеся войска – зрелище, милое сердцу любого пруссака, а над площадью реяли те же знамёна, что некогда рвал зульбургский ветер. Это настраивало на сентиментальный лад, что было и неуместно, и несвоевременно: сегодняшней, пришедшейся на двадцать вторую годовщину неудачного мятежа смотр вызвал в дипломатическом корпусе некоторую растерянность. Это могло быть как ответом василевса на высказанное Брюссельским концертом¹ настоятельное пожелание воздержаться от вторжения на Балканы, так и предостережением недовольным, превратившим в идолов свободы убийц – да-да, именно убийц. Утром фон Шуленберг заехал в кирху – почтить память сражённого пулею смутьяна князя Арцакова. Его граф Александер почитал величайшим из героев Третьей Буонапартовой, что бы ни писали сейчас английские, французские и – это было особенно печально – прусские газеты.

* * *

Огромная площадь, тысячи солдат на ней, пёстрая толпа народа за строем гвардионцев – и всё это вдруг вздохнуло, ожило, хотя в вымуштрованных полках никто не шелохнулся.

Резко бросил жезл вниз тамбурмажор, и пять сотен барабанщиков грянули торжественную «Встречу». Им вторили конные трубачи, а в распахнувшихся дворцовых воротах появилась небольшая кавалькада.

Впереди всех, на белом аргамаке, оперев левую руку в бок, ехал высокий человек в тёмно-зелёном мундире лейб-гвардии Егерского полка, с одним-единственным Георгиевским крестом на груди. Государь-василевс Арсений Кронидович. На половину конского корпуса отставали двое кавалергардов с палашами наголо; за ними – свита, небольшая, как и всегда, лишь пятеро самых доверенных и близких.

Сразу за василевсом следовал молодой майор Конного лейб-гвардии полка – две звёздочки на витом золотом эполете. И любой хотя бы раз видевший Арсения Кронидовича, взглянув на породистое, упрямое лицо высоченного конногвардейца, тотчас признал бы в нём наследника престола. Подобно отцу, великий князь Севастиан Арсениевич носил одну-единственную награду, и даже не офицерскую – солдатскую медаль «За храбрость». В комментариях к новому «The Royal Almanac» всезнающая лондонская «Дэйс» сдержанно сообщала, что русский наследный принц отличается таким же упрямством, несдержанностью и невосприимчивостью к доводам разума, как и его венценосный отец.

По правую руку от великого князя картинно сдерживал серого в яблоках жеребца военный министр Орлов. Любимец армии, женщин и фортуны, он, в отличие от владыки Державы и его старшего сына, сверкал многочисленными орденами. Таков был порядок, учреждённый ещё великой Софьей: члены правящей фамилии носят лишь награды, полученные за личный подвиг, никак не за «пребывание при штабе» хоть бы и победоносной армии. Свитским же ношение всех орденов было строго обязательным, и *этому* правилу Орлов следовал неукоснительно; впрочем, стань вдруг Сергей Григорьевич василевсом, число надеваемых на парад звёзд и крестов уменьшилось бы не слишком.

Свободно владеющий почти всеми европейскими языками Орлов в молодости долго жил в Англии и даже прослушал курсы экономики и философии, что не помешало ему отвергнуть рекомендации Брюссельского концерта о роспуске казачьих частей, признанных международным арбитражем игнорирующими законы и правила цивилизованной современной войны. Министр объявил, что готов разговаривать о русских казаках лишь после расформирования французского Иностранного легиона, частной армии английской Восточно-Индусской компании и наёмной германской дивизии генерала фон Пламмета. Именно тогда «Дэйс» с горечью констатировала, что образованный варвар остаётся

---

¹ Совокупность дипломатических представительств великих держав, сформированная для «поддержания всеобщего мира» после окончания Буонапартовых войн.

варваром, но становится много опаснее.

Слева от наследника важно выступал вороной Василия Янгальчева, министра Двора и товарища василевса по детским играм. В юности бретёр и забияка, Василий Васильевич, вступив в должность, никогда и нигде не сказал ни слова сверх напечатанного в официальных формулярах; обожая пари, балы, застолья и дорогие вина, не выболтал ни единого секрета, и даже из его умолчаний ничего не удавалось извлечь.

Поравнявшись с «посольским» крыльцом, министр Двора приветствовал одного лишь серба. Тот улыбнулся в ответ, кланяясь, как предписывал этикет, однако улыбка предназначалась не придворному – другу: Янгальчев не раз гостил у Вука Кириаковича, когда тот был ещё жив, а перед Валашской кампанией даже хаживал с сербскими четниками по османским тылам. Об этих экспедициях «Дэйс» в своё время тоже немало писала, в подробностях повествуя о леденящей душу славянской жестокости.

Рядом с Янгальчевым, сохраняя на лице приличествующую каменную маску, ехал командир Гвардейского корпуса граф Фома Гагарин, знаменитый тем, что, услышав эпиграмму про «вальсирующих на паркете» гвардейцев, настоял на том, чтобы вверенные ему полки в очередь проходили бы службу на Кавказе, и отправился туда первым, поступившись старшинством и чином. Лазил на кручи Ведено, лично дрался на саблях с мюридами самого святого имама Газия – правда, в тот раз непримиримому ещё вождю воинов Пророка удалось ускользнуть.

Ну а сзади, на раз и навсегда определённом месте, рядом с молчаливыми кавалергардами конвоя, слегка покачивался в седле крепко сбитый человек, наводивший ужас чуть ли не на весь посольский корпус. Да что там посольский корпус! Этого всадника боялась вся Европа. Граф Николай Леопольдович Тауберт, шеф Жандармской стражи, «кровавый сатрап и душитель свобод», как именовали его при многих просвещённых дворах, не говоря уж о газетах. Светлые волосы, волевой подбородок, жёсткий и прямой взгляд – граф Тауберт шутить не любил. Его тайные агенты – не далее чем вчера напомнила своим читателям «Дэйс» – проникают повсюду, подслушивая, подсматривая, перлюстрируя. Лорд Грили не удержался – покачал головой: вспомнил недавно высланного из русской столицы любознательного литератора. Автора вчерашней статьи. Разумеется, англичанин послал графу Тауберту наиприятнейшую и наилюбезнейшую улыбку. Всё шло как всегда – те же лица, в том же порядке. Не о чем отписывать начальству, строя замысловатые конструкции и спекуляции на тему тайной борьбы в окружении василевса. Вот если бы кто-то из всегдашних сподвижников василевса не появился в государевом выезде или поменялся бы с кем-то местами...

Послы и атташе переглядывались. Барабанщики всё ещё выбивали «Встречу», а народ, не скованный никакими уставами, во всю глотку кричал «ура!», да так, что с небес падали оглушённые галки. Большинству стоящих на дворцовом крыльце дипломатов делалось как-то не по себе, когда этот варварский клич сотрясал стены.

* * *

Восемь всадников медленно и торжественно выезжали на середину площади. Наконец они остановились, и барабанщики тотчас оборвали дробь.

Конные лейб-гвардейцы вскинули трубы, над гранитами пронеслось торжественное «Слушайте все!».

Всадник на белом аргамаке поднял правую руку. Тотчас стихли крики, охваченное колоннадами пространство словно затопила тишина. Василевс медленно и неспешно развернул свиток, привстал в стременах, и над площадью разнёсся сильный низкий голос, слышимый во всех её углах, будто в древнем амфитеатре.

– Любезным верноподданным Нашим известно, какие притеснения испытывают с давних пор наши братья по вере, живущие в пределах Ливонских. Оказавшись под властью иноверных, всё, чего хотят братья наши, – это

сохранить веру свою, в чём Мы всегда оказывали им всяческое содействие. Но содействие Наше оставалось мирным. Мы увещевали и просили, умаляя гордость Державы Нашей, ради того чтобы власти предержавшие прекратили бы гонения на братьев наших по вере.

В течение многих лет Мы вели переговоры, дабы обеспечить достойное положение ливонских вернославных мирными путями. Но ни дипломатические настояния, ни долгие переговоры и конференции не привели ни к чему. Чувствуя за спиной враждебную России волю иных держав, герцог Ливонский почёл за лучшее ответить Нам пустыми отговорками, оставшись твёрд в зломерном устремлении своём и дальше чинить неоправданные обиды и притеснения братьям нашим.

Но превыше всего для Нас было сохранение крови и достояния Наших верноподданных: всё правление Наше стремились Мы избежать военной грозы, и, благодарение Господу, долгие годы для Российской Державы сохранялось благословение мира. Не подымая меча, стремились Мы оказать помощь тем, кто с последней надеждой взирал на восток, в сторону Престола Нашего.

Но настал час, когда Мы должны сказать, что миролюбие и терпение Наши исчерпаны до дна. Высокомерное упорство властей Ливонских вынуждает Нас приступить к действиям более решительным. Того требует честь и достоинство России и всего народа русского. Силой оружия предстоит доблестным войскам Нашим добиться того, чего не смогли Наши миролюбие и добронравие. Проникнутые убеждением правоты своего дела, Мы, в смиренном уповании на волю Всевышнего, сим объявляем верноподданным Нашим, что отдан приказ войскам Державы Российской встать у ливонских рубежей. Тем даём Мы последний шанс герцогу Ливонии одуматься и вернуться на путь, предначертанный для нас Всевышним, путь кротости и милосердия к тем, кто Его волею проживает под тем или иным скипетром.

Если же и это, последнее, предупреждение не окажет должного действия, то войска Наши получают приказ перейти границу, принудив власти Ливонские подписать Указ о Равноправии.

Дано в Анассеополе, сентября 2-го дня, лета от Рождества Христова 1849-го, царствования Нашего в 19-е.

Арсений.

Василевс аккуратно свернул свиток, не глядя, протянул назад наследнику. Командир гвардионцев подал коня вперёд:

– Парад, слушай мою команду!..

Вновь грянули барабанщики, и, словно испугавшись катящейся через весь Анассеополь раскатистой барабанной дробы, поспешно разошлись осмелевшие было в последние минуты тучки. Проглянуло солнце; Кронидов столп осветился с вершины до подножия, вспыхнула начищенная бронза коленопреклонённого воина на нём, и точно так же вспыхнули кирасы кавалергардов с конногвардейцами. Русские полки, поворачиваясь с немыслимой, на первый взгляд невозможной чёткостью, печатали шаг через площадь, вслед за проплывающими знамёнами.

Лорд Грили расправил плечи, глядя на марширующие шеренги с хорошо отрететированным для подобного случая пренебрежительным прищуром. Мол, в шагистике-то вы хороши, спору нет, и с Буонапарте вам повезло, а вот если дойдёт до дела *сейчас*? Француз напряжённо разглядывал в лорнет неподвижную свиту василевса. Австрияк многозначительно улыбался – намекал, что именно этого-то он и ждал. Любопытный испанец, не скрываясь, любовался роскошным зрелищем – дела ливонские и даже прусские Толедо не задевали никоим образом. Осман возвёл глаза к северному небу – благодарил своего Аллаха. Лицо серба бесстрастностью могло сравниться разве что с лицом персиянина и... графа фон Шуленберга.

Полки шли. Василевс, наследник, свита отдавали честь каждому проплывавшему мимо

них знамени. Казалось бы, всем одинаково – однако, когда, возглавляемый огромным подполковником, двинулся стрелковый батальон, отличавшийся от прочих армейцев и даже гвардии блестящими штуцерами, василевс чуть заметно улыбнулся.

Это было его детище – созданные высочайшим повелением двенадцать лет назад отдельные батальоны, куда набирали охотников-добровольцев и платили им приличное жалованье. Штуцерные части далеко не во всём походили на обычные армейские. Сюда направляли отличившихся, лучших офицеров, кого раньше определили бы в гвардию или, на худой конец, в артиллерию. Давали свободу и командирам, учили не шагистике, а стрельбе и не жалели огневого припаса. Для них государь, не скупясь на расходы, заказал у американских федератов невиданные штуцера, заряжающиеся с казённой части¹. Баловались такими богатые охотники на крупного зверя, каждое ружьё стоило как десять обычных, министр финансов граф Юмин, говорят, кровавыми слезами плакал, чуть не на коленях умоляя василевса «не пускать на забавы достояние государственное», но дело того стоило. Мало того что били они на тысячу двести шагов и опытный стрелок выпускал в минуту чуть ли не десяток пуль, их можно было заряжать лёжа, не стоя во весь рост под вражеским огнём.

Затею государя не приняли очень и очень многие. Что ж такое?! Пехота «приучится только стрелять, не станет давить штыком», «где столько патронов взять да как их в бою пополнить?», а если «пулям кланяться да на брюхе перед ними ползать», то что сотворится с духом воинским? Герой Калужина и Зульбурга князь Булашевич от расстройства аж в отставку подал. Отставку министр Орлов принял без возражений, а штуцера были закуплены даже в большем, чем изначально предполагалось, количестве. Василевс уступил лишь в одном: оплатил весь заказ не по военной статье, а существенно урезав содержание Двора. Остряки потом года три шутили, что фрейлинам придётся штопать чулки, словно коллежским асессоршам.

Конечно, много таких батальонов быть не могло. Смогли создать всего девять, семь по числу постоянных армейских корпусов и два для Капказа.

И Югорский батальон, формально именуясь «2-м отдельным стрелковым», слыл лучшей штуцерной частью русской армии. Частью, куда сам государь наведывался на учения, да не с парадными прохождениями, а с долгой пальбой в цель.

Шагали шеренги, музыканты начали новый марш, и граф фон Шуленберг нервно протёр золочёное пенсне. Играли «Славу Зульбурга», и у пожившего, повидавшего многое, очень многое дипломата сжимались зубы и каменели скулы, хотя, говоря по чести, прусскому послу сейчас следовало не тонуть в прошлом, а спорить с будущим.

Хорошо идут... не идеально, но хорошо, с душой, с охоткой. И штуцера... В прусской армии стрелков много, его величество Иоганн пристально следит за армиями и оружием; а вот кроется что-то в этих разноростых жилистых русских, охотниках в бог весть каком поколении.

Югорцы прошли, уступив место лейб-гвардии Ивановскому полку. Светило солнце,

---

¹ Это отнюдь не выдумка авторов. Такие штуцера действительно существовали и состояли на вооружении некоторых стран, например Норвегии, – «kammerloder». Массовым оружием они не стали из-за исключительно высокой дороговизны и сложности в производстве. Принцип основан был на том, что короткая задняя часть ствола поднималась вверх, и зарядание осуществлялось в поднятое «короткое дуло» так же, как и в обычное дульнозарядное ружьё. После чего снаряжённый казённый опускаясь вровень с основной, длинной, частью ствола, прижимался к нему эксцентриком с рукоятью. Оружие требовало тщательной и кропотливой обработки поверхностей, точной пригонки деталей для исключения прорыва пороховых газов между стволом и подъёмным казёнником. Такие штуцера существовали с конца XVIII века (винтовка Фергюсона), усовершенствованный вариант – штуцер Холла – состоял на вооружении армии США с 1819 года. Норвежский «kammerloder» был принят на вооружение с 1842 года. Для тех, кто интересуется, «как же такое оружие работало в действительности», авторы могут порекомендовать видео: www.youtube.com/watch?v=OvRzIYyn_bc. Следует учесть, что показаны «полигонные» условия, в бою в казённый зачастую просто помещался целиком бумажный патрон. Бумага пропитывалась нитратом калия для лучшего сгорания. Эти ружья действительно обеспечивали очень высокую по тем временам скорострельность.

ряды солдат отбрасывали короткие полуденные тени. Щурились от ярких лучей потрясённые дипломаты – вечером их ждал особый приём у василевса, а потом – спешное составление, шифрование и передача донесений. Каков пассаж, господа, каков пассаж! Эта Россия почти готова бросить свой меч на чашу ливонских весов – зачем?! И чем это обернётся? Чем ответят европейские кабинеты и прежде всего Пруссия, под защитой которой и состоит означенная Ливония, ценная разве что своими салачными приисками да географическим положением, удобным для вторжения в русские пределы?

2. Ресторация Танти

Огромного подполковника, во главе югорских стрелков дефилировавшего через Дворцовую площадь под пристальным взглядом василевса, звали Григорий Сажнев.

Похожий на медведя, с мощной нижней челюстью и глубоко посаженными тёмными глазами под выдавшимися далеко вперёд надбровными дугами, Сажнев играючи ломал подковы и скручивал в трубочку медные пятаки. Мог и пару гвоздей завязать узлом. Батальонные умельцы, что строили подполковнику сапоги, с гордостью клялись, что второй такой ноги – «медвежьей лапы» – не видали.

Уроженец вятской глухомани, подполковник с равной уверенностью чувствовал себя в бою, на марше и на биваке, но «столицы» недолго любил. К оным же командир югорцев причислял не только Анасееполь, но и все города, где от нечего делать фланируют по улицам, разъезжают по балам да театрам и сидят по новомодным ресторациям. То, что путь Сажнева лежал именно в ресторацию Танти, что на углу Большой Гвардионской и Барабанного переуллка, настроения отнюдь не улучшало.

На Ладожской перспективе Григорию бывать доводилось не так чтобы часто, и не сказать, что он так уж желал бы видеть её и впредь. Подполковник хмуро взрезал столичную толпу, изрядную часть которой составляли чиновники в зелёных вицмундирах. Давно закончился парад, шёл четвёртый час пополудни, и югорец уже опаздывал на встречу, назначенную полковником Росским, нынешним командиром полка гвардейских гренадер и товарищем по Капказу, одним из немногих анасеепольских знакомцев.

Сдружившись на Зелёной линии, когда гренадеры и стрелки не выходили из стычек и боёв, Сажнев и Росский по возвращении в Россию ещё не встречались. Подполковник со своей югрой не вылезал с батальонного стрельбища да из приладожских лесов, Росский же оставался в кругу службы и семьи – последней Григорий так и не обзавёлся. Разумеется, Сажнев не пытался возобновить дружбу с гвардионцем, которому оказывал протекцию сам военный министр; в конце концов Росский разыскал югорца сам, передав с памятным по капказской Зелёной линии денщиком Фаддеем приглашение отобедать. Сажнев, не подумавши, брякнул, что будет, о чём сейчас истово жалел, неуклонно пробиваясь к неприятной цели. Гвардионская улица полностью оправдывала своё название, и, ловя на себе любопытные взгляды золотопогонных поручиков, подполковник всё больше мрачнел, что немало усиливало его сходство с медведем. Затея была глупой с самого начала. Будь Фёдор Сигизмундович в расположении вспомнить их товарищество, пригласил бы Сажнева в дом, познакомил с семейством, а тут... Вроде как городовому на праздник водки в сени вынести.

– Ваше высокоблагородие! – Денщик Росского Фаддей, лёгок на помине, выскочил из изукрашенной двумя пузатыми вазами арки, как чёртик из табакерки. – Григорий Пантелеич! Так-от и знал, что с разгону проскочите... Тут это. Во дворе, значит...

– Тут? – Югорец уставился на вазы, как на подлежащий штурму горный аул.

– Так точно, – охотно подтвердил денщик. – Офицеры гвардиёвские, из пехоты которые, тут всегда кушают, а напротив и наискосок – ресторация Борелли, там всё больше кавалергарды с конногвардейцами. Вы уж, Григорий Пантелеич, не обессудьте, что не на квартире принимаем. Вовсе худо у Фёдор Сигизмундыча с супругой... Как отказался к Сергию свет-Григорьичу в министерству пойти, так и худо.

Сажнев кивнул, на душе сразу потеплело. Что такое «худо» в доме, он помнил отлично,

спасибо, отчим сбагрил пасынка в кадетский корпус учиться на казённый кошт, и дважды спасибо чиновнику-мздоимцу, загнавшему не имевшего ни денег, ни протекции прапорщика на Капказ заместо купеческого сынка Пивоедова. В гарнизоне Григорий от тоски взбесился бы, на Капказе он к тридцати годам выбился в подполковники. На Капказе он обрёл «своих» югорцев!

– Сюда, барин. Сейчас вас проведут, человек то есть проведёт... Нам-от, нижним чинам, в ресторации ходу нет, а вам – в кибинеты...

«Человек» – вертлявый малый, которого так и тянуло взять за шиворот и потрясти, – увлёк подполковника за собой в слитный, приглушённый гул, откуда, будто рыба из озера, выплёскивались то заглушённые коврами шаги прислуги, то звон серебра, то хлопок вылетающей из горлышка пробки и возбуждённые голоса.

– Ваше высокоблагородие, прошу покорнейше. – Вертлявый распахнул дверь, и навстречу Сажневу с тёмно-красного дивана поднялся офицер в мундире гвардейских гренадер. Высокий и плечистый, с мягким, обманчиво спокойным и даже вроде как не очень волевым лицом, Фёдор Русский был не из тех, на кого сразу обратишь внимание. И не из тех, кого забудешь.

– Давненько не виделись, друг мой! – Русский шагнул вперёд, они обнялись. – Хоть бы весточку подал. Кабы не Колочков из министерства, я бы до парада и не узнал, что югра здесь. Я-то думал, ты всё по капказским линиям, злых горцев гоняешь...

– Гонял, Фёдор Сигизмундович, – усмехнулся Сажнев, понимая, каким вышел бы дураком, не придя и оттолкнув друга. – Гонял до самого Камиль-бекова безобразия. А уж после него – да, прогуляться довелось...

– Наслышан, как же, – кивнул гвардионец. – Жаркое дело было, Григорий Пантелеевич?

– Жаркое, – эхом откликнулся югорец. Рука сама ухватила стопку – запить жуткие воспоминания: когда они вошли в станицу, где полтора дня хозяйничал сиятельный Камиль-бек, на пороге осквернённой церкви их ждал с издевательской аккуратностью выложенный, в явную насмешку над христианским, крест: слой бутового камня, слой связанных, притиснутых друг ко другу детей, от младенчиков до трёх-четырёхлетних малышей, и сверху снова камень.

Замерли тогда солдаты – замерли сперва, а потом все разом, голыми руками да тесаками бросились рушить проклятое каменное зло. Кто-то крикнул, чтобы тащили шанцевый инструмент, но не успели даже приволочь кирки, стрелки кровавили ладони, срывая с места ненавистные валуны.

Мёртв. Мертва. Мертва. Мёртв...

Дышала только одна девчоночка, её только и удалось спасти.

Банду Камиль-бека после того выслеживали почти полгода, наконец загнали в ущелье, и... Сажнев не успел тогда остановить разбушевавшихся солдат, да и, будем откровенны, не захотел останавливать. Если знатного пленника отослать в Анассеополь, он ведь вывернется, гад, в раскаяние с благородством сыграет, а василевс, глядишь, вместо того чтобы повесить ирода, отправит в ссылку, куда-нибудь под Желынь, ещё и пенсией, как тому имаму Газию, назначит... Нет, уж лучше так, как они тогда. Надолго запомнят горы, как вопил сиятельный бек вместе с верными мюридами, откуда голос только взялся.

– ...Поймали, значит, сиятельного, – неожиданно зло ухмыльнулся Русский, дослушав повесть Сажнева. – И поступили с ним соответственно?

– Соответственно. – Югорец сжал пудовый кулак. – Сам знаешь, Фёдор, по-иному они не понимают.

Русский кивнул.

– Знаю, да только одними только штыками да пулями всё равно не получится.

– Получится! – хищно оскалился югорец. – Небось при батюшке Алексее Петровиче тихо сидели, нос из гор боялись высунуть. Государь милостив, тоже решил, что всё, больше не полезут, научены. Тут-то и началось...

Да, началось. Две вырезанные казачьи станицы. И, как говорили шёпотом, не без предательства кого-то из штабных.

– За Большую Авксентьевскую да Сухопадскую мы сполна отплатили. – Сажнев даже кулаком пристукнул. – Надолго запомнят.

– Они – пожалуй, а мы... Вот возьмёт какой-нибудь... – Русский сделал паузу, явно кого-то вспомнив, – на Капказ за мерзости сосланный, сочинит слезливую историйку, как последних детей вольности обижают, и в толстых журналах напечатает. Дамы же цветами завалят. Ах, смелость какая! Ах, как они *интересны* !

– Смелость... – только отмахнулся Сажнев. – Из-за чашки с кофеем. Нет, Фёдор Сигизмундович, моё правило простое. Коль в доме зиндан да полон – то хозяина дома вздёрнуть, а сам дом взорвать. Война ведь, не институт благородных девиц.

Русский вздохнул. И впрямь война, и нет иного средства, кроме первобытной жестокости, единственного языка, что понимают на Капказе. Потому что иначе – набег, набег, набег, ямы с пленниками, рабские рынки Персии и Османии и растерзанные тела станишников да насаженные на колья детишки.

– Эх, оставим сие, Григорий Пантелеевич. Мы с тобой солдаты, а и то не по себе становится. Ты уж прости меня. Это я, чарки тебе выпить не дав, расспрашивать принялся. О другом давай потолкуем...

– Можно и о другом, – легко согласился подполковник. – Верно говоришь, давненько не виделись. Дочки-то как? Уже, поди, почти что невесты?

– Спасибо, Григорий Пантелеевич, слава богу, все здоровы, – отозвался Русский, но как-то механически, явно думая уже о чём-то другом. – Дочки растут, да. – Он вдруг улыбнулся. – Но за тебя, медведь, всё равно не выдам, даже и не думай!

– Куда уж мне, – подхватил Сажнев. – Мы, вятские да югорские, вежества анасеепольского не знаем. Расскажи лучше, Фёдор Сигизмундович, про себя. Говорят, в «министерству» тебя брали...

– Говорят... – Русский усмехнулся. – Говорит... Ну, Фаддей! Тёпленька водичка во рту не удержится! Да, звал меня князь Орлов парой к полковнику Колочкову, тот-то с Сергием Григорьевичем в дружбе с молодых ногтей, честен предельно, но как до Зульбурга едину книжку начал, так до сих пор и не одолел. Сергей Григорьевич его, само собой, не оставит, но докладчик ему нужен. Чтоб и по-немецки, и по-английски, и чертежи прочесть, и смету проверить...

– А ты не пошёл, – с довольным видом напомнил Сажнев. Они уже пропускали по второй рюмке, заедая вкусными грибами со сметаной и прочими закусками а-ля рюс, которые Танти не только не отвергал, но всячески совершенствовал.

– Не пошёл. Теперь вот нет-нет да и пожалею.

– Супруга?

– И это выболтал? Вот ведь! Нет, Григорий Пантелеевич, не из-за Софьи, хоть она и впрямь победы паркетные превыше воинских ставит. Помнишь, как мы с тобой на Зелёной линии начальство с уставами да воров-интендантов понужали?

– Ещё бы! – Сажнев с сомнением глянул на нечто похожее на маленькие уши и решительно вернулся к грибкам.

– А ведь уставы к нам не с небес валяются. Те, кто пишет их, зачастую дальше Хотчины носа не кажут или, как Булашевич с Колочковым, позавчерашним днём живут, над Буонапарте победами. Сергей Григорьевич бьётся как рыба об лёд, но не разорваться ему. Хочешь, я тебя рассмешу?

– Попробуй.

– Взял Орлов на пробу по протекции младшего Горяинова. Все науки превзошёл, старательный, аккуратный, только буонапартист, да такой, что зайца уткой запишет, лишь бы интерес своего кумира соблюсти, а кумир-то, как назло, нарезное оружие не одобрял.

– Надо же! – удивился Сажнев, имевший о Потрясателе Эуроп, в отличие от своих шуцеров, весьма смутное представление.

– Ну, в этом-то как раз беды особой нет. – Русский с удовольствием занялся отвергнутыми товарищем «ушками». – Все ошибаются. Протяни Буонапарте подольше, разобрался бы, а в те поры да с его-то верой в генеральные сражения штуцера и впрямь баловством могли показаться. Не в нём дело – в Горяинове. Ну не мог он признать, что божество его ошибалось, вот и пустился во все тяжкие. Дескать, недосуг Буонапарте было, война мешала. Ему в ответ, что англичанам с австрийцами она не меньше мешала.

– А он что?

– Что французы с их южным темпераментом не могут точно в цель бить, так что не ошибка это, а понимание характера национального. Ну, развеселил я тебя?

– Обхохочешься. Может, и стоило тебе к министру идти, глядишь, Софья Януарьевна бы помягчала.

– Надо было. Только уж больно не хотелось балканскую кампанию пропускать, а теперь, похоже, ей вовсе не бывать. И это, боюсь, ещё не самое скверное...

Отворилась дверь, внесли горячее. Русский, задумчиво пощипывая хлеб, ждал, когда уйдут лакеи, и лицо полковника больше не казалось мягким. Сажнев помнил этот его взгляд. Даргэ, приснопамятный горный аул, югорцам выпало брать его с гренадерами Росского.

Никто не пытается спастись. Дороги перехвачены, вокруг аула – поля. Казалось бы, может скрывается конный, мало ли тайных троп в окрестных горах! – но отовсюду, с севера, с запада, с востока, всё громче и громче канонада, яростно лают русские горные пушки, в ключья разнося преграды.

Дорога расширяется, идёт под уклон. Конные мюриды, оторвавшись от русской пехоты, торопятся к окраинам аула, где уже готовятся закрыть старые ворота; Даргэ окружает невысокая стена, и там сейчас черным-черно от народа. Защищаться готовится и стар и млад.

– Фёдор Сигизмундович! Цел?

– Что ж мне сделается, Григорий, – ухмыляется Русский.

– Саблю-то окровавил...

– Пришлось. Уж больно мюрид горячий попался. С простреленной грудью прямо на меня так и лез. Пришлось... охладить.

Охладить, да. Снести голову – школа рубки лейб-гвардии Кавалергардского полка, откуда майором ушёл Русский к гвардейским гренадерам, она не забывается.

– На твою долю, Григорий Пантелеевич, тоже хватит.

Хватило...

– О чём задумался, Григорий? – Наваждение прошло. Они, живые, оба, сидят перед ломящимся столом, и грудь Росского прикрывает салфетка. Свою Сажнев развернуть не удосужился. – О чём?

– Даргэ, – бросил югорец, глядя в красную, крови б видно не было, стену кабинета.

– Я то же вспоминал... Разговор наш. Ты ещё докладывать мне пытался...

– А ты... Ты сказал, что не на Капказе, сколько б крови нашей он ни выпил, судьбы отечества решаться будут.

3. Бережной дворец

Сергий Григорьевич Орлов потёр вечно ноющий при капризной погоде висок и негромко – военный министр не любил крика – сказал:

– Тогда ставка была поменьше.

Полноватый Тауберт лишь согласно вздохнул в ответ. Сатрап и солдафон понимали друг друга с полувзгляда, и это тоже было кавалергардское братство. Всё началось с рискованных выходов и дуэлей, походов «безусых корнетов», затем была Третья Буонапартова, когда юная зависть к дышавшим «грозою двенадцатого года» отцам и братьям в одночасье сменилась извечным солдатским «выстоять!». На зультбургских редутах горела земля, и молодой Тауберт, до боли стиснув эфес, шагнул рядом с князем Арцаковым прямо на

штыки Буонапартовой Гвардии, которая, как известно, умирает, но не сдаётся. Туда, где уже дрался полковник Орлов, Орлуша, бывший товарищ по полку и, как думалось под французской картечью, друг до могилы, далёкой ли, близкой ли... Этим, похоже, и кончится, хотя сперва судьба швырнула товарищей к барьеру.

Русак Орлов, побывав в заграничах, загорелся желанием перемен, остзеец Тауберт перемен тоже хотел, но высочайшей волею, а потом в Анассеополе полыхнуло, да так, что лишь Господь да ключарь Его пресветлый ведают, чем бы оно кончилось, не открой тогда ещё подполковник Тауберт огонь по мятежным войскам. Никто не знал, что за залпом сим стояла не верность присяге и дому Алдасьевых-Серебряных и даже не немецкая неприязнь к революциям и мятежам, а чувства, в коих Николаю Леопольдовичу ныне отказывали как в вольнодумных салонах, так и в собственном его ведомстве.

За отсутствием командира князя Шигорина Тауберт привёл тогда Китежградский конноегерский полк на Дворцовую площадь и ждал приказов, а тот, кому надлежало отдать их, фельдмаршал князь Арцаков, пытался образумить мятежников. Не офицеров, солдат – Пётр Иванович их знал и любил, ведь в угрюмом строю стояли и те, кто прошёл все Буонапартовы кампании. И ведь почти отговорил, но в него выстрелили. В князя Петра! В человека, рядом с коим Никола Тауберт, печатаая шаг, шёл в безумную атаку, за которого десять раз умер бы любой русский солдат, а эти...

Немецкая выдержка и дисциплина отказали, и подполковник, подскакав к растерявшейся конной батарее, ледяным голосом – он, как и Орлов, не умел кричать, выходя из себя, – велел открыть огонь. Артиллерийский поручик, сам не зная, в кого хочет и хочет ли вообще стрелять, замялся и, отброшенный лошадиной грудью, ткнулся в красный ещё не от крови гранит. Тауберт повторил приказ. Солдаты растерянно смотрели на шеренги мятежников, таких же русских, как они сами; но офицеров холодная ярость кавалериста в чувство привела.

Пушки выстрелили. Вразнобой, но промазать по замершим на площади полкам было невозможно. Залп словно пробудил если не нового василевса, то его брата Арсения. Стоянию пришёл конец – схватка возле Кронидова столпа вышла страшной, ладожские граниты умылись русской кровью, хотя по-настоящему виновных был от силы десятков. Когда всё кончилось, Тауберт, не приняв ордена за «верность и решимость», подал рапорт о переводе на Капказ. Вступивший на престол под картечные залпы Севастиан Кронидович просьбу удовлетворил, но и в чине повысил. Полковник Тауберт три лета не видел анассеопольских проспектов. Потом его вернули едва ли не силой, вручив командование лейб-гвардии Конным полком, вечным соперником родного Кавалергардского, и было сие уже при Арсении Кронидовиче.

Василевс Севастиан, старший из трёх сыновей победителя Буонапарте, власти не любил, чтобы не сказать – боялся. Он отказался бежать, когда вспыхнул мятеж; но на том силы его и кончились. Требовалось выкорчёвывать крамолу, хватать, швырять в арестантские возки сыновей знатных родов, со связями, знакомствами, богатством. Тягота выносить приговоры, глядеть в глаза рыдающим, падающим перед ним на колени жёнам с матерями оказалась государю не по плечу, и, отмучившись на престоле три года, бездетный Севастиан Второй отрёкся в пользу среднего брата. Удалившийся от дел василевс не успел насладиться покоем, тишиной да любимой ружейной охотой. Его настигла холера в злой год валашской резни...

С Орловым поднятый прежде задуманного мятеж сыграл свою шутку. Прямо под Зульбургом произведённый в генерал-майоры, князь по уши увяз в заговоре, проявив в том все свойства своей деятельной и резкой натуры. Подпись Орлова красовалась не только на Конституционных Кондициях, но и на проекте манифеста, требующего отречения государя. Мало того, Орлов взял на себя переговоры с Капказским корпусом, где служило немало его приятелей. Мятежники ждали рождественской поездки государя в Володимер Великий, где и намеревались вырвать отречение. Жизнь рассудила по-своему: никогда ничем не болевший Кронид в одночасье скончался на исходе лета в Анассеополе, где доставало заговорщиков,

но не случилось никого, способного стать русским Буонапарте.

Мятеж в столице захлебнулся, едва начавшись, ну так и во Франции полыхнувшее поначалу в Париже пламя удалось сбить – смута во всём своём ужасном блеске поднялась в Марселе. В России же кровавой колыбелью стал бы – вместо Анассеополя – лежащий на границе бывших лешских земель Червенец, где квартировала бригада Орлова. Князь по праву слыл вольнодумцем и сорвиголовой, но на сей раз его схватил за горло разум. Казалось бы, чего легче, взбунтовать бригаду, готовую за своего командира в огонь и воду, поднять лешские части – «за нашу и вашу свободу!» – и вперёд, на Варчевию.

Прошлые лешские восстания погубило дробление сил, при отменной храбрости инсургентов – отсутствие дисциплины и организации. Прошедший Третью Буонапартову Орлов хорошо усвоил уроки великого француза – собрать силы в кулак, атаковать стремительно и всей массой, обрушиваясь на слабое место неприятеля. Молодой генерал смог бы взять польскую столицу, к нему, русскому, пошли бы не только лехи, но и простой люд от Червенца до Угрени и Киева. Сергей видел, что, выбирая мятеж, он либо недосчитается головы, либо с венской помощью станет новым Радживоллом. Удачливым. Признанным и обласканным Европой. Опираясь на австрийскую дипломатию и французские капиталы, вполне можно было отъединить царство Лешское от России, оказавшись – чем чёрт не шутит! – если не королём его, то первым консулом. Для начала под австрийским протекторатом, ну да лиха беда начало! Можно было, однако случилось противоположное. Орлов не только не выступил сам, но и удержал от мятежа два стоящих по соседству лешских полка. Он желал перемен, но не крови, соглашаясь на заговор вплоть до насильственного отречения василевса, но не на гражданскую войну. Сергей не хотел, однако весть о смерти Кронида упала факелом в пороховой погреб. Царство Лешское вскипело кровью; отравленные семена, щедро посеянные ещё при великой Софье, дали страшный урожай. Князь Орлов в это время был уже в равелине, хотя легко мог бы сбежать ко столь любезным его разуму аглицким умникам-экономам. У него имелись и средства, и имя, но герой Зульбурга выбрал крепость и, как думалось тогда всем, плаху.

Единственное, что сделал Сергей Григорьевич, так это сжёг бумаги, компрометирующие не его – тех, о ком никто другой не знал. Замешанные капказцы так и остались тайной. Князь признал – нет, не вину, своё участие, подтвердив показания заговорщиков, как анассеопольских, так и малоросских, но лишь подтвердив. Ни единого нового имени, ни единого слова раскаяния. Он был уверен в своей правоте, в том, что нынешняя Россия катится к гибели, и он же считал, что братоубийственная война эту гибель лишь приблизит. Не все его товарищи были столь же упорны, многие каялись, а то и объявляли себя безвинными жертвами чужой злой воли. Позже, перечтя дела арестованных мятежников, Тауберт немало поразился нелепости показаний и небреженью следователей, но это было потом. Тогда произведённого перепуганными соратниками в главнейшие злодеи Орлова осудили по высшему разряду, и помилования он не попросил. Тем не менее его не казнили.

Говорили, что спасла кровь. Дескать, василевс из дома Алдасевых-Серебряных не рискнул казнить такого же Киевича¹, как и сам он, сына, брата, зятя, племянника виднейших сановников, столпов Державы. Тауберт думал иначе: Севастиан не смог переступить Зульбург, и потому Орлов отправился в крепость. Спустя четыре года его вернули. В кабинет нового василевса вошёл кандальник с выправкой кавалергарда, вышел товарищ военного министра². Ох и разговор это был, разговор, памятный четверым – государю, Тауберту, Орлову и Васеньке Янгалычеву, новому министру Двора. Сперва Орлов сказал «нет». Сперва государь пообещал сгноить мерзавца даже не в равелине – в Закаменских рудниках. Сперва

---

¹ Потомок легендарного князя **Кия**, основателя первого русского государства. Помимо правящей династии Алдасевых-Серебряных, к Киевичам относят: Волохонских, Долгополых, Древецких, Котениных, Коротких, Мицких, Орловых-Забецких, Орловых, Солонецких, Чемисовых, Черницких.

² Государственная должность в Российской Державе, соответствующая первому заместителю министра.

Васенька Янгальчев закрыл лицо простреленной под Зульбургом рукой. Повисла неподъёмная тишина, а потом кто-то – немец Тауберт – произнёс слова «радение Отечеству» и зачитал некогда сказанное на допросе мятежником Орловым, после чего бросил на стол рапорт лейб-медика о состоянии здоровья военного министра, семидесятилетнего князя Варчевского, протоколы Брюссельского концерта и старую докладную записку генерал-майора Орлова, уцелевшую в недрах военного департамента.

Они сдались не сразу – Арсений Кронидович и Сергей Григорьевич, но сдались. Васенька любил повторять, что, не поседей он в Валахии, поседел бы в те разы, но насколько же с османами было легче.

С тех пор разговор этот для троих друзей стал мерилom тяжести. «Тогда было хуже», – утешали друг друга министр Двора, шеф Жандармской стражи и военный министр. Сегодня сие утешение не годилось. Сегодня они были не вместе – Васенька рвался спасать единоверцев и, что греха таить, казать зубы обнаглевшим Эуропам. Николай Леопольдович считал горестный вопль чухонских вернославных слишком уж своевременным – не для России, для всё тех же Эуроп. Что до Орлова, князь отговаривался делами военными. Не готовы, дескать, да и балканским славянам будущей весной помощь обещана, не разорваться. И про то напомнили, что, как бы ни утесняли на землях ливонских единоверцев, до резни не доходило и не дойдёт, а вот равнинным болгарам без сербов, а сербам без России – конец. И вроде согласился василевс ждать, а минуло два дня, и вот он, Манифест! Гроном средь ясного неба, не гроном – первым выстрелом новой северной войны. Ненужной и несвоевременной.

Николай Леопольдович достал любимую табакерку, задумчиво тронул лаковую крышку и убрал назад. Часы в углу проббили пять раз. Статный чернобровый Автандил – преданный и давний слуга государев – распахнул дверь. Немец и русский быстро переглянулись. Тауберт осенил себя крестным знаменiem, Орлов свольнодумничал, обошёлся без этого. Вошли.

* * *

Знакомый и привычный кабинет, два окна выходят на ладожскую вольную ширь. Добротная, но без всякой вычурности мебель – просторный рабочий стол с жёстким деревянным креслом, высокая спинка украшена «русской троицей» – Сирином, Алконостом и Гамаюном. На столе расстелена огромная карта Ливонии, стоят бронзовые фигурки пехотинцев и всадников, изображающие полки и дивизии, придвинутые к границам.

По стенам возле стола – маленькие овальные портреты василиссы и детей в разные годы, чуть дальше – русские и итальянские пейзажи, их государь покупает у художников, возвращающихся из оплаченных Академией изящных искусств путешествий. Диван с мягкой прямой спинкой, над ним огромная карта Европы. Ещё дальше – ряды книжных полок, за ширмой – узкая походная кровать, на ней василевс частенько остаётся ночевать, заработавшись за полночь. Бюст отца, великого Кронида Антоновича, напротив – портрет Буонапарте в обличье бога войны.

Об этом портрете рассказывали, что в 1813 году, когда вершился мирный договор, василевс Кронид всячески старался оградить разбитого императора от вящих унижений, взамен упирая на торговые льготы и открытия «русских гостиных дворов» в Париже и департаментах. После церемонии, покидая Версаль, Буонапарте сам подошёл к василевсу, уже готовившемуся к отъезду в русское посольство.

– Благодарю вас, государь и брат мой, – по легенде сказал Потрясатель Эуроп. – Хотел бы, расставаясь с вами, вручить вот сего Марса. Пусть он напоминает вам, что самые непримиримые враги могут сделаться самыми верными друзьями.

Кронид Маркович немедля отдарился собственным портретом, коий Буонапарте взял с собой в заключение.

Сказка была б хороша, если б спустя одиннадцать лет русские и французы не сошлись

вновь в смертельной схватке. Что до портрета, то Николай Леопольдович особого сходства с императором не замечал. Марс и Марс – в шлеме, с мечом, с крылатой Славой за спиной. Только вот, где ни встань, в глаза смотрит, ну да этот фокус художникам давно ведом. Хоть бог, хоть император может веками тянуть вперёд указующий перст, никого он со своего холста ни к чему не принудит и ни в чём не ошибётся. Это удел живых.

Государь василевс застыл у стола, слегка расставив ноги. Ждал. Ждал взрыва, ссоры, спора. Орлов и Тауберт замерли по стойке «смирно».

– Ну? – начал Арсений Кронидович, не садясь и не приглашая сесть. – Явились, так говорите.

– Так сказано ж всё, – сверкнул глазами Орлов. – И нам с этим сказанным отныне жить, а солдатам вскорости умирать.

Не с того начал князь. Совсем не с того. Часы после парада ушли на то, чтобы отыскать в гранитной кладке августейшей уверенности щель, и, казалось, нашли её. Должен был Сергей начать с урезки средств на Балканский корпус за-ради корпуса Ливонского, а Никола Леопольдович, улучив момент, поведать о пришедшем из Ыстанбула донесении про закупленные Портой бельгийские штуцера, но Орлов засбоил, словно не было тех восемнадцати лет. Словно всё стало как тогда и сшиблись средь молчащих портретов две воли – высочайшая, коей ничто не может противиться в государстве Российском, и воля человека, уже некогда рискнувшего честью, свободой и жизнью во имя того, чтобы не единым росчерком монаршего пера решалось, быть ли войне.

– Это ошибка, государь, – твёрдо сказал Сергей Григорьевич.

Тауберт опустил глаза и стиснул зубы. Выручили только немецкая выдержка с немецкой же невозмутимостью.

– Говори, говори. – Василевс скрестил руки на груди, глядя в глаза военному министру.

– Армия не готова к войне всеевропейской, – продолжал нарываться князь Сергей.

– А не твоего ли ведомства дело, дабы всегда готова была? В любой момент? – перешёл в наступление государь. Ничего иного ему не оставалось.

Тут бы гордо бросить что-нибудь об отставке и умыть руки, но Сергей никогда не бегал ни от опасности, ни от ответственности.

– Ко всеобщей войне европейской, государь, – Орлов не опускал взгляда, – нет, не готова. К ней мы и не готовились, иные враги имелись. С Третьей Буонапартовой и после польского нестроения на западе всё тихо оставалось. Мы же воевали с персиянами да османами. Дипломатия, не штык, хранила наши владения.

– А другие, значит, готовы? Ливонцы? Немцы? Французы?

– Поодиночке – нет, государь. А вместе могут и решиться.

– «Готовы к войне» и «решатся на войну» – разные вещи, князь Сергей.

– Штуцерные батальоны... – начал Орлов, но Арсения было уже не остановить.

– Сколько уж лет одно от тебя только и слышу, князь, – реформы! Перемены! Старое-негодное отринуть, новое-хорошее принять! Сколько уж можно-то?! Пора бы и честь знать, господин военный министр!

Орлов сдержанно поклонился.

– Ваше василеосское величество, большое дело затеяно, а большие дела скоро не делаются. Что могли сделать быстро, то сделано. В кадетских корпусах отбою нет от прошений зачислить. Бессмыслицу убрали, новые наставления просты и понятны. Офицерские школы теперь при каждом армейском корпусе. Артельные хозяйства с приварочными деньгами заменили, от казны идёт строгая поставка. Изношенные ружья смазать как следует – и в арсеналы, новые делаем. Старую, неудобную форму меняем по срокам выноса. Простите, государь, военный министр – он порой как скряга-купец, всё железками да тряпками занимается. Совсем не героическое дело, да только армия без них воевать не сможет. – Князь перевёл дух. – И в остальном... Гвардия не плац-парадирует, а в свою очередь на Капказе воюет, порох нюхает. В линейных полках прежде огнеприпасы на сторону продавали, ленясь стрелковые смотры устраивать, а теперь, как стали за такое

эполеты снимать да подальше от столиц отправлять, дело наладилось. По артиллерийской части...

Василевс поднял руку.

– Знаю. Всё знаю, князь Сергей. Что за должность не держишься, правду в глаза говоришь. Что за дело болееешь, как никто другой, что копейки казённой к рукам у тебя не прилипло. За то и ценю тебя. Только зубы мне не заговаривай. «Армия не готова!» – передразнил василевс. – Или я на смотрах не бываю? Или сам на Капказе не служил, за Дунай не ходил, крест вот этот зря ношу?

Тауберт кашлянул.

– Что тебе, Николай Леопольдович? – недовольно остановился государь.

– Князь Сергей Григорьевич про то толкует, ваше величество, что ввязываться нам сейчас в европейскую войну не с руки. Реформы начаты, идут со всем поспешанием возможным, но так, чтобы и не ломать бы всё до основания.

– Знаю, знаю, – поморщился Арсений Кронидович. – Пока не будет пришита последняя пуговица к мундиру последнего капрала, как говорят в этом твоём Альбионе, армия у военного министра к войне ну никак не может быть готова.

– Ваше величество, – «альбионскую» шпильку англоман в отставке Орлов заметить нужным не счёл, – Ливония состоит под прусским протекторатом. Вступление войск наших...

– Оставь, князь! – махнул рукой василевс. – Что они нам сделают? Великий Буонапарте – не нынешним карлам чета! – дважды пытался, да ничего не вышло. Один портрет и остался... Пруссак нам по гроб жизни обязаны, да и с Веней сейчас не в ладу, австриякам же наша дружба после унгарского мятежа ох как нужна! Значит, не стакнутся, не сговорятся. Франция далеко, да и второго Буонапарте там не наблюдается. Англия? Эти привыкли чужими руками воевать, а кто на сей раз станет? Брат же мой Иоганн в одиночку нам не враг. Кто его родителя от того же Буонапарте трижды спасал, а? Кто в восемьсот десятом семью кайзерскую в Хотчине приютил?

– Вот того-то он нам и не простил, – пробормотал князь Сергей, но расслышал его только Тауберт, – и не простит.

– Даже не пикнут! – пристукнул кулаком по расстеленной карте Арсений Кронидович. – Проглотят. Как с Валахией. Уж как кричали, как кричали! А чем кончилось?.. Как мы сказали, так и вышло! Давеча мы Европу слушали, а теперь хватит. Их пора нас слушать настала. Те земли нашими были, князя володимерские крепости закладывали, с местных дань-выход брали, уж после татарского лихолетья всё потеряли! Да и государь Кронид Васильевич, великий василевс, назад бы у орденов землю копьём взял, кабы легионы со свеем не вмешались... Сколько мы с тем же послом ливонским сживали, сколько разговоров говорили, а воз и ныне там. Указа о равноправии как не было, так и нет, в торговых делах требуют свидетельства латинского епископа о добронравии, к тому же...

Тауберт переглянулся с Орловым. Василевс оседлал любимого конька и говорить об этом мог очень долго.

– Ваше величество, – не стал дожидаться военный министр. – Всё равно сил, сосредотачиваемых для производства сей демонстрации, сугубо недостаточно. Один армейский корпус, а наступать ему, в случае надобности, по одной-единственной дороге, что почти сразу в Анксальтскую гряду упирается!

– А как же надо, князь? – выпрямился василевс.

– Потребно самое меньшее два полнокровных корпуса, – непреклонно сказал Орлов. – И наступать с запада и юга, как в своё время Кронид Васильевич, Млавенбург – в те поры Млавенец лешский – обратно взявший. Не только Второй армейский, но ещё и Четвёртый, в Менске располагающийся. Второму корпусу придать Девятнадцатую пехотную дивизию, из Седьмого армейского взять; Четвёртому – Двадцать вторую. А также...

– Опомнитесь, князь! – Василевс перешёл на «вы». Плохой признак. – Два *усиленных* корпуса! Десять дивизий, ежели с кавалерийскими считать! Да мы против османов меньше

выставляли! В Закавказье крепости одной бригадой берут! А тут против нескольких биргерских рот – десять дивизий! То-то Эуропа посмеётся, то-то порадует! Ай да русский медведь, как же он маленькой-то Ливонии боится, у коей и армии-то своей, считай, нет, ополчение да милиция по образцу федератов американских...

– У них протекторат прусский, – вступил Тауберт. – Две дивизии, в Млавенбурге и в Ревеле...

– Не станет брат Иоганн рисковать, – непреклонно отрезал василевс. – Что штык наш не затупился, то Унгария всем показала. Не нужно никаких двух корпусов. Хватит вам и Второго! Девятнадцатую дивизию, раз уж так настаиваете, дам. И гвардионцев, – добавил он вдруг со щедростью. – Гренадерский полк полковника Росского пусть сходит, а то с Капказа давно уж вернулись, застоялись. Пусть хоть по Млавенбургу промаршируют при всём параде, только не будет того... Струсят ливонцы, сунутся к пруссакам, а те отмолятся, дескать, то дело внутреннее, его в Млавенбурге решать надобно. Вот и будет нам к Рождеству Указ о равноправии, а по весне – Балканы. Довольны ли вы теперь, господа?

– Ваше величество, – деревянным голосом сказал Тауберт. Рядом со всесильным шефом жандармов стоял, вскинув голову, военный министр, бледный и злой. – Два корпуса или один, десять дивизий или четыре, с гвардионцами или без оных, не о том речь. Европа нам в загривок вцепится, только порадует. Манифест, ваше величество...

– Назад взят быть не может, – ледяным тоном отозвался василевс, выпятив челюсть.

Эх, друг Сергей Григорьевич, что ж ты так... не по условленному, не по договорённому...

– Ваше величество, – словно услышал мысли Тауберта Орлов. – Пусть Европа смеётся сколько угодно, мы сами посмеёмся, и ежели сапоги во Млавенском заливе вымоем, и ежели на млавском берегу в сочельник разговеемся. Но потребно два корпуса, а не один, а коли один, то не Шаховского на него ставить...

...Они не слышали друг друга и не слушали. Раздражённый, не сомневающийся в правоте своей Арсений Кронидович и не просивший, но прямо-таки подставлявшийся под отставку военный министр. А потом Николай Леопольдович, улучив момент, так положил на стол донесение из Ыстанбула и сухим, будничным голосом произнёс:

– По разумению моему, для успешного проведения балканской кампании...

Глава 2

Анассеополь

2 сентября 1849 года

1. Посольство королевства Пруссия

Александр фон Шуленберг стоял у окна и смотрел на залитый солнцем внутренний дворик – небесные тучи к вечеру полностью рассеялись, словно в издёвку уступив место тучам политическим. Внизу кичились зрелой роскошью ухоженные георгины, за спиной мерно тикали часы; когда пробьёт четверть восьмого, и ни минутой раньше, посол его величества покинет личные апартаменты и, приняв из рук лакея положенные по протоколу архаичную шляпу с перьями и шпагу, спустится к украшенной гербами карете. Дипломат не мог видеть похожих на рыцарские мечи стрелок, но, от природы наделённый отменным чувством времени, знал – в его распоряжении почти час; тем не менее Шуленберг был полностью готов. Требующие полного сосредоточения сборы помогли обладателю второго по значимости, сразу после лондонского, поста в иерархии прусских посланников привести в порядок мысли, изрядно спутанные русским демаршем.

Глупость, непростительную и роковую, совершил василевс Арсений, но за этой глупостью, как и за глупостями, совершаемыми кайзером, угадывался ум. Чужой, расчётливый, равно враждебный как пруссакам, так и русским. Заботливо и умело посеянные

зубы дракона стремительно прорастали, побеги готовились вот-вот расцвести, и Шуленберг не представлял, как оборвать наливающиеся будущей кровью бутоны.

Ещё утром граф Александер был почти спокоен – обращение вернославных чухонских общин, хоть и легло на стол василевсу, казалось, останется без последствий. Ливонского посла даже не вызвали к канцлеру, и Шуленберг укрепился во мнении, что горестный вопль не достиг цели. Всесильный граф Тауберт, чьи не столь уж и дальние предки владели в нынешних ливонских землях неплохими угодьями, не мог не объяснить своему василевсу, что стонающие челобитчики если кому и молятся, то дающему золото лично им, и что это за золото – марки ли, фунты или рубли, – для них без разницы.

Да, после неприятных, хоть и не столь серьёзных, как в Унгарии и Богемии, волнений ливонский герцог попросил помощи Берлина и получил её. Да, после того как млавенбургский и ревельский мятежи успешно подавили, местные власти принялись выказывать подданным свою силу. Среди прочих досталось и вернославным общинам, но ничего сверхординарного не случилось, как говорится, «кровью улицы не залили». Более того, утеснённые возопили чуть ли не два года спустя после начала утеснений. Как раз тогда, когда Балканский поход русских стал делом ближайшего будущего.

Шуленберг с нетерпением ждал весенней кампании, полагая, что восточная война отвлечёт Россию от растущей западной, если говорить осторожно, бестактности. Сегодняшний парад – ровно в годовщину мятежа, а в подобных делах совпадений не случается – пруссак объяснял желаньем Анассеополя показать Европе, что внутренней смуты Россия не страшится; но потом Василий Янгальчев, перечеркнув Зульбург, приветствовал одного лишь серба, и дипломат понял – что-то грядёт. «Что-то...» Манифест, от которого до войны ближе, чем до георгинов в посольском дворике!

Ливонское дело прямо-таки разило провокацией, но чьей? Османы в последнее время изрядно поумнели и, если у них там не полный кабак, не могли не понимать, что на кону вся их европейская часть, возможно, вплоть до Ыстанбула. Не в один присест, но стоит только вслед за Валахией и Сербией потерять Болгарию, дальше всё покатится само. Для венцев, как и для французов, Балканы – вопрос не жизни, но кошелька, а для Британии? Только ли «*Videant consules, ne quid Res Publica detrimenti capiat*»¹, или на кону нечто большее?

Есть философские школы, полагающие, что слово материально, но, возможно, материальна и мысль. О лорде Грили доложили ровно в тот миг, когда фон Шуленберг подсчитывал, сколько же вытасненных из огня чужими руками каштанов проглотила владычица морей после падения Буонапарте.

Прибывшего с негаданным визитом английского паука пруссак не терпел, однако изменить ничего не мог. Только тронуть перед зеркалом безупречный мундир с орденами, из которых дороже всех был единственный военный – за Зульбург, и выйти к англичанину.

Слегка лысеющий, что было единственным его видимым недостатком, лорд приветствовал коллегу со всей возможной для дипломата сердечностью. Его безмерно, просто безмерно поразил манифест. Нет, не только поразил, но и возмутил до крайности, до недопустимого нарушения протокола. Лорд просто не мог не посетить прусское посольство, не мог не изъявить всемерное сочувствие и поддержку перед тем, как...

Тут Шуленбергу захотелось спросить, кто, по мнению уважаемого коллеги, заплатил чухонским старшинам. Не спросил, выразил сдержанную благодарность и пригласил в гостиную. До отъезда оставалось двадцать пять минут лицемерия.

Подали кофе, шартрез, только что доставленные курьерским судном фрукты. Лорд Грили изящно поблагодарил. Из вежливости и уважения к хозяину дома англичанин говорил на немецком, которым, как всегда с известным неудовольствием отмечал Шуленберг, владел в совершенстве.

– Итак, – после очередного залпа ритуальных фраз гость отставил бокал, изящно, но отнюдь не манерно изогнув кисть, – русский медведь решил-таки показать свою силу. Очень,

---

¹ «Пусть консулы позаботятся, чтобы Республика не понесла никакого ущерба» (лат.).

очень недалёковидное решение, не так ли, любезный друг?

– О да, – кивнул означенный «друг». Зачем лысый лорд заявился перед самым приёмом, понятно – удостовериться, что «ярость берлинской стороны» достаточна, чтобы русские и пруссаки вцепились друг другу в глотки посередь ливонских болот. – Разумеется, я приложу все силы, дабы честь и достоинство моего кайзера, равно как и государства Прусского, не потерпели бы никакого урона.

Каждый слышит то, что хочет слышать; англичанину несомненно здесь почудится призыв к войне, подтверждение того, что Пруссия готова отстаивать свои позиции на Балтике до конца и тоже силой оружия.

«Так тебе, пожиратель овсянки», – злорадно подумал пруссак. Как говаривал в неминистерские свои времена ротмистр Василий Янгальчев, «по сусалам» тебя, «по сусалам».

– Не сомневался ни минуты, что вы, дорогой граф, думаете именно так, – поклонился Грили. – Со своей же стороны я могу – разумеется, совершенно конфиденциально – уверить вас в полной поддержке Ливонии и Пруссии английским кабинетом. Мы непреклонно стоим на страже законности и права и не позволим... – он сделал выразительную паузу, как бы подбирая менее резкие слова, чем просились на язык изначально, – полуазиатским властителям навязывать свою волю даже самым слабым европейским странам.

– Может ли мой кайзер рассчитывать на прямую помощь английского кабинета, если дело дойдёт до военных действий? – в упор спросил фон Шуленберг. Очень, очень недипломатично, но повертись, повертись на крючке, пескарь английский. – Правительство её величества Анны не связано с Россией никакими договорами, в отличие от Пруссии или той же Австрии.

– Можете не сомневаться, – лорд Грили нагнулся вперёд с самой любезной улыбкой, – что кабинет её величества будет всячески содействовать...

– Дорогой мой лорд, – поморщился прусский посол. – Мы с вами тут одни, а я, как вам несомненно известно, отставной гусар и не кривлю душой сверх необходимого. Не сомневаюсь, что прусский кабинет не оставит без последствий сегодняшний манифест императора России. – Фон Шуленбергу показалось правильным назвать хозяина Державы западным, римским, титулом. – Возможны осложнения. Анассеополь даже в мирное время держит под ружьём миллион человек...

– Кабинет её величества вполне разделяет ваши опасения, – горячо подхватил Грили. – Как вам известно, британский флот уже оказывает содействие, скажем так, в предоставлении ливонскому герцогу возможности защитить свои пределы, и это лишь начало. Необходим новый общеевропейский союз, подобный тому, что положил конец преступлениям Буонапарте, и, разумеется, всемерная поддержка наших друзей здесь, в российской столице.

Лицо пруссака не дрогнуло, на нём по-прежнему отражалось лишь вежливое, искреннее внимание к словам собеседника.

Вот оно! Вот зачем ты пришёл. Не реакция берлинского кабинета тебя волнует – о ней есть кому доложить в Форин Офис с самой Кайзерштрассе, – а «поддержка наших друзей» тут, в Анассеополе. Как бы граф Шуленберг ни ненавидел английскую дипломатию, он не мог не восхищаться ею. Свести русских заговорщиков с послом страны, и так стоящей на пороге войны с Россией, и ждать, когда агенты Тауберта об этом проведуют, или... не ждать. Вот за эту депешу на Кайзерштрассе его действительно поблагодарят.

– Если мы дадим им понять, что они не одни, – медленно, не сводя глаз с фон Шуленберга, говорил лорд Грили, – если мы сумеем вдохнуть в них ту же смелость, те же идеи, что, скажем так, одушевляли в молодые годы князя Орлова, тогда – главу сентябрьского комплота¹, мы поможем не только несчастной Ливонии, но всей Европе и даже России...

Догадка, что манифест для британца стал не меньшей неожиданностью, чем для

---

¹ **Комплот** (фр. *complot*, от лат. *complicare* – свёртывать, опутывать). Заговор.

пруссак, была молниеносной и чёткой. Будь иначе, пресловутые «друзья» уже столкнулись бы с прусскими дипломатами на каком-нибудь частном вечере. Нет, Грили ничего заранее не знал, а узнав, засуетился и... ошибся, невольно выдав свою неосведомлённость. Значит, Вена? Или...

Пруссак, не скрываясь, посмотрел на часы.

– Князь Орлов изменил своим юношеским убеждениям, – напомнил он собеседнику. – Предлагаю продолжить нашу беседу в карете; в противном случае мы рискуем опоздать.

2. Бережной дворец

Большой Кронидовский чертог сверкал множеством огней. Обычно здесь собирались для торжественных выходов, дипломатические же приёмы проходили в тронном зале, изредка – в любимом великой Софьей Арсеньевском покое, но сейчас послов провели именно сюда, и наверняка со значением – стены знаменитейшего зала русской державы украшало трофейное оружие, а к потолку были подвешены пленённые вражеские знамёна.

Были тут штандарты французские, Великой Армии, имелись и добуонапартовых времён. Нашлось место свейским, разномастным немецким, венским, унгарским, неаполитанским, пьемонтским, османским, персиянским и с невесть каких времён сбережённым в арсеналах орденским, старолешским и ордынским. Не хватало разве что английских да гишпанских.

Да, и двадцать пять лет назад, и сорок, и двести сорок русские полки торжествовали победу, с непонятным ни христианнейшей Европе, ни кровожадной Порте презрением к смерти ломая хребты лучшим армиям. Это было неправильно. Унизительно. Непонятно. Казалось, среди слишком малочисленной для столь огромного помещения кучки послов бродят унылые, возмущённые тени потерпевших фиаско, вплетая в хоть и нервический, но светский разговор свои стенания.

Сколько стараний. Сколько денег. Сколько увёрток и хитростей, коварства и ловкости, сколько надежд... ах, да что говорить. И всё зря, зря, зря!.. Ордена, Ливонский да Тевтонский, леги, свеи, сам великий Буонапарте, сколько было нас – блистательных, отважных, умных, уверенных в себе, но русский зверь раз за разом оказывался сильнее и нашего креста, и нашего меча. И вот уже четыре десятилетия к западу от лешских пределов не находится никого, кто вновь дерзнул бы всерьёз попробовать, так ли до сих пор остёр знаменитый русский штык, когда сражается среди родных берёз...

Граф фон Шуленберг зябко поёжился. Василевс не экономит на дровах, до настоящих холодов ещё далеко, отчего ж здесь пробирает, словно под осенним ветром? Неужели дело в знамёнах? Но ведь это обычное дело. В Старом Свете не сыщешь державы, к которой не приходили бы с визитом вооружённые соседи, в том числе и по сговору. У всех бывали и победы, и поражения, все кичатся трофеями, всем тяжело видеть свидетельства своих неудач. Оснований выделять Россию нет никаких, и уж тем более нет причин бояться этого зала, скорее уж... Пруссак смотрел на стяги с чёрными крестами и алерионами, и всплывала мысль – а ведь можно устроить обмен, как меняются пленными после окончания войны. Отдать русским их оказавшиеся в немецких руках знамёна, пусть и давние, времён незадачливого мужа великой Софьи; а взамен вернуть в Берлин эти штандарты. Тяжело им тут висеть, среди собратьев по поражениям и неудачам...

...Наверное, слуги приоткрыли в этот миг спрятанные в стенах заслонки, выпуская волну тёплого воздуха. Стяги колыхнулись; чёрный орёл, словно живой, пошевелил крыльями.

Крылось что-то в этом зале, торжественном, но не вычурном. Неясный, смутный шёпот на самом пределе, что способно различить ухо, – кровь так шумит, что ли?

Берегис-с-сь, берегис-с-сь, слышится пруссаку. Коллеги, посольский корпус, застыли, точно окаменев; и кто это там скользит меж ними, в простом тёмном мундире, без орденов, без эполет? Лица не различить...

Шуленберг резко повернулся.

Никого. Никого нет меж американским федератом и наполитанцем, да и стоят собратья-дипломаты плотно, только что не плечом к плечу, не протиснешься.

Эх, господин посол, господин посол, подводят тебя глаза даже и тут теперь, с горечью подумал фон Шуленберг. Доктора говорят – от нервного напряжения такое тоже проистечь может, надо не слишком усердствовать да помнить о собственном благополучии. Тот же синьор Лигвори, наполитанец помянутый, лоснится и сверкает, прям-таки светится довольством и благополучием. А всё почему? Да потому, что думает исключительно о том, как бы побольше вин с родных наполитанских виноградников продать анассеопольским рестораторам, а до прочего ему и дела нет...

Пламя свечей дрожало и дробилось в бесчисленных бриллиантах, осыпавших вычурные ордена на самого разного кроя мундирах и эфесы парадных шпаг. Согласно протоколу, иностранные дипломаты стояли справа от выхода, с левой же стороны располагались русские – высшие чины Двора и министры.

Ждали Арсения Кронидовича, тихо переговаривались с соседями, искоса поглядывая на пустующий трон, наполовину покрытый василеосской мантией, подбитой не европейским горностаем, но русскими соболями. Те, кому доводилось бывать в Кронидовом зале прежде, объясняли, что и трон, и возвышения по обе стороны его появились недавно. Очень может быть, что нынешней ночью. Несведущие со значением кивали. Обсуждать то, что только и было по-настоящему важным, не позволяли приличия, и почтенные дипломаты натужно сравнивали достоинства недавно открывшейся в Анассеополе наполитанской кофейни с уже давно устроенными да пересказывали последние известия, принесённые из европейских столиц стремительным телеграфом и доставленные срочною почтой из ливонского Ревеля. Василевс запаздывал, что совершенно на него не походило. Это могло означать как намеренный вызов, так и отыгрыш назад, которого в этом зале не желал никто, кроме Шуленберга и серба, в упор с прищуром смотревшего на разряженного, будто рождественское дерево, османского посланника.

Как и на площади, старый Досифей Балшич стоял наособицу – на груди у него в ряд выстроились три бело-золотых неброских креста, солдатские «Егории», от третьего класса до высшего первого¹; удостоившихся собрать полный прибор сего ордена можно было пересчитать по пальцам двух рук. Других наград седой четник не надел, зато на боку его висела пожалованная самим «Чёрным Вуком» богатая сабля, османская, немало попившая османской же крови. Пусть видят послы держав европейских, пусть напомним своему Брюссельскому концерту: хоть сербов самих по себе – две телеги, османских голов они навалят четыре. И василевс пусть видит: не изменят сербы единоверным русским, готовы к совместному броску на помощь болгарам и дальше, хоть бы и к самому Ыстанбулу. Бывшему Царьграду.

Послы чувствовали густую, замешенную на крови ненависть соратника Кириаковичей, ненависть, которую не могли заглушить никакие церемониалы и протоколы. И, более того, не желал глушить её серб сегодня, когда меж нынешней осенью и казавшейся неотвратимой Балканской войной вклинился Ливонский афронт василевса.

«Османа увидишь – убей».

Просто и понятно. По-другому выживать горные сербы не умели и уметь не желали.

Впрочем, точно так же думали о сербах и османы-поселенцы, волею султана осаженные на пограничных землях.

---

¹ Авторы и их консультанты знают, что звук в вакууме не распространяется; они также знают, что в нашей реальности орден Святого Георгия имел четыре степени. Наполеон окончил свои дни на острове Св. Елены, анабазис изначально есть отступление десяти тысяч греческих наёмников из Персии, в русской армии середины XIX века не было ни одного «армейского» корпуса, надёжные кабели для подводного телеграфа появились лишь в конце 1850-х годов, величайшая русская правительница была немкой по рождению, а император Николай Павлович – совсем другим человеком. Авторы надеются, что читатели признают эти и прочие «вольности» естественной частью истории описываемого мира, тем более что это так и есть.

Дворцовые гренадеры в полной парадной форме, стоявшие по обе стороны высоких дверей, отбили «На караул!», когда ожидание стало нестерпимым. Железный голос церемониймейстера провозгласил:

– Его василеосское величество, государь Всероссийский!..

Далее следовало пышное и длинное титулование, оставшееся ещё со времён владычного Володимера, собиравшего вокруг себя разрозненные русские княжества. Послы переглянулись – хозяин Державы ни на йоту не отступил от ненавистного ему церемониала, но какую картину сегодня поместят в вычурную старинную раму?

Арсений Кронилович не забыл ничего. Впереди василевса в мундире Егерского лейб-гвардии полка и василиссы в «русском» платье со шлейфом несли регалии: знамя и – на белых бархатных подушках – печать, скипетр, державу и корону. Их сопровождали кавалергарды с обнажёнными палашами. Справа и на шаг позади его величества следовал министр Двора, за ним «друг другу в затылок – почётное дежурство: один генерал-адъютант, один свитский генерал и один флигель-адъютант», и только потом – попарно наследник Севастиан Арсеньевич с супругой, его младшие братья Антон и Никита и далее великие князья «по близости к трону, по порядку престолонаследия».

Послы склонились, приняв предписанные протоколом позы и подметая полы вышедшими из моды ещё до Буонапарте, но потребными по церемониалу перьями шляп. Осман с превеликой торжественностью снял с наголо бритой головы огромный тюрбан.

Государь и василисса остановились посреди зала, выжидая, пока на особые табуреты по обеим сторонам трона не возложат регалии. Василисса и высочайшие особы двинулись мимо Арсения Крониловича; василевс остался стоять, пока его супруга не заняла своего места. Затем мерными шагами проследовал к подножию трона, но на этом соответствие церемониалу и окончилось. Сын победителя двенадцати языков не стал ни подниматься по ступеням, ни усаживаться, ни принимать из рук министра Двора загодя написанную тронную речь. И уж тем более он не стал ничего зачитывать. Обернулся к замершим дипломатам, нехорошо сощурившись и скрестив руки на достойной молотобойца груди.

– Господа посланники... – Хрипловатый голос наполнил пространство зала, и Шуленберг отчего-то очень ясно представил себе российского государя ещё совсем молодым, поднимающим в атаку заколебавшийся полк, угодивший в засаду на Зелёной линии, за что он и получил из рук отца-василевса «Георгия» третьего класса, единственную награду, которую носил всегда и везде. – Господа посланники, я собрал вас здесь, дабы донесли вы до своих монархов и правительств неуклонную решимость Державы Российской защитить – в том числе и силою оружия – права и привилегии единоверцев наших, попираемые ливонскими властями предержащими.

Дипломаты внимали с похвальным, истинно дипломатичным вниманием. Наклон голов, сложение рук, элегантная простота поз – но, боже упаси, безо всякого вызова! Мысленно добрая дюжина их превосходительств уже скрипела перьями, оформляя срочное дополнение к дневным депешам.

– И потому требую, дабы вы, господа, донесли бы до представляемых вами дворов и кабинетов сие: решимость Державы Российской безгранична. На сей раз не позволим мы правому делу утонуть в бессмысленных словопрениях на брюссельских паркетах. Свобода единоверцев наших исповедовать исконный их обряд – не предмет для торга. Господин государственный канцлер точнее ответит вам, сколько чернил да бумаги с сургучом извели мы на бесплодную переписку с Млавенбургом! – Василевс перевёл дух, тяжёлый, разящий, словно палица, взгляд упёрся в прусского посланника. Граф Александер фон Шуленберг только скрипнул зубами, сумев, однако, удержать маску бесстрастного и вежливого внимания к монаршей речи. Он лично не раз и не два слал в Берлин депеши, советуя двору прислушаться к начинавшему злиться русскому медведю и не дразнить его понапрасну, тем более что иные из тех требований удовлетворялись несколькими росчерками пера. По отдельности всё было устранимо и решаемо, вместе же означало войну, теперь уже, похоже, неотвратимую.

— ...однако безо всякого результата! — гремел василевс. — Господин государственный канцлер с удовольствием поговорит с вами, господа послы, о тех поистине смехотворных «ответах», кои мы принуждены были читать, ответах, последовавших из Млавенбурга! Не желаю и не буду толковать о них здесь и сейчас, скажу лишь, что удовлетворено не было ни одно из справедливых, весьма умеренных и обоснованных требований наших...

Ливонский посланник откровенно сник, американский федерат же, напротив, встрепенулся, смотря с жёстким и хищным прищуром, — почуял войну, а значит, и прибыль, с невольной неприязнью подумал пруссак. Бельгийцы, вняв голосу «разума» в лице английских резидентов, в своё время отказали в поставке уже заказанных штуцеров, но бывшая английская же колония блюдёт только свою выгоду. Яблочко от яблоньки...

— Требования наши, — продолжал тем временем василевс, — были, как мы уже сказали, весьма умеренны и никак не оскорбительны для ливонских властей. Велю господину государственному канцлеру перечислить их вкратце, дабы вы, господа послы, вновь убедились бы в умеренности притязаний Российской Державы.

Василевс замолчал, какое-то время вглядывался — нет, не во внимательные лица, в словно бы осенявшие дипломатов пленные знамёна, затем чётко, будто на параде, повернулся, и выход последовал тем же порядком, разве что без предношения регалий.

3. Берег Ладоги. Посольство королевства Пруссия

После приёма граф Александер велел кучеру ехать вдоль набережной и за Военным министерством остановиться. Смеркалось; над застывшей Ладогой, обещаая ветер, дрожала недобрая алая полоса. Посол спустился по пологой лестнице к самой воде и долго стоял, всей душой отдавшись глупейшей мысли о том, сколь хорошо было бы, если б Ливония, подобно Атлантиде, скрылась под морскими волнами. Желательно завтра.

Стремительно становящееся *casus belli* захудалое герцогство являлось не более чем гримасой Фортуны и Клио. Уже к шестнадцатому веку это был совершенно нежизнеспособный уродец, спасти которого не смогло бы никакое чудо и никакое вливание сил извне. Тем паче все соседи только и думали, как наложить лапы на земли выродившихся рыцарских орденов, а местные жители, включая обросших свинарниками и салачными угодыями рыцарских потомков, спали и видели приход завоевателей. Любых. Дело кончилось сваями, и кончилось надолго, но, увы, не навсегда. Накануне перекроившей Европу Северной войны ливонское дворянство затосковало о былых правах и привилегиях, и в Стокгольм отправилась депутация, в которую затесался состоящий на свейской воинской службе некий Рейнгольд фон Валльштедт. Сей достойный господин в требования вернуть снег былых столетий зашёл столь далеко, что королевский суд приговорил наглеца к отсечению правой руки и конфискации имущества.

Ну что бы этому безумному барону Рейнгольду попасться в руки свеев — но он сбежал из-под носа гнавшихся за ним королевских драгун и, обуздав природную склочность, сумел уболтать государей Пруссии, Дании и Саксонии, получить деньги и солдат и вторгнуться в Ливонию, развернув знамя с тяжеловесным крестом давно испутившего дух ордена. Местные немцы, включая солдат и офицеров свейского короля, толпами перебежали к фон Валльштедту, с востока наседали русские, и вскоре вся территория от Млавенбурга до Ревеля была захвачена. Саксония из войны вышла, но дошлый Валльштедт заключил с Пруссией и Россией соглашение, по которому воссозданное Ливонское герцогство становилось протекторатом Пруссии, а восточный берег Млавы и Суомия отходили к России.

Так и не встретившийся со свейским палачом новоявленный герцог мирно скончался в 1727 году, благополучно передав сыну крепкое владение. Новым ливонцам продолжало везти и дальше — Буонапарте, изгнав Морица-Иосифа из Берлина и разбив русских, вторгся в Россию, но Ливонию ввиду недостатка сил трогать не стал, удовлетворившись её разрывом с Пруссией и нейтралитетом. Когда французы наступали, герцог Рейнгольд IV сидел тихо, как

благовоспитанная ливонская мышь под веником; когда вымерзшие остатки Великой Армии побежали назад – ударил в спину, блохой оседлав чужую победу. Если б кайзер и василевс Кронид догадались тогда же хитрое насекомое и прихлопнуть! Пруссии достало бы Ревеля с его портом, а Россия получила бы своих вернославных. Если бы... Теперь тупые амбиции Рейнгольда V и, что греха таить, кайзера с василевсом для пруссаков и русских вот-вот обернутся тысячами смертей, одновременно способствуя прибылям австрийцев и замыслам англичан.

Не желая даже думать о последующем, граф поднялся по лестнице.

От воды всё явственней тянуло холодом – Ладога уже дышала осенью. Замёрзший Шуленберг протёр пенсне, поднял воротник и вернулся к карете. Сегодня ему особенно не хватало военного атташе, бывшего командира и просто старшего друга. Генерал фон Зерофф ещё весной по настойчивой и единодушной рекомендации посольского доктора и пяти его анасеепольских коллег отбыл на лечение. Берлин запросил мнение Шуленберга – ждать ли возвращения почти семидесятилетнего атташе или же прислать в Анасееполь замену. Граф Александр просил ждать, и в *этом* ему пошли навстречу.

Апартаменты фон Зероффа пустовали, посол собственноручно поливал столь любимые стариком монстеры и фикусы. Увы, величественные растения не могли ни посочетовать, ни поддержать, а с секретарями и советниками фон Шуленберг откровенности себе не позволял. Как и с нежно любимой, но такой разговорчивой Урсулой.

Пройдя в свой кабинет, господин посол накрепко запер двери. Особняк уже отходил ко сну, и только в личной приёмной ждал распоряжений лакей Мартин.

Фон Шуленберг подбросил дров в жарко пылающий камин, тяжело опустился в кресло. Сцепив пальцы, долго смотрел на огонь.

Сегодня ночью всё равно не спать. Похоже, это последняя его депеша в Берлин, которая ещё может что-то изменить. Курьерское судно отойдёт с рассветом, на нём в Ревель отправится должным образом зашифрованное сообщение прусскому двору. И это сообщение должно быть таким, чтобы все, решительно все поняли бы, в какую игру их почти втянули.

Наверняка содержание его депешы быстро станет известно в Форин Офисе. Проклятые англичашки. У них слишком много денег, и они не жалеют их на подкуп... Можно ждать и неприятностей по службе. Берлин на все его многочисленные воззвания отвечает одним – убеждайте русского императора в нашем исконном миролюбии и стремлении решить дело без применения силы. Подчёркивайте нерушимость Брюссельских трактатов, признанный Анасееполем протекторат прусской короны над Ливонией, откуда делайте вывод, что...

Посол оборвал себя. Хватит.

Перо стремительно бежало по бумаге, каллиграфически правильные буквы выстраивались, словно готовое к бою войско. Роты слов вставали плечо к плечу, батальоны-абзацы щетинились штыками выводов, и личная печать господина чрезвычайного и полномочного посла казалась знаменем, поднятым над идущей в отчаянную атаку армией.

«Я убеждён, что император Арсений не имеет планов захвата и аннексии Ливонии. За годы моей миссии в Анасееполе я неоднократно имел возможность убедиться в его личной честности – как в жизни, так и в политике. Ещё не поздно вступить в переговоры, поскольку сосредоточение армейских сил России на ливонских рубежах потребует не менее полутора месяцев. Военное же столкновение с русскими станет прелюдией к войне, последствия которой страшно себе представить...»

Фон Шуленберг писал, вставал, досадливо тряс уставшей рукой и садился обратно к столу. Раздражённо чёркал, вымарывал слова и целые фразы, потом, взглянув на мерно тикающие напольные часы, чертыхнулся и полез в сейф за шифровальными таблицами.

С зарёю письмо посла, превратившееся в бессмысленные колонки цифр, отправилось в Анасеепольский порт. Ревельское судно, поднявшееся против течения по широкой и медленной реке, стояло наготове – к нему одна за другой подкатывали пролётки посольств, куриеры в сопровождении мрачных сержантов сгружали дипломатическую почту. За всем происходящим наблюдал невыспавшийся и угрюмый почтовый чиновник в мундире и с

серебряным свистком в петлице. Досмотр категорически воспрещался, что бы там ни вздумалось господам послам упаковать в мешки, хоть отрезанные головы людские.

Граф фон Шуленберг отвёз письмо в порт лично. Он не спал всю ночь, не выпускал депешу из рук, сам сжёг все до единого черновики, все бумаги, что были на столе, сам зашифровал текст и был уверен, что из его кабинета ничто «утечь» не могло.

Другое дело – Кайзерштрассе...

Глава 3

Хотчина под Анасееполем

17 сентября 1849 года

Огромный лебедь забил крыльями, зашипел и вперевадку погнался за серенькой кряквой, имевшей несчастье приблизиться к его светлости. Уточка торопливо и испуганно заковыляла к воде, но лебедь не успокоился. Испуская сварливые крики, он двинулся следом, нелепо шлёпая по стриженной на аглицкий манер траве перепончатыми чёрными лапами.

– Ну и свинья же вы, Милорд! – с чувством произнесла великая княжна Зинаида Авксентьевна и оглянулась, не подкралась ли madame. К счастью, рядом не случилось никого, кроме белоснежного владыки сонных вод. Одержав блистательную победу, Милорд успокоился и уселся на всё ещё зелёную сентябрьскую траву. Утка уплыла, стало тихо. Зинаида Авксентьевна вздохнула, расправила ленты шляпки и вернулась к присланному престарелой родственницей роману.

Читать о несчастной и скучной любви бедного благородного шляхтича к добродетельной золотоволосой анасеепольской княжне не хотелось. Увы, грозная Варвара Виссарионовна, окружив себя на старости лет литераторами, не только рассылала родне творения своих любимцев, но и учиняла допросы с пристрастием. Уличённые в невнимании бывали нещадно изруганы, а злополучные книги неумолимо возвращались к «легкомысленным бездельникам». Проще было прочесть сразу, обращая особое внимание на клички собак и имена лакеев. Варвара Виссарионовна полагала, что сии мелочи несовместны с пересказом с чужих слов. И ошибалась. Читающий первым заносил мосек и горничных в книжечку, которая и шла по кругу, но у бедного молодого человека из сочинения господина Чудинова не имелось ни лошади, ни лакея, ни хотя бы мопса, а лишь возвышенные чувства и скорбь о бедах угнетённого отечества.

Унаследовавшая простодушную отцовскую жизнерадостность, Зинаида разделить сии и им подобные скорби не могла, что же до возвышенных чувств, то они у великой княжны имелись в избытке. Девушка ещё двенадцатилетней отроковицей отдала сердце командиру старшего брата. Кавалергардский майор был светло-рус, сероглаз, спокоен и одет строго по форме, но черно- и златокудрым романым страдальцам он не оставил ни малейшего шанса. Как и самой Зинаиде Авксентьевне – майор был счастливо женат, а двоюродную племянницу василевса ждал брак с одним из немецких принцев, с каким именно – Арсений Кронидович пока не решил.

– Причащаешься? – Весёлый голос оторвал Зинаиду от трёхстраничного рассуждения о добродетели и пороке. Вернее, от привычных, как осенние хотчинские красоты, и столь же щемяще светлых мыслей.

– Нет, очищаюсь, – девушка с радостью отложила постылый том и улыбнулась высокому кавалергарду, – через страдание! И что б Варваре не завести левреток?

– Я был бы счастлив и мартышкам! – Великий князь Геннадий Авксентьевич, он же братик Геда, раскрыл книгу на первой попавшейся странице и, завывая, как самый маститый литератор, прочёл: —

«Варвара Васильевна! Любезная моя Басенька, первый и последний раз я обращаюсь к Вам столь вольно ...»

– Отчего же, пан Тадеуш? – тихо переспросила Варвара Васильевна, перебирая пальцами своими кисти вишнёвой шали.

– От того, – горло Хабровича перехватила спазма, и он замолк, страдальчески глядя на предмет чувств своих, – от того, ненаглядная Варвара Васильевна, что Вы рождены в дикой стране, растоптавшей и поработившей мой бедный край. Чувства мои к Вам сильнее смерти, что неизбежно ожидает меня в конце пути моего, но долг велит мне быть с теми, кто гибнет за свободу моей Польши.

Увы, нас слишком мало, чтобы победить, но смерть наша не будет напрасной. Те, кто из страха либо же корысти мирятся с чудовищем у своего порога, услышат его рёв и поймут, что рано или поздно будут пожраны сами, как пожрано моё несчастное Отечество. Пусть страх за собственную жизнь принудит их сделать то, что они не сделали во имя сострадания к ближним своим!..»

Чёрт бы его побрал!.. Скотина! – Геннадий размахнулся и зашвырнул книгу далеко в пруд. Полетели брызги. – Сожалею, что не могу запороть этого субчика на конюшне, как пристало обитателю варварской страны!..

– Зверь! – Княжна, подобрав сиреневое платье, подбежала к берегу. Вода была на диво прозрачной, но привыкший бросать мяч кавалергард отправил чудиновское творение слишком далеко.

– Брось, Зюка. – Геннадий зло рассмеялся. – Не всплывёт, уж больно переплёт знатен! Пусть карпы читают, авось духом возвысятся... А Варвара точно из ума выжила, такое привечать!

– Просто ты не знаешь, – Зинаида бросила тоскливый взгляд на ставшую вновь зеркальной озёрную гладь и вернулась к брату, – наша Варвара в девичестве любила одного шляхтича...

– Вот тебе и чай с конфетами! – присвистнул великий князь. – Николай свет-Леопольдович, поди, рассказал?

– Он же мой крёстный, – улыбнулась Зюка. – А шляхтич тот служил в гвардии, был весьма недурён, только связался с Радживоллом.

– Надеюсь, его расстреляли? – Лицо брата вновь стало злым.

– Разве что во Франции... Он бежал в Париж, прислал Варваре посвящённый ей полонез, а потом бог его знает. Может, и погиб, там как раз смута началась.

– Занятно было бы, если б субчик сей по аристократизму шляхетскому своему фонарь парижский украсил, только, боюсь, выкрутился и к Буонапарте пристал, благо тот сволочь со всей Эуропы присобрал. Ладно, будем надеяться, наш любовник замёрз в страшных русских лесах... Лехам, им не привыкать.

– Варвару жалко. – Замёрзший ли, нет ли субчик княжну не занимал. В отличие от замужества без любви.

– О да, – хмыкнул Геннадий Авксентьевич, – безутешную девицу выдали за остзейского мерзавца, в придачу до мозга костей верного присяге. Право, жаль, что Софья встряла в делёжку лешского пирога. Отдала бы панов, раз уж по-хорошему не понимают, австриякам с пруссаками, и дело с концом!

«Может, и в самом деле «жаль», – подумала княжна. – Тиранили б их, а мы бы сочувствовали, как сейчас вернославным ливонцам да сербам с болгарями».

– А как же *твой* Русский? – внезапно нашлась Зинаида, постаравшись улыбнуться. Улыбка получилась, но сердце предательски затрепыхалось. – Его что, тоже австриякам?

– Вот ведь, – Геннадий покаянно вздохнул, – с Фёдором вечно забываешь, что не свой... И он забывает, иначе мы б уже раз двадцать стрелялись. А признайся-ка, Зюка, что Фёдор Сигизмундович хорош? Ведь хорош, а?

– Хорош, только не блондин! – выпятила губку княжна, внезапно заинтересовавшись исчезающими вдаль журавлями. – Какая осень тёплая... В прошлом году по утрам морозно

было, а сейчас у маменьки розы цветут. Как в июле...

– Повезло. – Геннадий нахмурился, тоже думая о чём-то своём.

С ним это случалось. Вот смеётся, шутит, корчит рожи, а вот и нет его, улетел в дальние дали. И лучше не трогать – цапнет и не заметит. Сестрицы, будучи укушенными, дулись, маменька нюхала соль и жаловалась папеньке, тот обещал выругать и сбежал к Бичурину или Борелли, а Зинаида к Гединым вывертам привыкла. Пусть думает о чём хочет – не жалко. Она и сама не прочь забиться в уголок и помечтать. И чтоб никто не трогал!

– Зюка, – вернувшийся с небес брат был хмур, чтобы не сказать зол, – ты понимаешь, куда мы, прости Господи дядюшку Арсения, вляпались по доброте его душевной? Нашли кого спасать! Лехов нам мало было, «единоверцы ливонские» занادобились... Единоверцы, как же! До первого сребреника, а дальше как придётся! Чует моё сердце, увязнем здесь по уши, а османы ждать не станут. Мы в Ливонию, они – на Балканы, болгар давить, а из тех вояки, как из собачьего хвоста сито... Разве что Кириаковичи вмешаются, да сколько их, раз, два и обчёлся.

– Папенька говорит, герцог ливонский струсит, а нет, так Шаховской с ним управится шутя, – зачем-то сказала Зюка. – Думаешь, нет?

– «Папенька говорит...» – передразнил Геннадий. – Папенька наш – как та птица заморская, попугаем именуемая. Что слышит, то и повторяет, хоть за умником, хоть за дураком, а Ломинадзев – дурак набитый.

– Дурак, – с удовольствием согласилась Зинаида, вспомнив холёного князя с ласковыми до сальности глазами. – Хорошо, он к нам больше ездить не станет.

– Плохо, – Геннадий ловко подобрал жёлудь и с силой запустил в ближайший ствол, – очень плохо, Зюка. Если б он привозил папеньку от Борелли, сидел бы тут, а не в Ливонии...

* * *

Мадера была чудеснейшей, в отличие от беседы. Нет, великий князь Авксентий Маркович не имел ничего против кузена Джорджа, но только если родичу не требовалось чего-то добиться. Конечно, помощь в той истории с Полин пришлась кстати, но восемь тысяч серебром – это всего лишь восемь тысяч серебром, ссора с Арсением всяко обойдётся дороже.

– Нет, Георгий Кронидович! – Князь с тоской посмотрел на настырного гостя. – Тут я помочь ничем не могу. Не могу, и не проси даже. Всё понимаю, любезный кузен, что прав ты, нечего нам лезть в дела ливонские, то суть глупость и варварство, но что с того? Если государь не внемлет родному брату, разве ж он прислушается ко двоюродному? Нет, нет и ещё раз нет!

– Увы, – развёл руками Джордж, – *его* не остановит никто, сие верно, однако ж друзьям нашим надобно знать – лучшие умы Державы не разделяют заблуждений государя, сколь пагубных, столь и трагических. А от тебя, дорогой мой, потребно немного. Всего лишь отобедать с несколькими очень достойными господами и поделиться с ними своим мнением. И всё.

– И всё? – с сомнением переспросил Авксентий Маркович, памятуя о привычке кузена начинать с ногтя, а заканчивать рукой. – Душа моя, я, конечно, не против, а повар у тебя выше всяческих похвал, но меня опять неправильно поймут... Тауберт, оглянуться не успеешь, так всё развернёт...

– Николай Леопольдович имеет большое влияние на государя. – Джордж сплёл и расплёл пальцы. – Слишком большое. Признаюсь, мне трудно объяснить эту склонность брата.

– Удивительная приязнь, – с удовольствием подлил масла в огонь Авксентий Маркович. – Одно слово этой колбасы немецкой для государя дороже сотни моих. В прошлый раз – по твоей просьбе, кстати! – вступился я за молодого Шигорина, и что же? Тауберт выложил какие-то написанные паршивцем стишки, Шигорина сплавил на Капказ, а

я имел пренеприятнейший разговор.

– Пренеприятнейший, не спорю, но, доберись мадемуазель Полин до государя... – улыбнулся Джордж, – боюсь, вышло б куда хуже. Твои привычки, любезный кузен, обходятся тебе дорого, а великокняжеские уделы, как я слышал, будут урезаны. Армия, армия, ненасытная утроба, орда в золотых эполетах! – Гость самую малость сощурился, что у аглицких «гентельменов» должно было означать высшую степень презрения. – Брат холит их и лелеет, а нужно тратить совсем на иное. Сердце моё обливается кровью, потому что Арсений стремится к большой войне, а застоявшиеся вояки его усердно подстрекают. Всё, всё, что скоплено и что следует употребить во благо Державы, генералы пустят на ветер, а войны нам с нашей отсталостью не выиграть. Мы должны вежливо стучать в дверь цивилизованного мира и просить его помощи в приобщении к прогрессу, а не пытаться высадить эту дверь ногой.

– Ну, ты всё же не преувеличивай. – Авксентий Маркович задумчиво почесал породистый нос, прикидывая, с какой карты лучше зайти. – Свеем шею намылили, османов окоротили, Буонапарте жару дважды задали, по Парижу промаршировали, а ты – «снисхождение»... Кто мятежников всяческих по слёзным просьбам концерта твоего Брюссельского к ногтю брал? Уж не Аннушка ли твоя аглицкая?

– Мой дорогой, – Джордж отодвинул пустой бокал и достал плоский золотой портсигар, – ты отменно разбираешься в балете, французском театре и винах, но не берись судить о предметах, от них далёких. Что теперь в прошлых победах? И как их одержали? Бессмысленное стадо, рабы, в солдаты отданные за проступки, воровство да бродяжничество. Общины с помещиками в рекруты самых худших посылали, лишь бы отделаться. Александр Васильевич наш драгоценный командовал тупым и безграмотным быдлом, кое, как и положено быдлу, не боялось смерти, отсюда и все пресловутые чудеса.

Ты давеча вспоминал Буонапарте, – кузен с видимым удовольствием закинул ногу на ногу и в упор воззрился на затосковавшего родича, – что ж, поговорим и об этом. То, что на Дворцовой торчит нелепейший и безвкуснейший столп, не может являться доказательством нашего триумфа. Буонапарте, что тебе вряд ли известно, не преследовал цели уничтожения или даже унижения Державы. Ему лишь требовалась целостность континентальной блокады против Англии – дело, конечно, скверное, не спорю. России же и Пруссии император желал преподать урок – не более того. И ещё надобно знать, каждое из прямых столкновений неизменно заканчивалось тем, что нам от души пороли задницу. – Джордж выпустил элегантное колечко дыма. – Да, мой дорогой, да.

Авксентий Маркович поёрзал – как-то это уж совсем не лезло ни в какие ворота. «Пороли задницу»!.. Что-то тут выходило неправильно.

– Да, пороли задницу, мой дорогой. – Кузен перегнулся через стол, пристально взглянув в глаза. – Если ты изучишь непредвзятые источники, а не отечественных подхалимов, норовящих выслужиться перед Арсением, поймёшь многое. Балабановка? Горстка французов остановила целый корпус нашего героя Осташинского. Угрень? Армию спасла случайность, а город был потерян. Битва на Нарче...

– Это ещё что за битва? – набычился Авксентий Маркович. Кузен Джордж уж слишком любил показать образованность. – Я такой не знаю.

– Ах, дорогой. – Георгий Кронидович сделал небрежно-досадливый жест рукою с зажатой меж пальцами пахитоской. – Я предпочитаю источники объективные, сиречь европейские, а там... ну, скажу, чтобы тебе стало понятно, – Калужинская битва. Каковую Буонапарте выиграл вчистую. Мы потеряли вдвое больше, чем французы, и принуждены были к оставлению позиций...

– Но в войне-то мы победили или кто? – искренне возмутился Авксентий Маркович. – А у тебя, Егорий, как-то совсем уж странно получается. Выходит, что...

– Что за нас всю работу сделал генерал, нет, фельдмаршал Мороз и огромные наши расстояния, – не моргнув глазом, объяснил Джордж. – Целей похода, особенно политических, Буонапарте не достиг. Оставаться в России смысла не имело, а потом

Великую Армию доби́ли холода. Заслуг наших в том нет. Но и тогда, как и при Софье с её фаворитами, можно было бросить тупое быдло под картечь и проложить дорогу себе штыками. Теперь же всё решают телеграф, фабрики и паровые машины... Ты вот, к примеру, слышал про совокупный доход?

– Сразу и не припомнишь...

– Не слышал, – с удовлетворением заявил Джордж. – И я очень удивлюсь, если слышали брат Арсений с его жандармами, а без понятия сего, без научного подхода нам с Европой не тягаться. Не сомневаюсь, твой разлюбезный Шаховской завязнет в ливонских снегах до весны, а на март назначен Конгресс. Ливония потребует защиты и получит её. Или ты думаешь, мы с нашими ваньками и федьками выстоим против всех, с кем Арсений умудрится рассориться?

– А куда нам деваться? – тоскливо поинтересовался Авксентий Маркович. Лезть к государю с подобными разговорами не хотелось, но урезанный удел, когда и теперь-то концы с концами не сводятся...

– Мы должны выйти из Ливонской войны, не начавши её, – быстро сказал Джордж, – или, по крайней мере, дать понять Европе, что даже семья государя не разделяет воинственных его устремлений и осознаёт всю безнадёжность сей политики. А Тауберта не опасайся, он не столь вездесущ, как может показаться.

От необходимости отвечать, равно как и от утомительной необходимости думать, чем сможет помочь Державе тот факт, что в Эуропах узнают о разногласиях в августейшей российской фамилии, Авксентия Марковича избавили пробившие пять раз часы и лакей, возвестивший о том, что на террасе накрыт чайный стол.

* * *

– Зинни, маленькая моя, какая же ты большая! – воскликнул дядюшка, и Зюка обречённо подставила для поцелуя лоб. Авксентий Маркович одарил гренадерским ростом не только обоих сыновей, но и младшую дочь. Георгий Кронидович находил это забавным уже года три, папенька находил забавным вообще всё, а маменька, в свою очередь, порицала всё, выходявшее за пределы приличий. В частности, девицу, имевшую неосторожность глядеть сверху вниз на добрую половину молодых людей.

– В нашем роду недомерков не водится. – Благоухающий мадерой великий князь заключил угрюмую дочь в объятия и подмигнул супруге. – Сколько ты, душа моя, породу ни портила, а трое из пяти удались на славу! Борзые, не левретки!

Маменька не ответила – разливала чай. Поджатые губы обещали затяжное ненастье – не сейчас, после отъезда родичей.

– Дорогая Зинни, – кузен Джеймс, по своему обыкновению, постарался загладить неловкость, – ты сегодня удивительно хороша. Это сиреневое... Оно напоминает о весне и пармских фиалках.

– Яшенька, сиреневое напоминает о сирени. – Геда поцеловал маменьке руку, и уголки вечно опущенных губ слегка приподнялись. – Удивительно тепло для сентября, не правда ли, Егорий Кронидович?

– Да, осень в этом году прямо-таки парижская. – Дядюшка с сомнением поглядел на двоюродного племянника. Геда терпеть не мог как «аглицкого» дядюшку с его стеками и портсигарами, так и кузена с кузиной, и Зюка не сомневалась, что чувство это взаимно.

– У меня под окнами до сих пор цветут розы, – заметила маменька, водружая на малый чайник барыню-грелку, – Георгий Кронидович, душа моя, возьмите сливок.

– Спасибо, Долли. – Дядюшка благосклонно принял чашку и пригубил. – О, узнаю «Чёрный бархат». Прекрасный сорт, и как заварен. Класть в такой чай сахар – преступление, а сливки – тем более.

– В таком случае Держава населена преступниками. – Геда от души плеснул себе сливок, которых, к слову сказать, обычно в рот не брал.

– Не преступниками, но людьми невежественными, – потупилась кузина Мэри. – В Европе до сих пор вспоминают, что дедушка Кронид пил чай, как солдат. С блюдца. Дул и шумно прихлёбывал, словно купец в трактире. Да представимо ль вообще такое?!

– А не вспоминают ли в оной Эуропе, как и зачем дедушка Кронид там оказался? – Гедда смотрел не на кузину, а на дядюшку.

– К счастью для нынешнего положения нашего, нет. – Серые глаза Егория Кронидовича сузились. – Мы как раз говорили с твоим отцом о том, что времена бессмысленной храбрости миновали. Нынешние войны выигрывают или проигрывают до их начала, успех ныне зависит от дипломатов и коммерсантов, а не от генералов. Увы, мой брат Арсений этого не понимает и говорит с иностранными кабинетами недопустимо дерзостно. Сие весьма недальновидно. Этот его манифест... – Кузен Джордж проделал слабое движение кистью, долженствующее изображать разочарование. – Европа возмущена и обеспокоена. Опротечивость государя, чтобы не сказать более, встанет Державе дорого. Не правда ли, кузен?

– Пожалуй... – Авксентий Маркович пожал богатырскими плечами. – Арсений бывает... неосторожен... Эти, как их... ливонские чухонцы свеч не стоят. То есть я хотел сказать, надо бы дождаться Конгресса...

– Именно, душа моя, – просиял дядюшка, – дождаться Конгресса и обратиться к просвещённым государствам с просьбой об арбитраже. А что сделал мой брат?

– Вы и впрямь не знаете? – удивился Геннадий. – Государь заговорил с просвещёнными государствами на единственном языке, коий те способны понять. Зачесть вам манифест? В нём имеются ответы на все ваши вопросы, хотя мне хватило одной-единственной фразы: *«Того требует честь и достоинство России и всего народа русского»*. России и народа русского, дядюшка!

– Уволь, дорогой мой, – Егорий Кронидович добродушно рассмеялся, – я сие уже слышал и более не хочу. Ужасный слог и ужасный смысл, вернее, отсутствие оногo. Холопы тамошние, судьбой коих ты озабочен, кому угодно молиться станут, хоть и ханьской Ши-Цзе, лишь бы податей не платить, да и кто их утесняет? У них там свобод да прав поболее, чем в нашей державе. Просто чухонские вернославные от природы глупы, неразвиты и ленивы. В этом они и впрямь родные братья нашему хамью. Ну и зачем нам из-за них лезть на рожон? А земли ливонские, если брат мой их в уме держит, нам впрок не пойдут... Нет, не пойдут...

– Дядюшка Егорий, – Гедда был сама кротость, но Зинаида успела заметить, как у брата полыхнули глаза, – а балканские земли кому впрок пойдут? Турку или же Эуропе?

– Если бы ты, Геннадий, в самом деле пёкся о благе балканских племён, ты бы желал им привлечь внимание цивилизованных стран, способных извлечь их из варварского первобытного состояния. Нам сие не по силам: утопающий не может спасти утопающего.

– Вы полагаете, мы тонем в варварстве?

– Не я, – дядя с печалью, можно даже сказать со скорбью, коснулся губами чашки, – так полагает весь просвещённый мир, все мыслящие люди...

– Георгий Кронидович, – брат округлил глаза, – я-то числил вас англоманом, а вы если не санкюлот, то буонапартист! Иль не знаете, кем сия идея порождена? Директорией французской, вот кем! Они начали, а Консульство с Империей на щит подняли. «Храбрые австрийцы, вестфальцы, баварцы, лехи, черти болотные... Неужели вы будете сражаться вместе с северными варварами, идущими поработить вас?» Узнаёте стиль и слог? Нет, я понимаю Буонапарте, ему Коалицию расколоть требовалось, а вы-то чего добиваетесь, дядюшка?

– Я не буонапартист, – поспешил отречься от Потрясателя Эуроп сын его победителя, – но кто бы ни говорил, что вода мокра, а снег – бел, истина остаётся истиной. Говоря о русских, Буонапарте был прав.

– Что ж, дядюшка, будь по-вашему. – Так Гедда смотрел в детстве, когда целился из подаренного министром Двора «татарского» лука. – Я готов признать Буонапартову правоту

по нашей части – после того как вы подпишетесь под его же мнением об англичанах. Помнится, их тоже вычёркивали из Эуропа. Не как варваров, как безродных торгашей, лишённых корней, почвы и культуры. Итак, вы согласны, что подданные Аннушки Тюдор и иже с ними подлы, коварны и искони враждебны благородным жителям континента?

– Э-м-м... – Георгий Кронидович замялся, – не уверен, что ты правильно понял...

– Желаете глянуть парижские журналы? Они у меня все здесь. 1801 год, 1807-й, 1811-й... Надеюсь, вы достаточно хорошо понимаете французский?

– Геннадий! – нахмурился папенька. – Не забывайся. Егорий, так ты говоришь, тётушка Варвара пребывает в добром здравии?

– Хотел бы я в её годы сохранить столь ясный ум, – принял помощь Джордж. – Это великая женщина и делает великое дело.

– Стало быть, вы, Егорий Кронидович, – медовым голосом осведомился Геда, – затеяли проведать всё наше семейство и начали с праматери Варвары?

– Не вижу в том ничего дурного, – насутился папенька, – хотя я, признаться, к ней не ездок. Уж больно разговоры там умственные разговаривают. На сон клонит.

– А мне отрадно там, – не согласился дядюшка, – отрадно потому, что есть и в нашем отечестве литераторы, преизрядно пишущие. И не зазорно им брать за пример лучшее, что создано в просвещённом мире.

Геннадий шумно вдохнул воздух, и Зюка замерла в новом предвкушении.

– Уж не господина ли Чудинова вы изволите нахваливать? – Геда поднёс ко рту чашку. – Занятный курилка. Держал его опус в руках не далее как сегодня.

– Чудинов и впрямь хорош, – оживился дядюшка. – Но я заезжал похвалить северные элегии Кнурова. Упоительно и дерзко, очень советую. Касательно же Чудинова, я, признаюсь, приятно удивлён, что ты читаешь такого вольнодумца.

– О, сие слишком громко сказано. – Геда лукаво улыбнулся. Не дяде – сестре. – Я прочёл всего страницу, после чего отправил книгу в пруд, о чём и прошу вас донести Варваре Виссарионовне. Однако того, что я прочёл, довольно, чтобы с вами не согласиться. Бери господин Чудинов за образец аглицких литераторов, он бы писал о победах отечества своего и о том, что россияне всегда правы лишь потому, что они россияне, а с теми же горцами капказскими надлежит обходиться как с мятежными индусами да индейцами. Однако, сдаётся мне, я могу назвать, у кого господин Чудинов позаимствовал свои вольнодумные идеи.

– У кого же? – пискнула Зюка, ещё не зная, что скажет брат, но не сомневаясь, что дядюшкина физиогномия вытянется, придав ему известное сходство со столь любимыми им англичанами или же лошадьми.

– У кого? – Геннадий поставил чашечку на блюдце. – Разумеется, у того животного, что имеет обыкновение гадить там же, где ест. Оно весьма популярно в Англии. Правда, не в палате лордов, а на обеденных столах.

– Геннадий, – подала голос маменька, – ты сегодня невозможен...

– А дядюшка Егорий возможен? – Брат всё больше походил на оскалившегося мастифа. – Будь в *этой стране* хоть четверть тех зверств, кои расписывают господа чудиновы, сидеть бы Егорию Кронидовичу не здесь, а в равелине, а то и на колу. Ибо варварство и дикость...

– Ох, молодость, молодость... – Дядюшка, хоть и слегка порозовевший, продолжал улыбаться. – Только бы поспорить да подраться... Все мы в юности таковы.

– Ой ли? – Геннадий медленно свернул салфетку. – Что-то не припомню я, дядюшка, за вами отличий воинских. Это государь в бытность свою великим князем на капказской линии «Егория» за храбрость получил, а князь Орлов да Николай Леопольдович и вовсе чуть ли не все ордена собрали. Вы же, дядюшка, всё больше по Эуропам...

– А ты бы помолчал! – перебил папенька, то ли защищая Егория, то ли не желая вспоминать о собственных подвигах, точнее, об их отсутствии. – Тоже, чай, не на Капказе... Гвардионец анассеопольский.

– Авксентий Маркович! – Глаза матери нехорошо сверкнули. – Думай, что говоришь...

– Отчего же, – усмехнулся Геннадий, – батюшка прав. Не знал, как сказать, а тут такая оказия... Третьего дня подал я прошение государю. О переводе к Росскому. Хоть поручиком. Потому что гвардейским гренадерам отдан приказ выступить к ливонской границе.

Смысл сказанного братом ударил так, что ногти впились в подушечки ладоней, и мысль проскользнула чужая, отстранённая. Сейчас что-нибудь разобьётся, подумала Зинаида, глядя на пёстрый от посуды стол, – просто потому, что так всегда случается в романах. И потому, что маменька то и дело роняет вещи, а папенька в минуту жизни трудную швыряет их об пол и топает ногами.

Чашка и впрямь вырвалась у княгини из рук, но не разбилась... Почему?

– Геннадий! – страшным и трагическим шёпотом провозгласила Дарья Кирилловна. – Ты не сделаешь этого, Геннадий! А если и сделаешь, я, я... не допущу того! Я брошусь в ноги государю, я буду умолять его пощадить мои седины, мою бессильную старость...

Зюка прикусила губу – роскошные маменькины волосы, кои, несмотря на возраст, не пробило и единой белой нитью, служили предметом давней зависти всего старшего поколения августейшей фамилии. И младшего тоже.

– Маменька, – Геда встал, вновь взял её за трепещущую руку, прижал к груди, – не могу допустить, чтоб считали бы вы своего сына презренным трусом, бегущим от опасности. Лакедемонянские матери говорили...

– Не хочу! – пронзительно-зверино вскрикнула княгиня – так, что Зинаиду продрало настоящим ужасом. – Не допущу!.. Не позво-олю!

Поднялась ужасная суматоха. Бежали маменькины горничные с нюхательными солями, растерянно топтался папенька, Геда с пылающими щеками отступил к окну, закусив губу, но не опуская взгляда. Дядюшка Егорий и кузен с кузиной торопливо откланивались.

– Постыдился бы, племянник, – бросил на прощание Георгий Кронидович. – Мать твоя – святая женщина...

– Так не удивляйтесь, что я хочу быть её достойным. – Геннадий не отвёл глаз.

Зюка осторожно, бочком, подобралась к брату, коснулась кончиками пальцев судорожно сжатого кулака.

Геда коротко взглянул на сестру, кивнул едва заметно, но так благодарно, что Зюке немедленно захотелось совсем не по-великокняжески расплакаться.

Глава 4 **Анассеополь** **18 сентября 1849 года**

1. Особая его василеосского величества. Собственная Канцелярия по благонадзорным делам

Выписанные с похвальной дотошностью кавалергарды в кирасах и касках замерли в конном строю на нарисованном плацу. Можно было встать, подойти к окну, отдёрнуть портьеру и увидеть этот самый плац воочию. Пустой, мокнувший под зарядившим ночью холодным дождём. Осень вломилась в город, как опоздавший на дежурство корнет. Вот его и духу нет, а вот стоит, точно век тут был...

– Ваше высокопревосходительство, – негромко доложил адъютант, – экипаж у крыльца.

– Спасибо, голубчик, – кивнул Николай Леопольдович, – сейчас спущусь.

Адъютант тенью скользнул за дверь. Щёлканья каблуками и боданья головой Тауберт не поощрял даже в бытность свою командиром Конного лейб-гвардии полка.

Господи, неужто это и впрямь было когда-то? И нынешнего шефа Жандармской стражи большей частью заботили лишь выучка да выходки конногвардейцев, вечно норовящих во всём превзойти кавалергардов, не исключая, увы, и кутежи? А уж случай с ростовщиком Гусиковским, из-за чего, собственно говоря, он, полковник граф Тауберт, внезапно-

негаданно оказался именно в этом кабинете и от кажущегося теперь безоблачным прошлого остались лишь дарёная вездесущим Янгальчевым картина да плац за сдвинутыми портьерами...

Николай Леопольдович невольно улыбнулся. Какие же мелочи вводили нынешнего сатрапа в недоумение и неистовство! А ведь когда ростовщик вздумал вдруг определить своего отпрыска в полк его василеосского высочества Севастиана Арсеньевича, для чего скупил векселя конногвардейцев на изрядную сумму – как сейчас помнится, восемьдесят три тысячи рублей серебром – и пригрозил в случае отказа их все опротестовать, Тауберт едва не дал волю рукам. Наглеца вывели вон, а векселя – векселя пришлось оплатить из собственного кармана. Благо было чем.

Смешно, но Гусиковский-младший, годом позже произведённый в офицеры лейб-гусар, никакого отношения к отцовской затее, как выяснилось, не имел и вообще оказался человеком достойным, что показало потом шигоринское дело. А вот для Николая Леопольдовича визит ростовщика обернулся письмом государя, прознавшего о случившемся, государем же возвращёнными деньгами и строгим предписанием сдать полк князю Иванчикову. Приняв в то же самое время у стареющего Карачаева Собственную его величества Канцелярию с корпусом Жандармской стражи.

Почему выбор пал на него, Николай Леопольдович так и не понял, но в роду Таубертов не уклонялись от долга, сколь бы неприятным тот ни казался. И потом, должен же кто-то нести сей крест, и почему не он?

При этом к доносчикам граф относился с непозволительным для его должности кавалергардским презрением. «Доносчики нам не надобны, – часто говаривал он, собирая верхушку Канцелярии. – Что там корнет Ряженский в пьяном виде об их василеосских высочествах наговорил – меня не волнует. Не пьяные болтуны опасны, а трезвые молчуны. Кто громче всех кричит, тот скорее всего ничего и не сделает. А потому, господа, ищите тех, кто настоящую измену чуют будет. Если всем ябедам ход дадим – скорее Державу взорвём, чем вся Европа, вместе взятая, вздумай она напасть».

Кто умел чутая настоящую крамолу, сыскивались. Пусть в малом числе, но сыскивались, другое дело, что Николай Леопольдович всё больше склонялся к выводу, что крамолу, настоящую крамолу, извести при желании и известном уме можно, а вот глупость, подлость и мздоимство вряд ли. Хуже того, они эту самую крамолу и питают, когда вольно, когда и невольно: так и не отрёкшийся до конца от своей вольнодумной юности Орлуша тому живой пример. Не носился бы князь так со своими конституциями, не мешай ему воры, лизоблюды да бестолочи или имей военный министр хотя бы возможность спровадить голубчиков в отставку по закону... Но Сергей тянет свой воз молча, о его недовольстве, как и о нелюбви к государю, знают только самые близкие, а сколько таких орлуш по России? Когда человек годами бьётся как рыба об лёд, пытаюсь либо сделать что-то полезное, либо добиться справедливости, и раз за разом нарывается или на тупость, или на алчность, или на равнодушие, и одеты эти тупость, алчность и равнодушие в вицмундиры. Вот так и уверяются как в собственной вечной правоте, так и в том, что с противником все средства хороши и противник этот не дурак-чиновник, но... Держава.

Однако хватит философствовать, пора ехать, да, пора. Николай Леопольдович собрал со стола бумаги, аккуратно разложил по ящикам бюро и тщательно запер. Несколько особо важных папок убрал в сейф. Лишний раз осмотрел кабинет, конторку рядом с пирамидой каталожных ящиков, узкую козетку возле окна, круглый стол с парой венских кресел подле – за ним шеф Жандармской стражи беседовал с посетителями. Неважно, сколь надёжна охрана, сколь прочны решётки на окнах второго этажа и сколь хорош замок в дверях самого кабинета, – документов бывший кавалергард на виду не оставлял никогда. «Что, Никола, шпионов аглицких пасёшься?» – подшучивал порой Кусака Янгальчев, но граф Тауберт на насмешки внимания не обращал. За содержимое его сейфа европейские кабинеты заплатили бы золотом по весу, десяти-, а может, и стократно.

Здесь хранилось всё. Тщательно и осторожно выстраиваемая агентура разведки

внешняя и внутренняя, доклады из лешских земель, рапорты осведомителей из гущи студентов, гвардейских офицеров, донесения с мест, тайные ревизии в глубинных губерниях, отчёты жандармских управлений из провинции – всё то, из чего складывалась подлинная жизнь государства Российского.

Нет, порядок должен оставаться порядком, подумал Николай Леопольдович, заперев вторую пару дверей. Остзейская душа его не терпела разбросанных документов, тупых перьев и нечищенных сапог, но врагов Державы она не терпела ещё больше. Потому и малевали графа Тауберта то с топором, то с верёвкой, то с оскаленной пёсией головой у кавалергардского форменного седла. Одну такую парсуну сатрап велел повесить в своём кабинете. Государь-василевс долго смеялся...

Палач всея Руси улыбнулся воспоминаниям и вышел в приёмную. Полковник Феоктистов, верный помощник ещё с кавказских времён, поднялся из-за стола. Феоктистова тоже называли псом. Пёс, сторожащий пса... Такая картинка тоже существовала. В салоне графини Варвары Виссарионовны Левенвольде собирались известные остроумцы, они и породили сию аллегория, и если бы только её! Бедный троюродный дядюшка Иван Карлович, знай он, кого привечает его вдова, восстал бы из гроба, дабы оказать отечеству последнюю услугу и увлечь неразумную вместе с нахлебниками в тартарары...

– Как раны, Фома Порфирьевич? – осведомился Тауберт, кивая вскочившему с шинелью наготове денщику Смирнову, тоже какавказцу. – Не беспокоят? Погоды-то переменились.

– Да леший с ними, с ранами, Никола Леопольдович, – откликнулся полковник. – Поноют да перестанут, а вот каково Шаховскому на марше? Ежели уж у нас сейчас дожди да ветер, то у Млавы месячишко спустя вовсе форменное светопреставление учинится.

– Осень не в нашей власти, – Тауберт привычно повернулся спиной, и Смирнов ловко подал шинель, – а вот насчёт амуниции да припасов проверить не помешает. Подбери-ка, друг любезный, ревизоров потолковей, чтобы с утраца вдогон выехали, вот прямо сейчас и подбери, а я подожду. Сытому солдату да в добрых сапогах никакие дожди не страшны...

Пугнуть интендантов и князя Ломинадзева, хлебосольнейшего начальника штаба Второго корпуса, всяко полезно, а большего ни шефу Жандармской стражи, ни самому военному министру не сделать – Млавскую демонстрацию государь числит едва ли не по ведомству канцлера, коему положено вести переговоры с иноземными державами. Боёв и сражений, равных даже не Зульбургу – Капказу, василевс не ожидает, потому и выбран Шаховской. К князю Арсений Кронидович благоволит ещё с мятежа. «Может, не столь умён, да верен!» – а чтоб пройти до границы или, буде герцог Рейнгольд упрётся, – до Млавенбурга, Арцаков не требуется.

И всё вроде правильно, только не спешат ливонцы бояться, правда, и лаять, в отличие от аглицких да французских газет, не пытаются. Берлин с Веной тоже в рот воды набрали, впрочем, Шаховскому ещё идти и идти. К концу октября Млавенбург, может, и образумится... Янгалычев в это верил свято, Николай Леопольдович надеялся, Орлов отмалчивался, отгоняя настырного Васеньку рассказами о введении контуазского способа в ствольном производстве. Утром во время конной прогулки Тауберт спросил Сергея прямо, и тот припомнил старую Иоганнову затею с наёмниками.

Покойный кайзер был достаточно упрям, чтобы не подписать мир с разгромившим его Буонапарте, и достаточно благоразумен, чтобы укрыться со всем семейством в России. При Морице-Иосифе пруссаки лишь поговаривали об объединении всех немецких земель под берлинской крышей, Иоганн же начал действовать и не встретил понимания. Рейнский союз заявил протест, Брюссельский концерт принял его сторону, и новый кайзер вроде бы притих. А через полгода стало известно, что с треском изгнанный с прусской службы генерал фон Пламмет набирает частную дивизию и в средствах отнюдь не стеснён. Само собой, тут же вспомнили, что начинал он в полку чёрных гусар, причём пользовался особым доверием его шефа кронпринца Иоганна, чьи амбиции по большому счёту и стоили генералу карьеры. Оказавшись в Анассеополе в должности военного атташе, фон Пламмет ввязался в интригу,

целью которой было обвинить австрийского коллегу в шпионаже. В случае удачи это могло привести к осложнениям между Австрией и поддержавшей её в споре с Пруссией Россией. Удача, однако, обернулась своей противоположностью. Опрохвостившийся атташе, несмотря на зульбургские геройства, был выслан из Анассеополя. Престарелый Мориц-Иосиф отправил голубчика в родовые земли гонять зайцев; с воцарением же Иоганна отставной генерал всплыл в Баварии с большими деньгами. И кто мешал никак не связанному с Пруссией «обиженному» фон Пламмету поддержать какой-нибудь дворцовый переворот? И кто мешал новым властям слиться в родственном германском порыве с Берлином?

Затея была шита даже не белыми нитками – красными. Австрия заявила протест, традиционно имеющая влияние на германскую мелочь Россия её поддержала, но до скандала не дошло. По Европе покатались революции, и свежесобранная дивизия пришлась очень кстати. Потом началась испанская распря, в которой пригодились и французский Иностранный легион, и молодцы фон Пламмета. Предполагается, что, когда нужда уже почти победившей стороны в иностранных штыках отпадёт, оные штыки отбудут в бунтующие испанские колонии в Мавритании, благо от Испании до Африки рукой подать, но на фон Пламмете свет клином не сошёлся. Такие же «приглашённые» Рейнгольдом «новые кондотьеры», оплаченные если не самоустранившимся Берлином, то не желающей балканского передела Веной, могут объявиться в Ливонии. Арсений Кронидович этого, в отличие от Орлова, не допускает, а доказательств обратного ни у военного министра, ни у шефа жандармов нет...

– Полковник Бобырев.

– Что-что, голубчик?

– Полковник Бобырев, – повторил привыкший к таубертовским «мечтаниям» Феоктистов. Он стоял у каталога, держа нужную карточку. – Неглуп, цепок, два воровства в интендантстве раскрыл...

– Благодарю, Фома Порфирьевич. Да, Бобырев... помню его. Когда интендант Петрикович щебень да мостовой камень для дороги закупал, а вместо этого песок поставил?

Феоктистов коротко и хрипло хохотнул.

– Он самый. Никто поверить не мог, сколь нахально мошенничество своё проворачивал...

Николай Леопольдович молча кивнул. Подполковник Бобырев представил потом доклад, из коего следовало, что ниточки тянутся вверх, чуть ли не к великокняжеской фамилии, но твердокаменных доказательств собрать не удалось, дело пришлось закрыть, ограничившись лишь ссылкой ушедшего интенданта на Чукотку. Затем пришёл донос на самого Бобырева. Ложный, но неприятности у подполковника были немалые. Ничего, выдержал и, сам проверяемый, распутал ещё одно замысловатое воровство, после чего и стал полковником.

Да, Бобырев сможет. Бульдог – коль вцепится, так уж не отпустит.

– Пишите приказ, Фома Порфирьевич. Чтобы утром уже выехали, – напомнил шеф жандармов.

– Не извольте беспокоиться, Николай Леопольдович. И команду с полковником отправлю, и экипировки не пожалею.

Тауберт кивнул и попрощался.

2. Бережной дворец

Василевс в любимом полковничьем мундире со всё тем же единственным крестом на правой стороне груди высился посреди кабинета, вперив тяжёлый взгляд в гостя и родича. На хмуром тяжёлом лице не было ни радости, ни удивления, только раздражённое нетерпение. Тем не менее заговорил царственный кузен довольно мирно и вовсе не о том, чего опасался Авксентий Маркович.

– Знаю, о чём хлопотать станешь. – Сильный голос, каким только и зачитывать манифесты перед выстроенными прямоугольниками полков, звучал хрипло, казалось, василевс сейчас зайдётся в кашле. – Не трудись, твоя Дарья у меня уже была.

– Эх её! – слегка опешил великий князь. – Я-то думал, она к ранней заутрене наладилась, а она вона куда!

– Мать есть мать, – открыл Америки кузен. – Сии расстройства понятны, но я её утешил: князь Геннадий остаётся.

– То есть... Ну, Дарья, хоть бы словечком... – попытался собраться с мыслями Авксентий Маркович. Хорошо, конечно, что не пришлось объясняться с целью визита, оставалось перекинуть мостик к уделам, а если разговор не заладится – заговорить о военных непотребствах и неминуемом поражении? Или, напротив, посетовать на Джорджа с его англичанами? Дескать, несёт не подобающую члену августейшей фамилии чушь, и хорошо, если дальше семьи сии пакости не пойдут, а ну как проговорится при ком-нибудь? Сраму не оберёшься!

– Ты садись, – Арсений Кронидович думал о чём-то своём, – давно мы не говорили. Автандил, любезный, подай-ка нам чаю. Или ты кофию желаешь?

– Если не мадеры, мне без разницы, – усмехнулся великий князь, – что чай, что кофий, много не выпьешь.

– Что ж, – решил василевс, – раз тебе без разницы, будешь чай, а мадеру до обеда пьют только бездельники.

– А я кто? – поднял не тронутую сединой бровь Авксентий Маркович. – Бездельник и есть.

– Ты – копитель небесный, – государь всё же усмехнулся, – но от тебя хотя бы вреда нет. За Геннадия не опасайся. Пусть и он, и твоя супруга думают, что я слезам её внял, а тебе лучше знать, с чего я молодца ероиствовать не отпустил. А не отпустил я его с того, что за ним другие потянулись бы, и как бы я их задержал?

– А чего задерживать? – не понял копитель небесный. – Душа горит, так пущай повоюют. Кому на балах вальсировать да статс-дамам болонок гладить, сыщем.

– Верно сказано, – задумчиво произнёс государь, – да мало подумано. Те, кто голову за Отечество сложить желают, Рождество встретят на Млаве, а Троицу – на Дунае. И останутся в столице те, кому до славы нашей дела нет, и это ещё в лучшем случае. А ну как опять заговор случится, а верные офицеры – кто на Балканах, кто на Кавказе?! Нет, Авксентий, не отпускаю я верных. Научен.

– А что? – всполошился Авксентий Маркович. – Опять эгалита с фратернитой? Вот ведь похабство...

– Рано пока говорить, – василевс откинулся на спинку кресла, с одобрением глядя, как камердинер утверждает на столе серебряный самовар, – но о бессмысленных юношеских мечтаниях ныне речь уже не идёт. Против Державы злоумышляют не щенки, но волки, и разговор с ними пойдёт как с волками, в какие бы шкуры сии звери ни рядились.

– Это Тауберт твой дичь поднял? – нарочито хохотнул Авксентий Маркович, загадав, что, если обойдётся, откажется от ложи в Опере. Всё равно в последние годы там сплошные «Жизни за отечество» да Ерусланы с Феврониями.

– Нет. – Государь проводил глазами Автандила и с наслаждением отхлебнул из аляповатой пузатой чашки. Как ни тужились управители Софьинского завода вкупе с послами саксонским да ханьским, Арсений Кронидович хранил верность прадедовской посуде, спасибо, из ковша не пил.

– А кто, если не Тауберт? – Спрашивать было опасно, но Авксентий Маркович был слишком напуган, чтобы играть в кошки-мышки.

– Кто? – переспросил государь. – А вот этого тебе, братец мой двоюродный, знать не обязательно. Не один Никола о Державе печётся, а слухами земля полнится. Вот до тебя ничего такого не доходило?

Авксентий Маркович торопливо отправил в рот кусок испечённого на привезённой из

Володимера воде калача и старательно задвигал челюстями. Мысли понеслись, как бочонки под гору. Джордж таскается по родичам, как поп на Пасху, вот и дотаскался. Геда, тот порычит да замолкнет, а кто-то поддакнет да побежит с доносом... Кто-то... Уж точно не Варвара, при её приживалах даже Джордж языка не распустит. Значит, кто-то, к кому кузена занесло к вечеру... А ну как англоман паршивый наплёл, что они в сговоре, и ещё Дарья! Эта, чтоб меньшого при себе удержать, чего только не брякнет...

Великий князь скорбно выпятил губу:

– Уж не знаю, как и сказать, но с Егорием нашим свет-Кронидовичем вовсе худо... Не верит он ни в победу, ни в Шаховского с Ломинадзевым. Я пытался его обнадѣжить, какое там! Долдонит, что куда нам с суконными рылами да в просвещѣнные Эуропы! Я ему про князя Александра Васильевича, а он, дескать, что храбрость нынче ничего не решает, а нужен один пар механический. Я про Буонапарте, дважды битого, а он про морозы. Калужина у него и то нет, а есть какая-то баталия при реке Нарче, кто б такую речонку ещё вспомнил! Словно не русскими словами говорит человек, а в дурных книжках аглицких вычитанное повторяет...

– Тяжко тебе пришлось, я вижу. – Василевс сам наполнил чашку, отпил и не то улыбнулся, не то скривился. – Люблю, когда горячо... Значит, боится Егорий, что побьют нас?

– Кабы боялся! – пожал плечами Авксентий, разламывая соты. – Ждѣт того, чтоб потом ловчей за англичан ухватиться.

– То есть? – Глаза Арсения Кронидовича нехорошо блеснули, но отступать великому князю было некуда. – Что за англичане?!

– Да не знаю я, заезжие какие-то... Егорий хотел, чтоб я им сказал, будто не согласен я с высочайшим Манифестом и не верю, что мы Иоганна, ежели тот за герцога ливонского вступится, расколотим.

– А ты, выходит, веришь? – Серые глаза буравили Авксентия Марковича насквозь.

– Ещё бы я не верил! – воскликнул великий князь с той искренностью в голосе, что не раз и не два спасала его от дамского гнева. – Князь Ломинадзев, Ираклий Луарсабович, светлая голова, как раз перед самым отъездом в войска ко мне заезжал и Шаховского привозил. Они от пруссаков мокрое место оставят, и снег лечь не успеет, только б те сунулись... Хотя куда им! Не верит Леонтий Аппианович, что порошу у них хватит, так что стоять нам у Млавы и ждать, когда у ливонцев юшка со страху потечѣт, а ведь потечѣт... Только что мы с ними потом делать-то станем, с красивыми такими?

– А вот об этом, – государь не отводил пристального взгляда, – мы в Брюссельском концерте и объявим.

* * *

Великий князь Геннадий Авксентьевич восседал в особом, для караульного офицера приспособленном кресле, ровно аршин проглотил.

Как и положено офицеру лейб-гвардии Кавалергардского полка во внутреннем карауле, он был в белом мундире и супервесте красного сукна, с егорьевскими звѣздами на спине и груди. Правом снять одну крагу и расстегнуть чешуйку от каски князь не воспользовался – злился.

При виде воинского чина первого класса Геннадий Авксентьевич вскочил и нарочито бессмысленно щѣлкнул каблуками. Николай Леопольдович махнул рукой.

– Мерзкая погода, голубчик.

– Так точно, мерзкая, ваше высокопревосходительство! – рявкнул Геннадий. Надо полагать, вечером в Хотчине будет весело. Если только возмущѣнный отказом кавалергард не рванѣт за утешением к цыганам или не затеет ссору.

– Как там крестница моя, – самым домашним образом осведомился шеф Жандармской стражи, – поздорову ли? Давненько я её не видал...

– Моя младшая сестра сейчас в Хотчине и пребывает в добром здравии, – отчеканил Геннадий, но глаза его слегка потеплели. Похоже, Зинаида опять заодно с братом.

– И зря, что в Хотчине, – граф Тауберт укоризненно покачал головой, – Зинаиде Авксентьевне пристало блистать при дворе, а не грустить в осенних парках. Что ж, майор, дежурьте. И передайте сестре, что я буду иметь счастье навестить её при первой возможности.

– Слушаюсь, ваше высокопревосходительство! – Двоюродный племянник государя вновь зверски щёлкнул каблуками. Геннадий был одно лицо с отцом, только уж больно разное вино налил Господь в одинаковые мехи. Что ж, люди не собаки. Это от гончих рождаются гончие, а от мопсов – мопсы, двуногие же вельми разнообразны и снаружи, и внутри, не угадаешь...

Старенький придворный арап услужливо распахнул маленькую дверцу. Николай Леопольдович мог входить в личные покои василевса не только без доклада, но и без приглашения, другое дело, что пользовался этим не так уж и часто. Сегодня же его ждали.

– Что, Автандил, государь занят?

– Двоюродный там. – Царивший в буфетной седой чернобровый камердинер прожил в Анасееполе больше полусотни лет, но от гортанного говора так и не избавился, зато был верен как Крониду Антоновичу, так и сыну его. – Но велели заходить... Ждут...

– Хорошо. – Тауберт мимоходом глянул на часы с золотыми фазанами. Четыре пополудни. Минута в минуту, как и было велено.

Скрипнула скрытая ширмой дверца, два высоких плечистых человека у стола обернулись одновременно. Лицо первого озарилось улыбкой, второй был откровенно раздосадован.

– Входи, Никола, садись, – потребовал государь, – чай остыл, да Автандил сейчас новый принесёт. Слышал, что Авксентий говорит?

– Нет, ваше величество. – Василевс за пределами парадных покоев в общении предпочитал простоту и требовал в ответ того же, но Тауберт в простоте преуспел лишь наполовину. Граф держался вольно с государем лишь наедине и при тех, кому доверял. Великому князю Авксентию шеф жандармов верил не больше, чем флюгеру в ветреный день. Причём флюгеру пустоголовому. – Добрый день, ваше василеосское высочество.

– Брат Егорий воду мутит, – хмуро бросил Арсений Кронидович, не дав кузену раскрыть слишком уж забитого калачом рта. – Ливонскую кампанию ругает и других на то подбивает. Намедни вот к Авксентию заезжал, хотел, чтобы тот с некими англичанами встретился.

– Видимо, речь идёт о лорде Фэйбиане, что путешествует по Европе инкогнито, под именем сэра Бэгби, – предположил Николай Леопольдович. – Он уже посетил Вену и Берлин, откуда отбыл в наши палестины.

– Похоже на то. – Государь отстранился, позволяя Автандилу пронести окутанный паром самовар. – Трейси Алтон, глава кабинета аглицкого, стар, его уход – дело уже не лет, месяцев. Посол граф Лучников полагает, сменит его либо Фэйбиан, либо Касвэлл, но князю Авксентию сие вряд ли интересно, его более иной театр привлекает...

– Каюсь, грешен, – охотно подтвердил великий князь. – Ну какой из меня политик, сам посудите?

– А раз никакой, так и ступай, – государь занялся самоваром, – Дарье Кирилловне ручку поцелуй.

– Как же иначе? – Авксентий Маркович торопливо, но не теряя достоинства, поднялся. Общество шефа жандармов его никоим образом не радовало. – Милость твоя, Арсений Кронидович, безмерна, век за тебя Бога молить будем...

– Иди уж, – прикрикнул василевс, с юности не терпевший изъявлений благодарности. – Да Зинаиду не прячь. Чтоб к субботе здесь была, а ты, Никола, что чаю не пьёшь? Любишь же...

Чай граф Тауберт любил, но не при чужих и тех своих, кто хуже чужого. Навроде

ушедшего бонвивана. Арсений Кронидович об этом время от времени «забывал» и начинал выговаривать. Вот и теперь.

– Всем ты хорош, – попенял василевс, – но слишком уж привержен этикету. Будь ты индюком или, того хуже, церемониймейстером, понятно было б, а так с чего чиниться? На Капказе да на Дунае мы с тобой иначе говорили...

– Здесь не Капказ, – с сожалением признал Николай Леопольдович, бросая в чай сахар. Остановиться на двух кусках не получилось: всеильный сатрап с детства любил сладкое, и эта слабость, которую лишь слегка потеснило пристрастие к табаку, увы, уже отражалась на его фигуре. Пока спасали ладно скроенный мундир и ежедневные конные прогулки, но времени на них оставалось всё меньше.

– По-твоему, дышать только под пулями и можно? – набычился государь. – Вернулся в столицу человек, а стал истукан? Нет, друг мой, этикет того не стоит... Лишь умирающие немецкие династии, коим заняться более нечем и существование иначе не оправдать, подобными пустяками себе голову забивают...

Громко тикали часы, барабанил в окно докучливый дождь, государь рассуждал об этикете, падении нравов, былых и будущих победах и дурном ливонском климате, а Николай Леопольдович слушал и пил свой чай. За годы он привык и к этой своей обязанности. Арсений Кронидович слишком много думал и слишком о многом молчал, чего удивляться, что порой ему требовался не докладчик, но слушатель.

Первый раз кавалергард Тауберт слушал поручика егерского лейб-гвардии полка Алдасьева-Серебряного у костра под огромными южными звёздами. Низложенный Буонапарте писал трактаты в замке Святого Ангела, и василевс Кронид вновь обратил взор за Дунай. Пахло полынью и чабрецом, фыркали кони, перекликались часовые, а будущий василевс рассуждал о балканских единоверцах. Сколько раз списывали сербов со счёта, а они поднимались и брались за оружие, не то что чухонцы, те только скулить горазды. Ныне же из-за скулежа того...

– А теперь вот в собственном доме змеи развелись. – Государь отставил чашку, давая понять, что воспоминания и рассуждения позади. – Егорий-то свет-Кронидович не только спенсеры да панталоны английские натянул, но и совесть. Не то беда, что не любит он Россию, но только себя лишь, а то беда, что спит и видит себя василевсом. Понимает, что, с какой стороны ни глянь, невозможно сие, а душа горит. Ну а фэйбианы и рады! Подбивают на гнусности, того и гляди, под крепость подведут. Жаль дурака, как-никак родная кровь, а всего хуже, что разлад меж нами всем ведом.

– А на Капказ? – посоветовал Тауберт. – В Грозную, статским губернатором? Разок горцы дикие обстреляют, будет в резиденции сидеть безвылазно да реляции сочинять...

– И то дело, – задумчиво произнёс василевс, – только не теперь, а после кампании Балканской. Пусть видят – не из страха брата отсылаю, но из желания видеть в самых диких из земель наших просвещённые порядки. Пока же приглядывать придётся да пугать, чтоб не натворил чего. Я тут Авксентия застращал, уж он-то разнесёт...

– Не похож Авксентий Маркович на испуганного, – невольно усмехнулся Тауберт, – скорей на одарённого.

– От тебя не скроешься. – Василевс тоже улыбнулся. – Обещал я старому греховоднику, что у тех, кто верен, не стану уделы урезать, а после победы на радостях, может, ещё и увеличу. Теперь Авксентий и сам не изменит, и про других донесёт. Вот думаю, может, не только Егория на Капказ спровадить, но и Авксентия – в Суомию? Объявить о конституции по образцу и подобию лешскому, а затем...

Об этом тоже было говорено-переговорено, и всё же Николай Леопольдович промолчать не смог:

– Разумно ли давать чужеродным окраинам больше преимуществ, нежели сердцу Державы? Чем лехи лучше русских, что имеют, несмотря на все мятежи, возвращённую

ныне конституцию да конскрипцию¹, а не рекрутчину, да и служат в своём родном крае, и офицерами при них всё больше те же лехи. И чем больше им даём, тем больше требуют.

– Не сами они требуют, – устало поправил государь. – Но горячие головы, Веной подзуживаемые. Пусть, дескать, рычат на Державу и не думают о польских коронных землях, к Австрии отошедших.

Тауберт знал, что вступает на тонкий, наитончайший лёд. Но момент казался не самым худшим.

– Ваше василеосское величество, у вас ведь ещё при батюшке был проект отказаться от царства Лешского, отвести войска за Вистулу, оставив за нами лишь Варчевию с пригородами, остальное же предложить хоть тем же австрийцам в обмен на малороссийские земли и Закарпатье. Тамошним вернославным под Веной несладко, да и бунтовать они не горазды, смиренней разве что чухна будет, лехи же... Ну зачем они нам? Так ведь и будут восставать; сколько поблажек им ни делай, порядка не добьёмся!

У василевса дрогнули желваки, он встал, отвернулся, скрестив руки на груди. Разговор свернул совсем не туда. Эх, лехи, лехи, вечная забота наша... Реформы в царстве Лешском затевались ещё Софьей, чтобы опробовать, обкатать на малых просторах, где, если что, и военной силой вмешаться не жалко, а потом перенести и на коренные земли, только когда в Державе Российской что-то происходило, как задумано?

– Не пошло Державе впрок лешское обретение, – Арсений Кронидович заговорил глухо, под силой пряталась боль, – прав ты, а и отдать нельзя. По молодости и впрямь думал, что греха таить, – мол, зачем держать силком в пределах наших племя, нас ненавидящее и в ненависти к нам детей растящее? Немцы, не в обиду тебе, Никола, сказано, не церемонятся, даже разговаривать по-лешски в своих владениях запрещают.

– А что мне обижаться? – оспорил Тауберт. – Только я, ваше величество, не немец. Русский я, хоть и остзейской крови. А сказать откровенно, и я б не церемонился, только вот слушать-то не только свою кровь надо, а того, кому служишь.

– Знаю, Никола, да и не про тебя сейчас речь! Русский флаг, где он поднят, спущен уже быть не может. Союз Американский эвон, на Аляску зарится, продать предлагает, и Юмин с тем согласен, а я не могу. Только начни уступать – со всех концов навалятся. Не дадут им покоя на кочках европейских наши просторы.

– В Америке просторов тоже хватает.

– Хватает, да по уму-то они те же англичане. Хоть и восставали против них, хоть и независимость от короны аглицкой оружием добыли. – Василевс нахмурился. Восстаний и революций, тем паче успешных, он одобрять не мог, даже если шли они во вред всё более нелюбимой им Англии. – Напомнил мне ты мою записку... Молод был, вот и написал. Теперь понимаю: уступи Держава хоть в малом, хоть где покажи слабость – накинута, как стая псов на медведя.

Свеи утрату областей суомских не перестают оплакивать, османы не забыли, как море Таврическое их внутренним озером было. Французы ни двенадцатого, ни двадцать четвёртого года нам не забыли, австриякам политика наша на юго-востоке поперёк горла. Царство Сербское мы устроили, теперь, с Божьей помощью, Болгарское устроим, а Вене оттого тревожно, слишком много славян у них в подданстве, а ну как отделиться захотят да под протекторат наш, по примеру сербскому, уйти...

– То когда ещё будет, – не смог упустить даже призрачного шанса Николай Леопольдович, – особенно если в Ливонии увязнем. Старый Балшич у Василя был, переживает сильно; говорит, куплены старшины были...

– Чушь! Но Кириаковичей успокоим. Думаешь, зря я Авксентию велел Зинаиду из Хотчины забрать?

– Младший Кириакович?!

– Он. По крайности на такого орясину даже крестница твоя, задрав голову, смотреть

---

¹ Всеобщая воинская повинность.

будет, не то что на шибзди́ков этих рейнских! Что княжества, что князья, смех один, но ты меня не сбивай! Нет, Никола, ни в чём никому уступать нельзя. Палец согласимся отдать мира и спокойствия ради – не заметим, как и руки лишимся, и плеча...

Тауберт слушал, отодвинув простывший чай. Горячо говорил Арсений Кронидович, правильно, однако немецкая педантичность лезла и тут, мешая соглашаться. Что значит «не заметим, как плеча лишимся»? Дурманом маковым опоят, что ли, да отрежут, к столу лекарскому привязав? Так ведь Россия не антоновым огнём больна, а Брюссельский концерт – не доктора. «Руку» отнять можно, только Анассеополь взяв или Володимер Великий осадив, а этого и самому Буонапарте не удалось.

– Так что оставим предмет сей, Никола, – решительно сказал василевс. – Королевство Лешское под нашим скипетром пребудет. И конституция при нём останется, и конскрипции, и...

– И свобода от крепостной зависимости... – вставил Тауберт.

– И это тоже, – кивнул государь. – Ибо верю – с верой Христовой, добронравных одаряя, со злочинных же взыскивая, излечим мы и сию хворобу. Так ты о лежах, значит, поговорить хотел?

– Никак нет, ваше величество, – безо всякого выражения сказал всероссийский сатрап. – Польша лишь примером явилась, да в сторону нас увела... Говорил я о том, что не стоит окраинам, где ненавидят нас, давать то, чего коренные области наши, всемерно преданные, получить не могут.

– И сие оставим, Никола, – решительно сказал василевс. – К знакомцам Егорьевым вернёмся. Трясутся, беконы аглицкие, что мы Чёрные Пески к рукам приберём, а там и до их драгоценной Индии недалече. Оттого сами в Запесчанье, как тараканы, лезут.

– Воду они, конечно, мутят, – признал шеф жандармов. – Фэйбиан не зря по Эуропам вояжирует, однако не только в лондонских да венских хитроумиях тут дело.

– А в чём же ещё?

– Иноземцы иноземцами, – Тауберт решительно наступил на очередную мозоль, – только в кружке графини Левенвольде всё больше русские подданные. Есть там такой литератор Чудинов...

– Знаю, – перебил Арсений Кронидович. – Но Варвару ты мне не трожь! Много ли ей осталось, пусть доживает, как хочет, а Державу дюжина литераторов не угробит.

– Слушаюсь, ваше величество. – Николай Леопольдович словно вздел на себя доспехи предка, мирно висящие на стене в сумрачном остзейском замке. – Какие приказания будут?

– Совет нужен. – Арсений Кронидович ссоры не хотел, но лишить престарелую тётку любимых игрушек было выше его сил. – Глянь там, на рабочем столе, макет. Я пехотинец, а ты у нас конник...

Николай Леопольдович послушно поднялся. Продолжать спор смысла не имело, как не имело смысла задним числом кидаться на манифест, но с Варвариной сворой следовало что-то делать. И чем скорей, тем лучше.

– Он поболее Медной Наездницы выходит! – крикнул в спину государь. – На дыбы такого не поднимаешь!

Тауберт кивнул, разглядывая будущий памятник победителю двенадцати языков.

Облачённый в парадные одежды и от того особенно массивный Кронид Антонович затягивал поводья могучего, под стать всаднику, жеребца. От пока ещё небольшой фигуры веяло чудовищной мощью и... обречённостью, так что Николаю Леопольдовичу стало аж зябко. Государь ждал ответа, требовалось сказать хоть что-нибудь, а Тауберт глядел на сжимающую поводья бронзовую руку и не мог разлепить губ.

– Ну? – нетерпеливо бросил Арсений Кронидович. – Язык проглотил?

– Повод слишком затянут, – покорно произнёс шеф Жандармской стражи, – коню больно. Он или осаживать начнёт, или на свечку вскинется, да и на спину упадёт. Тогда всаднику конец – расплющит его просто... Государь, Арсений Кронидович... Ежели мы сейчас не дадим конституцию, поставив права областей русских вровень с правами земель

польских, не прищучим чудиновых и иже с ними и не откажемся от рекрутчины, Державе несдобровать. Земля опять же, вольность крестьянская. Коню нужна передышка, а мышам – кот...

– Эх, Никола, Никола, – государь с невесёлой усмешкой встал рядом, глядя на будущий памятник, – колбаса ты моя немецкая... Верен, умён, ближе тебя да Васьки Янгалычева, почитай, и нет у меня никого, а всё одно не поймёшь, потому как немец. Орлов-то, как ни дурил по младости, а уразумел, что реформы политические проводить должно постепенно, исподволь, не спеша, как я тебе тут битый час втолковываю.

Народ русский волю любит, в душе – бродяга и странник, не зря ж столько людишек за Каменный пояс подалось, Сибирь поднимать! А значит, отпусти мы поводья – получим взрыв анархии, бессознательной, издревле нам присущей и оттого ещё более разрушительной, а что до инородцев окраинных... Не утеснениями слабых жива Держава, но жертвенностью сильных, сиречь народа русского. И не богатства мы ищем в Ливонии, но несём помощь, и воздастся нам за это если не в сем мире, то в Царствии Небесном. Понял ли?

– Да, государь, – солгал Николай Леопольдович. Он и впрямь был немцем, хоть и русским, и не понимал тех, кому служил всю свою не такую уж и малую жизнь. И потом, он хотел блага Державе.

Скрипнула дверь. Автандил внёс очередной самовар.

Глава 5

Граница с Ливонией. Млавское приречье

29–30 октября 1849 года

Пришедшие с Балтики снеговые тучи тяжело тёрлись боками, наваливаясь друг на друга, – и оттого, как говаривали в народе, у них случалось «лопнутие животов». На землю, обнажённую бесстыжей рукою осени, сыпались и сыпались бесчисленные пуды обманчиво-лёгкого белого пуха, и не было ему ни конца ни края.

Облака не признавали межевых черт, проведённых легкомысленным людским родом. Река для них оставалась просто рекой, чёрным извивом дремлющей змеи, окружённой облетевшими рощами.

В одном месте тёмный поток нырял под серокаменные арки старого моста – правда, вместо центрального пролёта осталась только пустота. На западном берегу возле полосатой чёрно-белой будки и шлагбаума возникло некое подобие неряшливого гнезда великанской птицы Рух: цепляясь за малейшую неровность, за купу сосен, за полосу кустарника, там тянулись брустверы из мешков с песком, камней, набитых землёй бочек и вообще всего, что подвернулось под руку пионерной команде. Сама дорога перекопана широким рвом, на глинистом дне скопилась стылая жижа. Земля ещё тепла, ловит раскрытыми губами падающие снежинки, и они тотчас тают, исчезая незримо никому слезами.

Плывущие в небесах тучи, обладай они глазами, увидали бы в бескрайних лесах, продёрнутых тонкими и редкими ниточками дорог, длинные, извивающиеся, подобно сказочным бескрылым драконам, колонны. Серое, чёрное, тёмно-зелёное, изредка вспыхивающее кричаще-алым и роскошно-золотым.

– Веселей, ребята, немного осталось, братцы! – Григорий Сажнев, командир приданного Второму армейскому корпусу Югорского стрелкового батальона, широко шагал по обочине навстречу медленно тянущейся колонне своих стрелков.

Батальонному командиру, конечно, полагалось сейчас быть в седле, но свою Малушу Сажнев уже давно поручил денщику Ефиму: «Кого из отстающих подсадишь» – и шёл пешком, не желая даже и в малом возвышаться над месившими осеннюю грязь солдатами. Они шагали в авангарде, сразу за донцами. Им, югорским стрелкам, коль придётся, открывать дело. И уже за их спинами – олонекские егеря, суждальские линейные батальоны,

ещё дальше – вся Пятая пехотная дивизия; а следом – бесконечные колонны остальных дивизий и полков Второго корпуса, выдвигавшегося, по Манифесту государя, на ливонскую границу.

Позади остались сборы, долгий марш по унылым осенним трактам к Плескову и дальше, к ливонскому рубежу. Вернулись с Капказа, приняли пополнение, вновь, не жалея, жгли патроны на стрелковых дистанциях, что называется, обжились – как вдруг тревога, парад в Анасееполе, сильный и властный голос василевса над огромной площадью, новое ожидание, пока соберутся все назначенные к экспедиции войска, и вот наконец – марш.

На закат от Плескова, южнее нижней оконечности одноимённого озера, раскинулся край обширных болот и топей, где и брала начало пограничная Млава. Полукругом обойдя ливонские земли, она поворачивала на северо-запад, впадая наконец в Балтику. В устье её – Млавенбург, ливонская столица. Был он когда-то городом русским и звался Млавенец; но – не удержали. Четыре века прошло, а потомки ливонских рыцарей так и гнездились здесь, отыскивая защиту и покровительство то у свеев, то у пруссаков.

Утро, едва рассвело – бледным и блеклым осенним светом, солнце с трудом пробивалось сквозь плотные тучи да сплошной валящий снег.

Навстречу Сажневу, нагнув головы от ветра, шагали его стрелки – отнюдь не молодцевато, безо всякой лихости; перед командиром они не тянулись, Сажнев того не требовал. Шинели и шапки намокли, ранцы оттягивали плечи, стесняли грудь; подполковник приказал бы сложить ненужную амуницию на телеги обоза, однако они отстали, увязнув в непролазной грязи, и получилось, что при всём батальоне остался лишь неприкосновенный запас провианта в солдатских ранцах. На руках тянули повозки с патронными ящиками, задние ряды по очереди тащили шанцевый инструмент.

В такое время года обычному армейскому полку полагалось пребывать на зимних квартирах, даже если случится война, – впрочем, зимой никто не воевал, во всяком случае, без крайней к тому необходимости. На ливонской границе, конечно, имелись войсковые магазины и обозные парки, но сейчас всё это поглотила, повязав почти что намертво, чудовищная распутица.

– А государю небось донесли, что дороги, мол, в полнейшей исправности. – С Сажневым поравнялся один из его ротных, штабс-капитан Рябых. Сам родом с Югры, пожилой, выслужившийся из простых солдат, самоучкой освоивший не только грамоту, но и полный курс столичного юнкерского училища, Рябых слыл отличным стрелком – как и подавляющее большинство рядовых в батальоне, набранном из вольных югорских звероловов. Невысокого роста, щуплый на вид, но жилистый, словно югорская сосна, штабс-капитан начал службу ещё при героях 1812 года, прошёл персидскую кампанию, отличился, был ранен, получил унтера. За персидским походом сразу последовал османский, и унтер-офицер Михайло Рябых, «нрава доброго и воздержанного», отличился вновь, приняв команду над ротой; турецкая картечная граната, разорвавшись, разом выбила всех офицеров, на беду собравшихся вместе. Там и получил «Егория» вместе с производством в прапорщики, после чего шестнадцать лет тянул уже офицерскую лямку, добравшись до штабс-капитана и командира роты, настоящего, не на час.

– Вольнодумничаем, капитан? – рыкнул Сажнев вроде как в шутку.

– Как можно, Григорий Пантелеевич! Мы его величеству слуги верные. – Рябых щурился, словно испугавшись.

– Оставь, Михайло Платонович. Дороги сам вижу какие. Так бы этих крыс квартирмейстерских и передувил собственными руками.

– Не берите грех на душу, Григорий Пантелеевич. Дойдём, впервой, что ли?

– Сколько у тебя отставших?

Рябых потемнел.

– Много, Григорий Пантелеевич. Два десятка. Я с ними Петровского оставил. Моя рота замыкающая, если кто из других отстанет, тоже подберёт. С Божьей помощью дотащатся.

– Если там Петровский, то Господь может и отдохнуть. Егор дельный унтер, доведёт.

– Не гневил б вы Бога, Григорий Пантелеевич, – тихо и смущённо проговорил Рябых.

– Не буду, не буду. – Сажнев махнул рукой и обернулся – за спиной, вздымая облака брызг и беззлобно отругиваясь от мокрых и потому злых солдат, мчался незнакомый казак на мохнатой лошадке, так не похожей на ухоженных скакунов кавалерийской дивизии, назначенной пропустить югорских стрелков и олонецких егерей первыми к границе.

– Ваше высокоблагородие! Вашескоблародие!

– Чего тебе? – Сажнев развернулся, почти перегородив дорогу, упёр руки в боки. – Чего орёшь, моих молодцов грязью поливаешь? Докладывай по порядку!

Казак спрыгнул с коня, вытянулся во фрунт – видать, сказался внушительный вид подполковника. В походах за казачками молчаливо признавалось право на известные вольности.

– Приказный Четвёртого Донского полка Несемейко. Приказ от его превосходительства командира дивизии, генерал-майора Крейца. Вот, пакет.

– Давай сюда, приказный. Так... – Сажнев бегло пробежал глазами развёрнутую желтоватую бумагу. – Тебе, Несемейко, значит, велено нас к месту проводить? Место мы и так знаем – Лабовская мыза.

– Никак нет, ваше высокоблагородие, ту мызу велено не занимать, а его высокоблагородию подполковнику Сажневу с батальоном выходить к мосту Хорш... хурш... – Казак запнулся.

– Хурштах, у фольварка Аттельбейн. – Сажнев набычился, смотрел хмуро и зло.

– Виноват, вашескобродь, – зачастил казак. – Именно так. От их превосходительства корнет приезжали, нашему сотнику подробно всё обсказали. На Лабовской мызе назначено иметь расположение штаба корпуса. Сам видел, квартирыеры туда скакали сломя голову. Сотник меня к вам навстречу погнал, значить.

– Мост Хурштах, гм... придумают же, мостам имена давать... Ладно, Несемейко, давай, скачи к своему сотскому, передай вот это, пусть пошлёт по команде. – Сажнев наскоро нацарапал что-то карандашом.

– Слушаюсь, ваше высокоблагородие!

Казак умчался.

Рябых озабоченно покачал головой.

– Не к добру это, Григорий Пантелеевич. Простой казак всё знает, куда нашему батальону двигаться! Зачем пакет слать, если посыльному диспозиция известна? И штаб корпуса возле самой границы. Дело ли?

– Не дело, – сквозь зубы отозвался Сажнев. – Да только тут сейчас сам нечистый ногу сломит. Перепуталось всё и вся. Мызу у нас отобрали, ставят во чистом поле... то есть в дремучем лесу, напротив пограничного моста. Я не я буду, если ливонцы его не взорвали. А на мызе, знамо дело, штабные. В тепле да уюте. Да ещё небось гвардионцы, не иначе. Гвардейские гренадеры за нами топали – да, видать, сочли, что мало чести за серыми шинелями тащиться; хотя Русский-то сам, конечно, не стал бы... Э-эх, я-то надеялся людей обсушить, обогреть... Лабовская мыза большая, там такие сараи, целый полк поместится, не то что наши роты.

– Нам не привыкать, Григорий Пантелеевич. Начальству, ему ведь виднее...

– Эх, Михайло Платонович, будет тебе на начальство кивать. Вот помяни слово моё, нам этот фольварк заречный ещё братъ придётся.

– Всё ж, думаете, придётся?

– А то нет! Государь всё сказал, как отрезал. Ежели не примут Декрета о равенстве, не перестанут вернославных тиранить...

– А они не перестанут, ироды.

– Не перестанут. – Сажнев приподнял низко надвинутую фуражку, вытер со лба пот, проступивший, несмотря на холодную погоду.

– Значит, на Млавенбург пойдём, Григорий Пантелеевич?

– Пойдём, тут и гадать нечего.

– Так в Манифесте-то сказано, статья, стало быть, на рубежах ливонских. Статья, а не вперёд идти. Авось одумаются во Млавенбурге, а, Григорий Пантелеевич?

– Не одумаются, – сквозь зубы процедил Сажнев. – Не та публика. Им слабых тиранить – что конфеты после кофий вкушать. Да и науськивают их, нащёптывают. Держитесь, мол, ничего не бойтесь, поддержим, подопрём. А медведи анассеопольские пусть себе рычат. Так что, Михайло Платоныч, я не я буду, коль «на рубежах стоянием» дело и закончится. Млаву форсировать придётся. Может, не сейчас, не сразу, но придётся.

– Форсируем, коль приказ выйдет, – усмехнулся Рябых. – Чай, не впервой.

– Промеряешь броды, Михаил Платонович?

– Слушаюсь. Как только на месте будем.

* * *

К пограничной Млаве Второй отдельный Югорский стрелковый батальон вышел ещё до полудня. Сплошная река серо-коричневатых, забрызганных дорожной грязью, потемневших сейчас от дождя и снега шинелей разбилась на множество ручейков, сворачивая с дороги. Больше семи сотен вооружённых людей с немногими повозками растекались сейчас по изыбшему нагому лесу; снег не переставал, и кое-где уже белели первые прочерки – на холодных мёртвых листьях, ещё цеплявшихся за иные ветви.

Холодно, пусто, мокро. Но вот пришли люди – и немые заросли ожили. К самой Млаве Сажнев выдвинул цепь аванпостов и секретов – по капказской привычке вдвое против уставного. Оттянулись в сторону боковые дозоры, держа под прицелом вздувшуюся от осенних дождей реку на протяжении двух вёрст.

Последовал приказ «разместиться скрытно», и Сажнев гневным рыком тотчас велел ни под каким видом пока что не разводить костров и вообще «не высовываться» к речному берегу – туда двинулись только опытные пластуны¹.

– Знаю, что мокрые, что обсушиться негде, – оборвал он ротных. – Но надеюсь, что вышли сюда скрытно. Лес пустой, птицы не кружились, донцы лазутчиков не видели.

– Мы-то, Григорий Пантелеевич, костров не запалим, а остальные? – заметил другой ротный, Пряхов, тоже старый, выслужившийся солдат, как и Рябых. К себе в батальон Сажнев всеми правдами и неправдами собирал именно таких. Чёрную кость, выдвинувшихся крепкой, природной смекалкой, знающих, что такое солдатский хлеб пополам с порохом.

– А другие как хотят, – ощерился Сажнев, прикладываясь к подзорной трубе. – Мы лесным просёлком выходили. Остальной корпус где-то там. – Он махнул рукой в сторону северо-востока. – Как бы ливонская вошь куснуть не попыталась; и потому стоять будем скрытно.

– А на мызе-то и не подумают, – так же негромко, словно про себя, добавил Рябых.

– Не подумают. И как бы беды не случилось.

– Да откуда ж беда-то, Григорий Пантелеевич?

– Увидят ливонцы дымы, перейдут Млаву, окружат мызу, и конец. Артиллерия, сам видишь, отстала. А на той стороне, боюсь, не одни только биргерские роты. Коль поискать как следует, там небось и всяческий прусский зверь отыщется, – припомнил Сажнев слова Росского. – Кайзер Иоганн, их немецкое величество, не зря особые наёмные полки заводит. Наслышан я про них – со всего германского бору по сосенке: швабские гренадеры, альпийские штуцерники да баварские драгуны с прусскими гусарами. Всего пять пехотных и три конных полка, хоть и называется дивизией, а по силе, считай, две выходит.

– Да откуда ж вы знаете, Григорий Пантелеевич? – не выдержал капитан Пряхов. – Есть тут дивизия она, нет её – кто ж о том ведаёт?

– Дураками пруссаки б были, кабы своих псов наёмных сюда не отправили.

---

¹ Изначально так называли пеших казаков Капказского казачьего войска, а затем имя распространилось вообще на солдат, хорошо умеющих скрытно передвигаться.

Ротные переглянулись. Они привыкли верить Сажневу – ещё со времён капказской Зелёной линии, когда брали штурмом Даргэ, а потом штыками – патроны все вышли – пробивали себе дорогу из горной ловушки. Но сейчас не то говорил Пантелеевич, совсем не то! Откуда ж ему знать-то? Они на рубеж только вышли!

Медленно тянулось время. Батальон грелся известным солдатским способом – винной порцией и делами сапёрными. Сажнев велел соорудить в глубине леса засеки и заплоты, немногие тропы перекрыть плетнями, что удержат конного, а дорогу, ведущую ко взорванному мосту, – перекопать рвом, насыпать вал и поставить невысокий палисад. От разгорячённых работой людей валил пар, но и теперь осторожность соблюдалась строго: колья рубили глубоко в чаще, подальше от пограничной реки.

За обычным делом миновал день, угас быстро, словно торопясь убраться, не видать творимого осенью безобразия – жидкой грязи раскисших дорог, мокрого, с дождём смешанного снега да унылых бурых листьев, стоявших последней стражей на изломанных ветвях. Ближе к темноте Сажнев разрешил-таки жечь костры – люди совсем иззябли, а огневые ямы вырыты глубокие. Не в силах спать, Сажнев затеял обход постов, потом долго стоял в сгущающемся мраке подле взорванного моста, глядя на тонущий в сгущающейся тьме фольварк. Ни звука, ни огонька. Знамя биргерских рот здесь, а вот где сами ополченцы? Или флаг тут просто так, на страх подступающему супостату, показывает, мол, мы на страже?

Ничего не решив и чувствуя только подступающее раздражение вкупе со смутной тревогой, командир югорцев вернулся в лагерь. Фимка-денщик успел управиться с палаткой, нагрел чаю, поставил на огонь котелок каши, щедро заправленной салом.

Видя, что Сажнев не в духе, обычно словоохотливый Фимка помалкивал, в очередной раз чистя и смазывая пару пистолетов. Подполковник слышал, как денщик негромко бормочет себе под нос, позвякивая амуницией:

– И-раз, и-два, и-три, шомпол вынь, ветошь смени... Эх, эх, нам бы этакий пистоль, что у Глока и Баумгертнера выставлен...

– Ты о чём? – не удержался Сажнев.

– Так, вашескобродие, видел на Ладожской першпективе в магазине оружейном невиданный пистоль, револьвером именуемый. Грят, из самой из Америки привезли. С этаким барабаном поворотным, и зарядов в барабане оном шесть штук. Вот дело было бы – нам такой заиметь! А то в бою, вашескобродие, не назаряжаешься, бывает, уж больно быстро палите!

– А ты руками перебирай проворнее, вот и успеешь, – добродушно рыкнул Сажнев. Фимка и впрямь отлично разбирался в пистолях. – А про диковину твою... видел я её. Штука и впрямь изрядная. Вот только каждое гнездо в барабане том отдельно заряжать надо, и капсуль к каждому прилаживать, и пулю воском в гнезде крепить...

– Этак в бою-то не изошришься, ваше высокоблагородие!

– Точно. Наш пистоль хоть неказист, да в него патрон целиковый забил шомполом, и палить можно. А с заморской штуковиной... люди знающие говорили, что на каждый револьвер этот не один барабан иметь надо, а полдюжины самое меньшее, и все их перед боем снарядить. Менять же, рассказывали мне, можно быстро.

– Так то ж великое дело, вашескобродие! Может, и нам такой? – загорелся денщик.

– Ишь ты, «может»! Не слыхал я, чтобы от казны нам такие достались, а самим покупать – дорога игрушка пока что. Тот случай, что «рупь перевоз». Да и в бой ведь новое не потащишь сразу. Обвыкнуться нужно. Но штука стоящая, Фимка, глядишь, и до неё очередь у нас дойдёт, раз уж государь никаких денег на штуцера наши не пожалел.

* * *

Как ни тянется, как ни упирается осенняя ночь, как ни цепляется за край горизонта лапами тёмных облаков, тщась наподольше скрыть солнце, лучи его всё равно пробьются,

пусть и слабее и не столь победительно, как весной или летом.

Утро тридцатого октября вставало над Млавой, но солнце, едва проглянув, утонуло в плотной перине серых туч. Хотя уже и то благо, что ночью стих дождь, уступив место густому снегу. На земле он пока по-прежнему таял, но скоро, совсем скоро ляжет уже надолго.

Происшествий не случилось. Ливонцы, буде находились они где-то поблизости, ничем себя не проявили. Правый берег Млавы точно вымер, и снегопад спешил услужить, скрывая западный край от русских глаз сплошным белёсым занавесом.

Сажнев, не теряя времени, велел продолжать работы. Но едва солдаты успели взяться за заступы, как в расположение батальона прискакал гусарский поручик, да не просто гусарский, а лейб-гвардии Гусарского полка – в щегольском ментике, с высоким кивером, словно собравшись на парад.

– Кого там нечистый несёт нам на голову? – проворчал Сажнев, вставая с лапника.

– Здорово, стрелки! – громогласно объявил меж тем новоприбывший, совсем молодой, розовощёкий и со старательно отращаемыми, но ещё далёкими от идеала чёрными усиками.

– Здравия желаем, ваше благородие!

– Где командир ротный, где начальник батальона?

– Здесь начальник батальона. – Сажнев выпрямился во весь богатырский рост. Поручик изумлённо поднял брови, узнавая.

– Ба! Ваше высокоблагородие, господин подполковник! Не с вами ли довелось встречаться на опытовом смотре прошлой осенью? Поручик граф Крижевский, – небрежно представился он, спешиваясь и лихо одёрнув нарядный ментик.

– С чем прибыли, *господин* поручик? – Сажнев не умел говорить с надменным столичным холодом. Он просто рычал.

– Согласно поручению его сиятельства князя Шаховского прибыл покорнейше просить вас сегодня к трём часам пополудни пожаловать на Лабовскую мызу, где штаб корпуса имеет размещение. У его сиятельства именины, приглашены все офицеры передовых полков. Леонтий Аппианович не пожалел собственного погребца. – Поручик залихватски подмигнул. Казалось, старший по званию здесь он, а вовсе не армейский подполковник.

Брови командира югорских стрелков сдвинулись.

– Благодарю за приглашение... поручик. Прошу засвидетельствовать его высокопревосходительству моё почтение и обещание прибыть.

– Вино будет превосходное, их сиятельство иного не держат! – Поручик запрыгнул в седло.

– Надо идти. – Сажнев хмуро взглянул на вставшего по другую сторону поваленной лесины Рябых. – Князь Шаховской шутить не любит. Особенно если на собственные именины зовёт.

– Ступайте с Богом, Григорий Пантелеевич. Я досмотрю. На той стороне всё тихо. Да и что случиться-то может? До полудня простоим, до трёх пополудни продержимся, а там и ночь близко. Ночью же и Буонапарте великий дела старался не начинать.

– Знаю, Михайло Платонович, что досмотришь. А насчёт того, что случиться может... Буонапарте, он, конечно, старался, а когда припирало, так за милую душу и ночью дрались. Душа у меня не на месте, а на берег другой нам нельзя. Посты усилим. Пусть по трое стоят, и пластунам в передовых секретах – по две чарки водки. Эх, – Сажнев ткнул пудовым кулаком в ладонь, – не могу я так. Хоть одним глазом глянуть бы, что у них за этим фольварком...

– На то ж прямой приказ есть, Григорий Пантелеевич. Самый что ни на есть строгий. Ещё вчера о том толковали.

– Да знаю, что приказ. Бойтся наш Крейц. «Какбычегоневышлист» несчастный.

– Помилуй Бог, Григорий Пантелеевич. Не ровён час...

– Кого бояться-то, Михайло Платонович? Моих стрелков? Штабс-капитана Пряхова?... Отродясь никого не боялся и бояться не намерен. Я государю слуга верный и молчать об

упущениях слуг других, нерадивых, не стану. Насоветовали дурного, и вот... Не отводить донцов надо было, а отправить на другой берег, в поиск. И пусть на нас хоть все Эуropy скаются. Потому что если перед нами только биргерские роты, так я тотчас велю костры палить и песни петь. А вот если и впрямь наёмники там, баварцы иль швабы... Если мы их прохлопаем, проморгаем... – Брови Сажнева сошлись на переносице.

– Ну, если совсем уж вкрутую взяло... А отчего ж тогда самим не сходить-то? – осторожно предложил Рябых. – Приказ, конечно, строг, да только на Капказе у нас ведь как дело обстояло? Приказы слушай, сполняй, но и свою голову на плечах имей. Помните, Григорий Пантелеевич, как под Даргэ тоже распоряжение вышло строгое, чтобы, значит, из расположения ни ногой?

– Как не помнить. А вы с унтером Петровским, значит, распоряжение то нарушили...

– Ваша правда. Потому как тоже душа не на месте была. Вот нутром всем так и чуял, что засаду нам устроят. И устроили ведь...

– Куда ближе, чем обычно, – кивнул Сажнев. – Если б не ты, Михайло Платонович...

– Да что я, – махнул рукой капитан. – Петровский придумал, ему и хвала вся.

– Не скромничай, Михайло Платонович.

– Так что ж, может, и впрямь сходить? Вода, конечно, высокая, но солдатики сдюжат.

– А вот и не знаю, сдюжат ли, – нахмурился Сажнев. – Млава от дождей да снега раннего вздулась, вброд, вижу, не перейти, тут и промерять нечего. Да и вода ледяная.

– Жалеете вы нашего брата, Григорий Пантелеевич.

– Это ты, Михайло Платонович, врешь. Когда надо, не пожалею никого. И-эх! Время золотое, время ночное упустили, а теперь локти кусай. Ноги сами за реку тащат. Не по-нашему это, не по-югорски – может, в виду неприятеля бивуаком стоим, а где неприятель оный – ни сном ни духом. А переправиться-то переправимся, отчего ж нет? Плот срубить да переправиться, когда совсем стемнеет? Ночь нынче добрая будет, по всему. Ни луны, ни звёзд.

– Вы что, Григорий Пантелеевич, вы что! – испугался Рябых. – Не ваше это дело, на то стрелки имеются. Коль уж решили, так я мигом тройку дельных унтеров из своей роты и пошлю, пусть до фольварка сбегают.

– Эх! Приказ у нас строгий, капитан, строгий и непререкаемый. – Подполковник явно спорил сам с собой. – Млаву не переходить ни под каким видом, пока не будет на то прямого указания, – не в силах успокоиться, кружил вокруг одного и того же Сажнев. – И не его превосходительством генерал-майором Крёйцем, Пятой пехотной дивизии командиром, отданный. А самим государем-василевсом. Так что... Нельзя нам. А уж если припрёт, то сам пойду. На батальоне вместо меня останешься, Михайло Платонович.

– Не дело это, господин подполковник. – Рябых говорил тихо, почти шептал, но непреклонно. – А как с вами что случится?..

– Не случится! – решившись, рыкнул Сажнев, хлопая штабс-капитана по плечу. И хотя силой сажневская рука не уступила б медвежьей лапе, Рябых даже не дрогнул. – Зато знать всё буду. Трёх толковых унтеров тоже пошли. Пусть плот вяжут, да подальше от берега. Ничего, донесём, лучше согреемся. Как готовы будут, так и отправимся. Должны успеть до именин этих, будь они неладны.

* * *

Свет медленно слабел, с трудом пробиваясь сквозь сплошную снежную пелену, – метель была такая, словно наступил уже, самое меньшее, январь; четверо людей, свернув скаткой шинели, чтобы сподручнее было, медленно и осторожно оттолкнулись от берега. Плот распялил ноги-шесты, будто водомерка, закружился, подхваченный потоком.

– Навались, Петровский! – шёпотом командовал Сажнев.

Ражий унтер Петровский, тот самый, что привёл отставших, молча кивнул, навалившись на шест.

Речка неширока, но течение протащило плот добрые полсотни сажень вниз, пока брёвна не ткнулись в противоположный берег.

– Зимовички лютуют. – Унтер Петровский шмыгнул носом, смахнул налипающий на усы и густые брови снег.

– Что-что?

– Зимовички, вашбродь. Сиречь бабы зимние. В лесах живут, весной и летом спят под корнями да корягами, а когда по осени их время приходит – вылазят из нор, скачут по облакам, секут их прутняками, снегом сеют, ветрами веют, – охотно пояснил солдат.

– Ишь ты, «зимовички»! – хмыкнул Сажнев. Сам выросший в привятской глуши, в детстве он наслушался и не такого. Двое дюжих унтеров, однако, не скалились, не ухмылялись, а слушали Петровского с полной серьёзностью, согласно кивая.

– У нас на Югре все о зимовичках знают, – без тени улыбки подтвердил Петровский. – Не умаслишь зимобаб – по белотропу в лес лучше и не суйся. Снегом завалят, стёжки заметут, так что собственной лыжни не сыщешь – и поминай как звали.

– Славная аллегория, Петровский.

– Никак нет, вашвысокобродь, не легория то. Стал бы я тут по таким делам легории поминать! Сколь лет служу, а во враках замечен не был.

– Не аллегория, значит? А ты, Архипов, что скажешь?

Самый старший из унтеров, с нашивками за пятнадцать лет беспорочной службы и три ранения, ответил серьёзно, со спокойным достоинством:

– Егор, ваше благородие, сказки и в самом деле сказывать бы вам не стал. Мы, югорские, зимовичек почитаем, не обижаем и долю ихнюю им всегда оставляем.

– Какую ещё долю? Жертву, что ли?

– А хоть как зовите, ваше высокоблагородие, да только в такую выюгу без баб зимних не обошлось, – поддержал товарищей и третий унтер, Федорчук, единственный из всех обратившийся к Сажневу, как полагалось по Уставу.

От заметаемого непрошеным снегом берега Млавы на запад тянулись острые клинья нагих деревьев, сохранённые от порубок вдоль впадавших в реку ручейков; и сама Млава, раздувшаяся, словно на сносях, кипела, бурлила, точно давясь обрушившимся на неё изобильем павшей с небес воды.

Четверо пробирались прочь от дышащего сырым холодом русла, шагали, хоронясь за тонкими стволами, за бессильно машущими вслед ледяному ветру ветками, и летящий в глаза снег казался сейчас благословением. Чёрная земля ещё сохраняла тепло, белая пороша быстро таяла, едва коснувшись не успевшей выстудиться поверхности.

Далеко слева остались взорванный мост и фольварк, где открыто, напоказ трепетали знамёна добровольческих биргерских рот славного града Млавенбурга.

Но Сажнев упорно пробирался всё дальше и дальше, прочь от реки, сквозь сгустившуюся метель, словно бросая вызов самому лопнувшему небу.

Унтер Петровский вновь буркнул что-то о зимовичках.

– Умилостивить-то надо было б...

– Нет уж, – отрезал Сажнев. – Пусть валит, да погуще.

– Так не видно ж ни зги, вашбродь!

– Что нужно, и так увидим. Не верю я, что баварцы, или кто тут стоять может, в такую бурю костров не разложат.

Четверо пробирались чужими полями – словно острый шип, проникающий всё глубже и глубже. Ручей плавно загибался к югу, балка становилась мельче. Из снежного марева, изпод сгустившихся туч резким росчерком, словно от взмаха кисти, выступил лес.

– Погодите, ваше благородие. – Петровский решительно распахнул шинель, полез за пазуху, но не за нательным крестом, как сперва показалось Сажневу. Из неприметной ладанки появилась фигурка тёмного дерева, отполированная до блеска, с едва намеченными и уже почти стёршимися от бесчисленных прикосновений глазами и ртом.

– Что это?

– Зимовичка, вестимо, ваше высокоблагородие, – шёпотом откликнулся вместо Петровского унтер Архипов. – Зима ж сейчас, стало быть, зимобаб носить и следует.

Унтер осторожно водрузил «зимовичку» на подвернувшийся пень, присел на корточки, взял в ладони, согревая, словно замёрзшего птенца. Сажнев хотел было сказать, что тепла-то как раз «зимним бабам» и не требуется, да вовремя себя одёрнул.

Петровский что-то бормотал, смотря прямо на фигурку, не вставая на колени и не кланяясь, словно разговаривая с равным. Командир югорских стрелков не улыбался, приходилось на Капказе всякое и видеть, и слышать. Вроде и сказки, а, однако, бывало, что и впрямь помогает неведомая сила.

Остальные унтера смотрели на Петровского с нескрываемым уважением.

– Егор, ваше благородие, он такой. Умеет с *ними* говорить. И снасть у него правильная, от деда досталась, тот, баяли, умел после выюг да буранов зимники одним словом открывать. – Архипов шептал, прикрываясь ладонью и от ветра, и от пня с фигуркой, словно она могла что-то услышать.

– Может, смилостивятся, вашбродь, дадут издаля чего увидеть. – Петровский уже прятал свою зимовичку обратно в ладанку. – Хотя, конешное дело, зимобабы тут не то что наши – заграница, понимаешь! Наши-то завсегда помогут, ежели к ним с подходом да с уважением, а здешние – кто ж их знает!

Как ни странно, но режущий ветер и впрямь вскоре стих, снежные струи больше не секли лицо.

Сажнев только упрямо хмыкнул, пока двое унтеров уважительно жали Петровскому руку, – правда, сам Егор пошатывался, как пьяный.

* * *

– Всё верно, вашбродь. – Петровский соскользнул с размокшего гребня вниз, в овражек. – Костры. Много.

– Хитро устроились, ваше благородие. – Архипов смахнул воду с лица.

Сажнев опёрся на локти, приподнялся. Под непрерывно сеющим лёгким снежком – не иначе как смилостивились местные зимовички! – впереди, в неглубокой ложбине, полыхали кляксы пламени да горбились многочисленные палатки.

Похрапывали кони, звякало железо, ходили часовые, и, поникшие, висели чужие штандарты. Чёрные, как и высокие меховые шапки и плащи караульных.

– «Волки», – еле слышно проговорил Сажнев. – Фон Пламмет, значит... Сам.

Баварские чёрные драгуны, или «чёрные волки», как их ещё называют. Часть наёмной дивизии фон Пламмета, что, по мнению Военного министерства, собирает сейчас гишпанские апельсины. Высокие меховые шапки и меховые же плащи, с которых зачастую соскальзывает даже острая казацкая шашка. Нарезной карабин, бьющий на тысячу двести шагов – в этом смысле не хуже штуцеров его собственного батальона. Три новомодных револьвера. Набирают в бригаду только тех, кто не ниже шести футов, у кого плечи широки, кормят на убой, шагистикой не морят, фехтование, стрельба, пеший и конный строй, и снова – стрельба, фехтование, фехтование, стрельба...

– Пленного бы взять, вашбродь, – прошептал третий унтер.

– Пленного! Ума лишился, Федорчук! Солдат нам ничего нового не скажет, а офицера... за офицера нас самих разжалуют, и хорошо если только на Капказ загонят. Уходить пора. – Сажнев озабоченно взглянул на небо, где вновь сдвигался тяжёлый занавес серых облаков, ползущих, казалось, по самым вершинам деревьев.

– Псы у них там, Аким, – заметил Петровский. – Я слышал, брехали.

– Не подберёшься, – покачал головой и Архипов. – Тут и зимовички не помогут.

– Подбираться не станем, – принял решение Сажнев. – Обойдём лагерь, сколько сможем.

Конечно, думал он, пленный нужен. Пленный офицер. Но, ежели Пламметова молодца

схватишь, без приказа перейдя пограничную реку, – тут такое поднимется, что будь ты хоть подполковник, хоть генерал во всех чинах – не сносить тебе головы. Им и так повезло. Заметили баварцев. И что-то нутряное шептало Григорию, что дальше удачу испытывать не стоит; Сажневу случалось ходить грудью на пули горцев, на клинки персиян, решивших, что Капказский корпус истёк кровью в бесчисленных экспедициях и настала пора вернуть Дарбанд, «Узкие врата», но и тогда подполковник не поворачивал назад – а сейчас словно кто-то настойчиво твердил в ухо: «Не лезь!»

Сажнев не боялся прослыть трусом, не боялся упасть в глазах трёх своих унтеров – знал, что бы он ни сделал, ему поверят, потому что именно так надо.

– Поворачиваем, – вслух приказал Сажнев. – В штаб поеду сам, срочно.

Унтера Архипов и Федорчук кивнули, мол, поняли. Петровский же сперва командира словно б и не услышал, застыл, пригнувшись, и только что ладонь к уху не поднял – словно стараясь разобрать что-то едва уловимое.

– Что такое, Егор? – нахмурился Аким. – Что слышится-то?

Сажнев тоже замер. Зимовички зимовичками, а как-то... странно и смутно вдруг сделалось на душе, чего никогда б не случилось в виду неприятельского лагеря. Краем глаза в снежном мареве мелькнула тёмная фигура, будто кто-то из его унтеров отшагнул в сторону; но нет, все тут.

Блазнится...

– Идём, – рыкнул Сажнев. Рука, однако, сама сжала пистолет.

– Погодите, ваше высокоблагородие, – шёпотом отозвался Петровский.

– Да что у тебя там, Егор?! – не выдержал подполковник.

– Ходит вокруг нас кто-то, – одними губами произнёс унтер. – Как есть ходит, круги накручивает. Один раз обошёл и второй до половины прошёл, а как третий замкнёт, так и конец нам.

– С нами крестная сила! – Архипов и Федорчук дружно осенили себя знамениями.

– Что ты мелешь, Петровский?!

– Н-не могу знать, ваше высокоблагородие... а токмо чую.

– Кого чуешь-то? Баварца? Драгуна чёрного?

Унтер помотал головой.

– Годите чуть, вашескородь.

Сажнев уже почти готов был сгрести Петровского за ворот шинели и как следует тряхануть, дабы дурь выскочила; однако оба других стрелка смотрели на Егора так, словно готовы были по его слову кинуться в огонь и воду. И что-то в этих взглядах – наверное, беспредельная уверенность, что Петровский *знает*, что делает, и мешать ему нельзя ни в коем случае, – заставило Сажнева остановиться.

– Поспеши, – только и бросил Сажнев.

Унтер торопливо кивнул. Из ладанки вновь появилась фигурка зимовички, и подполковнику захотелось протереть глаза: почудилось, будто выражение на вырезанном лице сделалось испуганным.

Ну и шутки ж с тобой снег играет, Григорий. Глаза слезятся, ещё и не то привидится.

Петровский что-то быстро забормотал – слова вроде и знакомые, но из старорусского, сразу и не вспомнишь, что значат «ложесна»¹, «гавран»² или «уненч»³.

Но тоскливая и мутная тревога, оттого ещё более поганая, что Сажнев не мог понять, с чего и почему она навалилась, – стала отступать, отпустила.

По вискам Петровского катился пот, унтер тяжело дышал.

– Уф!.. Есть ещё тропка, не закрылась пока... Ваше высокоблагородие!

---

¹ **Ложесна** – матка, утроба матери.

² **Гавран** – ворон.

³ **Уненч** – просящий.

– Веди, Петровский. – Сажнев счёл за лучшее не спорить сейчас.

Унтер быстро зашагал, крепко зажав в кулаке куколку зимовички и то и дело на неё поглядывая.

Ветер завыл, задул в спину, словно торопя русских: уходите, уходите с этой земли, не пришло ваше время пока...

– Отстал вроде, – выдохнул Петровский, когда они наконец оказались у реки. Унтера облегчённо улыбались, выдыхали, забираясь на плот. Петровский завозился, пряча зимовичку обратно за пазуху; Сажнев шагнул на утлый плотик последним.

Ветер, так всю дорогу и дувший им в спины, вдруг сменился, хлестнул по щекам снежной плетью, кто-то из унтеров пошатнулся, взмахнув руками и едва не свалившись в мутную млавскую воду. Сажнев дёрнулся схватить югорца за рукав и вновь уголком глаза заметил нечто вроде человеческой фигуры, оказавшейся почти рядом. И вновь – взглянешь в упор, никого и ничего. И никаких следов на мокрой приречной земле, само собой.

Но Архипов – а пошатнулся именно он – уже справился, уже спешил, словно от обиды на собственную неловкость, оттолкнуться шестом.

Плотик начал путь к русскому берегу. Ветер по-прежнему сёк лицо, резал глаза, точно пытаясь не пропустить их обратно.

Отчего, почему?..

Никого нет с ними, Сажнев да трое его унтеров, отпихивающихся жердинами, и совсем уже близко заросли на восточной стороне реки. Едва лишь спрыгнув на мокрый песок, подполковник решительно выбросил из головы всю эту ерунду с тенями и прочим.

* * *

– Идём, Фимка.

– Ох, ваше благородие, Григорий Пантелеич, и куда вас несёт-то, Господи прости? Чуть живы вернулись, шинель насквозь, и мундир, и аж исподнее, а сапогами ровно Млаву вычёрпывали... Нешто кто другой до штаба не добежит?

– Молчи. – Сажнев показал разболтавшемуся денщику кулак. – Много воли тебе дал, болтуну. С господами генералами говорить не всякий капитан сможет, не говоря уж о поручиках. Да и от приглашений его сиятельства не отказываются.

– Так верно всё, ваше высокоблагородие, а всё-таки... Донесение послать...

– Хватит. Седлай Малушу.

– Слушаюсь, ваше благородие...

Бурча под нос что-то вроде «вот свалятся с болезью грудной, што делать станем?», Фимка отправился исполнять приказание.

К мызе, как ни странно, подъехали совершенно беспрепятственно. Ни рогаток, ни заслонов. Одинокий часовой маялся у входа, и всё. Окна ярко освещены, и чуть ли не до самой реки доносится старательное наяривание полковых музыкантов.

Сажнев недовольно pokrutil головой. Ох, беспечны их сиятельство и их же высокопревосходительство князь Леонтий Аппианович Шаховской!

На самой мызе в огромных сараях отогревались и сушили шинели две роты Олонецкого полка, первыми подошедшие к реке. Левее них – стрелки Сажнева, и... и всё, больше на берегу русских частей нет.

Чернее ночи, Сажнев спрыгнул с Малуши, сунул поводья в руки Ефиму. Стукнул в дверь – створки распахнулись, незапертые; внутри, по серому осеннему дню да ещё со снегом, горело множество свечей, словно сейчас доставленных с великосветского бала.

Щурясь, подполковник шагнул через порог.

– О, югра!

– Ба, кто пожаловал! Сажнев, наконец-то!

– А чего ж такой мокрый-то?

– Что, скверная погода?

Просторная двусветная зала жарко натоплена. Ещё рано, бутылки не откупорены, пунш не пылает, но на скатертях уже расставлено угощение – князь повара, знаменитые на весь Анассеополь, постарались на славу. Для «ранних именин», столь не свойственных столичным празднествам, успели собраться весь штаб корпуса и все командиры передовых полков, иным пришлось изрядно опередить свои части. Расстёгнутые мундиры, белизна рубах, золото эполет, блеск сабельных эфесов. Длинный стол, несомненно служивший ещё доблестным предкам хозяев, хаживавшим на Господин Великий Новгород – о чём неопровержимо свидетельствует череда потемневших портретов на стенах, рыцари в полном вооружении и с регалиями орденов. В огромном камине можно целиком жарить кабанов. Всюду расставлены бутылки, их сиятельство, похоже, и впрямь опустошил собственный погреб.

Сам командир корпуса князь Леонтий Аппианович Шаховской, красивый, ещё далеко не старый, с роскошной шевелюрой вороново-чёрных волос, сидел во главе стола – хотя праздновать пока не начинали; мундир расстёгнут, на груди – золотой крестик.

– Спасибо за честь, подполковник. – Его сиятельство усмехнулся. – Посетили-таки убогий наш приют.

– Имею честь поздравить, ваше высокопревосходительство. – Григорий поклонился, вовремя подавив совсем уж противную субординации ухмылку. Быстро обвёл залу взглядом – командира Пятой пехотной дивизии Крёйца нигде не было видно. Похоже, его превосходительство совсем не спешил на театр военных действий...

Шаховской неспешно и величественно кивнул подполковнику.

– Спасибо, Сажнев. Государь твоим стрелкам особо верит, и, само собой, я тоже. Поставил вас на самое опасное место. – Князь усмехнулся, как бы предлагая всем оценить тонкость шутки: какая, мол, «опасность», коль против нас одно лишь ливонское ополчение?

– Благодарю, ваше сиятельство. – Сажнев сделал вид, что ничего не понял и не заметил. – Имею, однако, срочное известие.

– Какие, к воронам, известия, Сажнев? Эй, Глотов, сукин сын, поднеси лучше чарку подполковнику, мы-то здесь в тепле, а он вон какой мокрый!

– Потому и мокрый, ваше высокопревосходительство, что на том берегу, – Сажнев понизил голос, – стоят не только биргерские роты. Там и баварские драгуны обнаружили. Знаменитые «чёрные волки» из дивизии фон Пламмета.

Князь непонимающе уставился на Сажнева. Глаза у его сиятельства были большие, тёмные, глубокие – наверное, немало девиц и дам лишилось от них сна и покоя. Красивые глаза. И вообще внешностью да статью Шаховского Господь не обидел. Эх, если б только в той же степени наделил талантами воинскими...

– Что ты мелешь, Сажнев? Откуда здесь Пламмету взяться? На крыльях ангельских из Испании прилетел? – Несколько офицеров поспешили рассмеяться. – И потом Пламмет сей хоть и в отставке, а всем ведомо, кто и зачем его кормит. Иоганн же из-за чухны на ссору с государем нашим не пойдёт, о чём точные сведения есть. А две дивизии прусские, что давили мятеж во Млавенбурге да в Ревеле, получили приказ не вмешиваться. И никаких «волков» в них не числится.

– Не могу знать, ваше сиятельство, – чуть громче проговорил Сажнев, заметив несколько пристальных взглядов, – кто у пруссаков где числится. А только я чёрных баварцев своими глазами видел. Стоят лагерем за фольварком Аттельбейн, за леском, в оврагах. С нашего берега не заметишь.

– Уверен, Сажнев? Баварские чёрные драгуны? Дивизия фон Пламмета? – Князь брезгливо скривил губы. – Ну, может, кого сюда и послали, не самого Пламмета, так ещё каких наёмников. Для блезиру. Честь попытаться соблюсти, лицо не потерять. Нашли чем испугать, югра!

– Никак нет, ваше высокопревосходительство, пугать никого не собирался. Вот только вопрос имею, зачем они здесь, наёмники прусские?

Шаховской недовольно поморщился. Разговор ему явно не нравился.

– Позвольте, ваше сиятельство, – вкрадчиво проговорил новый голос. – Если вы разрешите... два слова с подполковником.

Сажнев повернулся – справа надвинулся тучный генерал-лейтенант Ираклий Ломинадзев, начальник штаба его сиятельства Леонтия Аппиановича.

– Два слова, подполковник. Могу ли я понимать вас таковым образом, что вы, нарушив прямой приказ его василеосского величества, повторенный впоследствии его высокопревосходительством командиром корпуса и вашим командиром дивизии, – ни в коем случае не переходить Млаву, – самовольно устроили поиск на том берегу?

Сажнев скрипнул зубами. Ну до чего же проще было на Зелёной линии!

– Там «чёрные волки», ваше превосходительство, господин генерал-лейтенант. А раз драгун столь близко придвинули к границе, то не удивлюсь, что здесь и другие, им подобные, найдутся.

– Отвечайте на вопрос, подполковник, – побагровел Ломинадзев.

Собрание притихло. Несколько майоров и штабс-капитанов – в армейской форме, не штабных гвардейцев – даже придвинулись ближе.

– Погоди, погоди, Ираклий Луарсабович. – Незнакомый Сажневу генерал-майор поднялся от стола, подошёл ближе. – Поиск поиском, приказ приказом, а наёмники, выходит, уже у нас под боком?

– Чего ж тут годить, Аристарх Богданович? – Ломинадзев внушительно расправил плечи, одёрнул и без того идеально сидящий мундир. – Пусть Сажнев ответит!

Генерал-майор только покачал головой.

– Ваше высокопревосходительство, – Сажнев проигнорировал генерал-лейтенанта, обращаясь напрямую к Шаховскому, имевшему чин генерала от инфантерии, – считаю...

– Считаю, что тебе надо отправиться под арест, Сажнев! – Князь приподнялся, чёрные очи сверкнули. – Ты поистине рассудка лишился, на другой берег полез! А если б тебя заметили, если б захватили?! Одним Капказом не отделался бы, подполковник!

– Так ведь не заметили, ваше высокопревосходительство, – отрезал югорец.

– Приказ его величества! Его василеосского величества приказ, что же, для тебя звук пустой, Сажнев? – перехватил инициативу Ломинадзев.

– Никак нет, господин генерал-лейтенант, не пустой. Но приказы приказами, а чёрные драгуны – вот они.

– Ну и что? – Грузный Ломинадзев сорвался почти на фальцет. – Приказы не обсуждаются! Они выполняются!

– Если б мы на Капказе все приказы исполняли, долину Гремячей крестами от края до края покрыли б.

– Ах так!.. – задохнулся от гнева господин генерал-лейтенант. Сажнев отступил на шаг, с мрачной злостью нагибая голову и выпячивая челюсть. Пудовые кулаки подполковника сжались, и, будь они с Ломинадзевым вдвоём на узкой дорожке, их высокопревосходительство, пожалуй, предпочёл бы немедленную ретираду, но вокруг сверкало золото гвардейских эполет, восседал во главе стола князь Шаховской, как ни крути – генерал от инфантерии, и сие придало Ираклию Луарсабовичу поистине барсовой смелости.

– Ваше высокопревосходительство, – вдруг спокойно произнёс кто-то за спиной Сажнева, но так, что пыхтящий, аки левиафан, Ломинадзев и даже в ярости сохранявший известное величие Шаховской разом повернулись, осекшись на полуслове.

– Ваше сиятельство и вы, господин генерал-лейтенант. Если против нас баварские драгуны фон Пламмета или же кого другого, то подполковник Сажнев безусловно прав. Надо немедленно привести все войска в полную боевую готовность. Пехотную бригаду Желынцева – Суждальский и Ростовский полки – выдвинуть к перекрёстку дорог, придав ей конноартиллерийский полк из бригады Карпина. Другой полк той же бригады и всех олонецких – к стрелкам подполковника Сажнева.

Григорий обернулся.

– Русский! – вырвалось у него. – Фёдор Сигизмундович!

Гвардионец улыбнулся, чуть заметно кивнул.

– Ваше высокопревосходительство. Командир батальона югорских стрелков подполковник Сажнев с риском для жизни предпринял опасный поиск. Отмахиваться от его сведений неразумно. – Если Русскому и хотелось употребить иное, более крепкое слово, он этого никак не выказал.

– Он нарушил приказ, полковник Русский! – возопил Ломинадзев.

– Ваше превосходительство. Я полностью разделяю ваше возмущение. Подполковник Сажнев, бесспорно, заслужил суровое взыскание. Но, ваше сиятельство, – гвардеец нагнулся к самому уху князя, – означает ли это, что мы должны отринуть и добытые упомянутым подполковником сведения?

Холёное лицо Шаховского отразило напряжённую работу мысли.

– Ваше высокопревосходительство, разумеется, видит опасность, пусть даже сугубо теоретическую, что нависла над передовой дивизией корпуса. Бригады разбросаны, полковые колонны растянуты, зачастую даже батальоны располагаются отдельно, сами по себе...

Слова гвардионского полковника, командира лейб-гвардии Гренадерского полка и к тому же протеже военного министра достигли цели. Князь вдруг кивнул с важным видом и даже перебил Русского:

– Что мы о неприятеле ничего не знаем, полковник, то истинная правда. А донцов мне государем велено от границы отвести, дабы не вводить их в соблазн!

Ломинадзев, только что повышавший голос и мало что не брызгавший слюной на Сажнева, первым уловил сменившееся направление ветра. И не удивительно, иначе никогда бы при прочих своих талантах не достиг нынешних чинов.

– Ваше высокопревосходительство, сейчас в нашем распоряжении находятся...

– Я отлично помню, что находится в моём распоряжении, Ираклий Луарсабович! – с манерным раздражением бросил князь. – Немедля отправьте приказ бригадам Желынцева и Борисова сомкнуть фланги. Разрыв меж ними слишком уж большой, дыра зияет, ветер свищет. Конных артиллеристов подтянуть поближе. Кроме того...

– Бригада Карпина... – незаметно подмигнув благоразумно помалкивавшему Сажневу, напомнил Русский – с ловкостью истинного гвардионца, привыкшего иметь дело с капризами высочайших особ, известных своей взбалмошностью.

– Именно! – всё больше распалялся князь. – А егерская бригада Борисова, сомкнув фланги с Желынцевым, пусть займёт... э-э-э... Ираклий Луарсабович?

– Берег Млавы от Мурастовской мызы до фольварка Расстений, – тотчас выдал начальник штаба, даже не взглянув на карту.

– Прошу вас, Ираклий Луарсабович, лично проследите за исполнением, – величественно кивнул его сиятельство. – Да, и придайте им ещё олонцевских егерей. А командовать сим сводным отрядом, сиречь бригадой Желынцева и конноартиллеристами, будет... генерал-майор Ейсмонт. Аристарх Богданович, вы...

– Готов отправиться немедленно! – отчеканил давешний генерал-майор, словно на высочайшем смотре.

– Ваше высокопревосходительство, но оба полка бригады Борисова ещё на марше, – заметил пожилой полковник в мундире олонцевских егерей.

– Пусть угреньские егеря пособят!

– Ваше высокопревосходительство, угреньские егеря – это Четвёртая дивизия, они также не...

– Отправьте вестовых – и чтоб поторопились! – раздражённо бросил Шаховской. – Нога за ногу плестись недостойно солдат русских, пусть так и передадут!

– А ещё, ваше высокопревосходительство... – заговорил другой офицер. Поднялся шум, отдавались распоряжения, на Сажнева никто уже не обращал внимания.

– И панику нечего поднимать, господа, нечего поднимать панику, – возвысил голос его

превосходительство Ираклий Луарсабович. – Ну, стоят за рекой баварские драгуны, и что с того? Млаву перейти всё равно не рискнут, господа, потому как это ведь война! Война всеевропейская!..

Кто-то отважился почтительно возразить господину генералу, другие, напротив, спешили согласиться. Князь Шаховской вертел головой, позабыв, похоже, о первопричине сего беспокойства.

– Ну, спасибо, Фёдор Сигизмундыч, выручил, – шепнул Сажнев нежданному спасителю. – Не ожидал, что сумеешь.

– Не стоит, Григорий Пантелеевич, вот уж тебе не стоит, – рассмеялся Русский. – При Орлове не только воинские науки превзойдёшь, но и... паркетные. О другом давай потолкуем...

– Что ж и не потолковать, – с готовностью кивнул Сажнев. – Скажи вот, как на духу, что про фон Пламмета думаешь?

– Что думаю? – протянул гвардионец. – Кто там говорил – полковник Лепелев, моему? – не из воздушных же он тут соткался, значит, ждут нас и начали ждать ещё до Манифеста, иначе б не успели старого волка из Испании вытащить. Ну да то уже не наше с тобой дело, нам бы тут не оплошать. Нападать, конечно, пруссак не рискнёт, это и впрямь всеобщая война. Такого после Буонапарте всё ещё как огня боятся. А вот ежели перейдём Млаву, тут фон Пламмет будет в своём праве. По Брюссельскому арбитражу Пруссия имеет право защищать Ливонию и может прислать для этого сколько угодно войск, а не только те две дивизии, что после... событий известных герцог Ливонский выклял. Тогда, боюсь, горячо будет. Пруссия недалеко, в Крелевце сильные гарнизоны и флот также; подкрепления перебросить недолго, а потом и из самого фатерлянда подтянутся.

Сажнев кивнул.

– Вот и я думаю – не дерзнут. Но караулы всё равно устроил. Батальон наготове, вот только стоим мы в лесу одни-одинёшеньки. Хоть чем бы подпереть, хоть бы орудий пару!

– Если вестовые вовремя успеют по такой распутице, должны к тебе и пушки подоспеть.

– Вот толкуем мы с тобой, что пруссаки первыми ни за что не ударят, а у меня другое на уме. Как бы не припозднились те вестовые... – вздохнул Сажнев и, поставив пустую кружку, протянул гвардионцу широченную ладонь. – Пойду я, пожалуй, Фёдор Сигизмундович, пока обо мне не вспомнили.

И верно – ассамблея шла своим чередом, денщики и ординарцы принялись откупоривать бутылки, на командира югорцев никто не смотрел, разве что посрамлённый Ломинадзев время от времени метал злобные взоры из-под сросшихся чёрных бровей.

– Я тоже не задержусь, – Русский проводил взглядом очередного вестового, – мои гвардионцы отстали, в Заячьих Ушах сейчас. Эй, Фаддей! – окликнул он денщика.

– Тогда милости прошу к нам, – ухмыльнулся Сажнев. – Скучно не будет, обещаю, Фёдор Сигизмундович. Тем более что сам видишь, какие здесь порядки. Где кто – не разобрать, кто за что отвечает – и подавно.

Русский только сжал зубы.

– Твоя правда, Григорий Пантелеевич. Если против нас молодцы фон Пламмета – баварцы ли, швабы или тирольцы, – жди неприятностей. Опасный, шельма! Умён, отважен, решителен, даром что не первой молодости, да ещё и зол на нас. После высочайшего Манифеста мало кто верит, что мы здесь просто с демонстрацией силы. Боюсь, власти ливонские нам и мизинца не уступят; значит, вторжения не избежать, а немцы – любые! – не из тех, кто просто так отдаёт под себя подгребённое, тем более если взято огнём да мечом.

– И им же перекрещено, – мрачно добавил Сажнев.

– И им же перекрещено, – согласился Русский. – Но всё-таки не хочу я верить, что ударят они. Хотя на их бы месте я, коль ни на какие трактаты да прочие политики не оборачиваться... Для первого удара время лучше и не выбрать. Корпус растянут, а фон Пламмет наверняка заслал сюда лазутчиков. Он-то церемониться не станет, надо будет, под

бабий подол залезет, если оттуда лучше видно.

Сажнев ухмыльнулся, но невесело.

– Как тут воевать? – вполголоса посетовал он. – Их высокопревосходительство и их же сиятельство, получив в подчинение мой батальон, изволили отписать командующему Второй армией, покорнейше прося прислать инструкции, что им делать с этими штуцерниками и каковы предписанные сим стрелкам интервалы при наступлении?

Росский лишь досадливо дёрнул бровью.

...А в зале зажигались всё новые свечи, и раскрасневшийся князь Шаховской царственным жестом приказывал денщикам выносить новые и новые ящики из его личного винного обоза.

* * *

– Фимка, бесов сын! Где тебя черти носят?

– Где ж им меня носить-то, ваше благородие, как не возле солдатского самовара? – Денщик вывернулся из-за угла, на бегу утирая губы. – Здравия желаю, ваше высокоблагородие, господин полковник!

– Следи хорошо за барином, Ефим. Ночь сегодня... жаркая может выйти. Надеюсь, что обойдётся, но...

– Не извольте беспокоиться, ваше высокоблагородие Фёдор Сигизмундыч, присмотрим в лучшем виде.

– Ты, Фёдор, мне денщика-то не сбивай с панталыку!

– Григорий, – Росский придвинулся к уху Сажнева, – твой батальон – в самом опасном месте, сам ведь понимаешь. Если я его сиятельству всё внушил как надо, то тебя подопрут олонечские роты, Суждальский полк и две конные батареи из карпинской бригады. Будешь тогда как у Господа за пазухой, и никакой Пламмет, буде ему шнапс во буйну голову ударит, тебя со млавского берега не собьёт. Но если подкрепления не успеют или князьинке что другое в башку втемяшится... Не верю, не хочу верить в худое, но, знаешь, бережёного Бог бережёт.

– Ничего, знаем, что делать, – рыкнул Сажнев. – На Зелёной линии ещё и не такое случилось. Думаешь, Фёдор Сигизмундович, зря я приказал лес плетнями городить и дорогу перекапывать?

– Плетни да канавы баварцев не остановят, – покачал головой Росский. – Тьфу, пропасть, теперь только об этом и думаешь... Эх, ступай с Богом, Григорий Пантелеевич. Не будь здесь Пламмета... – Гвардионец прихватил гнедого красавца, не чета Малуше, за гриву. – Всё, пора ехать. Гвардия выдвигается к этой же мызе, если что – шли вестовых сюда. А я уж постараюсь поспешить.

– До встречи, Фёдор Сигизмундович. Храни тебя наши зимовички.

– Зимовички? А, снежны паненки... Неплохо бы, чтоб и впрямь помогли. Зимовички – это ведь ваше, югорское прозвание?

– Угу. – Сажнев тяжело поднялся в седло. – Надеюсь на гвардию, Фёдор.

– Не подведём, – без тени усмешки кивнул Росский, посылая коня вперёд. Фаддей, немолодой уже ординарец из яицких казаков, служивший ещё отцу Фёдора, Сигизмунду Михайловичу, не отставал.

Глава 6

Граница с Ливонией. Млавское приречье

30 октября 1849 года

Батальон югорских стрелков рассыпался по накрытому снежным покрывалом лесу. В глубоких ямах горели костры, и взводы сменяли друг друга у спасительных огней; однако ямы быстро насасывали воду, так и норовя затушить пламя. Широко растянувшаяся вдоль

бурной Млавы стрелковая цепь могла наблюдать за вражеским берегом, но, случись то, о чём одни не думали, а другие старались не думать, остановить фон Пламмета она бы, конечно, не смогла.

Сажнев вернулся к батальону в прескверном расположении духа. Мало того что баварцы, так ещё и этот Петровский со своими... выдумками из головы не идёт. Фимка, понимая настроение барина, молчал, как уснувшая на зиму лягушка.

Рябых вздохнул с откровенным облегчением, увидев командира.

– Всё спокойно, Григорий Пантелеевич. Досматривал лично. Не шевелятся на том берегу – насколько мои пластуны сквозь метель разглядели. Ранний-то снег какой по сему году...

Сажнев кивнул.

– Должны подойти олонечские, и ещё посулили суждальцев, – без предисловий бросил подполковник. – Артиллерию тоже обещали, но не знаю, не знаю...

– Ну и слава богу, – закрестился Рябых. – А вот пушкари, они не успеют. По таким-то дорогам... лошадушек пожалеют, губить не станут.

Сам из крестьян, Михайло Платонович больше жалел коней, чем людей.

– Лошадь, она ведь тварь бессловесная...

В батальоне, как и ожидал Сажнев, всё было в полном порядке. Никого не соблазнила вражья сторона, немногие любители пошуровать, пока начальство не видит, по чужим погребам, сидели смирно, лишь вполголоса поругивая «проклятушу ту мятьель».

Хорошо ещё, что дождь перестал, сменившись густым снегом. Казалось, стало даже теплее, хотя должно было быть прямо наоборот. Млава всё распухала и распухала, подбираясь к невысоким берегам, мутная вода несла всякий сор, словно раньше времени наступило половодье, – в верховьях непрестанно шли дожди, сменявшиеся обильным, тотчас таявшим снегом.

Сажнев с неотлучным Фимкой вышли к линии передовых постов. Здесь всё было тихо, опытные охотники, все – вступившие в службу добровольно, знали, как скрадывать и зверя, и человека.

– Ничего не видать, ваше высокоблагородие, – шёпотом отрапортовал усатый, как и прочие унтера, немолодой уже солдат. – За фольварком следим, глаз не смыкаем. Ни огонька, ничего. Лошадь не заржёт, пёс не забрешет.

«Да и не станет фон Пламмет атаковать по такой погоде, когда и вечер недалёк уже, – вновь и вновь повторял себе Сажнев. – Даже копьё и вовсе ума лишится». Пусть и хороши баварские драгуны, пусть не уступят им швабы с тирольцами, а и они в темноте, да ещё и в лесу, воевать не любят. А сейчас, пусть день и не истаял, до темноты осталось не так уж много.

– Пригнулись бы, ваше благородие. – Старые унтера-югорцы после баталий на Зелёной линии и в Даргэ нет-нет да и позволяли себе подобное со своим командиром, не привыкшим кланяться пулям. – Не ровён час, углядит вражина...

Сажнев ухмылялся да отмахивался.

Нет, не полезет на рожон фон Пламмет, не рискнёт, конечно же; всё останется как есть хотя бы до утра. Эх, простоять бы так ещё и завтрашний день, пока не подтянутся остальные дивизии корпуса, а там уж мы сами ступим за Млаву – коли, конечно, придёт-таки приказ.

Но баварцы не собирались отсиживаться в тёплых палатках и греться у походных костров. Всё началось, как удар обухом из-за угла, как внезапно грянувшая с зимних небес молния.

Они хорошо и тщательно прятались – так, что даже опытные звероловы Сажнева ничего не углядели. В сплошной крутящейся метели возле взорванного моста снежными призраками возникло дюжины две солдат, тащивших тяжёлые сходни. С ливонской стороны никто не стрелял, не выкрикивал команд, не раздавалось ни труб, ни барабанов. Сколоченный из добротных местных досок в ладонь толщиной настил с грохотом рухнул, перекрыв пролом, и тотчас застучали молотки, вгоняя гвозди и скобы, намертво крепя

сходни к остаткам старого моста.

Окажись на месте Югорского батальона иной, из внутренних губерний, не столь сплочённый, не побывавший в огне – кто знает, чем всё бы закончилось.

Сажнев не сомневался, что делать. Капказ научил стрелять первым, а потом уже затевать переговоры. Подполковник едва успел гаркнуть: «Пали!» – как ему дружно откликнулись десятки штуцеров передовой линии, всех, кто смог в снежной мгле разглядеть возникшие на мосту фигуры.

В снеговой круговерти таяли облачка порохового дыма, подхваченные и разорванные ветром; первый залп, поневоле нестройный и недружный, словно незримыми растопыренными пальцами вытолкнул отдельные фигуры из ряда живых, смёл и сбросил их с моста прямо в бурлящую Млаву – Сажнев не мог сосчитать, сколько именно, но в свою югру он верил.

Противоположный берег тотчас ответил, ошетинился выстрелами таких же, как они, штуцерных, рассыпанных вдоль реки. Хакнула чужая пушка, тотчас – другая, и пущенные наугад картечные гранаты разорвались по обе стороны дороги, уходившей в перекопанный и перегороженный стрелками Сажнева лес; в лес, пока ещё русский.

За пехотой появилась конница, те самые чёрные драгуны. Спешили и другие: пехота, плотно сбитые живые частоколы, на головах знаменитые в Европе каски под кичливую тевтонскую старину; по ним тоже хлестнуло незримым веером русских штуцерных пуль, и Млава приняла новые жертвы.

Из глубины леса уже бежали югорцы, и с ходу вылетевшие на дорогу драгуны падали под заполыхавшими залпами – ротные Сажнева знали своё дело.

– Пистолы, ваше благородие. – Фимка выхватил пару из кожаной перевязи; в ручищах Сажнева уже красовались такие же.

В конский топот и грохот выстрелов вмешалось нечто новое – лязг стали и крики. Драгуны схватились с не успевшими выстроить каре стрелками, вмиг прорвав тонкую, ещё не сплотившуюся линию.

– Ваше благородие! – Рядом с Сажневым и Фимкой оказались трое или четверо стрелков во главе с унтером, за ними – ещё пятеро, из рассыпанной вдоль берега цепи.

– Лежать! – взревел командир югорцев.

До моста совсем немного. Но нельзя ждать, пока соберётся больше сил, баварцы пройдут сквозь разбросанные цепи оставленного в одиночестве батальона, как горячий нож сквозь масло.

Лежали, стреляли почти не глядя – благо диковинные в глазах прочей армии ружья позволяли перезаряжать их, не вставая.

Стрелки знаменитого фон Пламмета не дремали, щедро осыпая пулями противоположный берег, куда, словно остриё копья в человеческое тело, вдвигался сейчас клин чёрных драгун. Плетни, канавы и ямы сдерживали их, но порыв оказался уж слишком силен. Из снежной пелены на мост вылетали новые эскадроны баварцев, перемежавшиеся взводами пехоты; не жалели патронов альпийские штуцерные, а с окраины фольварка продолжала рывкать прусская артиллерия. Гранаты секли подлесок, и югорцы Сажнева всюду подались назад.

За его спиной собралось уже до полусотни стрелков, когда Сажнев встал во весь рост.

– Пошли!

Сквозь мокрые, хлещущие по лицам ветки, справа и слева – выставленные штыки; сбоку от вражеских штуцерных малый отряд Сажнева был прикрыт густым молодым ельником, уже посечённым картечью. Дымились чёрные пятна, где разорвались баварские гранаты, но вокруг всё было мокрым – и опавшая хвоя, и низкие сучья, – и лес упрямо не желал загораться.

Югорцы встали, пошли вперёд, а впереди – лошадиные морды и перекошенные лица, чёрные шапки и чёрные мундиры пополам с крутящимся снегом. В редкий разрыв на небе проглянуло опускавшееся солнце, и Сажнев, вскинув руку, разрядил первый пистолет прямо

под «тевтонскую» каску, опередив блеснувший совсем рядом штык.

– Петровский! – Возле Сажнева оказался тот самый унтер. – Назад, к Рябых, пусть отходит за плетни, к ямам!

Полсотни стрелков сшиблись грудь в грудь с драгунами и пехотой Пламмета возле самого моста, и тут уже заработали штыки.

– Дави! Дави! Дави!

Сажнев в упор разрядил второй пистолет в лицо замахнувшемуся на него саблей офицеру-баварцу, подхватил ружьё – в его медвежьей лапе оно показалось тростинкой, – отбил нацеленный прямо в грудь штык, опрокинул «чёрного волка» прикладом; рядом с ним падали стрелки, падали и их враги, однако мост вдруг оказался у самых ног. За спинами отряда грохотало, звенело, лес был множеством нечеловеческих голосов, а спереди, из крутящегося снега, летели только пули и ядра.

Стрелки Сажнева не были гренадерами¹, но их подполковник и они сами не зря прошли жестокую школу Капказа и знали, что в подсумках должно лежать далеко не то лишь, что положено уставом.

Сразу пяток ручных гранат полетели на доски настила, рядом с Сажневым стрелка опрокинуло пулей – правый берег Млавы расцветал чужими залпами; казалось, штуцерных там собрался целый полк.

– Назад! – взревел Сажнев. – Все назад, бесовы дети!

Гранаты взрывались одна за другой, так что не выдержали даже прочные немецкие доски и добротнo кованнeе скобы. Под нерасчётливо вылетевшим на мост всадником настил проломился, человек и конь разом закричали от ужаса, падая в холодную Млаву.

– Молодцы! – заорал Сажнев.

Правильный прусский бой обращался в хаос. Отрезанные от своих, баварцы тем не менее не растерялись, дружно повернув назад, к мосту, – прикрыть сапёров, тотчас бросившихся к пролому с новым настилom. Ах, фон Пламмет, умница фон Пламмет, он не начнёт атаку, не запасшись ещё одним набросом взамен взорванного, – а может, и не одним.

Однако время было выиграно.

Передовые стрелки, огрызаясь, пятились от реки, а за их спинами батальон уже собрался в кулак. Укрываясь за плетнями и деревьями, сажневцы с лихорадочной поспешностью вбивали в горячие пасти казённых бумажные патроны целиком, махнув рукой на наставления, и стреляли, стреляли, стреляли... Отрезанные взорванным проломом моста от своих, баварцы сжались чёрной кучей, пули югорцев выбивали лошадей и людей, а самые меткие выцеливали и укладывали – кого на мокрую землю, а кого и в воду Млавы – тех, кто пытался дотащить до пролома новый настил. Спешенные драгуны прятались в канавах возле самого моста, за конскими трупами, почти не отвечая на стрельбу сажневцев, – им, чтобы перезарядить штуцер, требовалось привстать, а это означало почти верную смерть. Несколько смельчаков уже поплатились жизнями.

Зато всюду старался другой берег. Без устали грохотала артиллерия, но гранаты рвались большей частью в приречном ельнике, героически прикрывшем собой русских стрелков. Через головы теснящихся у воды баварцев били теперь и мортиры, их ядра стали падать в самой гуще югорцев; а вдобавок с ливонской стороны, не жалея патронов, палили штуцерные.

Опасности особой от прижатых ко Млаве чёрных драгун не проистекало; расстреливай их из укрытия, покуда хватит огнеприпаса; но тут четвёртая попытка перекрыть пролом таки завершилась успехом – потеряв половину своих, баварцы швырнули новый настил. И тотчас же сами бросились по нему в отчаянную атаку – выручать угодивших в русскую западню.

С этим у солдат фон Пламмета дело обстояло сурово.

Нельзя было дать им переправиться большой массой, нельзя дать скопиться на русском

---

¹ «Гренадеры» означало не только «гренадерский рост», но и соответствующее вооружение, то есть метательные гранаты. В комплект положенного по штату югорским стрелкам гранаты не входили.

берегу Млавы; за плетнём тогда уже не отсидишься, тем более если мост вот-вот исправят. Югорцы дали ещё один, последний залп, Сажнев лишний раз проверил, все ли четыре пистолета заряжены, легко ли выходит сабля из ножен, и резко поднялся во весь рост.

– Пошли-и-и, братцы!

– Ура-а-а-а! – откликнулся ему, казалось, весь приречный лес.

Здесь, в лесу, не до правильных интервалов и ротных колонн, коими надлежит атаковать по уставу. Цепи югорцев сдавили оказавшихся самыми расторопными баварцев, покачнувшись, выдержали убийственный залп в упор, один-единственный, но нанёсший немало урона, и захлестнули-таки петлю-удавку вокруг шеи переправившихся.

Заработали штыки.

Сажнев разрядил первую пару пистолетов почти в упор, выбирая только офицеров. Фимка крутнулся ужом, всунул в руки следующую, схватив пустые – перезаряжать. Как денщик ухитрился оставаться за спиной и не пропадать даже в горячке боя – подполковник никогда понять не мог.

Серые шинели и чёрные плащи смешались, так что штуцерникам фон Пламмета поневоле пришлось умолкнуть.

Русской штыковой боялись от Дуная до Варчевии и Парижа со времён Александра свет-Васильевича, и не без причин. Однако сегодня югорцам Сажнева встретились те, кто умел не поддаться даже знаменитому русскому натиску.

Сажневцы изрядно потрепали драгун, немало тех, что протискивались по наброшенному настилу, нашли себе могилу; но через головы пруссаков била и била артиллерия, гранаты рвались за спинами русских, и Григорий Сажнев отлично понимал, что это значит.

Это значит – отход. Если нет возможности выкосить орудийную прислугу, его батальон так и расстреляют – из безопасного далека. Выход только один – обратно, под защиту батюшки-леса, издревле благосклонного к югре, знавшей к нему все ходы и подходы.

Назад подались, но недалеко – вновь зубами вцепившись в так кстати излаженные плетни. Теперь несладко пришлось и «чёрным волкам» – они шли через узкий мост под градом пуль, перешагивая через погибших, зачастую сталкивая во Млаву собственных раненых. Однако же шли, и Сажнев понимал – от реки батальон скоро оттеснят. Совсем скоро. Как только пристреляются пламметовские пушкарники...

В глухой снежной мгле, перекрываемый выстрелами, заиграл батальонный трубач. Сажневцы отходили от осыпаемого ядрами и пулями берега Млавы, как могли, отбиваясь; но пламметовские пехота с конницей наступали зло, споро, прикрывая друг друга, стреляли часто и метко. Пусть их штуцера приходилось заряжать куда дольше и стоя, но их было много, очень много, не сотни – тысячи. Тысячи пока что на правом берегу, но штуцерная пуля летит на тысячу двести шагов, а Млава, увы, узка.

– Ваше благородие! Вашбродь! – Рядом с Сажневым из ниоткуда возник мокрый стрелок. – Они реку переходят, супостаты! С конями! Плоты плотят!

Сажнев только хрипло выругался. Ничего не сделать уже. Ничего. Слишком мало его штуцерных, чтобы залпами в упор расстрелять обнаглевших черномундирников.

Нет, батальон пока держался, но фон Пламмет рассчитал правильно – Сажневу пришлось стянуть всех к мосту, чтобы заткнуть прореху; а в это время свежие эскадроны баварских драгун и иные полки знаменитой дивизии переправились выше и ниже по течению. Сейчас они скопятся там, соберут силы и обрушатся на фланги батальона, на его тыл; и тогда начнётся самое страшное – не успевшую выстроить каре пехоту будут рубить со спины.

Торопились ротные и командиры взводов, надрывался сигнальщик, стрелки разворачивались, готовясь отбить атаку с боков и сзади. И драгуны действительно появились – правда, большей частью спешенные.

– Михайло Платоныч! Взвод – налево!

– Всё понял, Григорий Пантелеич! – совсем по-родственному, как принято было на

Зелёной линии, откликнулся ротный.

Сослужили славную службу и плетни, и рвы, и ямы: протиснувшись через мост, железная змея немцев уткнулась тупою мордой в немудрёные заплоты и рассыпалась, от неё отпадали «чешуйки» – мёртвые тела и пеших, и конных, выбитые меткими залпами югорских охотников.

Однако всё чаще гремело по сторонам, где стрелки Сажнева пытались сдерживать наседавших на фланги драгун. Лес не давал развернуться коннице, большая часть баварцев спешила, к ним торопились примкнуть тирольские штуцерники. На правом фланге сажневцев грохотало куда громче, чем на левом, именно оттуда то и дело прибегали взмыленные вестовые – надо понимать, фон Пламмет поворачивал всё больше и больше своих войск на север, держа Млаву по левую руку, – туда, где высились острые шпили Лабовской мызы.

Сажнев только мрачнел да всё больше выпячивал челюсть.

Давно погнаны вестовые в штаб корпуса, всё на ту же мызу. Погнаны давно, а ни один не вернулся, и никакой помощи нет. Хотя и безо всяких вестников его сиятельство не мог не слышать длящейся канонады.

Вновь и вновь, не жалея себя, пытались прорваться в глубь леса баварские конники, бросившаяся через мост вперемешку с ними пехота, так же не задерживаясь, давила в стороны от дороги, распирая горловину прорыва.

За спиной Сажнева кто-то мрачно бросил:

– На твоих зимовичек вся надежда, Петровский. Попроси уж, а, умоли?

– Попрошу, – отозвался унтер. – Только они того ж, хоть и зимовички, а бабы. Жертву потребуют. Кто крови своей не пожалеет?

Потом вновь были вынесшиеся из снежного водоворота лошадиные морды, и пар над ними, и силуэты людей; и разряженный штуцер в руке Сажнева, приняв на ствол проскрежетавший железом по железу клинок, достал баварца, угодив штыком пониже рёбер; были выстрелы в упор, вскинутые пистолеты в руках чёрных драгун, сигналы не сдающегося трубача и тяжёлое дыхание собиравшихся возле своего командира десятков и десятков югорцев.

К спешенным драгунам и простой пехоте прибавились прусские гусары, однако им в глубь пересечённого плетнями леса ходу не было, охватить и сжать батальон с боков не получалось. Ветер вдруг взвыл, задул стрелкам Сажнева в спину, зло и метко швыряясь пригоршнями мокрого снега прямо в лица наступающим.

Но фон Пламмет уже перешёл Млаву в нескольких местах – гремело далеко справа, гремело и слева. Последние стрелки Сажнева спешили оставить её берег, осыпaeмый ядрами и пулями; югорцы не показывали спин врагу и как могли огрызались: не одно и не два тела в чёрных мундирах сорвались в мутные воды Млавы; однако остановить переправу одинокий батальон, конечно, не мог.

Нет, он не бежал, висел, мёртвой хваткой вцепившись в глотку фон Пламмету, не давал тому развернуться, всей мощью навалившись на разбросанные полки передовой Пятой дивизии; и это всё, что мог сейчас сделать подполковник Сажнев.

* * *

Расставшись с другом-югорцем, гвардионский полковник Фёдор Росский в сопровождении старого Фаддея возвращался к своему полку – гвардейскому гренадерскому, чьё полное наименование включало едва ли не все славные битвы русской армии за последние полтора века, – в дурном и смутном состоянии духа.

Ломинадзев, конечно, подхалим и дурак. Правда, про таких говорят «дурак-дурак, да умный». Обладает каллиграфическим почерком, за что отмечался ещё в Пажеском корпусе, мгновенно запоминает мельчайшие детали на карте, умеет подать начальству великолепно составленную и написанную бумагу, диспозиции Ираклия Луарсабовича в пору в музеях

вывешивать. И в обычных условиях, пока Второй армейский корпус производил advances и оффенции, перемежаемые исключительно учебными и незначительными ретиратами на практических хотчинских полях, сей генерал был вполне на месте. Но сейчас, когда волею государева Манифеста четыре дивизии из действующей армии придвигаются к границе – а по другую сторону открылись баварские и не только наёмники, знаменитая дивизия фон Пламмета...

Ох, жди беды от такого начальника штаба. И добро б, оказался он при толковом командире, – так ведь нет, и командир корпусу выпал такой, что впору караул кричать: его сиятельство князь Леонтий Аппианович Шаховской, спору нет, храбр был по младости. И василевсам – троим – верен. Да только молодость та давно минула, всё больше на тех же практических полях, в лучшем случае на стрельбищах, куда едва ли не силой загонял государь нерадивых альбо ж чрезмерно дошлых командиров, не желавших терять выгоду от продажи неиспользованного пороха на сторону.

Что успеет сделать Ломинадзев, если всё-таки здесь *начнётся* ? Смогут ли дивизии корпуса собраться в единый кулак, о который поломают зубы даже «чёрные волки» фон Пламмета? Приказы, конечно, разосланы. Но вечереет, снег, дороги обратились в грязевые реки – артиллерия точно отстанет, и только головные роты передовых полков, при всём поспешании, лишь утром появятся у границы.

Чёрт бы побрал браваду его сиятельства, прискакавшего на Млаву даже вперёд собственного авангарда! Можно сказать, что один батальон лучше, чем его же полное отсутствие, но... Если навалится Пламмет всеми силами, ни батальон не поможет, ни полк. Разве что дивизия, так она-то как раз и разбросана. И получится у хитрого пруссака, начини он дело, классический «разгром противника по частям». Буонапартова школа, её теперь многие усвоили.

Постой, погоди, остужал сам себя полковник. Со времён Буонапарте никто не рисковал перейти русские границы с оружною силой, с османами да персиянами после объявления войны мы сами наступать начинали – так неужто Пламмет рискнёт? Что тогда – всеобщая война? Ещё один Манифест? Кайзер Иоганн кто угодно, но не безумец. Нет всеобщей коалиции против России, Берлин грызётся с Веной, так зачем же самому голову в петлю совать? Унгарского мятежа, нами подавленного, им не хватило? Нет, конечно, убеждал себя Русский, шансов, что пруссаки ударят первыми, исчезающе мало. Ничтожно мало. Так что не впадай в панику, Фёдор, доберись до своего полка, проверь, как лагерем встали, всего ли в достатке, Миша Вяземский пусть интендантам отпишет за вины их – а вины за интендантами, лентяями и лежебоками, всегда найдутся.

Русский убеждал себя как мог, но помогали эти убеждения откровенно плохо. До боли вслушивался в лесную тишину, точно боясь, что вот-вот взорвётся она яростной орудийной пальбой, что будет означать...

Тут он вновь останавливал себя. И ветер, ветер вдруг сменился. Теперь дуло в лицо Росскому, направлявшемуся прочь от границы, на восток, навстречу своим гренадерам. Гнедой полковника, хоть и был отлично выезжен, пошёл боком, пытаясь укрыться от ветра, нагибал голову, не отвечая на посыл. Ничего не поделаешь, лошади ненавидят метель...

Дуло, завывало, секло. Повернись, словно тщишься сказать ветер. Глянь за спину, что там. Остановись. Как же далеки внезапно стали чопорная Хотчина, опасный Капказ, блистательный Анассеополь, где протекала вся служба гвардейского офицера! И семья далеко – жена, дочери-хохотушки... Не бойтесь, родные, кудряшки мои, ваш папенька не сгинет тут, на ливонском порубежье. Не имеет права.

Люди устали, да. Марш выдался не из лёгких – сейчас кажется, что по капказскому теплу и шагать выходило бойчей. Но если фон Пламмет окажется-таки тем, кем полагает военный министр, – только гренадеры и смогут остановить его, прежде чем «чёрные волки» разорвут в клочья все передовые отряды корпуса; чёрт возьми, где суждальцы, где две батареи Карпина – их ведь князь должен был отправить на подмогу Сажневу! Не успевают, в который раз подумал Русский. И не успеют. Теперь, если баварцы с ливонцами перейдут

реку, единственный шанс их остановить, не пропустить в тылы корпуса и всей армии – это встать над чертой приречных лесов, там, где начинаются поля, а с севера на юг тянется гряда невысоких холмов.

В самой середине гряды, где устроилась деревушка со смешным названием Заячьи Уши, в узком проходе меж холмами, сходились две дороги, что вели к границе, – одна, по которой ехал Русский, и другая, забиравшая севернее, где должна была наступать Шестая пехотная дивизия. Растянувшись на многие вёрсты, Второй корпус являл собой сейчас жуткую мешанину солдатских колонн и бесконечных тележных верениц, изредка продёрнутых живой кавалерийской нитью. Приданные корпусу донцы, как всегда, держались впереди, а вот Четвёртая лёгкая кавалерийская дивизия почему-то плелась в хвосте.

И будь Русский на месте князя Шаховского, он вообще бы, конечно, не полез к самой Млаве. Остановился бы здесь, на холмах, выдвинул к реке всех казаков, пехоту заставил бы рыть ретраншементы, строить добротные шалаши – но ведь у его сиятельства собственное понятие, как именно должно «становиться на рубежах ливонских», что приказывал государев Манифест.

Но Фёдор Сигизмундович Русский, даром что полковник гвардии, командует лишь гренадерским полком, а не всем Вторым армейским корпусом. И осталось ему, Фёдору Сигизмундовичу Русскому, лишь надеяться, что brave пруссак фон Пламмет и его, будем политичны, «наниматель» окажутся-таки разумными трусами, не полезут на рожон.

Эх, Фёдор, друг ситный, брось себя успокаивать...

От мызы до края приречного леса – добрых пять вёрст. Из-за этих дурацких именин многие командиры сильно опередили свои части, и вот вам результат – он, полковник, рвётся сквозь ветер и снег навстречу собственному полку один-одинёшенек, если не считать Фаддея, даже без конвоя.

Чу! Что это?!

Русский натянул поводья.

За его спиной хоть и приглушённо, но разом заговорили сотни ружей; к ним спешили присоединиться десятки орудий.

Похолодело в груди, а на висках, напротив, разом выступил пот.

Накликал, значит...

– Кажись, начали, ваше благородие, – на правах старого воспитателя-пестуна нарушил субординацию Фаддей.

– Ты не трус, фон Пламмет... – только и смог прошептать полковник. – А вот ты, Иоганн, просто глупец...

Небывалое бывает. Прусский, всё равно прусский, генерал, хоть и известный своей смелостью, пошёл со своей дивизией, или корпусом, или армией, что успели перетащить в Ливонию, – против всей Российской Державы.

Господи ж ты Боже всемогущий, Царица Небесная, России заступница, что ж это делается?! Война, значит, война всеобщая, потому что разве стерпит его василеосское величество подобное оскорбление?! Не успокоится ведь, пока не дойдёт до Берлина...

И сколько солдат останется в земле по дороге туда?

Нет, не зря он гнал своих гвардионцев, наплевав на диспозицию, не щадя ни ног, ни спин, не зря порой грубо распахивал армейские полки на марше, выслушивая летящую в спины гренадеров брань; не зря велел любой ценой тащить с собой приданную полку восьмипушечную батарею – лёгкие шестифунтовки да пару четвертьпудовых единорогов. По такой непролазной грязи был шанс проволочь только их.

– Ну, пошёл же! Пошёл! – Русский двинул жеребца шенкелем, погнав его на восток, сквозь ветер, снег и подступающую темень.

* * *

Ближе к сумеркам натиск фон Пламмета в центре ослаб. Югорский батальон остановился, слегка подавшись назад, так что мост по-прежнему оставался под русским обстрелом. Но пришла другая беда: начинали показывать дно патронные сумки – даже взятый двойной запас против положенного. Составлявшие устав искренне считали, что «пехота наша и ныне уже без надобности стреляет, и не достанет никогда патронов». Слушай Сажнев во всём тех горе-составителей – и его батальону уже пришлось бы отбиваться только штыками. Сто патронов на ружьё! – и сорок из них в патронных ящиках в батальонном тылу, откуда ещё дотащить! – курям на смех.

Капказ научил многому. Сажневцы могли бестрепетно бросить всё, что угодно, но не «лишние» штуцерные патроны.

Натиск с фронта почти прекратился, но всё злее гремело справа и слева. Скрипнув зубами, Сажнев приказал развернуть три взвода «спиной вперёд», ожидая атаки с тыла.

И дождался.

Скопившись где-то на самом берегу Млавы, хлынула волна пеших и конных, в чёрных плащах и высоких шапках, в старомодных и нелепых на первый взгляд касках. Вовремя высланные три взвода развернулись за удачно протянутым плетнём и встретили атакующих дружными залпами; дали два и третий – почти в упор; после чего «волки» фон Пламмета сочли за лучшее ретироваться. Ретироваться, но не уйти.

Батальон Сажнева оказался в кольце.

Однако взять русских в кольцо – это только полдела, говаривал великий Буонапарте. На иной кус рот раскроешь, да только подавишься – и сейчас таким вот кусом в немецком горле становились югорские стрелки. Хорошо укрывшись, избавленные от надобности стоять во весь рост под обстрелом, перезаряжая ружья, они не давали подступиться ни баварским драгунам, ни швабской пехоте, ведя непрерывную дуэль с альпийскими штуцерными. Солдаты фон Пламмета утратили первый порыв, многих охладил оставшиеся тут и там тела в чёрной форме; началась тягучая перестрелка.

Близился вечер, на чужом берегу Млавы нагло и дерзко, больше не скрываясь, жгли костры и смоляные бочки. Выше и ниже по течению баварцы и пруссаки навели мосты, переправлялись ротами и эскадронами; нет, не одна «чёрная бригада» встречала на границе полки горе-командира Шаховского, и даже не одна наёмная дивизия фон Пламмета; самое меньшее – полнокровный корпус.

Оставалось ждать темноты – ночью никто не воюет, хотя фон Пламмет, похоже, придерживался на этот счёт иного мнения. То тут, то там вспыхивала стрельба, гремела канонада, мало-помалу отодвигавшаяся к северу и востоку.

Что случилось со штабом во главе с самим князем, что произошло на Лабовской мызе – не хотелось даже и думать.

Сажнев и его ротные собрались вместе, когда стало ясно, что атаковать их прямо сейчас не станут. Ветер старался, помогал, дул вопреки всем законам в спины стрелкам и в лицо окружавшим; верно, и впрямь помогла «жертва» унтера Петровского, сподобили зимовички – а чёрные драгуны не дерзали сунуться. Оно и понятно – их главные силы уходят всё дальше от границы, что с русским корпусом – неведомо, где его передовые полки – бог знает. Нельзя терять время, с окружёнными упрямыми разберутся позже. Может, уже на рассвете.

– Нет, Михайло Платоныч, – сажневская челюсть выпятилась, – ждать ничего не станем. Пойдём сейчас. Нам не видно – ну так и им тоже. А на штыках кишка у них тонка с нами сладить. Сигнальщикам сил не жалеть! Кто отстанет – на звук трубы тянуться. Отходить станем дорогой.

...День угасал, когда под аккомпанемент паливших с правого берега прусских мортир батальон Сажнева сжался огромным ежом – там, где в спасительную глубину леса убегала дорога, самими же стрелками изрытая и перерытая.

Подполковник, как всегда перед боем, проверил пистолеты, пару раз подвытянул саблю из ножен и вогнал обратно: тщательно смазанная сталь выходила почти бесшумно, лишь с

лёгким, хищным шипением.

– Пошли, – проговорил Сажнев хрипло, сдерживая себя, чтобы не рявкнуть, как бывало, во всю мощь лёгких.

– Пошли, – так же вполголоса подхватил Рябых; первая рота наступала в авангарде.

Без всегдашнего «ура», без выстрелов – качнулись, потекли во снежную хмарь, опрокинув собственными руками возведённый плетень. Обратной дороги теперь не было. Взводы сбились вместе, колючими клубками; и, послав ко всем чертям осторожность, громко заиграл батальонный трубач.

В драгунах и штуцерной пехоте у пруссаков ходили далеко не трусы, и командовал ими отнюдь не глупец. Нашлось немало отважно бросившихся наперерез вылезшему из берлоги русскому медведю; броситься-то они бросились, но тут же и полегли, переколотые штыками.

Вспыхнула стрельба сзади – драгуны палили наугад, сообразив наконец, что русские прорываются из кольца.

Стрелки Сажнева так и шагали – ото рва ко рву, от плетня к плетню, всё глубже и глубже в лес, стараясь не терять плечо товарища, подбирая раненых – только раненых! – и с горечью оставляя убитых.

Убитых, но не их ружья. Хозяйственные охотники, они знали, сколько стоят штуцера, с которыми не надо стоять под обстрелом, лихорадочно вколачивая пулю шомполом в ствол, – и не оставляли их неприятелю. Каждый югорец помнил историю, как покупал эти ружья самолично государь-василевс, и для стрелков штуцера стали чем-то вроде государева подарка каждому. А как такое врагу бросишь?!

Но и чёрные теперь напирали как-то не так, слишком много тел в мохнатых меховых плащах осталось на размокающем, тающем снегу рядом с трупами их же лошадей.

Возле Сажнева, как всегда, крутился Фимка, ловко, сноровисто перезаряжая пистолеты, ухитряясь постоянно оказываться рядом, всовывая рукоять в лапищу командира югорцев в тот самый миг, когда он только начинал тянуться к денщику.

Звал и звал своих трубач – сквозь мокрую предвечернюю мглу, сквозь плотный снег, сквозь ветер, хорошо ещё, что дувший в лицо наседавшему неприятелю. Сажнев понимал – на сигнал «Все ко мне!» поспешат не только его стрелки. Но иначе не удержать вместе пробивающийся к востоку батальон, не вывести из-под удара.

Какие там нумерованные боевые порядки, предписываемые опровергнутым самой жизнью Уставом! Югорцы сбивались спина к спине, зло щерились штыками, отпихивались прикладами, давая товарищам в заднем ряду те секунды, что потребны на перезарядку тяжёлого штуцера. Не оставалось времени заряжать по правилам, скусывая патрон, засыпая порох в казённый, запыживая, закладывая пулю, – и бумажные патроны вбивались целиком, как были. Обёртка, хоть и пропитанная нитратом калия, сгорая, оставляла порой в казённом тлеющие остатки, что могли воспламенить новый патрон до срока, но стрелки рисковали, потому что только их пули могли сейчас сдержать чёрных.

Падали в снег из озябших пальцев капсюли, и только штыки – клинковые, а не острые игольчатые, как у линейной пехоты, – не подводили хозяев ни за что и никогда.

Батальон Сажнева – как и другие стрелковые батальоны, любимейшее после гвардии дитя государя в армии – не отсиживался в казармах или на обывательских квартирах. Его посылали в огонь, на Зелёную линию, в Капказский корпус, требовали не шагистики, а меткой стрельбы, не церемониальных маршей, а находчивости и стойкости. Другие парадировали с идеальными интервалами. Рассказывали, что в былые годы Капказский корпус содержал – специально для столичных ревизоров – особую штабную команду, умевшую лихо, как говорили тогда, «метать ружьё» – то есть отбивать ружейные приёмы. Но те времена давно канули, а особо ретивые дураки-ревизоры доживали свой век в отставке – поговаривали, что совместными стараниями начальника жандармской службы графа Тауберта и военного министра.

И сейчас годы тяжёлого учения сказывались. Вообще же говоря, на Зелёной линии учились все, учила сама жизнь – вернее, смерть, смерть от горских кинжалов и пуль, и

войска Капказского корпуса считались лучшими в армии.

Но их всех разом оттуда не выведешь и в Ливонию не отправишь...

Стрелки Сажнева умели работать штыком – так же, как умели вязать сети, валить лес, тесать брёвна, смётывать избы, повязывая углы в хитрую северную лапу. В соломенные чучела командир батальона велел прятать толстые сосновые доски – коль не пробьёшь, идти тебе закапывать лагерные отхожие рвы. Сажневцы умели бить, умели обмануть врага ложным замахом, умели принять острую горскую шашку подставленным стволом так, чтобы уберечь руки. Наука далась изрядной кровью, и там, на далёком юге, осталось немало могил – но вернувшиеся не дрогнули перед чёрными драгунами и не побежали от грохота засверкавших из-за Млавы залпов.

К Сажневу подросла вторая рота, штыками и залпами в упор проложившая себе дорогу сквозь продвинувшихся далеко в глубь леса пехотинцев фон Пламмета. Справа звучала труба, играл сигнальщик третьей роты, а первая и сам Михайло Платонович Рябых, вечный штабс-капитан, «бурбон», выслужившийся солдат, со спокойной деловитостью докладывал Сажневу, присевшему за край невысокого вала – последней преграды, сооружённой его стрелками на дороге, что вела прочь от границы.

– Широко идут, ваше благородие, Григорий Пантелеич. Конные идут, и пешие, и пушки ихние видели, уже через мост перетащили. Вслепую бить будут, не иначе.

– Сам знаю. Помнишь, Михайло Платоныч, как под Ведено прислугу снимали, целясь по вспышкам?

– Как не помнить, ваше благородие, сам тогда ведь потрянул стариной. Да только *та* ночь-то была не в пример нынешней, прости Господи, мразоте – чистая, ясная, лунная, за версту на пушке все спицы у колеса пересчитаешь!..

Баварцы не показывались. Снег валил и валил, из-за спин русских солдат, с востока на запад, летели бесчисленные белые пульки, и пусть они не убивали, но залепляли глаза, лезли в нос и рот, порывы ветра резали, словно нетрезвый цирюльник скверной бритвой, – и фон Пламмет уже не давил, задержался, подтягивая свежие эскадроны и роты взамен потрёпанных.

– Они сейчас вширь пойдут, это верно, – харкнул Сажнев. – Вдоль берега, вправо и влево. Дорог там вроде как нет, но не зря ж у них биргерские роты, там-то народ каждый тутошний кустик знает.

– А как же мыза-то, ваше благородие? Мыза, со штабными, значит, с господами офицерами? С его сиятельством? – Последние слова Рябых прошептал почти трепетно; странно было слышать такое из уст старого солдата, прошедшего огонь и воду.

Сажнев только сжал громадные кулаки. Оставалось лишь надеяться, что посланные гонцы до Лабовской мызы добрались вовремя...

* * *

Отходили, волокли на себе раненых, кого смогли, кого успели подобрать, выхватив из-под драгунских клинков, огрызаясь короткими залпами. И «чёрные волки» словно поняли, что добыча не стоит сломанных клыков; натиск на отступающий батальон Сажнева стих. Стих, но не исчез полностью – драгуны и штуцерные фон Пламмета висели на плечах, щедро тратили патроны, осыпая пулями отходивший по размокшей дороге батальон. Несмотря на сумерки и ветер, несмотря на то что палили почти наугад, выстрелы находили цель, и отступавшему последним Сажневу пришлось дать команду сойти с дороги. Это помогло – пальба баварцев теперь гремела впустую, а собственные стрелки вновь заставили «чёрных волков» поумерить прыть.

То справа, то слева – но по большей части слева – вспыхивали ружейные перестрелки; время от времени тяжело ухали пушки, перетащенные баварцами на русский – до недавнего времени – берег Млавы.

Вскоре к отходившим в относительном порядке сажневцам стали прибиваться солдаты

из других полков – вымокшие и растерянные, но, к счастью, не испуганные. Никто не побросал ни ружей, ни патронных сумок.

– Тут целый взвод явился, ваше высокоблагородие! – К упрямо шагавшему, несмотря ни на что, по краю дороги Сажневу подскочил расторопный унтер. – Грят, из суждальских.

– А олонцекие есть?

– Малеха есть, вашбродь. Грят, порубили их супостаты сильно. Наскочили, а у тех и ружья в козлах, и каша на кострах...

Сажнев только скрипнул зубами.

– А командиры их где? И суждальцев, и олончан?

– Не могу знать, вашбродь. И те не знают. Грят, их благородия все на мызу поехали.

– Видать, разминулись мы с ними, – вслух подумал Сажнев. – Капитан Рябых! Михайло Платоныч, здесь ли ты?

– Здесь, ваше благородие, – как из-под земли вырос щуплый ротный.

– Возьми прибившихся. Сбей во взводы. Унтеров наших им дай потолковее. Того же Петровского.

– Знамо дело, господин подполковник.

Ещё немного, ещё чуть-чуть – и кажущийся бескрайним лес разожмёт жестокие объятия, выпустив потрёпанный батальон на просторы пограничных полей. Баварские волки пошли севернее, искромсав Суждальский с Олонецким полки – и явно нацелившись на мызу. Что-то там сейчас делается?

1. Лабовская мыза

Князьки именины на Лабовской мызе нельзя сказать, что были уже в самом разгаре, но дело двигалось справно. На смену иссякающим откупоривались новые бутылки, играли музыканты, в углу занимались пуншем. Не по уставу, конечно же, но кого или чего, в самом деле, бояться штабу Второго корпуса? Да собери фон Пламмет здесь хоть сколько солдат, не сумасшедший же он, в самом деле, – своей волей нападать на Державу?.. И его величество кайзер Иоганн, разумеется, тоже не сумасшедший. Тем более, как многозначительно намекал Шаховской, Пруссия, мол, негласно обещала не вмешиваться. Дескать, неуступчивость и упрямство герцога истощило запасы даже берлинского терпения. Конечно, выносить штаб так близко к рубежу не есть хорошо, но что делать, коль в сиих богом забытых местах Лабовская мыза – единственное достойное место?

В общем, празднество ещё не успело, что называется, «как следует начаться», не теснились батареи пустых бутылок, а знаменитые винные погреба его сиятельства князя Шаховского даже не думали показывать дна.

Горели и оплывали свечи, вовсю старались музыканты, хотя никто не танцевал за досадным неимением дам; князь, отдав приказы, успокоился, опрокидывая бокал за бокалом. Глаза у именинника заблестели, щёки покраснелись, но до того состояния, когда начинают падать под стол, ему, как и остальному собранию, было очень и очень далеко. Шаховской вообще очень гордился своим «умением», как он это называл, пить, совершенно при том не пьянея.

Возмутители спокойствия, Сажнев и Росский, куда-то сгинули – видно, почуяли, что с его сиятельством шутки плохи. И то сказать – Сажнев, медведь югорский, зверь дикий, коего в зоологическом саду выставят или по улицам на цепи водить, – что удумал, подлец! Нет, зря, зря государь затеял эти штуцерные игрища, ставя командирами там служилых хамов, даже не гвардейских офицеров, чем побуждал в оных хамах наглость с дерзостью. Что учудил подполковник этот – на приказы наплевал, на другой берег полез... а ну как его заметили? Что тогда? Государь был особо строг и недвусмыслен, когда говорил, что даёт ливонцам последний шанс. В штабе ведь, как его ни пои, всегда найдётся пригретая змея, кто настроит донос... да хоть тот же Ломинадзев. Лстить лстит, друг сердечный, а на самом деле, коли припрёт... Не зря ведь и не просто так вхож он и к великому князю Авксентию

Марковичу, и к сухарю-канцлеру!

Какое-то время за окнами лишь завывал ветер, да, не жалея сил, лупил в ставни снег, и его сиятельство уже почти уверил себя, что страхи его напрасны, – когда ветер на улице смешался вдруг с яростной и частой ружейной пальбой, почти тут же слившейся с пушечною канонадой.

Вышколенные музыканты не сбились с ритма, лишь лица их вытянулись; но руки, словно у оловянных человечков из заводной шкатулки, продолжали двигаться, точно по собственной воле.

Зато остальные офицеры остолбенели. У кого-то из молодых даже выпал фужер, зазвенел хрусталь, а потом все разом бросились к окнам, хотя там ничего нельзя было разглядеть, кроме струй крутящегося снега.

– Что такое?! Господа, что такое?! – не выдержал какой-то молоденький и безусый корнет, приглашённый исключительно благодаря княжескому титулу.

– Мы и артиллерию ещё не подтащили...

– Ливонцы?!

– Ударили, гады?!

– Ливонцы, ливонцы. – Щёголь-поручик, приезжавший звать Сажнева на ассамблею, а теперь особо налегавший на хмельное, пошатнулся, схватился за косяк, пытаясь свободной рукою вырвать саблю. – Упились совсем, верно, чухна белоглазая...

– Кто бы говорил, поручик! – рыкнул немолодой майор, один из немногих людей в возрасте, большую часть свиты князя составляла блестящая гвардейская молодёжь.

– Да я-а, и-ик! Сейчас сам, и-ик!..

Что собирался сделать сам бедняга, никто уже не узнал. Канонада гремела всё громче и всё ближе, всё звучнее становились и ружейные залпы.

– Они с ума сошли, – медленно проговорил его сиятельство, понимая, что каждое его слово сейчас станет историческим. – В безумии своём ничтожные ливонцы посягнули на священные рубежи державы нашей, охраняемые...

– Ваше высокопревосходительство, – рядом с Шаховским оказался бледный Ломинадзев, судорожно потиравший руки, – штаб корпуса не может пребывать в столь опасной близости к линии огня. Вы, ваше высокопревосходительство, не можете пребывать, скажу вам со всей откровенностью старого солдата, и судите меня, если хотите, но вам должно покинуть сие место...

Князь хотел что-то сказать. Поднялся. Снова сел. Опять поднялся. Почти четыре десятка офицеров, замерев, смотрели на него – в том числе командиры Суждальского и Олонецкого полков, первыми вслед за стрелками бузотёра Сажнева вышедших на берега Млавы.

– Ваше высокопревосходительство! – шагнул вперёд тот самый немолодой майор, устыдивший перебравшего поручика. – Здесь, на мызе, две роты олончан, прикажете развернуть во фронт?

Эти слова должен был произнести полковник Аксельсен, командир олонецких егерей, однако он лишь молчал, то раскрывая, то вновь закрывая рот.

– Разверните, майор. Государь не забудет вашей службы, – со значением произнёс командующий корпусом.

– Сажнева, несомненно, заметили, – не то прошипел, не то просвистел на ухо князю Ираклий Луарсабович. – Заметили и стали преследовать...

Развить сию блистательную теорию начальнику штаба не дал мокрый, запорошенный снегом капказец, некуртуазно и неполитесно распахнувший дверь сильным пинком и даже не потрудившийся встать во фронт.

– Господа, баварские драгуны, – несмотря на мохнатую бурку, горскую шапку и шашку у пояса, говорил пришелец чисто и правильно, – перешли Млаву возле фольварка Аттельбейн. Там, где батальон подполковника Сажнева. Югорцы не выдержали. Драгуны заходят нам в левый фланг, опрокинув вставший бивуаком олонецкий полк и два

оттянувшихся батальона суждальцев. Все нижние чины сражаются, как львы, в отсутствие старших офицеров то и дело бросаясь в штыки, но их обошли.

– Вы кто такой?! – Душа его превосходительства господина генерал-лейтенанта Ломинадзева не могла стерпеть столь вопиющего нарушения субординации. – Почему не доложились как положено?!

Ледяное «вы», обращённое к нижнему, по всей видимости, чину, в устах господина генерал-лейтенанта означало самое меньшее тюремный батальон.

– Полноте, Ираклий Луарсабович, дорогой, – дерзко бросил новоприбывший. – Не с вами ль за вистом сиживали? Не с вами ль батюшка мой у Данона гуляли? – Странный капказец сорвал мокрую мохнатую шапку, рука его быстро опустила воротник, пригладила светлые кудри.

– Шигорин! – оторопел начальник штаба.

– К вашим услугам, – насмешливо поклонился тот. – Темрюкского гусарского полка наинижнейший чин Михайло Шигорин.

– Не знал, что ты здесь, князь, – приподнялся Шаховской.

– Просто Шигорин, ваше сиятельство. – Бравируя, тот обвёл взглядом офицерское собрание. Большинство молодых золотопогонных гвардионцев смотрело на легендарного *Michel le Diable* восхищённо и сочувственно, немногие армейцы – с плохо скрываемым подозрением. – Не могу именоваться наследным титулом до полного искупления вины. Но довольно обо мне. Чёрные драгуны опрокинули заслон и пошли по нашим тылам, господа. Ещё немного – и они будут здесь.

Сразу несколько офицеров бросилось к дверям – в первую очередь командиры суждальских и олонекских батальонов.

– Куда?! – страшным голосом прорычал Шаховской – тем самым «львиным» рыком, благодаря коему обрёл в петербургских салонах славу непобедимого полководца. – Прошу всех оставаться на местах. Говори, Михаил Медарович.

– А что ж тут говорить? – с развязной манерностью отмахнулся Шигорин. – Ударили по Сажневу, смяли и идут вглубь по всем дорогам. Я сам видел. Насилу ушёл. Добрый конь выручил. Вот. – И он сунул палец в дырку от пули на поле черкески. – Памятуя о дне ангела вашего сиятельства, в нарушение субординации решился тайно от начальства засвидетельствовать своё почтение. Судьбе было угодно произвести меня – само собой, временно, в ангелы-хранители вашего сиятельства и направить на сию мызу с предупреждением. И вот я здесь.

– А что у Сажнева? Ты, князь, сам югорцев видел?

– Нет, ваше высокопревосходительство, никак нет, – продолжал паясничать Шигорин. – У Сажнева не бывал, его самого не видал. А только в лесу много солдатиков наших сломя голову... свершают ретираду. Небось и сажневские там.

– Всё понятно, – вновь задышал в самое ухо Шаховскому Ломинадзев. – Подполковник Сажнев допустил позорное бегство вверенного ему батальона с поля боя, открыв фланг и тыл всего корпусного авангарда. Из-за него отступили суждальский и олонецкий полки. Не могу представить себе, что будет с конноартиллерийской бригадой Карпина. И с Шестой пехотной дивизией, ей сейчас зайдут во фланг, остальных же атакуют на бивуаках! Ваше высокопревосходительство, штаб корпуса обязан немедленно передвинуться в безопасное место, где и принять соответствующие меры к отражению коварного неприятеля...

– Только советую поторопиться. – Шигорин нагло потянулся, схватил едва початую бутылку бордо, запрокинул голову – алые струйки покатались по подбородку. – Герры пруссаки совсем скоро на огонёк заглянут.

– Господа офицеры! – Шаховскому хватило выдержки подняться с достоинством, а не вскочить. – Штаб корпуса отправляется в... Ираклий Луарсабович?

– В Кёхтельберг, – тотчас подсказал Ломинадзев.

– Заячьи Уши поближе будут, ваше высокопревосходительство, – вдруг заговорил немолодой майор-армеец. – И туда сейчас подходят главные силы корпуса. И гвардейские

гренадеры. Кавалерия...

– Вы, любезный, будете учить генерала от инфантерии? – бойцовым индюком налетел на дерзкого Ираклий Луарсабович.

Майор ничего не ответил, лишь молча щёлкнул каблуками, отрывисто отдал честь и, придерживая саблю, быстро вышел, почти выбежал вон.

– Мужлан. Никаких манер, – лениво заметил Шигорин.

– Будем во Млавенбурге – всем всё припомним, – посулил начальник штаба, жестами подзывая засуетившихся денщиков и адъютантов. – В дорогу, господа, в дорогу! Нельзя терять ни минуты. Жизнь его сиятельства в опасности.

* * *

Пожилой майор, выскочивший на улицу из парадной залы Лабовской мызы, был командиром муромских егерей, полка из егерской бригады Борисова всё той же Пятой пехотной дивизии. Пост он занимал не по чину, но старый командир полка только что вышел в отставку, а приказ на производство из Военного министерства всё не приходил и не приходил. Так бедолага и командовал: для обычного линейного батальона майор слишком много, а для полка – слишком мало.

Взяв с собой лишь ординарца да двух вестовых и сильно опередив – по приказу начальственного именинника – своих егерей, он сейчас клял себя последними словами. Муромцы огибали Лабовскую мызу с севера, не ожидая атаки, готовясь, согласно приказу Ломинадзева, занять берег Млавы. Сейчас, похоже, им придётся отбиваться на походе.

За спиной майора ржали кони, гомонили люди; впереди же, в лесах южнее мызы, протянувшихся на много вёрст вдоль русского, восточного берега Млавы, не стихала перестрелка и вовсю гремела артиллерия. Немногочисленные пехотинцы, оставшаяся охрана штаба, уже выстроились, растерянно вглядываясь в недалёкий край леса.

Полковник Аксельсен куда-то запропал, отнюдь не спешил к своим людям, в отличие от командира сужальцев: тот поскакал на низкорослой лошадке куда-то прочь, туда, где гремели выстрелы.

Шли минуты, грохотало всё ближе и ближе; Аксельсен же как в воду канул.

– Господин майор! – Заметив штаб-офицера, поручик-олончанин подбежал к командиру муромских егерей, торопливо отдал честь. – Какие будут приказания?

«Господин майор» не стал желать растворившемуся на воздушных полковнику Аксельсену военно-полевого суда за трусость, он вообще был незлобив. Лишь незаметно вздохнул, окидывая взглядом немногочисленных солдат. Ничего не поделаешь, бой надо принимать здесь и сейчас, как судьба нагадала...

– Олончане! – выкрикнул майор. – Братцы! Слушай мою команду. Полувзводными колоннами – стройсь! Двойную цепь застрельщиков – вперёд!

Лязгнули дружно вскинутые ружья, солдаты поспешно перестраивались.

Кавалькада князя едва успела покинуть мызу; причём сам Шаховской, проносясь мимо майора, крикнул лишь: «Держитесь крепко! Не отступайте!»

Ещё не стих перестук копыт и отчаянная брань кучеров личного княжеского обоза, как из леса к югу от мызы вырвалась первая волна всадников.

Драгуны фон Пламмета и поддерживавшие их драгуны ливонские ринулись на защитников мызы с трёх сторон; выстрелы загревели и там, где только что скрылся княжий поезд.

Две роты олонецких егерей успели дать залп и встретить чёрных драгун штыками, но неприятель не полез на рожон, не желая пробовать русскую сталь.

Олончане попали под перекрёстный огонь, и, хотя артиллерии у выскочивших из леса не было, пехотинцы попятись, оставляя убитых и душераздирающе кричащих раненых: драгунские штуцера били издалека, и били метко.

Лес извергал из себя новые и новые эскадроны, мызу окружали со всех сторон.

Пожилой майор так и не дождался полковника Аксельсена. Достойный сей муж сгинул, словно его тут никогда и не было.

Командир муромских егерей успел подумать о жене, о сыне, о трёх дочках-бесприданницах, успел мысленно взглянуть им всем в глаза и попрощаться – перед тем как отдать приказ «Вперёд!» и броситься обеими ротами прямо на храпящие морды баварских коней.

Дружный залп в упор почти расчистил олончанам дорогу, но расвирепевшие драгуны тоже навалились, шпоря коней и в свою очередь разряжая пистолы с карабинами. Черноплащные всадники врезались в неглубокое русское каре, и бой превратился в бойню.

Майор отбил один выпад, другой, вогнал саблю в бок баварца, и в этот миг что-то очень сильно ударило в правый висок. Ударило, обожгло и опрокинуло, вмиг залил взор темнотой.

Не прозвучало ни последних слов, ни последнего проклятия. Даже последней мысли – и той не было. Мир просто погас и исчез, а что случилось после – нам, живущим, знать не дано.

...В плен из олончан не сдался никто. Последних сопротивлявшихся, уже не рискуя и не суясь под окровавленные штыки, прусские кавалеристы деловито расстреляли издали.

Драгунский полк из дивизии фон Пламмета, поддержанный ливонцами, без особых потерь взял Лабовскую мызу; беспорядочно отходящий авангард Второго корпуса оказался рассечён надвое.

Глава 7

Граница с Ливонией. Млавское приречье

Окрестности селения Заячьи Уши

30–31 октября 1849 года

Жуткий и страшный день тридцатого октября кончался, уступая место ночи, когда Русский с Фаддеем добрались, наконец, до Заячьих Ушей. Канонада отдалилась, почти что стихла, и Фёдор Сигизмундович мрачнел, ненавидя эту внезапную тишину, – она означала, что артиллерия фон Пламмета выполнила свою задачу и более не имеет целей. *Сегодня* не имеет... Деревня со смешным, неведь откуда взявшимся названием оседлала холмистую цепь, протянувшуюся с юга на север. Погода продолжала портиться, снег смешивался с ледяным дождём, и это было хорошо: хмарь сделает немногочисленные дороги почти непроходимыми, и уж тем более непроходимыми станут болотистые леса в окружающих Заячьи Уши низинах.

– Некуда им деваться, – вслух пробормотал Фёдор Сигизмундович, окидывая взглядом пустые поля.

А и в самом деле, на что мог рассчитывать пруссак? На Млаву он привёл, конечно, не одну только пресловутую наёмную дивизию, которая так и не увидела Африки. Дивизий здесь, самое меньшее, три – Пламметова, млавенбургская и ревельская, да ещё и подкрепления из Кралевца. Но каковы ловкачи! Переправить «чёрных волков» со товарищи аж из Испании, и ведь никто весть так и не подал! Куда только смотрели Таубертовы прознатчики, рассыпанные, если верить молве, по всей Европе! Видать, или не рассыпаны, или далеко не так хороши, как принято считать.

В общем, проморгали баварских драгун да тирольскую пехоту, а раз проморгали их, могли проморгать и иных. И кабы не ещё больше оказалось против нас, думал, вглядываясь в тянущуюся к небесам колоколенку, Русский, чувствуя, как всё сжимается внутри. Может, и не три дивизии, а и все четыре, если не пять. И это тебе не капказские головорезы, не вечно мятежные сородичи-лехи, это Европа, усвоившая жестокие уроки, ей Буонапарте преподанные...

Фон Пламмет начал первым, рискнул по-крупному и, похоже, сорвал куш. Конечно,

Росский не мог воспарить над полями и лесами, приходилось судить лишь по звукам канонады, а тут и ветер, и снег – но главное угадывалось. Пруссаки наваливались полком на батальон и батальоном – на роту. Наверняка ударили по сажневцам у фольварка Аттельбейн, откуда к Заячьим Ушам шла дорога, и, если югорцы не выдержали... Тогда ничто не помешает фон Пламмету опрокинуть передовые русские части, лишит корпус управления – и хорошо ещё, если Шаховской со всем штабом в плен не угодит. Наверняка понесли тяжёлые потери суждальский и олонекский полки, несладко пришлось муромским егерям, чудо, если спасут орудия конноартиллеристы Карпина. Но, чтобы развить успех, наёмникам – и тем, кто с ними, – придётся брать эти самые Заячьи Уши. Придётся брать, чтобы вырваться на простор из топей и непролазных, залитых сейчас водой по пояс ольшаников. Конечно, есть ещё обходная дорога на Кёхтельберг, но она уводит далеко на север, почти к самому озеру, петляет по прибрежным холмам и сливается с главным трактом уже возле самого Плескова. Второй корпус двигался по большаку, у которого и приютилось селение. И потому, если баварцы возьмут-таки деревеньку, перед Пламметом откроется прямой путь, можно бить на марше растянувшиеся русские колонны, по-прежнему атакуя сотню – тысячей.

А там, глядишь, откроется и мягкое подбрюшье корпуса, растянувшиеся беззащитные тылы, провиантские обозы, фуры с огнеприпасами, походные гошпиталя и всё прочее, без чего немыслима война. Горько, но не смертельно для командира корпуса потерять полк; однако что он станет делать, оставшись без солдатских сухарей да крупы? Пока подтянут из глубины Державы новое – этак и настоящая зима настанет...

Тьфу, пропасть. Росский сплюнул, pokrutil головой.

– Гляньте-ка, барин, наши вроде как! – подал голос Фаддей.

На самой окраине Заячьих Ушей, возле серых плетней и серых же бревенчатых сараюшек, застыла группа всадников.

– Наши, наши, – кивнул Фёдор Сигизмундович, подгоняя усталого коня.

Молодые поручики его полка, конечно, не могли усидеть под крышей.

– Господин полковник! Фёдор Сигизмундыч! – встретили его с Фаддеем. – Что такое? Что случилось? Почему стрельба?

– Всё в порядке *с нами*, господа, всё в порядке, – поднял руку Росский. – Целы мы. Выбрались. А вот наши...

На него воззрились, глядя во все глаза. Молоды ещё. Правда, порошу уже успели понюхать на Капказе, но есть и те, кто успел побывать лишь на стрельбищах.

– Германские наёмники фон Пламмета и ливонцы перешли Млаву. Авангард корпуса, – Росский сделал паузу, заставляя себя вытолкнуть из гортани проклятые слова, но произнести «разбит» так и не смог, – в тяжёлом положении. Сколько мы потеряли – неведомо. Но суждальцев, олончан и боюсь, что даже муромцев как организованной силы скорее всего уже нет.

Никто не шелохнулся, не вздохнул.

– Я думаю, Пламмет к утру поймёт, что к чему, и полезет на нас. В Кёхтельберге ему делать нечего, войск там нет, и ливонцы скорее всего это знают. У них глаз на нашем берегу хватает. Заячьи Уши обойти можно, но трудно. И артиллерию по болотам не протащишь. Хотя герр генерал показал, что воевать умеет, так что не думайте, будто полезет в лоб, и только в лоб. Весёлая нам предстоит ночь... Следуйте за мной, господа. Получите необходимые приказания.

* * *

Гвардейские гренадеры оказались не единственным полком, застрявшим в Заячьих Ушах. Медленно, увязая в непролазной грязи, к деревеньке весь день выходили колонны Володимерского полка – уже из Четвёртой пехотной дивизии: на марше у Шаховского всё перепуталось, пока сам именник кутил на Лабовской мызе, далеко опередив вверенные

ему войска.

Под снегом и дождём мрачные, злые гренaдеры копали землю. Обозы с шанцевым инструментом отстали, как и положено, пришлось, по словам одного из ротных командиров, «прибегнуть к реквизициям у обывателей». Впрочем, мужички из Заячьих Ушей, едва прослышав, что «лявонь» перешла Млаву, сами наперебой предлагали помощь: в русских сёлах, выросших после Северной войны на отошедших к Державе землях, соседей недолюбливали, хотя дальше дело не заходило. До сегодняшнего дня.

Ни топоров в достатке, ни заступов, ни кирок. Только то, что роты несли на себе и что сыскалось у местных. Тем не менее Заячьи Уши окружило кольцо заполненных землёй фашинов, дорогу перекопали глубоким рвом, вдоль края огородов насыпали вал. Уже почти ночью из млавских лесов появились несколько выбивающихся из сил запряжек с лёгкими орудиями – всё, что осталось от конноартиллерийской бригады Карпина. Четыре уцелевшие пушки-шестифунтовки вывел совсем юный поручик, он же доставил и знамя бригады – Карпин, как и положено настоящему командиру, не пожелал бросить орудия, лишившиеся конной тяги по милости прусских штуцерных, заняв с добровольно оставшимися офицерами круговую оборону. Что случилось дальше, несчастный поручик не знал. Он держал в подрагивающей руке кружку с водкой и плакал, не стыдясь слёз. Он стыдился другого – что остался жив.

Офицеры гренaдерского полка выслушали рассказ мальчишки в мрачном молчании. Орудия потеряны, бригада – целая бригада! – парадным маршем отправилась на небеса. И едва ли лучшая участь постигла муромских егерей. Немцы наступали зло и решительно, били в слабые места, смело обходили сопротивлявшиеся до последнего роты, врезаясь всё глубже и глубже в расположение Второго корпуса. То здесь, то там в чащах вспыхивала перестрелка – там ещё дрались, видно, остатки передовых полков.

– Ну что? – Плачущего поручика увели. Перед Росским стоял мокрый с головы до ног, перемазанный грязью унтер-разведчик. Один из троих, отправленных вперёд.

– В лесах токмо немчура, ваше высокоблагородие. – Даже сейчас гвардионец докладывал, вытянувшись во фрунт и чётко выговаривая титулование, не сбиваясь на привычное армейцам «вашбродь». – Из наших – по дороге батальон подполковника Сажнева отступает. И к ним ещё немало народа прибилось. Общим счётом кроме югорцев, ещё сотни четыре, кабы не все пять.

– Первая хорошая новость. – Лицо Росского посветлело. Одобрительно заворчали что-то и его батальонные. – Ай да Григорий Пантелеевич. А кроме стрелков – никого? Что с полками Пятой дивизии?

– Неведомо, ваше высокоблагородие, – развёл руками унтер. – Люди его высокоблагородия подполковника Сажнева говорят, что к ним из суждальского полка да из олонцкого народ прибудился, а про муромцев никто ничего не слыхал. И командир бригады его высокоблагородие полковник Желынцев без вести сгинули.

За спиной Фёдора Сигизмундовича кто-то скрипнул зубами. Он мог себе это позволить.

– Ступай, молодец, обсушись, – отпустил гренaдера Росский. – Вот тебе рубль. Пока ещё награда придёт...

– Премного благодарен, ваше высокоблагородие!

– Ступай, – повторил Фёдор Сигизмундович, чувствуя, как сжимаются кулаки. – Егерская бригада Борисова, олончане и муромцы. Суждальцы из бригады Желынцева. Да ещё и про Ростовский полк той же бригады ни слуху ни духу. Это... это вся Пятая дивизия, господа.

– Накрыли на марше, Фёдор Сигизмундович. – Начальник штаба подполковник Вяземский встал рядом, склонился над картой. – По диспозиции Ростовский полк должен был огибать Лабовскую мызу с севера, так что скорее всего их загнали в Апсальскую топь.

– Откуда знаешь, Михаил Константинович?

– Я ж из этих краёв, хоть и не остзейский барон, – бледно улыбнулся начальник штаба. – Матушка Софья прадеда парой деревенок пожаловала... Гиблое место. Пламмет не дурак, а

его прознатчики тут всё загодя излазили, да и для чухонцев здешних немцы – господа, коим услужать надобно, мы же... А, пошло оно к воронам, не до того! Главное, знает Пламмет, куда наших гнать.

– Знает... Ты бы, Михаил Константинович, отправил две роты навстречу Сажневу.

– Будет исполнено, – кивнул Вяземский, и Русский внезапно понял, как он рад, что Миша тоже здесь, в этих забытых Богом, но не Пламметом Ушах.

– Там артиллерия прибыла! – крикнул кто-то от дверей избы. – Две батареи, лёгкая и тяжёлая, из корпусной дивизии.

– Ставить на позиции, немедленно!

Спустилась ночь. В темноте не сможет воевать даже такой лихой рубака, как фон Пламмет. Его эскадроны и пешие роты рассеялись, растянулись, гоняясь за остатками выдвинутых вперёд русских полков. За ночь храброму пруссаку предстоит собрать своих, дать отдых людям и коням, чтобы с рассветом идти дальше.

Второй корпус зашатался, словно былинный богатырь, ошеломлённый внезапным ударом. Его авангард подался назад под прусским натиском, а тыловые колонны ещё маршировали или стояли лагерем, не подозревая о нападении.

И никто не знал, что случилось со штабом, с головой. Тело силача ещё могло двигаться по инерции, но если голова не возьмёт всё на себя – витязь рухнет окончательно.

* * *

Батальон Сажнева разросся. Словно текущая вода, вбирающая в себя неприметные и крошечные капли, он притягивал и принимал не лишившихся сердца и смелости людей – из разбитых олонецкого и суждальского полков, из попавших под вражий удар муромцев, кому хватило удачи прорваться на юг. Подходили даже ростовские, шли лишившиеся орудий, чёрные от злобы артиллеристы Карпина – этих уцелело совсем немного, а сам Карпин, оказавшись в кольце, с немногими живыми к тому времени офицерами взорвал ещё остававшиеся зарядные ящики – прихватив с собой для *последнего доклада* целую волну атакующих «волков».

К Заячьим Ушам подполковник Сажнев вывел четырнадцать сотен штыков, вдвое больше, чем исходно насчитывалось в Югорском батальоне.

Брели медленно, под вновь хлынувшим сплошным дождём, смешанным со снегом. Погода, когда и полевая мышь на улицу носа не высунет, голодный волк отлежится в логове, а солдаты шли, поддерживая друг друга, тащили раненых на самодельных – две жердины да шинель – носилках.

– Перестарались твои зимовички, – буркнул Сажнев оказавшемуся возле него Петровскому. Командир югорцев с верным Фимкой отступал последним вместе с лучшими стрелками. За развёрнутыми полотнищами дождя и снега незримыми тенями вились вражеские всадники, не отпускали, но и не лезли на рожон, дорого заплатив за науку.

– Никак нет, вашбродь, – возразил унтер. – Дождь послали, так теперича с дороги и вовсе не свернёшь. Тяжелы ихние драгуны, увязнут.

– Ишь, стратег, – только и хмыкнул Сажнев. Уже поворачиваясь, услышал негромкое: «И тот, что вокруг нас крутился, глядишь, иной добычи искать станет...»

Григорий Пантелеевич замер.

– Ты о чём, Петровский?

– Виноват, ваше высокоблагородие. – Унтер опустил голову. – А всё нейдёт у меня из головы тот... который... ну, в общем, что за нами увязался. Ещё на той стороне Млавы. Тропу закрыть норовил, чтоб заблудиться бы нам в трёх соснах, да и достались бы тогда ему на зубок...

– Ну уж это ты точно сказки рассказываешь! – не выдержал Сажнев. – Кто это такой?! Упырь, что ли?

– Никак нет, ваше высокоблагородие, упырей – их завсегда видать можно и отогнать

тож. – Петровский то ли не понял шутки, то ли не желал шутить. – А это... нежить какая-то, у нас про таких говорят – кто меж двух миров остался, меж живыми да мёртвыми, ни туда ни сюда приткнуться не может. Но и не привидение. Их-то мы, ваше высокоблагородие, во всех видах видывали.

Сажнев только покачал головой.

– Языком только мне тут не болтай, Петровский. Панику среди солдат не сей.

– Никак нет, ваше высокоблагородие, и в мыслях такового не имею! Нешто ж я не знаю, что у страха глаза велики?!

– А раз знаешь, то и помалкивай.

«Вот ведь тоже, выдумает унтер всякое, а потом уже и самому казаться невесть что начинает», – мелькнуло напоследок в голове у Сажнева.

...У Заячьих Ушей их ждали. Высланные навстречу Росским две роты помогли тащить раненых, иные брали ружья у выбившихся из сил стрелков. Памятный югорцу ещё по Капказу отец Герасим устало кивнул Сажневу и заторопился к болящим – на Зелёной линии батюшка прославился умением останавливать кровь, впрочем, при необходимости мог её и пролить. «Люди-то, они, конечно, люди, – говорил он в таких случаях, – человеки... Но дикие и угрожающие владениям нашим...» Сейчас пришли не дикие, только вероломство остаётся вероломством, хоть в черкеске, хоть в мундире европейском...

В самой деревне собралось изрядно войск: кроме самих гвардионцев были и подоспевшие володимерцы, и вымотанные маршем, но готовые к драке эскадроны софьедарских гусар. Три десятка пушек. Общим счётом набиралось на добрую бригаду.

– Григорий Пантелеевич! – Росский поднялся навстречу ввалившемуся в горницу Сажневу. Высоченный югорец едва не задел при этом низкую потолочную балку.

Крошечная избёнка была жарко натоплена, на отскобленном добела столе перед гвардейским полковником стояла дымящаяся кружка с чаем.

– Вышел. – Руки встретились, сомкнувшись в крепком пожатии.

– Вышел, Фёдор Сигизмундович. И ещё почти полторы тысячи со мной.

– Михаил Константинович, есть где сажневцев разместить? Накормить?

– Найдём, – бросил начальник штаба и, накинув лежавшую у входа бурку, шагнул за порог, в ночную хмарь.

– Ну, рассказывай, Григорий Пантелеевич. Ты ж у нас, похоже, первый под них попал?

– Сейчас. – Сажнев стянул мокрые насквозь сапоги. – Что пьёшь, Фёдор Сигизмундович? Чай? Это я одобряю, только сейчас лучше бы водки...

– Ловко, – только и покачал головой Росский, когда рассказ Сажнева закончился. – Ай да фон Пламмет! Не ждал я от этого немца-перца-колбасы эдакой прыти.

– То-то, что никто не ждал, – мрачно заметил вернувшийся Вяземский. – Потери большие в корпусе. Княжевич говорит, генерал Осташинский сгинул со всем штабом, помимо всех прочих. И Вильский, командир муромских егерей.

– Лучше б его сиятельство пропали, чем командир Шестой пехотной...

Росский только криво ухмыльнулся.

Штаб Второго армейского корпуса, как успели выяснить, никуда не исчез. Примчавшийся взмыленный вестовой сообщил, что «их высокопревосходительство соизволили избрать Кёхтельберг новым своим месторасположением».

– Господа. Все в сборе?

– А кому тут особенно собираться, – вступил в разговор незнакомый Сажневу полковник с вензелем Володимерского полка. – Мои солдатики, софьедарцы да артиллеристы – это кроме вас, стрелков. – Он кивнул Сажневу.

– Сколь бы ни собралось, всё наше. – Росский остро взглянул на командира володимерцев. – Думаю, все понимают, в чём наш долг сейчас: зубами вцепиться в эти самые Уши, да так, чтобы фон Пламмет в них вцепился бы тоже. Две дивизии из четырёх в корпусе, считай, как корова языком слизнула. Из Пятой пехотной, похоже, один ты, Григорий Пантелеевич, частью собранной остался. Суждальского полка больше нет,

Ростовский – в лучшем случае рассеян. Нет и бригады Борисова, и артиллерийской бригады Карпина...

– Ко мне несколько муромчан добежало-таки, – вставил Сажнев. – Говорили, тоже резня была.

– В общем, – подытожил Росский, – Пятая дивизия разгромлена полностью. Четвёртая и Девятнадцатая пехотные только подтягиваются. Шестая дивизия выходила на северную дорогу, что с ней, до сих пор неизвестно, но едва ли лучше, чем у нас, раз уж сам командир дивизии куда-то канул. Разведка не вернулась, Михаил Константинович?

– Никак нет, – словно и не ровне, отозвался мрачный начальник штаба.

– Если фон Пламмет сейчас вырвется на тракт, – Росский обвёл офицеров тяжёлым взглядом, – то всем нам останется только одно. Геройски погибнуть. Словеса красивые не люблю, не Ломинадзев, но... после такого позора... – Он не договорил последней фразы, однако она легко угадывалась.

«После такого позора жить...»

Потому что и впрямь после такого позора жить...

– Будет тебе, Фёдор Сигизмундович, нас хоронить, – рыкнул Сажнев. – Однако с чего тот же Пламмет в нас вцепится? Леса, конечно, подзатило, артиллерию не протащить, но конные-то проберутся. А много ль надо, чтоб обозников разогнать, фуры пожечь? Да и на Кёхтельберг дорога открыта, если только туда никто из Шестой дивизии не отступит.

– Вцепится он, вцепится, – жёстко рассмеялся Росский. – Потому что не позволит он себе нас в тылу оставить. Да ещё и с кавалерией. Мы сами у него на плечах повиснем. Может, кого-то он вперёд и постарается заслать. Даже наверняка, но и нас не забудет. И надо сделать так, чтобы отсюда они уже не ушли. Что ж до Кёхтельберга, сами знаете, господа, это путь обходной и долгий. По мне, так пусть бы туда Пламмет и отправлялся. Там ни частей наших, ни даже обозов нет. Штаб в те края отступил, ну так они и дальше отступят. Корпус целее будет, успеет в кулак собраться. А нам надо тут удержаться.

– Каков же боевой порядок будет избран? – Командир Володимерского полка был уже сильно немолод, обременён изрядным пузом. – Какой номер?

Губы Росского сжались в тонкую прямую линию, побелели.

– Какие «номера», полковник Фелистов? До номеров ли тут? Нам надо, чтобы пруссаки всю свою мощь на нас кинули. Значит, придётся рисковать, линию растягивать. Леса, что подтоплены, – перекрывать завалами, засеками, сколь до утра успеем. Чтобы им пришлось бы совсем уж в топи лезть, пока нас обойдёшь. Пошлите два батальона, полковник, из тех, что посвежее. И пусть валят деревья.

– Слушаюсь, – просветлел командир володимерцев. Ему, похоже, главным было получить команду, а дальше трава не расти. – Повалим в лучшем виде.

– Ты, Григорий Пантелеевич, чай, и сам всё знаешь.

– А чего ж тут не знать? Встанем цепью за фашинами. Умоется фон Пламмет кровушкой!

– Погоди хвалиться, подполковник, – неожиданно и жёстко бросил Вяземский. – Его сиятельство тоже вот... хвалился.

– Мне до его высокопревосходительства как до неба, – потемнел, набычился Сажнев. – А только такой промашки, как он, мы не дадим.

– Лучше б промашку твои стрелки завтра не дали...

– Хватит! – Росский зло хлопнул ладонью по столешнице. – К делу, господа. Значит, диспозиция такая. Югорские стрелки в центре, вместе с артиллерией. Володимерский полк – два батальона на флангах, остальным стоять во второй линии прямо здесь. Мои гренадеры...

Военный совет продолжался.

* * *

До самого рассвета в русском лагере полыхали костры. Собранный с бору по сосенке

«бригада» Росского не скрывалась. Да и чего скрываться? Напротив, фон Пламмет должен знать, где они. Пусть увидит, пусть приходит. Потому что каждый лишний драгун или пехотинец тут означает чью-то лишнюю жизнь там, на бесконечном тракте.

Росский и Сажнев вместе вышли под непрестанно льющим дождь. Вдоль всей западной окраины Заячьих Ушей в грязи копошились люди, где-то втаскивали на отсыпанную площадку покрытые налипшей землёй орудия, где-то устанавливали ещё и ещё фашины – коих, как известно, «много не бывает». Смешавшись, гренадеры, стрелки, володимерцы, уцелевшие из разбитых у Млавы полков, не зная роздыху, махали лопатами, всё углубляли и углубляли рвы, просекали околицу, словно сабельные шрамы.

– Сменяться пора, – озабоченно взглянул на измотанных солдат Росский. – Твоим, Григорий Пантелеевич, и вовсе тут делать нечего. Они весь день дрались, а потом отходили с «волками» на плечах. Командуй им отбой.

– Не пойдут, – хмыкнул Сажнев. – Не приучены они у меня белоручничать, когда другие под дождём да в грязи им укрытия роют.

– Тогда я прикажу, – нахмурился Росский. – Нам сегодня стрелки понадобятся, а не сонные мухи.

– Мои гусары помогут, хоть и не учили их пионерному делу, – вступил в разговор командир софьедарцев, молодой и щеголеватый подполковник.

– Чередуйте эскадроны, Аввиан Красович, – кивнул ему Росский. – Надо, чтобы все нижние чины хоть сколько-то да передохнули. И они, и кони. Обыватели местные...

– Стараются, – подошёл Вяземский. – Усердствуют как могут. Считаю, все мужики заступами наравне с солдатами машут. Понимают, что, коли мы не удержимся, им тут всю душу вытрясут.

Росский молча кивнул. Что ещё он мог сделать, чтобы верней заставить фон Пламмета вновь и вновь гнать в атаку своих «чёрных волков»? Конечно, пруссаки могли повернуть на Кёхтельберг, но это не страшно, а князя не жалко.

Стоп, оборвал сам себя Росский. Нет, не пойдёт фон Пламмет на Кёхтельберг. Скорее всего велено ему ударить по Второму корпусу, ударить стремительно, словно змея африканская, укусить – и обратно за Млаву, пока мы тут раны зализываем. Для этого потребны не захваченные города (этакий в самом деле всеевропейской войны не оберёшься!), а разгромленные или хотя бы рассеянные русские полки, сожжённые обозы, уничтоженные припасы...

Но, чтобы спалить фуры и телеги, разогнать ездовых, Пламмету придётся сперва справиться с нами. Росский словно наяву видел карту с жирными готическими «*Mlawa*», «*Köchtelberg*» и даже непроницаемыми ни для одного немца «*Sajatschi Uschi / Hasenohren*»; и вдоль тракта вытягивались сейчас с возможной только для прусских штабных нечеловеческой аккуратностью вырисованные стрелки.

«Вдоль тракта он пойдёт». Росскому показалось, он произнёс это вслух, но нет, командир югорских стрелков его не услышал.

– Не мучайся, Фёдор Сигизмундович. – Сажнев встал рядом, подставив злому ветру широченную спину. – Пламмету сейчас тоже не сладко. Поутру его драгуны такими ж бодрячками в бой не пойдут, как вчера.

– На то надеюсь, но не рассчитываю, – вздохнул полковник. – И не верю, что пруссаки в лоб на нас полезут. Не из таких фон Пламмет, это тебе не князюшка и не Булашевич, не к бою будь помянут!

– Так и я толкую, что обойти постараются, – кивнул Сажнев. – Леса вокруг – не крепостные же стены.

– Нам продержаться надо, пока хотя бы две полнокровные дивизии с артиллерией не соберём, – проговорил Росский.

– Верно. Тогда и наступать можно будет, – подхватил Сажнев. – Пруссак – вояка что надо, но их тут не тьмы.

– Тьмы не тьмы, на нашу долю хватит, – буркнул Росский. – У меня меньше трёх

дивизий никак не выходит. С нашими силами на них сейчас наступать – это только Александр Васильевич мог, всех наших побед отец, да и то против османов. – Гвардионец вновь и вновь окидывал взглядом занятую русскими полками позицию.

– Сколько ж тут немчуры этой собраться могло? – подивился Сажнев. – Я только драгун да штуцерную пехоту видел. Драгуны из «чёрных волков», самой первой наёмной бригады, пехтура тоже фон Пламмета, его дивизии. А больше никого не видел.

– Пруссак, надо думать, не от одного Аттельбейна ударили, – вздохнул Русский. – По северной дороге, полагаю, тоже, где они Шестую дивизию поймали. Драгунская бригада, судя по всему, на тебя свалилась, со штуцерниками вместе. Наёмники здесь наступали, а от Герделя, похоже, уже другие. Три дивизии, Григорий Пантелеевич, не меньше. Знать бы ещё, кто ими командует. Фон Пламмета ли в командиры корпуса произвели или кого иного прислали? Ежели первое, то плохо. Вояка он знатный, да я тебе о том не единожды сказывал уже.

– Да, – медленно двинулась сажневская массивная челюсть, – на таких запросто не напрыгнешь.

– В том-то и дело. Будь тут одни только пламметовские удалцы!.. Биргерские-то роты нам не помеха.

– Твоими б устами, Фёдор Сигизмундович, – усомнился командир югорцев. – Батальонные мои, из стариков, сказывали, как те же леги нам кровь пускали, чуть зазеваешься. Косильеры, крестьянские да местечковые ополчения...

– Так то леги. – Лицо Русского не дрогнуло. – Кровь горячая, чуть что – «не позволяю!» и «нестроением Польши сильна». А в Ливонии ордунаг превыше всего. Есть приказ – начнут собираться со всею серьёзностью, да только так, не шибко, потому как рыбокопильни и глупых крестьян как без присмотра оставишь? Нет, помяни моё слово, Григорий Пантелеевич: если с пруссаками сладим да Млавенбург возьмём, сразу всё и кончится. Ну, пусть не сразу, но такого, как в Польше или на Зелёной линии, и близко не будет.

– Ну, коль не будет, то и ладно, – ушёл от опасной темы Сажнев, не желая больше напоминать другу о Польше.

– Идём, Григорий. – Русский поднял мокрый ворот шинели. – Линию пройдем, поглядим, что и как.

* * *

Хмурым октябрьским утром 31-го числа на границе леса и полей, окружавших Заячьи Уши, каковым ещё предстояло прославиться на всю Европу, стояли двое. В чёрных, наглухо застёгнутых мундирах, высоких медвежьих шапках и тёплых плащах. От дыхания поднимался парок, обтянутые кожаными перчатками руки сжимали подозрительные трубы.

Старшему можно было дать лет шестьдесят, но держался он прямо, был строен, худощав, сухопар, на тонком лице выделялся орлиный нос.

Второй, куда младше, едва ли успел разменять четвёртый десяток. Несомненное фамильное сходство наблюдалось во всё том же носу с характерной горбинкой, в гордом и надменном прищуре холодных серых глаз.

– Ваше превосходительство, герр...

– Оставьте, племянник, – недовольно бросил старший. – Без чинов, пожалуйста.

Говорили они по-немецки с характерным берлинским выговором.

– Да, дядя, – дисциплинированно поклонился молодой. – Дядя, вы уверены, что атаковать укрепления русских – это единственно правильное решение?

– У вас есть возражения, дорогой племянник? – снисходительно осведомился его собеседник. – Как бы вы поступили на моём месте? Разрешаю высказывать своё мнение совершенно свободно.

– Я бы не стал разворачивать все наши силы в боевой порядок. Самое большее – три-четыре батальона и столько же эскадронов с двумя батареями. Они сковали бы русских боем,

демонстрировали бы атаку, не ввязываясь в решительное сражение, в то время как главные наши силы, совершив глубокий обход через леса к северу от деревни, обрушились бы на растянутые обозы русского корпуса. Также следовало бы воздержаться от продвижения в сторону Кёхтельберга, ограничившись небольшим обсервационным отрядом. Главные силы совершили бы фланговый марш – трудности перехода через леса, несомненно, присутствуют, однако сие не есть нечто невозможное. Мы продолжили бы бить их по частям, что вы, дядя, столь блистательно проделали минувшей ночью.

– Оставьте лесть, племянник, – поморщился старший. – Умение это, не спору, очень пригодится вам в берлинских приёмных, но не со мной. Вами предлагаемое кажется разумным, но только кажется.

– Вы уверены, дядя? – дерзнул младший.

– Уверен, Фридрих, – усмехнулся его собеседник. – Не будь я Герберт фон Пламмет.

– Но, дядя, вы хотите атаковать русских, занявших относительно выгодную позицию, успевших соорудить укрепления и поставить батареи. Они не побегут, дядя. Как не побежали и вчерашней ночью.

– Именно на это я рассчитываю, дорогой племянник. То, что они не побежали, любезный Фридрих, свидетельствует о том, что возглавляет их толковый и решительный начальник. Заслон, что вы, друг мой, предлагаете оставить, он сомнёт или свяжет боем, ударив нам в спину всеми свободными силами. И тогда мы, увы, окажемся в крайне невыгодном положении, меж молотом и наковальней. Надеюсь, племянник, вы это осознаёте.

– Так точно, дядюшка, – почтительно поклонился Фридрих. – Осмелюсь лишь напомнить, что, как доложила разведка, у русских там по большей части пехота, а из конницы видны одни гусары. Нашим драгунам они не соперники. Русские пешие полки за нами не угонятся, нашу же дивизию, если надо, мы всю посадим в сёдла, люди обучены верховой езде. Быть может, обойдёмся даже без заслона. Пусть они ждут себе нашей атаки! Пусть гниют в этих топях! Мы обойдём их, окажемся на тракте, и тогда...

– Не всё столь очевидно, как представляется юному и горячему уму, дорогой Фридрих, – покровительственно бросил генерал. – Сколько у русских там конницы, мы точно не знаем. В любом случае открытый бой с нашими драгунами – это одно, а игра в кошки-мышки по лесам и болотам... Не забывайте, они мастера подобной войны ещё со времён Буонапарте. И кто возьмёт верх – далеко не столь очевидно. Опытный военачальник не станет преуменьшать силы и способности неприятеля. Вы прекрасно говорили об уничтожении обозных колонн, я не мог бы желать ничего иного, однако тревога уже поднята, тылы русских могут быть хорошо прикрыты. Завладев Заячьими Ушами, мы заткнём русскому корпусу единственную прямую дорогу ко Млаве. Обходной путь через Кёхтельберг длинен и неудобен. К тому же не забывайте нашу главную задачу, Фридрих. Никто не требует от нас победного марша на Анассеополь или на Плесков, да это и невозможно. Даже взятие этого местечка, Кёхтельберга, нам не нужно. Мы лишь должны нанести неприятелю елико возможно большие потери, после чего действовать по обстановке. Если русские остановятся на млавском рубеже, отлично. Если же перейдут границу, двинутся вперёд... на этот случай, дорогой племянник, как вам известно, нами предприняты соответствующие меры.

– Да, дядя. – Фридрих только и делал, что почтительно кивал.

– Далеко от границы мы не пойдём, это безумие, – продолжал тем временем Герберт. – Нам этого и не надо, русские сами идут к нам навстречу. Растягивать коммуникации в такую погоду, отрывать от магазинов... В здешних болотах даже реквизициями как следует не займёшься. Нет. Русских надо бить, пока возможно, тут, возле Млавы, по частям, рассекающими ударами с последующим окружением. Леса и болота – наши союзники, если правильно построить дело. Эти три полка мы как раз и можем взять в кольцо, а потом и пленить или хотя бы выбить на три четверти.

Не забывайте, милый Фридрих, по крайней мере один из этих полков – лейб-гвардейский. Представляете, племянник, какие речи пойдут после этого во всех столицах?

Какой щелчок по носу этого грубияна и гордеца, именующего себя «василевсом», возмнившего, будто он может навязать свою волю Пруссии! Один из его лучших полков – окружён, разбит...

Молодой Фридрих фон Пламмет, сохраняя выражение наипочтительнейшего внимания, подумал про себя, что говорить так о русских гвардионцах – «окружены, разбиты» – крайне желательно лишь после того, как они на самом деле будут окружены и разбиты, никак не до. Но вслух он, разумеется, этого не сказал.

– ...Или пленён, – осторожно проговорил он.

Дядя лишь презрительно фыркнул.

– Сразу видно, дорогой Фридрих, как мало вы ещё знаете русских, хоть и провели в Анасееполе почти год. Никогда не надейтесь на «пленение», никогда. Эти русские, что встали там, не побегут и не сдадутся. И нам это очень на руку.

– Почему вы так уверены, дядюшка? Конечно, вы пробыли в России пять долгих лет, а я прожил лишь год, но всё-таки? – Разговор становился скользким. Обстоятельства, при которых герой Зульбурга оказался вынужден спешно покинуть не только Анасееполь, но и прусскую армию, были слишком памятливы, и Фридрих торопливо вернулся к уже сегодняшнему бою. – Прошлой ночью мы обратили русских в бегство. Рассеяли не один батальон. Захватили и пленных...

– Любезный мой племянник. – Пламмет-старший взглянул на младшего с суховатой насмешкой. – Вы правы, я пять лет просидел в Анасееполе. Русские, так же как и мы, в надлежащих ситуациях испытывают страх, растерянность и так далее, и тому подобное. С налёта, ударив внезапно, мы можем повергнуть их в ужас, опрокинуть, рассеять. Взять пленных, вы правы. Такое случалось и в Буонапартовых войнах, и ранее. Они терпели неудачи, и не раз, но разве вчерашней ночью, кою вам угодно было припомнить, хоть один русский взвод сам сложил оружие, оказавшись в кольце? Хоть полувзвод? Бросив ружья и подняв руки? Мы хватили отходивших одиночек, не более того. Это первое.

Второе же – те три полка, что перед нами, уже оправившись от растерянности. Они заняли крепкую позицию и, насколько я знаю этот народ – а знаю я его достаточно хорошо, не считите сие хвастовством, – приготовились героически умирать. Это очень выгодно для наступающего. Вместо необходимого сейчас тактического отхода на соединение с главными силами корпуса они решили «встать насмерть». Русские это очень любят, запомните хорошенько, Фридрих. Вместо решения, правильного с военной точки зрения, как на их месте поступил бы ваш покорный слуга, – эти упрямцы, племянник, будут «держаться до последнего» и непременно «любой ценой». Поэтому, сковав их атакой с фронта, мы одновременно совершим глубокий обход всеми силами наличествующей у нас кавалерии. У нас здесь шестнадцать батальонов пехоты. Подтянув их все, мы создадим мощный кулак. Хватит, чтобы эти лейб-гвардейские гренадеры – если только я правильно опознал их мундир – никуда бы не делись вплоть до того момента, как наша конница завершит обход.

Молодой Фридрих фон Пламмет почтительно слушал, время от времени кивая с должным рвением. Дядя, конечно же, рассуждает здраво, как и положено военачальнику его ранга и опыта, и всё-таки, всё-таки...

Фридриха не оставляло неизбывное, сосущее, неотвязное беспокойство.

Старший родич, разумеется, прав. Но он и... неправ. Поднося раз за разом подзорную трубу к глазам, Фридрих видел ряды уже возведённых, засыпанных землёй фашинов. Так быстро их нарубить и сплести невозможно, значит, там ещё и пионерные роты со всей оснасткой.

Да, русские будут «стоять насмерть». Всё очень логично. И, быть может, вверенным дядину командованию войскам на самом деле удастся взять русских в кольцо. Но что потом?.. Ведь с востока меж тем, невзирая на снег и дождь, по дурным местным дорогам идут и идут свежие, нетронутые дивизии Второго корпуса русских. Их там ещё самое меньшее две – если верны сообщения из Анасееполя. Конечно, несколько батальонов растрёпаны и отступили в беспорядке. Но это, как говорится, слону дробина, и он, Фридрих

фон Пламмет, майор прусской службы, выходец из старинной военной семьи, служившей своим государям и копьём, и мечом, и шпагой – но главным образом всё-таки головой, – не стал бы атаковать эти наспех возведённые ретраншементы. Даже если бы удался глубокий обход. Их задача – выиграть время, а не одно лишь формальное полевое сражение, но дядя слишком зол на русских, а злости слишком часто сопутствует неосторожность.

«Да, я бы выставил батареи, – продолжал думать Фридрих. – Я бы затеял артиллерийскую дуэль, перестрелку штуцерных – тут у нас подавляющее превосходство; я гирей повис бы на русских полках, не вступая, однако, в решительный бой. Меж тем собранная в один кулак драгунская конница ударила бы в глубину. Скованные боем, русские ничего не смогли бы сделать. Наша же кавалерия, не обременённая задачей окружать кого-то, как раз и учинила бы на тракте полный разгром обозам противника, после чего немедленно отступила бы, поскольку за спинами вставшего у Заячьих Ушей отряда к полю боя медленно, но верно подтягиваются русские резервы. Дядя хочет дать им время подойти, в то время как бить надо именно на марше. Солдаты устали, они не ждут нападения, мечтая сейчас лишь об одном – как бы обсушиться у какого ни есть огня. И не надо стараться окружить как можно большее их число – достаточно рассеять, изрубить обозных, сжечь припасы, и тогда весь Второй корпус императора Арсения застрянет тут до весны и дальше вместе с Балканской кампанией».

Рискованно? Конечно. Командир русских может атаковать сам. Но в таком случае он, Фридрих, не принял бы боя. Сдерживая противника штуцерными цепями и кавалерийскими ударами по флангам, стал бы отходить ко Млаве, зная, что его конница за спинами русских делает сейчас своё дело.

А гибель всего гвардионского полка, о которой говорит дядюшка... Младший Пламмет прожил в Анасееполе год (целый год, предпочитал говорить он, а не «всего год», как прозвучало из уст старшего родича), не раз слушал вальс «Кавказские звёзды», не раз поднимался в молчании вместе с остальными офицерами, выказывая уважение к собратьям по профессии, – и знал, что русская гвардия не сдастся. Никогда и ни за что, даже на самых наипочётнейших условиях, с сохранением знамён, пушек и личного оружия у офицеров. Наверное, размышлял Фридрих, простая, армейская пехота ещё бы и смогла. А гвардия – нет. Ляжет, погибнет и станет темой для нового рвущего душу вальса или протяжной песни, от которой наворачиваются слёзы на глаза даже у матёрых вояк.

– И это, среди прочего, – заканчивал тем временем Пламмет-старший, – уничтожение или, если уж мечтать, пленение гвардионского полка – именно то, что ждёт от нас сейчас его королевское величество.

– Вы, несомненно, правы, дядюшка. – Фридрих поклонился, стараясь не встречаться со старым генералом взглядом.

* * *

Проклятый дождь наконец прекратился, и солдаты заметно повеселели. Придавали уверенности и три десятка пушек, грозно глядящих жерлами в сторону приречных лесов. За ночь к Заячьим Ушам выбралось ещё до двух сотен солдат из разбитой Пятой дивизии, из погибшей бригады Желынцева; явились и другие, из Шестой пехотной: они-то и принесли весть, что два её полка, Аждарханский и Старобогунецкий, отступают на север, угодив, как, похоже, и рассчитывал фон Пламмет, в Апсальскую топь. Там баварские и ливонские драгуны их оставили, не желая углубляться в непролазные болота, но своё дело «волки» сделали – полки рассеялись, потеряв всю артиллерию и обоз с самым необходимым. Теперь, по словам добравшихся до Росского, большинство уцелевших из тех полков станут дальше уходить на север и северо-восток, кружным путём к Кёхтельбергу.

Два других полка дивизии пропавшего без вести генерала Осташинского, Коломенский и Ладожский, будучи сильно потрёпаны, отходят напрямик на Кёхтельберг, «согласно его высокоблагородия сиятельства князя Леонтия Аппиановича Шаховского приказу», как

донесли казаки. Четвёртый Донской полк большей частью ушёл с Шаховским, лишь две разбитые сотни добрались до позиции Росского.

Росский выслушал известия с каменным лицом. Фон Пламмет не столько уничтожил половину корпуса, сколько рассеял. Однако рассеял так, что не вдруг соберёшь. А подлому пруссаку только того и надо.

Ночь стекла с небес исеяющим дождём, перестарались, видать, зимовички, растопив все запасы снега в облаках. Мало-помалу стихли топоры володимерцев – к северу и к югу от Заячьих Ушей протянулись две засеки, упираясь в раскинувшиеся по низинам болота. Там володимерцы и встали – Росский не верил, что его визави полезет в лоб на укрепленную позицию, словно князь Булашевич.

Непрошенных гостей долго ждать не пришлось. Сразу по обеим дорогам из лесов на простор вырвалась черноплащная конница; бодро, словно провели ночь не под дождём, снегом да ветром, шли пехотные роты. И, надрываясь, будто сражались они не за какую-то там Ливонию, а за родной фатерлянд, на руках волокли артиллерию пушкари, помогая вязнущим коням.

Перед Заячьими Ушами, однако, выстраивалась отнюдь не прусская армия. Не трепетали на ветру чёрно-белые флаги с чёрным же орлом, и форма солдат ничуть не напоминала хорошо известную русским офицерам прусскую; над шеренгами развевались сине-бело-синие стяги с грубым тевтонским крестом.

– Ливонцы, – поразился Росский.

– Или пруссаки в ливонской форме, – прорычал Сажнев.

– Последнее скорее всего, господа, – согласился Вяземский, опуская подзорную трубу. – Хитро придумано, ничего не скажешь. Формально «чёрные волки» и вообще вся дивизия фон Пламмета – наёмные, им ничто не мешает поступить и в службу ливонскую. А вот кто тут под видом биргерских рот... надо полагать, не только и не столько славные млавенбургские обыватели.

В русских ретраншементах сыграли тревогу. Вскидывали сажневские стрелки, подхватывая загодя заряженные штуцера и пристраиваясь к узким бойницам меж поставленных ночью фашинов; раздували фитили и вскрывали короба с запальными трубками артиллеристы, строилась пехота, проверяли подруги гусары.

Росский, Сажнев, Вяземский, командиры володимерцев и софьедарцев стояли вместе в самом центре русской позиции, откуда открывался широкий вид от края до края полей, заполняемых сейчас чужим воинством.

– Ну, что скажешь, Григорий Пантелеевич? Прав я вчера ночью был или как?

– Прав. – Сажнев сдвинул фуражку на затылок. – Какая, к воронам, бригада, какая дивизия, здесь целый корпус!

– Вам, Фёдор Сигизмундович, спасибо, что моих на фланги поставили, – вдруг заговорил командир Володимерского пехотного полка Фелистов. – Мы ж не то что сажневские стрелки, у нас по старинке – пуля дура, штык молодец...

– Что, стреляли мало? – нахмурился Росский. Не на толстого полковника – на тех, кого присылали проверять тот самый Володимерский полк.

– Мало, – с готовностью кивнул Фелистов. – Считай, Фёдор Сигизмундыч, совсем не стреляли. Кто из штаба ни приедет – подавай ему дистанции да интервалы, марш в батальонных или там ротных колоннах – и всё. Чтоб равнение было. Чтоб шагали дружно. Мы то и делали. А со стрельбой... это ж только к Григорию Пантелеевичу охотники шли, да немалое жалованье стрелкам было положено. А у меня кто? Кого силком в солдаты сдали, по миру приговору. Бродяги беспутные, чуть ли не кандалники! Такого едва в строю стоять научишь.

– Что ж мне, жалеть вас теперь, полковник? – гневно бросил Росский. – У вас самого голова для чего дана?

– Голова-то как раз и дана, чтобы думать, – насупился командир володимерцев. – Это у подполковника Сажнева штуцера заграничные, а у нас – ружья бог весть какого года, швы

слабые, плохо заваренные! Неужто, Фёдор Сигизмундович, не отправлял я рапортов, новых ружей прислать не просил? Осечка за осечкой идут, да и вообще из них стрелять солдатам опасно, разорвать может! Я думал, вы знаете...

– Что-то знаю, да не всё. Но полка вашего с засек убрать не могу. Два батальона оставим в центре, во второй линии. На завалах володимерцы ваши, полковник, и впрямь скорее штыками справятся.

– А нечего было на ружьях самим винты с шомполами ослаблять, дабы приятным и слитным лязганьем слух начальства услаждать! – рыкнул Сажнев. Фелистов промолчал, но видно было – обиделся.

А конница фон Пламмета надвигалась неспешным шагом, словно дразня русских пушкарей. И то сказать, кавалерийские штуцеры пруссаков били на тысячу двести шагов – дальше, чем картечь.

– Обходят, – заметил Сажнев.

Всадники подались в стороны, прижимаясь к лесным крыльям, пехота шагала в центре, и не плотными массами, как полагалось по русскому уставу, а развернувшись густой широкой цепью.

– Совсем ополоумела немчура, – вновь вылез Фелистов. – Двумя шеренгами на укрепленную позицию переть! Да ударить сейчас на них в ротных колоннах – мокрого места не останется!..

– От нас не останется, – оборвал полковника Русский. – У них там штуцерных половина, кабы не две трети. Пока до них дошагаешь «в ротных колоннах», выбьют ваш полк, как нечего делать.

– Штуцеры ведь перезаряжать долго, – не сдавался командир володимерцев. – Разок пальнут, второй не успеют!

– Ждём, – оборвал его Русский.

Фон Пламмет наступал спокойно, без суеты, будто и не ждали его открытые, оголённые тылы Второго корпуса. Тянул, тянул, словно жилы из живого тела, – протаскивал по узким лесным дорогам, по просекам всё новые и новые эскадроны и роты, точно фокусник карты из рукава. Пруссаки послали к своему тойфелю все «правильные» боевые порядки. Надвигались широким, но тонким полукольцом, прикрывшись двойной шеренгой стрелков; в рядах же пехоты катили артиллерию, несмотря на размокшую землю.

– Всё верно, обходить нас собрался Пламмет, – проговорил Русский, опуская подзорную трубу. – Молодец, немчура. Соображает. Здесь, в чистом поле, он атаку только изображать будет. А всей силой навалится с боков. Ты, Григорий Пантелеевич, будь готов, что тебе центр одному держать придётся.

– А гренадеры твои, Фёдор Сигизмундыч, по завалинкам отправятся? – осклабился Сажнев.

– Гренадеров моих как бы не пришлось на фланги бросать, на помощь володимерцам. – Русский вновь прильнул к окуляру. – Нет, не зря Иоганн этих волков так пестовал, никаких денег не жалел, брал только волонтёров... Хорошо идут, правильно.

– А что встали – тоже правильно? – вставил командир гусар.

– Также правильно. Висят над нами, шевельнуться не дают. Ждут, пока крылья их не начнут сходиться. Тогда и сами двинутся. Подполковник Вяземский! Михаил Константинович! Бабы с детишками из деревни ушли?

– Никого не осталось, Фёдор Сигизмундович. Только добровольцев две дюжины, мужиков, что сами вызвались. Говорят, раненых таскать станем, а коль придётся, так дрекольё, мол, не хуже штыка бывает.

– Хорошо хоть за невинных душа болеть не будет...

Растянувшиеся цепи баварцев, пруссаков и ливонцев замерли как раз вне пределов досягаемости русских стрелков. Штуцерные Сажнева грызли костяшки, но сделать ничего не могли – на той стороне отлично умели определять дистанцию.

– Аввиан Красович, – окликнул Русский молодцеватого гусарского полковника, –

будьте готовы. Вы у меня пожарная команда сегодня. Где пруссаки у нас за спинами полезут, там и бить их, в болото скидывая. Чтобы не могли носа высунуть!

– Не извольте беспокоиться, Фёдор Сигизмундович. А вот только думаю я – что, если таки не полезут они на нас? Так и станут стоять, нас к себе приковывая, а всей кавалерией – нам за спину? Там ведь вся Четвёртая дивизия ползёт, три четверти корпусной артиллерии... растянулись страшно сказать как. Изрубят поодиночке, и вся недолга...

– Дело говоришь, гусар, – рыкнул Сажнев. – Только я вижу так, что не просто мы тут стоять должны. А в глотку Пламмету вцепиться. Что, Фёдор Сигизмундыч, сам ведь ждёшь, чтобы атаковать?

Взгляды командиров устремились на Росского.

– Жду, – признался гвардионец. – Сам тут давеча Александра Васильевича поминал, а вот теперь... Подставится Пламмет. Уж больно нагло прёт. Другой бы на его месте удачу не испытывал: ударил – да и обратно за Млаву. Пока мы тут раны залижем!.. А он нет – дальше полез.

– Сколько ж у него всего, господин полковник? – Фелистов чуть не вытянулся во фрунт. – Говорили – «дивизия». Какая ж то дивизия? То куда как поболее выходит!

– Поболе, – кивнул Русский. – Как бы не две, и ещё на севере не меньше.

– Э-э, Володимер, чего ворогов до боя считать? После это надо делать, когда мёртвых собирать станем, – подбоченился гусар.

– Ладно. – Сажнев сдвинул фуражку на затылок. – Пошёл-ка я к своим, Фёдор Сигизмундович, с твоего разрешения. В стратагемах я не шибко силён, а вот солдатики мои куда метче стреляют, когда я рядом. Знают, что небрежного прицела не спущу.

– Ступай, Григорий Пантелеевич. И смотри – как начнут они палить, так ты сразу всем батальоном не отвечай. Пусть думают – у нас совсем штуцерных мало.

– Всё исполню. – Сажнев выпрямился во весь рост и широкими шагами пустился вдоль ретраншементов, где сучали батареи – фон Пламмет остановил своих, не подводя под русские пушки.

– Ждём теперь. – Русский до рези в глазах всматривался то в левую, то в правую опушки леса. – Нет, Аввиан Красович, не бросит нас Пламмет в тылу. Ему ж не только обозы изрубить да сухари пожечь...

– Иль водку вылить!

– Шутить изволите... – Русский невольно улыбнулся. – Ему нас прикончить тоже надо. Такая возможность – отступить бы этим русским до самых главных сил корпуса, собрать всё в кулак, а потом уж упереться, а они сами волку в пасть лезут. Не-ет, не уйдёт фон Пламмет. Мы – добыча лакомая, а у него зуб на нас. Большой. Конечно, конницу свою заслать нам за спины попытается, не без того...

И вновь ждали. Но теперь уже совсем недолго. Загремело, заревело, затрещало сразу и на правом, и на левом крыле, где чуть не по колено в воде стояли роты володимерцев.

Полковник Фелистов побагровел ещё больше, стащил фуражку, принялся платком утирать пот с лысины.

– Будьте готовы, Аввиан Красович.

– Гусар всегда готов. – Мелькнул щегольской ментик, золотые шнуры да меховая опушка – полковник софьедарцев взмыл в седло.

Грянул залп – один-единственный правильный залп справа, затем такой же слева, а дальше началась сплошная, частая дробь, словно целая рота барабанщиков лупила палочками безо всякого толка и расстановки.

Володимерцы сцепились с неприятелем, и по лицу их полковника видно было, что стоять рядом с гвардионским начальством ему очень, очень не по душе. Ему б в лес, к своим шеренгам...

Время шло, центр пруссаков не двигался с места, а на флангах не стихала пальба, сделавшись даже ещё более частой.

– По сколько ж пистолей евонные драгуны с собой возят? – простонал Фелистов.

– По много, – буркнул Русский. – Так-то по три, а я слышал, что и до четырёх доходит. У американцев набрались...

– А у наших один патрон в стволе...

– Не нойте, – оборвал толстяка командир гвардионцев. – Вон никак ваши вести шлют.

Мокрый с головы до ног, перепачканный грязью солдатик, рябой и низкорослый, без ружья, встал во фрунт перед двумя офицерами, никак не в силах отдышаться.

– Спокойно, братец, – первым заговорил Русский. – Дух переведи.

– Ударили они, вашвысокобродь. – В бесцветных глазах солдата плескался ужас. – И палят, и палят! Убитых у наших много и раненых. А мы залп как дали, три ружья разорвало напрочь. Мне эвон велели, грят, ружжо оставь, беги налегке... Их благородие майор Шеншин подмоги просят.

– Второй батальон... – начал было Фелистов, однако Русский поднял руку, останавливая полковника.

– Погодите, Степан Ксаверьевич, рано ещё батальоны из центра слать. Фон Пламмет за нас ещё и не принялся как следует, так, едва задел. Понадобятся нам ещё ваши роты.

– Н-ну... – пропыхтел недовольный Фелистов. – Вы, Фёдор Сигизмундович, тут командуете, значит, так тому и быть...

Русский коротко кивнул, вновь обращаясь к солдату:

– Передай, братец, майору, что подмога будет, но не враз. Пусть за засеками держится, штыком отбивается. Давай, братец, не стой. Доставишь записку сию майору – быть тебе с отпуском. А я ещё рублей от себя добавлю.

– П-премного благодарен, – запинаясь, выдавил солдатик. Русский быстро набросал карандашом несколько слов на листке, сложил, сунул володимерцу.

– Не медли. Беги.

– Так точно, вашвысокобродь!

Не прошло и минуты, как прислал посыльного с теми же примерно известиями и другой батальонный командир, с правого крыла. И там тоже разорвало ружья – но не три, а целых пять.

Русский только скрипнул зубами да ожёг взглядом толстого полковника Фелистова. Хотя в чём он виноват, бедолага? В том, что всю жизнь прослужил в глубинном гарнизонном полку, разбросанном по деревням? В том, что стрельбу с него никогда не спрашивали, а вот слитное полязгивание ружьями при «метании», как это называлось, сиречь исполнении строевых приёмов, – так очень даже? Если пороху отпускали скупое, считая, что частая пальба войска только развращает, отучая «штыком давить»?

Что творилось в облетевших осенних лесах, было не разобрать. Гусар Княжевич отправил троих всадников; вскоре они вернулись – володимерцы, прикрывшись засеками, штыком и пулей отразили первую атаку. Пехота – то ли прусская, то ли ливонская – шла тяжело, шагала чуть не по пояс в ледяной воде; первый порыв исчерпался, неприятель подался назад, не ослабляя ружейного огня.

А фон Пламмет, похоже, быстро соображает, подумалось Росскому. Прусские пушки, выставленные против левого крыла, уже успели развернуться и теперь раз за разом окутывались плотным дымом; их гранаты начали рваться там, где засека убегала в глубь залитого водою леса. А главные силы «волков» всё не двигались с места, будто дразня русских.

Эх, не вовремя Сажнев ушёл...

Пришлось вновь браться за карандаш.

...Роту югорцев привёл низкий, жилистый штабс-капитан с выправкой бывалого солдата – «бурбон», как их презрительно звала золотая гвардейская молодёжь. Был он основателем, несуетлив и каменно-спокоен, словно предстояло ему сейчас самое большее дрова рубить.

– Штабс-капитан Рябых, господин полковник. И первая рота Югорского батальона.

– Видишь ту батарею, штабс-капитан? Стоят открыто, поливают володимерцев на

нашем левом фланге. Бери своих штуцерников, и чтобы прислуга их у меня через десять минут легла бы вся.

– Не извольте беспокоиться, – усмехнулся югорец. – На Капказе и не такое приходилось... – Он чётко, как на параде, повернулся, махнув стрелкам, и повёл их за собой.

Любо-дорого было посмотреть, как югорцы, рассыпавшись двойной цепью, дружно вскинули ружья и дали первый залп. Русский вжал в глазницу окуляр – одно из прусских орудий вмиг оказалось без прислуги, возле другого на ногах остались лишь двое.

И почти сразу же – второй залп, пока первая шеренга быстро, удивительно быстро перезаряжала оружие. Да, не зря хвалили все эти заморские штуцера, не зря... Прусская батарея захлебнулась, словно собственной кровью, и этого фон Пламмет, конечно, стерпеть не мог. Разомкнув ряды, двинулись его собственные штуцерные, но теперь они уже шли под пулями югорцев, потому что немедленно загремели выстрелы с центра русской позиции – оттуда, где оставались ещё три роты Сажнева.

– Неужто втянется, Фёдор Сигизмундович? – прошептал Вяземский, не веря собственным глазам.

Русский не ответил, боясь спугнуть удачу.

Пруссаки наступали молча, не жалея патронов, и штуцерных у них оказалось явно больше, чем половина всей пехоты.

– Сейчас прислугу выбитую меняет, – бросил начальник штаба. – Вон пушки оттаскивает.

– Понял, что здесь ему полигон не дадут устроить... Ага! Смотри, Михаил Константинович, никак гусары в дело пошли!

Глубоко в тылу русской позиции, перерезая единственную дорогу, показались всадники. Один за другим они выбирались из леса, стягивались вместе, сбивались клубком, словно злые роящиеся осы. Клубок рос, к нему тянулись новые и новые фигурки – драгуны фон Пламмета обошли-таки упорно сопротивлявшихся володимерцев. Верно было сказано – Заячьи Уши не крепость, а леса, хоть и залиты водой, но не совсем уж непроходимы.

– Княжевич, давай, – прошептал Русский.

Но командир софьедарцев и сам знал, что делать. На не успевших выстроиться и мокрых до нитки драгун фон Пламмета со склонов ринулась развернувшаяся гусарская лава – в сверкании сабель, в алом и золотом проблеске ментиков.

Драгуны и гусары одновременно разрядили пистолы. Кто-то падал, дико ржали кони – но сверкающая ало-золотая волна с размаху налетела на чёрный клубок, и тот рассыпался множеством отдельных фигурок.

– Не зарвался б Княжевич. – Угодить начальнику штаба, наверное, не смог бы и сам великий Александр. – Едва ль это единственная партия.

А фон Пламмет тем временем напирал, вся его линия пришла в движение. Атаковали «чёрные волки» широко, прямоугольники пехоты, прикрывшись густыми цепями стрелков, нацелились на пространство меж лесом и околицей Заячьих Ушей, пытаясь прорваться по чистому полю, где не успели возвести высокой засеки. Войска Пламмета приближались; заговорила наконец и артиллерия Русского, первые картечные гранаты разорвались, выкашивая разом десятки прусских солдат. Однако опоясались дымами и шеренги чёрных штуцерных – пули щепили фашины, за которыми укрывался батальон Сажнева, вырывали людей из строя резервных рот Володимерского полка, застывших в центре, доставалось и гвардейским гренадерам.

– Никуда ты не делся, фон Пламмет. – Русский не удержался, двинул кулаком в собственную ладонь. – Ни-ку-да!

– Смотри-ка, назад подались, – влез Фелистов. – Говорил же я, Фёдор Сигизмундович, ударить по ним в батальонных колоннах, как Устав велит...

Русский не повернул головы. Пруссаки и впрямь несколько подались назад, избегая губительного огня русской артиллерии, разомкнули строй и стреляли, стреляли, стреляли...

– Сами к нам идут, надо же, – рычал Сажнев, вышагивая вдоль тонко растянувшейся линии своих стрелков. – Сами под пули лезут. Целься верней, братцы, и мы сегодня, а не немчура поганая погуляем! Мы чарку выпьем!..

Три роты Югорского батальона прятались за фашинами, рядом с русскими орудиями. Картечь оказалась бесполезна, пруссаки так и не приблизились; батареи Росского палили ядрами и гранатами. Прислуга старалась не показываться из-за укрытий, штуцерные фон Пламмета, в свою очередь, тщились первым делом выбить артиллеристов.

– Эх, зарядов мало! – услышал Сажнев кого-то из батарейцев. – Всё больше картечь, обоз снарядный отстал...

Прусская пехота стреляла часто и дружно, выверенными залпами. Фланги фон Пламмета продвигались, центр отставал. Артиллерия, пользуясь тем, что штуцерные русских оказались связаны огнем боем, била и била по краю леса, где зубами вцепились в остатки полуразрушенных засек володимерские роты.

– Дружно, братцы! – совсем не по уставу командовал Сажнев – как под Даргэ, там, на Зелёной линии; югорцы высывались в проёмы меж фашинами, и русские укрепления окутывались густыми клубами порохового дыма, словно там раздували пламя десятки и сотни пар кузнечных мехов.

– Эй, Петровский! – окликнул подполковник товарища по вылазке за Млаву. – Что, не подмогнут нам сегодня твои зимовички?

– Всенепременно подмогнут, вашбродь, дайте только вечеру спуститься, – совершенно серьёзно, без тени улыбки откликнулся унтер. – Я уж попросил, да токмо у пруссаков тоже есть кому ветер со снегом на нас повернуть.

– Что, они тоже за зимовичками местными увиваются, их благосклонности ищут? – ухмыльнулся Сажнев.

– Они-то, вашевысокоблагородие? Не, они не по зимовичкам. Нечисти тут хватает в болотах, есть кому на нас снег с дождём поворачивать. А зимовички им не поддадутся, не, не такие они!

Сажнев хотел ответить, но тут пришлось нагнуться – за сбитой пулей с головы фуражкой.

– Пригнитесь, вашбродь! Григорий Пантелеич, укройтесь! – крикнуло разом несколько голосов. Не сдержались старые солдаты, ходившие с Сажневым и на Грозную, и на проклятый Даргэ.

– Не отлита ещё пуля моя. – Подполковник отряхнул фуражку, с преувеличенной аккуратностью надел обратно, будто перед высочайшим смотром выверяя положение козырька. – А ну, чего уставились? Цветами расцвёл? Целься вернее, не то почище пруссаков шкуру спущу!

Усатые унтера переглянулись, пряча улыбку. Отец-командир всегда наказывал сам, своею рукой, не доводя до начальства, когда и впрямь находилось за что – воровство, мародёрство, трусость; правда, случалось такое очень, очень редко, батальон состоял из югорцев-охотников, многие знали друг друга ещё до службы.

После этого боя придётся объявлять новый набор, хотя запасная рота, оставшаяся в Анассеополе, имеет достаточно обученных рекрутов.

Склеенная глиной да слюной русская бригада таяла с каждой минутой. Фон Пламмет переправил, наверное, вдвое больше пушек, чем имелось у Росского, и сейчас использовал их до конца.

«Что станешь делать, Фёдор?» – спрашивал себя полковник гвардии. Что делать, если у Сажнева в центре осталось едва четыре с лишним сотни штуцерных, а у пруссаков прямо перед деревней – вдесятеро больше, и стрелков настоящих, метких и пулям не кланяющихся?

Но сегодня был не их день, а югорцев. Югорцев и их штуцеров. Не вставая под огнём, лёжа или с колена, не высываясь из-за фашинов, солдаты Сажнева стреляли, наверное, вдвое

чаще своих тирольских визави. Спешили, обжигали пальцы, вкладывая новый патрон, выцеливали и стреляли. Иной из штуцерных, не щадя себя, вскакивал, торопясь лишний раз пройтись шомполом, сбивая пороховой нагар, чтоб ружьё било ещё точнее и дальше, – хотя Сажнев и орал, надсаживаясь, чтобы никто и не думал подниматься и оружие перезаряжали б только лёжа.

А вражеские колонны наплзали, неся потери, но охватывая с боков русскую позицию. Как могли, отстреливались штуцерные, по колоннам, уже приблизившимся на пушечный выстрел, била артиллерия, и картечные гранаты исправно рвали математически правильные прямоугольники чужой пехоты. Гусары Княжевича и второй раз опрокинули чёрных драгун, за тылы Росскому пока волноваться не приходилось. Надолго ли – другой вопрос...

Плотный строй гвардионцев застыл за домами, в центре позиции, подальше от переднего края, их Русский берёг для решительного момента. Гордясь выучкой и стойкостью, гренадеры застыли, лишь взяв тяжёлые ружья «к ноге». Молчаливые ряды ждали приказа.

Всё чаще и решительнее огрызались русские пушки, стараясь в первую очередь выбить прусскую артиллерию, наступавшую вместе с пехотой. Но широко раскинувшаяся подкова всё наливалась и наливалась тёмной силой, и Фёдор Сигизмундович понимал, что фон Пламмет сейчас захлопнет капкан, и неизвестно ещё, кому хуже от того, что софьедарцы торчат на восточной дороге, отбивая наскоки просочившихся в тыл кавалеристов.

– Всё, пошли, Фёдор! – Вяземский невольно взялся за рукоять сабли. – Не выдержал Пламмет, не выстоял!

– Как бы не так, – отмахнулся Русский. – С двух сторон прёт, и я не я буду, если и на центр сейчас не надавит. А все резервы нам потребны на флангах. Возвращай Княжевича, Михаил Константинович. Он сейчас тут нужнее, чем на дороге.

Начальник штаба кивнул.

Теперь уже артиллерия разговорилась вовсю. Рвались гранаты пруссаков, подскакивали и разваливались бревенчатые избушки Заячьих Ушей, кое-где занялись пожары. Но хорошо укрытые русские орудия били чаще и метче прусских – Русский видел, как от удачного попадания взорвался зарядный ящик, как разлетелся лафет и подброшенный вверх ствол закувыркался, словно палица, Иваном-богатырём к небу кинутая для испытания собственной силы.

Однако по размокшим склонам неуклонно, неостановимо шагали чёрные и синие шеренги, через равные интервалы с истинно германским орднунгом окутываясь дымом залпов. А большинство русских ружей по-прежнему молчало – солдаты тискали нагретые ложа, словно любимых жён, про себя уговаривая «не выдать».

Успеем дать только два залпа, а потом – в штыки, заставлял себя думать холодно и отстранённо Русский.

Полковник не отрывался от подзорной трубы, считая шаги и секунды, потому что ошибиться здесь нельзя – залп двух шеренг Пламмета должен был прийтись в фашины, и только после этого остававшиеся в центре батальоны володимерцев должны были двинуться вперёд.

Прямо под третий залп, который они обязаны выдержать – и упредить своим собственным. Конечно, гвардионцы с этим справились бы лучше, но... гренадерам предстояло последнее и самое кровавое дело в этом бою.

– Не пора ли двигать володимерцев, Фёдор Сигизмундович?

Миша Вяземский. Начальник штаба тёмен от беспокойства – как и сам Русский; это их первый бой с настоящей, европейской, армией.

– Пора, – кивнул полковник. – И... пусть наши их подопрут.

Команды, людские голоса, тонущие в пушечном громе и сердитой скороговорке ружей. Шеренги разворачивались, уходили – володимерцы пригибались, многие солдаты, особенно из молодых, вздрагивали и крестились. За ними последовали гвардионцы – эти, напротив, маршировали, словно у Кронидова столпа в Анассеополе. Гонор гвардейский...

В центре русская артиллерия заставила германцев попятиться – или же те сами решили не особо лезть на рожон. Но убывала прислуга, кое-где легкораненые стрелки припрягались помогать артиллеристам. А в спины югорцам недобро дышала пустота: уходили володимерские роты, подались на фланги гвардионцы – некому подставить плечо, некому подпереть, если чёрные навалятся, не щадя живота.

Но расчёт Росского в том и состоял, что класть свои головы без счёта наёмники фон Пламмета не станут.

* * *

Сажнев шагал. Из одного конца позиции в другой. Подхватил под руки солдата, получившего пулю в плечо, подобрал выпавший штуцер, вскинул, словно пистоль, одной рукою и выстрелил – досмотрев под одобрительные возгласы случившихся рядом югорцев, как падает с развороченным лицом офицер «волков», только что взмахами сабли отдававший команду палить.

Раненых югорцы волокли подальше от передней линии, те, кого зацепило легко, уходить отказывались.

– И одной рукой, вашбродь, штуцер заряжу! Ногами удержу! – уверял подполковника солдат в окровавленной шинели.

– Без тебя есть кому, – не знал пощады Сажнев. – Кругом марш! К дохтуру!

А потом с обоих флангов донеслась внезапно полыхнувшая с удесятёрённой частотой пальба, вмиг сменившаяся яростным, не знающим пощады русским «ура!».

Володимерцы пошли в контратаку.

Росский знал, что всё рассчитал правильно. Два залпа почти в упор солдаты Фелистова выдержали, укрываясь за завалами и фашинами; фон Пламмета подвёл его же прусский формализм. Минута на зарядание ружья, три шеренги – следовательно, залп должен следовать каждые двадцать секунд.

Володимерский полк поймал вражью пехоту – и в чёрных, и в бело-синих мундирах – аккуратно после второго залпа.

Слева, там, где стояли Фёдор Сигизмундович и его начальник штаба, два батальона повёл сам Фелистов. Росский видел, как тучный полковник истово осенил себя крестным знаменем, поглубже надвинул фуражку и выкрикнул – надтреснутым, сиплым голосом:

– Пошли, братцы! Ура-а-а!

– Ура-а-а! – взревели володимерские шеренги.

Раз-и-два-и-три-и-четыре – ротные колонны печатали шаг, соблюдая предписанные уставом интервалы и дистанцию, как ни на каком высочайшем смотре. Все. Даже вчерашние рекруты.

– Пали! – услышал Росский команду Фелистова, и русские ряды дали залп – залп в упор, выбивший добрую половину первой прусской шеренги. А потом – ур-р-ра-а-а-а!!! – хриплый, рвущий душу рёв сотен глоток, топот ног, наставленные штыки и сшибка, жуткий, ни с чем не сравнимый звук столкнувшихся живых лавин, когда – грудь в грудь и плечо в плечо.

С боков, прикрывая володимерский полк, рванулись гусарские эскадроны – на расстроенные русскими ядрами ряды чёрных драгун.

Две человеческих волны сшиблись, и началось: когда каждый строй давит со всей силой, когда перед глазами – сплошная щетина штыков и кажется невозможным прорваться сквозь эту завесу. И лишь опытный солдат помнит – то же самое видит и твой враг, и ему кажется могучей и несокрушимой уже твоя шеренга. На обоих флангах русской позиции сейчас творилось одно и то же – устремившиеся в контратаку володимерцы столкнулись с пехотой фон Пламмета, бока русского строя прикрывали эскадроны гусар, и ярко-алые ментики мешались с чёрными мундирами драгун. Взлетали и падали клинки, потеряв скорость и порыв, грызлись кони.

Из рядов «чёрных волков» высунула тупые рыла конная батарея – надо же, смогли протащить так далеко по размокшему полю... одно, два, три – шесть орудий готовы были ударить в упор по гусарам и володимерцам.

– Полковник! – Русский вскинул руку с подозрной трубой, но Княжевич и сам знал, что делать.

– Богунов!

Гусарский штаб-ротмистр отрывисто вскинул руку к киверу и дал шпоры кауруму жеребцу. За ним дружно затопотали кони резервного эскадрона, сам Богунов, выгибаясь всем телом, вырвал саблю из ножен.

– Руби их в песи! Круши в хузары!

Брызги жидкой грязи из-под копыт, выброшенная над конскими ушами сабельная сталь, ветер в лицо, пули – где-то над головой, совсем не страшно и даже словно бы не опасно. Тело не хочет верить в возможность собственной гибели, оно сейчас дивно бессмертно и пребудет таковым, даже если в него врежется, круша кости, разрывая плоть и исторгая жизнь, кусок мёртвого свинца.

– Ай, молодцы, ай, как идут, – услышал Фёдор Сигизмундович горячий шёпот Княжевича. Рука гусарского командира тискала сабельную рукоять.

– И думать забудьте, – зло взглянул на него Русский. – Ваше место тут, полковник.

– У меня остался последний взвод, – невесело усмехнулся тот. – Дозвольте, Фёдор Сигизмундович, как гусару пристало...

– Не позволю! Мысли подобные одним лишь юнцам безусым простительны, Княжевич! Софьедарец только скрипнул зубами и опустил голову.

А эскадрон Богунова горячим алым росчерком пронёсся по полю, уворачиваясь, словно в детской игре, от рванувшихся наперерез чёрных драгун – на огромных конях, тяжёлых, мощных, силой почти равных анасеепольским кавалергардам. Но – не успели, не переняли, лёгкие гусары проскочили меж сходящихся челюстей вражьего строя, и, пока прусские артиллеристы, отчаянно наваливаясь на колёса, пытались развернуть орудия, русские всадники обрушились на них, в упор разряжая пистолеты и работая клинками.

Попав под кавалерийский удар, конная артиллерия без пехотного прикрытия становится столь же уязвима, как и любая другая батарея; пруссаки проявили завидное благоразумие, решив не умирать зря. Тем более что с двух сторон на дерзких гусар надвигались и пехота, и кавалерия.

– Что он там задумал?! – не выдержал Русский. – Пушки взрывать, что ли?! Назад, назад немедленно! Полковник Княжевич?..

Изрубив не успевшую разбежаться прислугу, гусары одним этим заставили прусские орудия замолчать – пока ещё в горячке боя подойдёт смена! Однако штаб-ротмистру Богунову этого, похоже, было мало. И он явно знал, что делает.

Четыре пушки, уже снятые с передков и готовые к стрельбе, изрыгнули картечь прямо в лицо налетающим драгунам, мигом навалив перед батареей страшный вал из истерзанных, бьющихся в агонии человеческих и конских тел. Два других орудия оставались в запряжках, и гусары немилосердно нахлёстывали артиллерийских лошадей, явно намереваясь увезти завидные трофеи. Несколько гусар возились около зарядных ящиков, не иначе как пристраивая зажигательные трубки.

– Он с ума сошёл! Их же сейчас перебьют!

– Взво-о-од! – привставая в стременах, выкрикнул Княжевич, взмахнув саблей. Взвился свечой застоявшийся, чуявший нетерпение хозяина конь.

Русский только покачал головой. Ох уж эти мне гусары. Главное – лихость явить да красиво умереть, чтобы товарищи потом на каждой попойке вспоминали; а кто, пся крев, станет сражения и войны выигрывать?!

Эскадрон Богунова стиснули с обеих сторон, но гусары не дрогнули. В кровавой сабельной пластовне никто и не заметил малую как будто силу последнего взвода софьедарцев, что повёл в бой их командир.

Зато Русский, не в силах опустить подзорной трубы, видел, как Княжевич в упор разрядил пистолет в голову драгунскому офицеру, как пригнулся, пропуская саблю над собой, как сам ответил убийственным выпадом – и кольцо вокруг штаб-ротмистра разомкнулось. Две упряжки с орудиями оторвались от наседавших драгун.

...Назад вернулись далеко не все из пошедших в атаку гусар, и сам Богунов поник на конскую гриву – разорванный левый рукав мундира быстро темнел.

С батареей русским улыбнулась удача, но не из тех был фон Пламмет, что легко отступают при первом же неуспехе. Неслись новые эскадроны, угрюмо и упрямо наступала пехота в чёрном или бело-синем, и порыв володимерцев поневоле таял; истекая кровью, их шеренги медленно пятились.

Русский оглянулся. В безопасности, укрытые от ядер, стояли свежие колонны его гренадер. Он берёт их для общей атаки, ожидая, когда пруссаки наконец выдохнутся, – те не выдохлись. Настоящие они вояки, злые, стойкие и упорные. Хотя с Буонапарте один на один *так* они костями не ложились.

– А центр Сажневу держать, – прошептал Русский за миг до того, как взмахом руки послать в атаку первые гвардейские батальоны.

* * *

Григорию Пантелеевичу Сажневу не впервой было хаживать вдоль линии своих стрелков, не кланяясь пулям да беззаботно посвистывая. Не случилось ещё его батальону бывать в больших всеармейских баталиях, когда на небольшом клочке земли сталкиваются по сотне тысяч с обеих сторон. Всё больше Капказ, Зелёная линия да крепость Грозная; ну, и ещё Даргэ, когда надо было раз и навсегда выпустить кишки работорговцам, продававшим полоняников чуть ли не половине всего Востока...

Но и оказавшись наконец в настоящем сражении, югорцы не дрогнули и не растерялись. Один русский стрелок против четырёх-пяти прусских и тирольских штуцерных, отлично обученных и метких, – они так и не дали чёрным выбить прислугу у пушек, оттеснить югорцев с защищаемых ими батарей. Но за плечами у сажневцев никого не осталось – и володимерцы, и гвардионцы двинулись на фланги, где разворачивалась главная битва. В центре же без малого пять тысяч прусской пехоты выжидали, и не напрасно – Росскому приходилось разворачивать орудия, картечью в упор помогая изнемогающим володимерцам.

– Гренадеры пошли, вашбродь! – в самое ухо прокричал полуоглохший стрелок. – Гвардионцы!..

– Вижу! – рыкнул Сажнев, хотя, конечно, за дымом горящих изб мало что мог разглядеть. И повернулся к батальону. – По цепи передать – не стрелять, всем штуцера зарядить, кому надо – нагар быстро сбить. Штыки примкнуть! Патроны готовы! Быть готовыми палить по моей команде!..

– За нами-то никого, – проговорил вернувшийся со своей ротой штабс-капитан Рябых. – Умоемся кровушкой, Григорий Пантелеевич...

– Будет тебе, Михайло Платонович, – хмуро отрезал Сажнев. – Фимка!

– Здесь, ваше благородие! Пистолы все заряжены, и запас тоже. – Он похлопал себя по груди.

– Хорошо. Сабля твоя как, не заржавела, чай, в ножнах? Чую, сейчас она тебе понадобится.

– Я, барин, её кажинный день и почищу, и смажу, – с деланой обидой хмыкнул Ефим. – Как и вашу, кстати.

Штабс-капитан Рябых ничего не сказал. Только вздохнул да вытащил из ножен свою собственную.

И – как в воду смотрел. Прусские шеренги дали ещё один дружный залп и, зарядив ружья, все вместе двинулись на русскую позицию. Обгоняя пехоту, прямо на жерла пушек

Росского рванулась драгунская конница, за ними, сокращая дистанцию, тронулись и прусские орудия.

– Пали! – Сажнев уронил руку.

Над фашинами и рвами взвились ватно-плотные облачка сероватого порохового дыма. Смерть собрала в прусских рядах обильную жатву, однако солдаты фон Пламмета и не думали останавливаться. Наставив штыки, ускорили шаг, хватались за колёса пушек, помогая своим артиллеристам. Шесть с небольшим сотен – с вернувшейся ротой Рябых – сажневских стрелков остановить их одними лишь пулями, конечно же, не могли.

Ещё не иссякли порыв и злость, не так много тел в чёрных мундирах осталось на мокрой пашне, чтобы у остальных взяло бы верх одно лишь тёмное, глубинное желание жить любой ценой, желание, перед которым могут отступить и храбрость, и гордость, даже стыд с честью.

– Залп! – ревел Сажнев, всякий раз роняя поднятую руку с саблей. В первых рядах чёрной пехоты падали, первыми – офицеры и капралы; югорцы стреляли столь часто, что обычному солдату это показалось бы чудом; и пруссаки словно заколебались на миг, слишком уж быстро стали редеть их шеренги. Выручая своих, обгоняя заколебавшуюся пехоту, пришпорила коней драгунская конница, торопясь одолеть последние десятки саженей, где сейчас властвовала только смерть. Командиры драгун бросали своих прямо на картечь, но только это сейчас могло спасти пехоту, дать ей подойти вплотную к русским ретраншементам.

Чужие ядра крушили фашины на русских позициях, то и дело рвались гранаты, выбывала прислуга, и нечем было уже её заменить, даже легкоранеными югорцами. Не умолкали и русские пушки, картечь рвала ряды несущихся драгун, однако конники в чёрных мундирах всё же доскакали до линии фашин, и в дело вступили штыки.

Сажневцы сбивались спина к спине, выставляя штыки во все стороны. Иные окружали орудия и их прислугу, собственными жизнями покупая для всей Млавской бригады ещё один картечный выстрел в упор. Григорий Сажнев разрядил штуцер, левой рукою выхватил пистолет. Над фашинами взлетела конская морда, драгун послал лошадь в образованный ядрами пролом, и командир югорцев, не тратя пули, одною правой выбросил ружьё на всю длину, достав баварца штыком.

По всей русской линии солдаты фон Пламмета наконец добрались до орудий, и началась рукопашная.

Люди и кони смешались, лошадям разрывало животы острыми кольями, седоки падали в наспех откопанные рвы, что спасали сейчас не одну русскую жизнь. Сверху отбивались штыками, рядом с сажневскими стрелками дрались уцелевшие артиллеристы, в ход пошли и банники, и подобранное у мёртвых оружие. Отдельные орудия продолжали стрелять – спину их прислуге закрывали югорские штыки.

...Сажнев не ушёл из первой линии. Пистолеты он разрядил, и на сей раз даже ловкий Фимка не мог улучшить момента сунуть новую пару. Штуцер в руках огромного подполковника отшибал в сторону чужой штык, после чего приклад или же стальное остриё довершали дело.

...Росский видел, как вдоль всего фронта вскипела рукопашная. Казалось, масса германской пехоты и драгун сейчас легко продавит тонкую линию сажневцев с присоединившимися к ним артиллеристами – но югорцы держались, даже не подаваясь назад. Пора было атаковать, потому что связанные боем с драгунами стрелки уже не проредят шеренги вражьей пехоты, и те, навалившись всем скопом, просто продавят центр числом. И из леса давно уже не появлялось новых колонн под ливонскими знамёнами.

Фон Пламмет, похоже, ввёл в бой всё, что мог, – однако этого оказалось недостаточно, чтобы затянуть на горле новорождённой Млавской бригады смертельную удавку.

Центр держался, и ему на помощь Росский бросил сейчас последний резервный батальон гвардейских гренадер. Своих гренадер, свою семью – на заколебавшиеся веса боя.

– Штыком – коли, прикладом – бей! – выкликнул кто-то из гвардионцев вечное

присловье учебного плаца, и шеренги отчего-то ответили дружным хохотом, словно сказано было нечто невероятно смешное.

Трудно сказать, что сломало спину прусскому верблюду. То ли ещё уцелевшие орудия центра, в упор выпускавшие один картечный заряд за другим; то ли отчаянно рубившиеся на флангах гусары Княжевича – и самого полковника уже давно не было рядом с Росским.

Или остатки володимерцев, сперва подавшиеся назад, до самых плетней, бань и огородов, а теперь – словно невесть откуда вливались в них новые силы – медленно, но непреклонно отодвигавшие схватку всё дальше и дальше от деревни?

Или всё же гвардионцы, ударившие в идеальном строю, с песней и диким, воистину варварским посвистом?

Или зоркие разведчики фон Пламмета, узревшие вдали, на уходящей к восходу дороге, длинные колонны пеших, обгоняемые по обочинам конными?

Так или иначе «чёрные волки» подались назад. Организованно и в полном порядке, не бросая ни пушек, ни знамён. Фон Пламмет оттягивал свои полки от Заячьих Ушей, и самозваному командиру Млавской бригады – лейб-гвардии полковнику Росскому – хватило сообразительности не оставлять крепкую позицию и не бросаться слепо вперёд. Где-то гренадеры даже и погнали черномундирников, где-то рубили их вырвавшиеся вперёд гусары – но большей частью русская линия осталась на месте.

Наступать мы ещё будем, подумал Фёдор Сигизмундович, пока не смея поверить в победу. Обязательно будем, но утром. Чтобы не угодить в засаду.

Бой стихал, и теперь самыми громкими на смертном поле становились крики и мольбы раненых.

Глава 8

Граница с Ливонией.

Млавское приречье.

Окрестности селения Заячьи Уши

31 октября – 1 ноября 1849 года

Ух, как воеет, как завывает за стенами! Ветры разгулялись не на шутку, небеса разверзлись, луна утонула в изнывающих от водяного бремени тучах. Ни лучика не пробивается с закрытого сплошной мглой небосвода, буйствует непогода, а с ней, как шёпотом говорят знающие люди, разгулялись и нечисть с нежитью.

Югорцы кое-как устроились на ночлег, набившись в амбары и избы. Сажнев, по всегдашнему обыкновению, обходил своих, принимая рапорты ротных.

В битком набитых сенах вповалку лежали на принесённой соломе люди, слышалось тяжёлое дыхание, кто-то при свете крошечной лучинки драил оружие. Где-то сейчас унтер Егор Петровский, опять небось «беседует» со своими зимовичками...

Оно и понятно, когда такой ветрило, и впрямь чьи-то замогильные завывания всюду чуются.

* * *

Смотри сейчас Господь с небес на землю, думал Росский, наверняка на нас, грешных, взгляд кинул бы. Чудо ведь случилось, не иначе. Выстояли в полуколье, два полка пехотных, стрелковый батальон да гусары, артиллеристы и те, что из разбитых у Млавы частей. Олончане, суждальцы, муромцы... И на дивизию не наберётся – а у Пламмета здесь, под Заячьими Ушами, самое меньшее две полнокровные собрались, если не больше.

И не смогли немцы, не осилили. Спасли югорцы, зубами вцепившись в землю, ни на шаг не подавшись назад; хотя разве меньше сделали володимерцы, или гвардионцы, или же рубаки Княжевича?

К ночи подтянулись кое-какие из отставших частей, те самые, что под конец сражения появились на тракте, – два полка Четвёртой пехотной дивизии, шемширские уланы, восемь сотен казаков Пятого Донского полка, пара лёгких батарей и более чем кстати подоспевшие гошпиталя; новорождённая Млавская бригада разрослась теперь вдвое.

– А следовательно, господа, – Русский обвёл взглядом офицеров, – следовательно, поутру мы наступаем. Дохтуров с ранеными оставляем здесь – и вперёд.

Командиры двух свежих пехотных полков согласно кивнули – и то сказать, не стояли они сегодня весь день у безвестной деревеньки, не потеряли треть своих, как володимерцы, оставшиеся вдобавок без полковника: Фелистова нашли с окровавленной саблей в руке и грудью, развороченной прусским штыком.

Мрачный и злой Сажнев, как никогда напоминавший медведя, лишь хмурился всё больше. Югорских стрелков тоже проредило, мало оставалось и штуцерных патронов, хоть сам их крути по старой капказской памяти.

– Наступать, Фёдор Сигизмундович, дело хорошее, – осторожно начал Княжевич, морщась и трогая присохшую повязку на лбу. – Вот только куда? У фон Пламмета сил явно ведь больше, чем у нас, и куда вражина подался, никто не знает...

– Мы сумеем! – горячо перебил гусара казачий полковник Менихов, худой, смуглый и горбоносый, неуловимо похожий на османа – небось текла в его жилах добрая толика крови какой-нибудь черноокой полонянки. – Дозоры разошлю тотчас. Ночь не ночь – найдём и выследим!

– Благодарю, полковник, – кивнул Русский. – Но наступать мы станем известно куда. Прямо по дороге, к мосту Хурштах, что у фольварка Аттельбейн. Там, где изначально югорцы стояли.

– Мост-то, – прочистил горло Сажнев, – мост-то теперь, надо думать, с концами взорван, господа. И я не я буду, если фон Пламмет уже не на той стороне...

– Вот именно, – кивнул Русский. – Нечего ему тут больше делать, кондотьеру эдакому. Налетел, ударил раз – повезло, а второй уже не вышло. Что ему сидеть на нашем берегу? Нет, он уже за Млавой. И хребет ему следует доломать именно сейчас, покуда не укрепился так, что и армии не хватит. Не удивлюсь, если сколько-то своих драгун он тут оставил, рассыпав по лесам, – нападать на обозы, на артиллерию...

– Мои уланы не подведут!

– Верю, что не подведут, полковник Страх. Поэтому ваш полк и не посылаю, останетесь с пехотой. А вот вам, Аввиан Красович, вперёд идти, сразу за казаками.

– Дело привычное, – бледно улыбнулся гусар.

– Господин полковник, – подал голос один из артиллеристов, – а что же штаб корпуса? Есть известия? Как с ними-то быть?

– Штаб корпуса в Кёхтельберге. Во всяком случае, туда они направлялись, – досадливо отмахнулся Русский. – Никаких известий от них у нас нет. Были б – уже выполняли бы мы с вами приказ... или не выполняли бы, потому что фон Пламмета отпускать сейчас нельзя.

– Но ведь необходимо запросить указаний его высокопревосходительства... отправить донесение... – упорствовал майор-артиллерист.

– Донесение отправим, – холодно кивнул Вяземский. – Всенепременно. Но вы, майор, что же, не понимаете? До Кёхтельберга по прямой тридцать вёрст. А дорога единственная – прусскими гусарами перенята.

– Мои проберутся, – хмуро бросил Менихов.

– Не сомневаюсь, полковник. И рапорт мы отправим, будьте уверены. Но, пока писанину разводить станем, уйдёт фон Пламмет.

– Но, может, и пусть себе уходит, господа? – вступил в разговор полковник Семченков, уже сильно немолодой, ожидавший скорой отставки и выслуженного пенсионера командир только что подошедшего Желынского полка Четвёртой пехотной дивизии. – Нас он потрепал, что есть, то есть – но ведь не разбил же! Соберём солдатиков, тылы подтянем, и тогда...

– И тогда фон Пламмет на ливонском берегу Млавы таких редутов настроит, что половину корпуса положим, их штурмуй! – резко бросил Русский.

– Вот именно, – поддержал друга Сажнев. – Сейчас Пламмета бить надо!

– Вступление на землю Ливонскую возможно лишь по получении государева рескрипта, – упорствовал Семченков. – Манифест вспомните, господа! Может, Пламмет сей только того и ждёт!

– На армию Державы Российской, – ледяным голосом проговорил Русский, – совершенно нападение. Погибло много офицеров и нижних чинов. В подобных обстоятельствах ждать рескриптов его василеосского величества, в моём рассуждении, есть государственная измена. Что сказано в уставе армейском, Михаил Константинович?

– «В случае же нападения на пределы и владения Державы всем частям воинским, флотским, полицейским и жандармским, иных приказаний не ожидая, давать посягнувшему отпор, не щадя жизни», – отчеканил Вяземский.

– Отпор и был дан! – не унимался Семченков. Хоть и в годах, но высокий и широкоплечий, он не выглядел ни слабаком, ни трусом; многие офицеры косились на него с известным удивлением, словно ожидая совсем иного. – Отпор был дан, посягнувшие отступают. Теперь надлежит на границу выйти и ожидать дальнейших указаний.

– Все высказались? – Глаза Росского опасно сузились. – Благодарю, господа. Как старший по званию объявляю приказ – выступление завтра. Как только подтянем хоть какие-то припасы.

– И как патроны подвезём, – подал голос Сажнев. – Вы что-то хотели сказать, майор? – горой надвинулся он на дёрнувшегося было артиллериста.

– Нет-нет, – поспешно отступил тот.

– А коли нет, давайте расходиться, – встал Русский. – Выступаем завтра ещё до рассвета.

* * *

Погода вновь портилась. Задувал ветер, низкие облака сеяли дождём.

– Что, Петровский, всё ворожишь? – Вернувшись с военного совета, Сажнев присел у костра своих стрелков. Усатый унтер держал обеими руками давешнюю фигурку зимовички, смотрел на неё пристально, что-то шептал.

– Так точно, вашбродь. Прошу, чтобы нам дорогу подсушили, а на немчуру проклятую лесную нечисть бы навели, – пояснил словоохотливый стрелок. – Зимобабы помочь обещались.

– Помочь, говоришь? Дорогу подсушить? – усмехнулся подполковник. – Что-то не похоже.

– Никак нет, ваше высокоблагородие. Пока супротивник драпает, дождик нам на руку. Мы-то ничего, в деревне сидим, а вражине-то каково? Чай, и пушки-то по пути побросает. Вот зимовички и помогают, хотя вообще-то они над снегами хозяйки.

– Побросает вражина пушки, не побросает, а что за нечисть лесную ты призываешь? Тут и такая есть?

– Есть, как не быть! – понизил голос солдат. – Наши из муромских егерей сказывали – двоих болотинники в Апсальской топи у них на глазах в бочаг уволокли.

– Так уж и уволокли? – усмехнулся Сажнев. – Не привиделось им, не почудилось?

– Не, – таинственным тоном сообщил югорец. – Муромские, тёртые калачи, зря болтать да бабьи сказки перетолковывать не станут. Слыхал я про их леса... Не знал только, что и тут такое водится, уж постарался б, напустил бы на немчуру пораньше... А ещё, ваше высокоблагородие, спрашивал я у зимобаб, какой такой ухарь за Млавою вокруг нас вился да куда потом делся. Уж больно мне жутко тогда сделалось, господин подполковник, хотя всякого повидал, а труса праздновать не привык как-то, – закончил он уже шёпотом, на ухо своему полковому командиру.

Сажнев собрался было бросить что-то вроде «а штуцер у тебя, герой, как, вычищен?», однако ж осёкся, едва кинув взгляд на отполированное до блеска оружие.

– Ну, смотри, чтобы только нас не сожрала твоя нечисть, по ошибке за пруссаков приняв. – Очень хотелось спросить что-нибудь вроде «ну и как, ответили они тебе насчёт ухаря-то того?» – но невместно подполковнику всяческим суевериям предаваться. Не ровён час, и впрямь панику среди своих посеешь.

– Не извольте беспокоиться, вашбродь, – совершенно серьёзно отозвался Петровский, вновь принимаясь что-то бормотать и кланяться своей фигурке. Сажнев окинул взглядом остальных солдат – все стрелки взирали на Петровского с немым благоговением. Ох, хорошо, что отец Герасим того не видит, наложил бы на тебя, унтер, такую епитимью – о командирском кулаке вспоминал бы, как о великой милости. Маленький, особенно среди гвардейских гренадер, священник, когда прознавал про самую невинную ворожбу, словно бы вырастал и, по словам Росского, едва огнём не дышал, хотя к прочим солдатским прегрешениям бывал куда как снисходителен. Второй странностью отца Герасима было упорное нежелание расставаться с полком, хотя ему, не слишком крепкому и заслуженному, сытые и покойные места предлагали не раз. Отказывался, к всеобщей радости – гренадеры своего батюшку любили, хоть и величали за глаза «Мальком»; батюшка сие знал и не обижался. «Не головастиком же, – говорил он с усмешкой, – и не «змеёнышем», а малёк, он уже осётр!»

Сейчас священник был в гошпитале; проходя мимо, Сажнев приметил знакомую фигурку в подряснике и отчего-то очень захотел подойти – отвлёк Фимка своим вечным «ужин простынет совсем, вашбродь, сами ж меня бранить станете...», а после от Росского прибежал взмыленный вестовой.

– Господин подполковник, там... господин полковник вас в штаб срочно просят!

– И чего не спится Фёдору Сигизмундовичу? – беззлобно хмыкнул Сажнев и, вздев на всякий случай португепю с наново заряженными пистолями, отправился «являться».

Однако, против его ожиданий, у Росского он никого не застал – только с десятков всадников поспешно отъезжали от избушки, немилосердно нахлёстывая лошадей.

– Звал, Фёдор Сигизмундович?

– Звал, Григорий Пантелеевич. – Под глазами у гвардейского полковника залегли синие круги. – Тут такое дело... – Русский зло мял подбородок, расхаживая вдоль топящейся печки. – Нашёлся-таки штаб наш. Их высокопревосходительство дали о себе знать. Гонца прислали.

– Уж не тех ли, что только сейчас вот ускакали?

Русский кивнул.

– Адъютант Ломинадзева, собственной персоной.

– Что, приказы привёз?

– Нет, Григорий, не привёз.

– Как это «не привёз»? А чего ж тогда коню спину сбивал да конвою спать не давал?

– С того начать, что князь наш едва ноги в Кёхтельберг унёс, – мрачно бросил гвардионец. – Перехватили их по дороге, чудом они пробились, если адъютанту сему, князю Саакадзе, верить. Штабных много погибло, генералов в том числе трое. Ейсмонт, я его знал, храбрый... ещё двое из государевой свиты.

Сажнев присвистнул.

– Царствие им небесное. Пусть уж там с них строго не спрашивают. Искупили...

– Искупили... – горько кивнул командир гренадер. – То-то, что искупили. Третью их там полегла. Штыками пробились. Шаховской, правда, труса не спраздновал. Ранило его, да вдобавок и контузило. Хорошо ещё, что неопасно.

– Хорошо, – с неопределённым выражением отозвался Сажнев. – Так и что ж теперь-то со штабом?

– Собрали отступавших, сейчас в Кёхтельберге.

– А там и деваться больше-то некуда... ну а что ж ещё поведал сей молодец?

– Да не поведал он ничего, в том-то и дело. Всё выпрашивал да пытал. – С каждой минутой Русский хмурился всё больше.

– Ну так ему это по должности положено. – Сажнев пожал богатырскими плечами. – Чего ж тут смутило тебя, Фёдор Сигизмундович?

– Не так и не то спрашивают, когда штабной офицер потерявшийся в бою части разыскал. – Русский потёр костяшки кулака, словно жалея, что не пустил его в ход. – Про положение наше, про неприятеля, про потери – вскользь так, знаешь, словно для отвода глаз только. На Хотчинских полях такое бывает, на учениях – докладываешь иному генералу по всей форме, противник, мол, наступает так-то и так-то, для отражения нужно то-то и то-то, а его превосходительство глядит этак скучающе и вопрошает, мол, а вы, полковник, как полагаете, игристое какого года наилучшим будет? И видно, что вот это ему по-настоящему и важно. Какие там наступления с отражениями!

Сажнев хохотнул.

– Зря смеёшься, Григорий. Не под Хотчиной мы ныне, и речь не об игристом.

– Понимаю, – усмехнулся югорец. – Так что ж у нас на сей раз «винишком» оказалось?

– Ты.

– Я? Вот честь так честь! – Подполковник развёл руками.

– Именно. Я этому Саакадзе, мол, что же штаб корпуса? Как решили действовать? Где остальные войска наши? А он мне: «Так всё же где Югорский батальон? И командир его где? Как допустили вторжение? Почему не удержали позиции? Струсили? Побежали?..»

– Да я ему... – потемнел Сажнев. – Эх, опоздал совсем малость, а то потолковали б мы с господином адъютантом...

– И тогда уж точно расстался бы ты с эполетами, Григорий, да в линейный батальон на Капказ отправился! – оборвал друга Русский. – В общем, ты им был нужен. Ты и твой батальон. Вынь да положи, мол, «где стрелковый батальон?» – и так каждую минуту.

– Где ж ему быть, батальону-то, – иные тут, шинели сушат, а иные уже того, отправились последний доклад делать...

– Я ему то же самое. А он опять – и какие-то вопросы-то всё больше опять про тебя, про случившееся прошлым днём, как вы на тот берег ходили, как отступали...

– Эх их, – крикнул Сажнев, усаживаясь на жалобно скрипнувшую лавку. – Штабные, одно слово. Небось рапорт составляют в три сажени длиной...

– Не без того. Однако в тех трёх сажнях, Григорий, не сомневайся, многое про тебя будет. Разговор на мызе помнишь? Вот чувствует моё сердце, изложат про твой «поиск», да переиначат, да от себя ещё добавят!

– Э, да разве ж впервой? Писали на меня доносы, как не писать! Помню, дал, грубо выражаясь, по роже одному поставщику-ворюге, так тот потом не одну кляузу сочинил, было дело... Или ещё вот, прислали к нам поручика одного, не из югорских. На стрельбище был хорош, а в деле – растерялся, шкуру спасать кинулся, людей бросил. Ну, я его и того... своей рукой... Отлежался он, оклемался да и тоже настроил.

– То на Зелёной линии случалось, тогда на тебя в штаб Капказского корпуса писали, – остудил югорца Русский. – А корпусом тем кто командует? Правильно, Алексей Петрович, он доносы даже не любит, а доносчиков и того паче. Вот и кидал те рапорты в огонь да отправлял на тебя представления.

– На тебя, Фёдор Сигизмундович, тоже отправлял...

– И на меня, верно. Только ты о том забыл, Григорий, что Алексей Петрович далече, а его высокопревосходительство – он прямо в Анастасополь относится, а уж там, не сомневайся, у его рапорта внимательные читатели найдутся, не в Военном министерстве, так ещё где.

– Да хоть бы и нашлись, – равнодушно отозвался Сажнев. – Беды-то. У меня не семеро по лавкам. Проживу.

– Ты-то проживёшь. – Русский резко повернулся, в упор воззрившись на огромного подполковника. – Я тебя, Григорий, знаю – саблю наголо, пистолет в руку и пошёл грудью

на пули. Как тогда, под Грозной. Да-да, верю, что заговорил тебя шаман югорский, оттого и обходит тебя костлявая, но только, прости за штиль высокий, армии ты полковником нужен, а ещё лучше – генералом.

– Эк хватил, Фёдор Сигизмундович, – усмехнулся югорец, выудил из кармана краюху завернутого в чистую тряпицу хлеба, аккуратно откусил, по солдатской привычке не уронив ни крошки. – Генерал-енерал, саблей смело он махал... Иная кость потребна в енералы-то. А мне и на батальоне хорошо.

– Тебе хорошо, Григорий! А другим, у кого те самые «енералы» на манер Ломинадзева или там Шаховского?! Нет уж, молчи, Григорий Пантелеевич. И будь готов, что, как за Млаву переберёмся да Пламмета погоним, к тебе синие мундиры заявятся. Слышал я про такого полковника Бобырева – бульдог бульдогом, вцепится – не отпустит. Так вот он – при штабе корпуса со своей душегубной командой, и рад я тому несказанно...

– Что-то я на Лабовской мызе никого в синем не видывал...

– Потому что жандармов в благородное общество не допускают, а князенька у нас благороден зело, – раздражённо бросил Русский. – Смотри ж, Григорий, стой на своём крепко – мол, учинил поиск, и только потому батальон мой выстоял. Я, коль меня спросят, то же подтверждаю. И не только – донесение пишу в Анассеополь, военному министру. Про все наши дела. Помощь нам нужна, Григорий, и чем быстрее, тем лучше. Наступать собираемся, кто знает, что там у Пламмета в рукаве за туз сыщется, а отпускать шельму нельзя... Собрать все полки, что поблизости сыщутся, – и за Млаву, да так, чтобы Шаховской со своей дурью на плечах не висел.

– Чем же тебе министр помочь сможет? – усомнился Сажнев. – Далеко до столицы, туда-обратно – фельдъегерю десять дён, и то в лучшем случае!

– Верно, – кивнул Русский. – Но о том, что мы наступаем, Орлов должен знать. Может, резервы какие двинут, из того же Менска или Барановска, где китежградские конноегеря квартируют. Мы Пламмета за бока держать станем, чтоб ничего не учинил, за это время подмога подоспеет. Так что... писать надо, но приватно. Сергей Григорьевич меня с младых ногтей знает, всегда вроде как доверял.

– Кого ж туда погонишь-то? – усомнился Сажнев. – Своей властью?

– Есть у меня один, граф Богунов...

– Тот, что пушки привёз? Малый боевой, хоть и гусар, и граф.

– Будет тебе, Григорий. Не все графы со князьями годятся лишь мадеру пить и кляузы сочинять... А малый и впрямь боевой, но руку ему проткнули, не боец. В гошпитале его не удержали, сбежал. Вот и думаю, нечего ему тут делать. Пусть лучше мой рапорт отвезёт.

– А доберётся ль до самого министра, хоть и граф? – усомнился Сажнев. – Приватно в смысле?

– Доберётся, доберётся, – кивнул Русский. – Богуновы во многие дома вхожи. Попрошу великого князя Геннадия Авксентьевича поспособствовать по старой дружбе...

– Ну, то ваши дела, гвардионские, – усмехнулся Сажнев. – Я в Анассеополе если кого и знаю, так содержателей добрых капказских харчевен да одну справную вдовушку. Давай лучше спать пойдём. Ночь хоть и длинна, а вставать рано, если хотим фон Пламмета сразу за Млавой догнать.

* * *

Млавская бригада, числом выходившая уже побольше обычной дивизии, тронулась задолго до света. В не вовремя сыскавшийся штаб корпуса поскакал гонец с сочинённым Вяземским по всей форме донесением, а сам Русский вместе с подошедшим уже глубокой ночью конноартиллерийским полком выступил к границе, широко разбросав по сторонам чуткие казачьи дозоры.

Горбоносый полковник Менихов сдержал слово – его донцы нашли пруссаков. Как и предполагал Русский, «чёрные волки» со товарищи отступали обратно в Ливонию, отступали

в полном порядке, несмотря на дороги, совершенно обернувшиеся грязевыми реками, не бросив и единого зарядного ящика.

Оправдалось и другое предчувствие Росского – фон Пламмет и впрямь оставил на восточном берегу несколько сотен конных. Русские колонны несколько раз обстреливались из засад, причём стрелявшие выбирали прежде всего офицеров и артиллеристов. С «чёрными волками» сшиблись уланы полковника Страха, после нескольких коротких, но кровавых сабельных рубок отбросив баварцев далеко от дороги.

С рассветом казаки Менихова принесли весть, что ливонский берег Млавы пуст и покинут.

– Своими глазами видели, вашбродь, – утираясь, говорил мокрый, словно выдра, урядник. – До берега добежали, на ту сторону сплавали, в самом фольварке побывали; пустота! И жители все убежали...

– Смотри, казаче, чтобы карманы у тебя и твоих не шибко оттопырились после такого «бывания», – строго сдвинул брови Росский.

– Как можно, вашбродь! – ухмыльнулся урядник. – Мы приказы знаем. За всё взятое платить надобно, да только кому ж там платить, коль все убежали?..

– А и молодцы, если знаете. Докуда ж дошли? Как далеко за фольварк?

– Три версты, не меньше. Никого нет.

– И вдоль дороги прошлись? По зарослям?

– Вестимо, вашбродь. Я, господин полковник, на линии тоже повоевал, помню, как горцы засады устраивали. Никого там нет.

– Слыхали, господа? – обернулся Росский к своему импровизированному штабу – Миша Вяземский, командиры полков да Сажнев. – Что скажете, Менихов? Можно вашим казакам верить?

– Верить можно, – отрывисто кивнул донец. – Одного боюсь – что фон Пламмет засады от дороги заранее отвёл, а потом обратно придвинет. Знает же, что мы слепо вперёд не полезем.

– Верно. Я тоже боюсь, только другого... Значит, берег никак не укреплён?

– Никак нет, ваше высокоблагородие, – бойко отрапортовал урядник. – Так, по малости – тут завал, там завал, но это они, похоже, давно уже сложили. Не в последние ночи.

– Так я и думал, – пробормотал гвардионец. – Что ж, делать нечего. Идём к Пламмету на зубок его на прусский, поглядим, авось сломается.

– Авось? – поднял бровь Княжевич.

– Сломается, – рыкнул Сажнев. – Как и под Заячьими Ушами.

Мост через разлившуюся Млаву, как и предполагал Григорий, был взорван вдругорядь – с истинно немецкой основательностью. Заряды заложили в сами опоры, и теперь над бурлящей водой виднелись только обугленные, почерневшие огрызки, словно пеньки сгнивших клыков.

Стрелки Сажнева лишь зло ворчали да осеняли себя крестным знаменiem, вновь оказавшись в знакомых местах. То тут, то там попадались трупы – своих. Немцы вынесли тела погибших соотечественников, оставив русских на поживу лесному зверью.

Помогали донцы – мёртвых сносили всех вместе, отец Герасим с признавшими его главенство «шемширским» да «желыньским» батюшками бродили с синодиками, тщательно переписывая с год тому как введенных «смертных» медальонов имена преставившихся.

Не таясь, рубили деревья, ладили переправу, артиллеристы ругались с володимерцами, мол, по вашим жердям, кроме вас, разве что кошка перейдёт, да и то, пожалуй, свалится – а как нам пушки тянуть?!

Сажнев, не веря пустоте и молчанию раз обманувшего берега, расставил своих штуцерных, казаки целой сотней переправились на ту сторону, ещё раз обшарили фольварк, отыскивали брошенный прусский бивуак – верно, тот самый, что видел и сам Сажнев в достопамятном поиске, – и нигде ничего.

Воинство фон Пламмета, видать, спешило сильно. Не попыталось зацепиться за

млавский берег, ушло глубже в ливонские владения.

– Поистине, как сквозь землю провалились – иначе ему и деваться-то некуда! – бурчал Вяземский. – Про таких даже не скажешь «на небо взлетели», нечего таким на небеси делать, на пушечный выстрел небось не подпустят!

– Будет тебе, Миша, шутки шутить. Сам ведь знаешь – казачки на три версты проверяли, а фон наш отошёл на четыре, – усмехнулся Фёдор Сигизмундович. Начальник штаба только хмыкнул. Неизвестности он не терпел.

Уже на той стороне Росского нагнал взмыленный порученец его превосходительства генерала Тяглова-Голубицина, командира Четвёртой пехотной дивизии: его сыскавшееся превосходительство зело ругался на гвардионское самоуправство, «без спросу взявшее» два полка его дивизии, «не дожидаясь полного сосредоточения сил».

Командиры двух «украденных» полков угрюмо читали адресованные им самим послания.

– Что ж делать теперь, Фёдор Сигизмундович? – невесело осведомился Семченков. – Говорил же я вам. Надо было ожидать начальственных указаний. Вот и нажили себе неприятностей. Его превосходительство прямой приказ прислали. Неподчинение...

– Его превосходительству я сам напишу, – отрубил Росский. – А вы, господа, сами понимать должны – пока мы «полного сосредоточения» ждать станем, Пламмет невесть что удумает.

– Что ж ему удумывать? – возразил Семченков, упрямо нагибая голову. – Бежит он, то ж всем видно. Как бы не до самого Млавенбурга. Можно и подождать его превосходительство. Да и от штаба корпуса приказ неплохо б иметь.

– Я тоже думал, что Пламмет на Млаве встанет, – вроде б соглашаясь, кивнул гвардионец. – А он за сей рубеж цепляться не стал, значит, что-то иное задумал. Во Млавенбург бежать, говорите, Никанор Геввеневич? Нет, не для того их кайзерское величество Иоганн здесь тайком да по частям как бы не целый корпус собрали. Пламмету сейчас от нас и впрямь оторваться нужно, но не потому, что в порт опоздать боится.

– Задумал что-то, ясное дело, – буркнул Сажнев. Всё ещё бледный Княжевич согласно кивнул.

– Задумать-то мог, да кто ж станет с такой позиции по доброй воле бежать! – не соглашался Семченков. – Мы сейчас на Млавенбург всей силой повалим, казачки по фольваркам озоровать начнут... фон Пламмета за то не похвалят!

– Что вы, полковник, сказали насчёт моих казаков? – Менихов зло надвинулся на командира желынцев. – Что они грабить станут и разбой чинить?!

– А то нет, – фыркнул Семченков. – Что я, донцов в деле не видывал? Зипуны добывать – это у них испокон повелось. Как ни запрещай.

– Кто оскорбляет *моих* казаков, – Менихов аж потемнел от ярости, – оскорбляет и меня, следовательно...

– Господа, господа! – Между спорщиками бросились Княжевич и Вяземский, горою надвинулся Сажнев.

– Хватит, господа! – с не меньшим гневом бросил Росский. – Дуэлировать станете во Млавенбурге. А сейчас... Полковник Семченков, чьи приказы вы намерены исполнять – мои или генерала Тяглова-Голубицина?

– Моего командира дивизии, – отчеканил командир желынцев.

– Твой командир дивизии дальше собственной табакерки не видит, – рыкнул Сажнев, отбрасывая всякое почтение. – А Фёдор Сигизмундович знает, что делать надобно: давить Пламмета, покуда с силами не собрался и не упёрся как следует... Так, что уже наша очередь будет кровью умываться, как он под Заячьими Ушами. Всё понял, полковник?

– Ты на меня слюнями не брызгай, – побагровел от злости Семченков. – Твои капказские художества, Сажнев, обширно известны. И на меня тут не налетай, если эполет не хочешь лишиться, *подполковник*.

– Хватит! – рубанул ладонью Росский. – Полковник Семченков, от командования

Желынским полком я вас отстраняю. И помещаю вас под арест – властью старшего начальника, ибо гвардия, как все помнят, двумя чинами выше армейских. Напра-во, кру-гом, под арест – шагом марш! Михайло Константинович, прошу вас, выделите полковнику достойный конвой.

– Это самоуправство! – бросил багровый, не хуже Ломинадзева на мызе, Семченков, однако по бокам у него как из-под земли выросли две пары усатых гренадер.

– Идёмте, господа. Объявим Желынскому полку имя их нового командира. – Русский широко шагнул, обернулся на ходу, взглянув на Евсеева, командира Закаменских егерей, другого полка из дивизии Тяглова-Голубицина. – А вы, Георгий Ефимович? Чьи приказы намерены выполнять?

– Ваши, господин гвардии полковник! – Евсеев, худощавый и весь седой, вытянулся во фрунт, словно безусый прапорщик. – Семь бед – один ответ.

– Вот это по-нашему, по-кавказски, – одобрил Сажнев. – Алексей Петрович всегда говаривал, что приказы приказами, а без своей головы на плечах одними бумажками не прожить. Потому и пугают за Зелёной линией абреки детей его именем.

– Благодарю, полковник. – Русский пожал руку командиру закаменцев. – В случае чего отвечать за всё я буду, а вы знай на меня валите.

– Чего это ради? – негромко возразил Евсеев. – Иль не вижу я, что сейчас делать надобно? Вы, Фёдор Сигизмундович, под теми Ушами Пламмету по оным же надавали, вас и слушать стану. А его превосходительство генерал Голубицин по тылам прохлаждается да над своими полками, точно Кощей над златом, чахнет.

– Спасибо, Георгий Ефимович, – только и сказал Русский, вновь пожимая Евсееву мозолистую, совсем не полковничью ладонь.

Глава 9

Анассеополь, столица Российской Державы

4–5 ноября 1849 года

1. Посольство королевства Пруссия

Донесение не складывалось. Хотелось писать совершенно об иных вещах, нежели о встрече с канцлером фон Натшкопфом, прошедшей в совершенно пустом обмене любезностями. Вообще-то они неплохо ладили, посол и канцлер, во время нередких свиданий не без приятности беседуя на родном для обоих языке, – фон Натшкопфы были из тех рыцарских потомков, что предпочли тихой салачной Ливонии и занятому коренными пруссаками Берлину стремительно поднимающуюся Россию и не прогадали, хоть и оторвались от оставшихся на западном берегу Млавы корней. Последний разговор, впрочем, удовольствия не принёс никому: фон Натшкопф не предложил никакого компромисса, и фон Шуленберг, увы, предложить не мог также. Обе стороны лицемерно... простите, дипломатично и осторожно посетовали на молчание ливонского Рейнгольда и расстались.

Давно спустился густой сумрак. Позднею осенью в здешних пределах к пяти часам пополудни уже темно, а тут ещё и снег – ранний снег. Тёплый по-летнему сентябрь сменился неожиданно холодным и мокрым октябрём, а наступивший ноябрь, похоже, мнит себя январём.

Шуленберг мёрз. В его кабинете горели оба камина, в ногах стояла жаровня, полная раскалённых углей, и всё равно по плечам бегали мурашки. Посол полагал, что это нервическое. Рапорт о встрече с канцлером был готов, но перо продолжало упорно скрипеть по бумаге – не доверяя никому, граф Александер лично шифровал очередное послание в Берлин. Превышающее его компетенцию, отчаянное и, как он всё сильнее подозревал, никому не нужное.

На предыдущую депешу Кайзерштрассе откликнулось ничего не значащей отпиской. Пятидесятилетний фон Шуленберг, хоть и почитаемый среди матёрых дипломатов чуть ли

не юнцом, отлично понимал значение подобных ответов – восемь из десяти, что его позиция вызывает раздражение господина государственного канцлера и, десять из десяти, также его величества Иоганна. Посол пишет явно не то, что они желают прочесть, но что делать, если для бывшего гусарского ротмистра любые разговоры о «Единой Европе» пахнут революционной французской серой, а вот кайзеру буонапартистский прожект явно по вкусу. С поправкой на то, что центром мироздания или хотя бы германских земель должна сделаться Пруссия, то есть его величество Иоганн. Врождённая осмотрительность и здравый смысл мешают, однако, заявить об этом вслух, как и о желании подложить России свинью пожирнее, как тут принято говорить.

Конечно, думал посол, меж Бережным дворцом и вознесённым Иоганном Жуайё накопилось немало всякого. В политике, как и везде, разбитое соседом вчера яйцо служит оправданием опипанной сегодня соседской курицы, что, в свою очередь, даст соседу повод завтра потребовать поросёнка, так что уже не понять, с каких времён надо начинать мериться обидами.

Пруссия мечтает стать королевством всех немцев, Российской Державе, имеющей свой интерес в германских княжествах ещё со времён Северной войны, эти амбиции не нравятся. Мало того, впервые об объединении Германии вслух заявил не тихий Иоганн, а революционная Зульбургская говорильня, василевс же на подобные учреждения смотрит, как серб на османа.

Соответственно, во всех последних «рейнских» конфликтах между Пруссией и держащей на сворке германскую мелкоту Австрией Россия поддерживает Австрию; кроме того, в Анассеополе просто не желают усиления Пруссии как таковой... Как и в Вене, но австриякам сильная Россия нужна ещё меньше, особенно в собственном славянском подбрюшье. Ну а Лондону чем хуже на континенте, тем лучше. Нет, воевать англичане не станут, зачем? Они просто доставили фон Пламмета с его кондоттой из Испании в Ливонию и ждут, когда русские перейдут Млаву, как они и грозились.

А Кайзерштрассе? Что, там тоже обрадуются, если пруссаки, а чёртов Герберт, как его ни называй, был и останется прусским генералом, столкнутся лбом с русским корпусом? Что они там задумали? Или, по выражению Янгальчева, «белены объелись»? Сейчас Шуленберг как никогда хорошо понимал эту пословицу и мысленно уже готовился к мерзким новостям и отставке.

Проклятие, ну почему его василеосское величество столь упорно не желает строительства в Анассеополе станции электрического телеграфа? Приходится слать сообщения в Ревель. Курьерское судно, конечно, ходит каждый день, но...

Голова кругом от таких мыслей.

Фон Шуленберг откинулся на спинку высокого кресла. Хоть дух перевести...

Светлая, весенняя мелодия ворвалась в невесёлые мысли, как врываются в тёмную занавешенную комнату солнечные зайчики.

Урсула. Играет, открыв все двери... Значит, ждёт, надеется, что он оставит свои «отвратительные депеши» и выйдет, но сил хватает только сидеть и слушать. «Венские грёзы». Память молодости, свадебного путешествия, ещё не ставшей любовью влюблённости... Музыка звучит. Правая рука ведёт мелодию – красивую, радостную, юную, левая, на басах, отвечает неизменными аккордами; так судьба сопровождает наши чаяния и надежды. Раз-два-три... Раз-два-три... Старый добрый венский вальс. Качаются ветви каштанов, качается на рессорах элегантная коляска, граф и графиня фон Шуленберг едут зеленеющим Пратером. Молодые, счастливые, принадлежащие друг другу и пронизывающему мир вальсу... Это было, было, было...

Пруссак и берлинец до мозга костей, легкомысленность Вены граф Александер одобрял не всегда. Но теперь, весенним днём, ясным и уже по-летнему тёплым, в открытой коляске по широкой аллее, когда можно послать к воронам все дипломатические выверты и ухищрения, – до чего ж хорошо!

Однако знаменитый и хорошо знакомый парк казался сейчас совершенно иным. Нет, и

музыка играет в отдалении, и хватает прогуливающейся публики – вот только почему так много смуглых османов? И откуда здесь, на Пратере, завелись бесчисленные лавки и лавчонки тех же османов, торгующих зеленью и ещё какой-то ерундой? Разве им здесь место?

И причём возле каждого лотка османы просто роились. Безо всякого дела, просто стояли, болтали о чём-то своём, поминутно с презрением сплёвывая. Одеты по большей части бедно, глядели они тем не менее презрительно и гордо.

И все они носили ножи. Небольшие, недлинные – но ножи.

Что такое? Что тут случилось?

А гуляющие венцы нервно отводили глаза и – не иначе как с испугом! – обходили по дуге тесно стоящие османские группки.

И тут граф вспомнил – ведь именно так, как австрияки сейчас, глядели на своих победителей французы в покорённом Париже: униженно-заискивающе. А победителем сейчас был каждый из этих османов. Пусть бедно одетых, пусть стоящих за жалкими лотками – но в глазах у них была настоящая гордость. Гордость победившего войска.

И висели ножи на османских поясах.

Поражённый непонятным и неприятным зрелищем, Шуленберг не сразу понял, что коляска катится сама по себе! Пустота меж оглобель, никого в хомутах, и кучер тоже куда-то канул. А коляска мчит, набирает скорость, без лошадей, без паровой трубы! Граф резко обернулся. Урсула исчезла, но в сошедшей с ума коляске он сидел не один. Своего соседа Александер узнал сразу, хотя не видел его лица ни раньше, ни теперь. Это он в тёмном мундире непонятно какой страны бродил под пленёнными знамёнами в зале русских побед.

Осторожный, знакомый стук. Откуда? Не с неба же! А к османам прибавились ещё и арапы... Один, как две капли воды похожий на того, что отворяет двери в Бережном дворце, но одетый как лорд Грили, заступил дорогу и знакомо скрестил руки на груди. Буонапарте! Так вот кто захватил Вену, вернулся с новым воинством своим и захватил!..

Вместо положенной дипломату шпаги на боку висит гусарская сабля с непонятным вензелем. Чьим?! Неважно, главное – у тебя есть оружие, и ты знаешь, что с ним делать!

– Ваша милость... Господин граф!

Фон Шуленберг рывком выпрямился в кресле, утирая взмокший лоб.

– Я занят! – раздражённо крикнул он в закрытую дверь. Тьфу, приснится же такое! Вот ведь чушь какая... доктора точно нашли бы нервическое утомление, прописав длительное морское путешествие или, по крайней мере, воды в Кишбадене.

Воды, воды... какие уж тут воды.

– Ваша милость, господин граф!

Это Мартин. Старый верный Мартин, ещё отцовский лакей, объехавший с «молодым графом Александром» все европейские столицы, куда забрасывала дипломатическая служба.

– Что такое? – Недовольство ещё не прошло, но обрушивать его на преданного слугу не стоило. Посол поднялся, отпер дверь.

– Срочная депеша, – поклонился старик. – Депеша вашей милости.

«Депеша?» – про себя удивился Шуленберг. Сейчас вечер. Почтовое судно приходит днём и уходит обратно в Ревель ранним утром, сегодняшняя корреспонденция уже прибыла. Ничему новому было просто неоткуда появиться!

– Откуда?

– Курьер из Ревеля, – причмокивая бледными старческими губами, пояснил Мартин. – Особым кораблём прибыл.

– Ко мне, немедленно!

Сердце господина посла забилось непозволительно быстро. Сверхспешное послание могло означать только одно – войну. Очевидно, русские перешли-таки Млаву и Герберт, этот бравый и к тому же озлобленный идиот, не нашёл ничего лучшего, как атаковать их.

Фон Шуленберг положил зловещий конверт на столешницу. Да, всё правильно. Все

опознавательные знаки сверхсрочной дипломатической депеши. Семь сургучных печатей, прошитый клапан конверта из особого тонкого сукна. Не столько из педантизма, сколько из недостойного бывшего гусара желания оттянуть неизбежное посол вооружился сильной лупой, принявшись осматривать шитьё и печати. Нет, не похоже, чтобы письмо вскрывали. Дипломатическая почта свободна от всех досмотров, курьер лишь обязан предъявить письмо особому почтовому чиновнику, каковой и регистрирует «отправление». Вскрыть здесь, в Анассеополе, не смогли бы и умельцы Тауберта. Вот по пути...

Явился курьер, дюжий малый с сильнейшим померанским выговором. Нет, он ничего не знает. Он просто получил от ревельского консула – а по совместительству резидента прусской разведки – приказ немедля доставить сие в Анассеополь. Консульство оплатило место на отходящем паруснике, благо ветер дул сильный и попутный.

– Штормило, – пояснил словоохотливый парень.

Отпустив курьера и поручив его заботам Мартина, посол вновь запер дверь. Проверил и запоры на окнах. Это было ни к чему, однако позволяло оттянуть неизбежный момент, когда проклятый конверт придётся-таки вскрывать.

Он ещё поворошил дрова в каминах, подбросил пару поленьев. Позвонил Мартину, велел принести кофе и горячего молока. Тщательно спрятал в папку «незаконченное» и убрал в бюро прерванное вальсом – или судьбой? – послание. И наконец, тяжело вздохнув, взялся за острый ножичек, с преувеличенной аккуратностью подрезая стежки прошивки.

Достал из сейфа шифровальную книгу и принялся за работу.

Но едва лишь первые строчки шифра сложились в осмысленные фразы, как его высокопревосходительство чрезвычайный и полномочный посол схватился за голову и застонал.

Нет, русские не перешли Млаву и не атаковали защищающих ливонские пределы «волонтёров» фон Пламмета. Отставной генерал-майор *сам* перешёл реку, нанеся первый удар.

Сам. Перешёл реку. Нанеся первый удар. Без объявления войны и предъявления каких бы то ни было претензий напасть на вторую после чёртовой Англии империю мира, с восьмьюдесятью миллионами населения, с миллионной армией!

Это было безумие. Чистое и незамутнённое безумие, всеобщее помешательство, отравление, чума сознания.

Посол едва смог взять себя в руки и дочитать послание до конца.

Да, ему предстояло потребовать немедленной аудиенции у русского императора – «василевса» – или, по крайней мере, у канцлера фон Натшкопфа. На каковой аудиенции объявить, что его величество Иоганн, повинувшись взятому на себя долгу опекуна и хранителя Ливонского герцогства, озабоченный ничем не мотивированным сосредоточением русских войск на пограничной реке Млаве и сознавая, что, как показали валашские события, его венценосный брат, император Державы Российской, может избрать, увы, путь военных действий для расширения пределов своих владений, не воспрепятствовал поступлению добровольческих войск отставного генерал-майора Герберта фон Пламмета на ливонскую службу. Во имя сохранения жизней мирных обывателей, ни в чём не повинных перед русским престолом, означенный фон Пламмет принял необходимые меры к сохранению неприкосновенности рубежей Ливонского герцогства.

Следовало также упомянуть, что добровольческие войска и ливонская милиция первыми были атакованы русскими. Регулярные воинские части Российской Державы учинили поиск на ливонской стороне пограничной реки Млавы, пытаясь захватить пленных. Лейтенант Адольф Шнепфе подвергся нападению, однако сумел дать отпор, застрелив одного из нападавших, после чего остальные ретировались. Надлежало отметить и переход пограничной реки до истечения срока ультиматума, во всеуслышание указав, что императору столь великой державы следовало бы лучше держать собственное слово.

Тем не менее его величество Иоганн, озабоченный делом сохранения мира и действуя как верховный арбитр во внешних делах Ливонии, предлагал немедленно прекратить

всяческие враждебные действия и назначить согласительную комиссию, каковая комиссия...

Граф Александер больше не мог читать. Бумага выпала из руки, голову сжало, точно пыточной верёвкой.

Это война, стучало в висках. Это война. Десяносто три года назад русские уже брали Берлин. Его королевское величество желает повторения? Что выиграет Пруссия от этой схватки – а драться придётся насмерть, василевсы не прощают обид и не соглашаются на мирные переговоры, покуда враг не будет окончательно раздавлен. Буонапарте пришлось испытать весьма неприятное удивление, когда все его «проникнутые миролюбием» послания так и остались без ответа...

Он таки дочитал депешу. К ней прилагались подробные инструкции – явно написанные на Кайзерштрассе задолго до случившегося. Кто-то привёл в действие давно разработанный план и теперь просто доставал из сейфа соответствующим образом помеченные секретные пакеты.

Да. Инструкции исчерпывающие, признал граф Александер, окончив чтение. Непонятно, зачем и посол-то нужен при таких делах. Что делать *сверх* этого, что делать *помимо* этого? Шуленберг залпом опрокинул в себя чашечку крепчайшего кофе, не почувствовав вкуса. Само собой, прямой приказ придётся исполнять, но только ли исполнять, уподобляясь другому отставному военному, умывшему свои руки?

Нет, на Кайзерштрассе определённо все посходили с ума. Лучше всего в создавшемся положении было бы просто молчать, мол, ничего не знаем и ничего не ведаем, это дело промеж Ливонским герцогством и Российской Державой, представляемое мною Прусское королевство тут ни при чём. Наёмники? Ну так на то они и наёмники, чтобы служить тем, кто платит. Генерал фон Пламмет? Он давно в отставке, и русская сторона осведомлена о предшествовавших этому обстоятельствах. Очевидно, что отвечать за действия этого человека Пруссия никак не может.

Однако же нет! От него, графа фон Шуленберга, требуют зачесть бумагу, после которой императору Арсению не останется ничего другого, как объявить войну. Или...

Благодаря спасительному кофе сжимавшая виски верёвка ослабла, зато пришпоренное тем же кофе сердце колотилось, будто у загнанной лошади. Стиснув голову руками, посол сидел за столом, невидящими глазами уставившись в не желающий исчезать документ.

Эта ночь войдёт в историю, думал пруссак. Чем бы всё это ни кончилось, её станут разбирать по часам и минутам, гадая, что когда произошло и что из чего последовало. Поколения станут спорить, можно ли было предотвратить трагедию и всё ли сделал для этого он, граф Александер фон Шуленберг. Зачитывать присланные из Берлина депеши может и Мартин, хранить многозначительное молчание умеют даже фикусы старины фон Зероффа. Повернуть же дело так, чтобы войны не случилось вовсе, – вот для этого и нужен он, его высокопревосходительство господин посол королевства Пруссия в Анасееполе.

Так или иначе, немного времени у него есть. Конная эстафета от князя Шаховского будет в столице не ранее чем послезавтра – по такой-то погоде. Даже, пожалуй, хорошо, что русские так и не завели телеграфа, василевс не будет предубеждён... Остаётся добиться встречи, зачитать, что велено, и тут же попросить Арсения о приватной беседе. Василевс очень не любит Брюссельский концерт, так, может, удастся свести двух великих монархов – русского и прусского – лицом к лицу, без своры дипломатов? Да. Это, кажется, единственный выход.

Но... Мысли посла невольно возвращались всё к тому же: будущие историки распишут эту ночь в мельчайших подробностях, точно так же, как разбирают они решающие дни возвышения или возвращения Буонапарте. И его долг, долг дипломата, офицера, пруссака, полюбившего тем не менее и суровый Анасееполь, оставить честный, совершенно беспристрастный отчёт, снабдив его достоверными копиями всех важнейших документов.

Ночь погибала. Спать нельзя. Счёт, быть может, уже идёт на часы. И, что бы ни решали на Кайзерштрассе, Даунинг-стрит или Кэ д'Орсэ, он передаст будущим историкам достаточно материала, чтобы установить истину.

Фон Шуленберг сам поставил на спиртовку небольшой кофейник. Незачем будить старика Мартина.

2. Особая его василеосского величества. Собственная Канцелярия по благонадзорным делам

– Ну, что, голубчик, принёс?

– Так точно, ваше высокопревосходительство. – Смирнов бережно водрузил на стол коробку. – Прикажете чаю?

– Давай, голубчик, давай, – пробормотал Тауберт, не отрываясь от записки яицкого генерал-губернатора, – да погорячее...

Денщик вышел. Он каждое утро заезжал к Беру и Фаберже за конфетами. Кондитерская сия славилась на весь Анассеополь, сластен с титулами и чинами, что её посещали, было множество, но господа Бер и Фаберже знали завсегдатаев и их вкусы наперечёт. Вот и шефу Жандармской стражи посылались лакомства, кои он предпочитал, а именно – шоколадные вафли каждый день и писания секретаря аглицкого посольства, когда были.

Внесли самовар. Тауберт отложил бумаги и зевнул, глядя, как Смирнов открывает коробку. Бумажная салфетка была цветной, стало быть, мистер Уорфилд ввечеру изволил откусать сластей. Николай Леопольдович с наслаждением отхлебнул чая, взял вафлю и отпустил денщика. Обычная депеша от Уорфилда была в понедельник, значит, случилось нечто важное.

Вчера вечером, уже почти ночью, испросил немедленной аудиенции у василевса посол её величества Анны II лорд Грили, а сегодня утром к канцлеру явился фон Шуленберг. И тоже с просьбой о немедленной аудиенции.

Шеф Жандармской стражи вздохнул. Дурное предчувствие не отступало.

Англичанин имел вид безукоризненно светский, в то время как посол прусский словно аршин проглотил. Осведомитель, однако, подметил – «у пруссака глаза красные, как всю ночь не спавши».

Небось с протестами по поводу нашего Второго корпуса, подумал Тауберт. Проснулись. Шаховской как раз выходит на Млаву. Пруссак-то, ясное дело, явился ливонцев спасать, ему деваться некуда – договор есть договор, а вот что англичанину приспичило?

Что ж, поглядим. Николай Леопольдович вынул внутреннюю коробку, снял ещё одну салфетку и развернул письмо. Добрый подданный её величества сообщал о полученной в посольстве депеше, и депеша эта была, мягко говоря, чудовищной. Николай Леопольдович отодвинул кружку и дважды перечёл написанное. Нет, своим глазам он верил. Более того, зная Шаховского и Ломинадзева, Тауберт предполагал, что ливонская кампания, если всё же дойдёт до дела, будет полна неожиданностей, причём самых дурных. Действительность, однако, превзошла все ожидания, а то, что благодаря телеграфу англичане узнали о млавском конфузе раньше самих русских, вызывало одно желание – садануть кулаком по столу и проорать что-нибудь непотребное.

Мало того что в Ливонии нежданно-негаданно (ай да Иоганн! что «наёмники» действительно вольные люди, Тауберт, само собой, не верил) обнаружился «воевавший в Испании» фон Пламмет, так он ещё и настолько обнаглел, что ударил первым.

Николай Леопольдович не саданул кулаком по столу и не заорал. Он аккуратно закрыл коробку с вафлями, допил, хоть и быстрее, чем обычно, чай, потребовал запрягать и с особой тщательностью запер в столе бумаги.

В груди шевельнулась ноющая тупая боль. Тауберт вздохнул и поморщился. Ничего тут не сделаешь, дохтура только и говорят о пользительности пеших прогулок, да только какие уж тут прогулки?

И, уже спускаясь к ждущему выезду, Николай Леопольдович лишний раз повторил про себя, чего ему следует достичь: Арсений Кронидович должен узнать о разгроме Шаховского

до встречи с лордом Грили. Узнать и успеть успокоиться.

3. Бережной дворец

С тех пор как из-под вафель появилась проклятая бумага, прошло около часа, но с чего начать доклад, Николай Леопольдович так и не придумал. Нет, шеф жандармов государя не боялся, да и как было бояться товарища капказской да дунайской юности? Сказать же правду сразу и всю мешала неуместная для сатрапа жалость. Слишком уж близко к сердцу принимал василевс ливонскую кампанию, вот ты и вёл себя как друг, не как сановник – не сказал «нет», не настоял на другом командующем, хотя настоять на чём-то, если Арсений Кронидович закусил удила, смог бы разве что Кронидов столп. Если б понял, к чему идёт...

Дежурный кавалергард, на сей раз не Геннадий Алдасьев, ловко вскочил, приветствуя его высокопревосходительство. Тауберт привычно велел «голубчику» сесть и прошёл к государю. С самого утра василевс обычно никого не принимал, «на свежую голову», как он выражался, прочитывая дела, по которым требовалось принять решение именно сегодня. Затем шли доклады. Первым в списке обычно стоял анассеопольский полицеймейстер, затем – он, Тауберт. Третьим обычно следовал государственный канцлер фон Натшкопф, за ним – Васенька Янгальчев, и лишь пятым – военный министр. Орлуша любил работать по ночам, когда поступили уже все депеши, и оттого поднимался поздно. Сегодня это было кстати, потому что Сергей оказался слишком прав...

– Если у нас дождь, в Ливонии – снег. – Государь стоял у окна, сосредоточенно разглядывая мокрую площадь. Он мог говорить с вошедшим, а мог и сам с собой. – Это тебе не Капказ, там хоть до Рождества войой... Ну, что там у тебя? Только быстро.

– Стала известна причина, по которой лорд Грили испрашивал срочной аудиенции, – ровным голосом доложил Тауберт.

– Да какая у него может быть причина. – Государь отвернулся от дождя, но остался стоять. – Аляска наша, вот и вся причина... Не желают лорды, чтоб мы её колонии их бывшей продавали, ну так мы и не продадим, только Аннушке про то знать не обязательно. Глядишь, с пошлинами поуступчивей станут. Что молчишь? Не согласен?

– Про Аляску согласен... Государь, Арсений Кронидович! – Армейская привычка заставила вытянуть руки по швам и выпятить грудь. – Ваше василеосское величество, вчера лорд Грили получил спешную и совершенно секретную депешу из Ревеля, от тамошнего резидента. А резидент – из Млавенбурга. Сюда доставили особым парусником. Несмотря на шторм...

Василевс повернулся, тяжёлый взгляд упёрся прямо в лицо Тауберту.

– И что же? – почти прорычал государь.

Теперь предстояло самое трудное. И вроде не первый год ты, Никола, возле василевса, а всё равно дрожь пробивает. Не за себя, за него.

Эх, была не была, совсем не по-немецки подумал граф.

– Согласно электрическому телеграфу из Млавенбурга, тридцатого октября наёмная дивизия фон Пламмета перешла Млаву и внезапно атаковала наш авангард. Поводом явился якобы предпринятый с нашей стороны поиск и попытка взять в плен офицера. Удар оказался неожиданным, корпус Шаховского рассечён надвое, пруссаки, потому что, государь, это пруссаки, обошли нас с флангов. Доносят о тяжких наших потерях. Утверждают, – Николай Леопольдович сжал кулаки, чувствуя, как каменеют скулы, – что полностью разбита Пятая пехотная дивизия, что уничтожены два полка Шестой, а ещё два разбежались... Корпус наш за ночь якобы уполовинился. Фон Пламмет наступает вдоль тракта Анксальт – Плесков, выделив отряд для занятия Кёхтельберга. Местонахождение князя и его штаба неизвестно, однако о пленении Шаховского в депеше ничего не говорится.

Тауберт не отрывал взгляда от лица государя – а оно всё темнело и темнело. Гроза близилась.

– Чушь городишь, Никола! – Василевс рванул портьеру, несколько колец не

выдержало, но Арсений Кронидович не заметил. – Брехня аглицкая, а ты и съел... Да откуда им знать-то?! Какой фон Пламмет в Ливонии, если он в Испании?! Нет там никого, кроме тех пруссаков, что по договору, а те не вмешаются, Иоганн то на зультбургских торжествах подтвердил... Тридцатого, говоришь? Сколько вест с границы идти будет? И ещё на плаванье два дня накинь... Брехня это!

– Было б брехнёй, не водись у пруссаков телеграфа электрического. – Тауберт осознанно помянул ненавистный василевсу предмет. – Слыхал я, в Европе полевой телеграф завели, к самым войскам тянут, тогда б ещё раньше узнали, а так нарочным до Млавенбурга, а оттуда передать в Ревель, в Ревеле же и у англичан, и у французов, и у пруссаков по консульству, а морем оттуда до Анассеополя один переход. Вот и выходит, что через Млавенбург и Ревель за четыре с лишним дня до нас дойдёт, прямой дорогой все шесть скакать будет. И то если Шаховской поторопился...

А мог и не торопиться, подумал Николай Леопольдович. Мог выжидать – вдруг обойдётся, мог растеряться, струсить, угодить в плен, наконец. Вот чего не мог, так это выправить положение.

И никто тут не виноват, кроме тех, кто не отговорил государя посылать этого павлина. Думали, обойдётся. В конце концов, чего проще? Постоял на границе, подождал приказа, именины опять же справил, а потом либо на зимние квартиры, либо маршем до Млавенбурга, подбирая брошенные разбегающимися биргерскими ротами прадедовские мушкеты... А в самом конце торжественно проводить – с оружием, пушками и знамёнами – обратно домой обретающуюся в ливонской столице прусскую дивизию. Для такого громогласный, со львиной гривой красавец подходит как нельзя лучше. Да и сам Шаховской в молодости под Зультбургом хоть и в адъютантах, но побывал, а потом с османами и персиянами дрался, лехов умирал, от опасности не бегал. Побед великих от него да Ломинадзева никто не ждал – кого там побеждать-то, в Ливонии? – но и разгром предугадать не выходило, иначе костями легли б, а так...

Слово престарелого князя Варчевского перевесило всё остальное. С «вистульским грифом» старались не спорить: государь, как и Варвару, дарил его почтительным вниманием, да и самого Шаховского любил.

Орлушину крамолу Арсений Кронидович, если не забыл, то простил, но и верность Шаховского забывать не собирался. Казалось, умней всего не спорить, но исподволь, окольным путём, подставляя здесь и там своих толковых людей, направить дело куда следует. В открытую же перечить не стоило: Орлов попробовал, чуть до отставки не допробовался, Янгальчев не желал попасть в доносчики, а сам Николай Леопольдович, будучи начальником доносчиков, в дела воинские открыто не совался, а оно обернулось тем, чем не могло не обернуться. Одно слово, недеяние...

– К нечистой матери погань эту электрическую! – Государь уставился в стену, словно за ней крылся ненавистный телеграф. – Англичане врут, потому что они англичане. Погоди, они к завтраму наши потери удесятят, а потом «обесчещенных немецких жён и дев» сотнями и тысячами припишут.

– Сначала нужно перейти на тот берег, на нашем немок почти не водится, разве что в Кёхтельберге, в моих родных пенатах.

– Стой, Никола, погоди. – Василевс словно не замечал стула, кружил по кабинету, сжав кулаки и упрямо нагнув лобастую голову. – Так что ж это получается? Немчура поганая, фон Пламмет, генералишка, даже не прусской службы, верно?

– Верно, ваше величество. – Николай Леопольдович пододвинул государю стул и сел сам. Не дожидаясь приказа. – Генерал фон Пламмет был уволен со службы ещё покойным кайзером. Без пенсионера. Ничто не мешало ему вступить в службу ливонскому герцогу. Как и всей его дивизии.

– Ага! Ливонскому герцогу, говоришь? И полез на наши рубежи, англичане бают? Сам? С одной дивизией да биргерскими ротами – на весь Второй корпус? Пересёк рубеж Державы с оружною силой? Сам войну начал? Сквитаться за то, что из Анассеополя его вышвырнули,

пожелал? – искал причины не верить василевс. – Братец наш Иоганн, конечно, спит и видит себя всегерманским объединителем, недаром картину, где Буонапарте императором объявляют, в кабинете держит, но головы пока не потерял. Первыми на нас напасть – это ж война! Они что ж, не знают, что мы такого не стерпим?!

– Фон Пламмет, ваше величество, если он действительно там, а не в Испании, в подобном деле соврёт – недорого возьмёт, а там поди разбирайся. Вон, согласно англичанам, уверяет, что на него первого напали, – поди ж, расследуй потом! А Брюссельский арбитраж... там ведь нам любое лыко в строку запишут. Особенно если казаков помянуть. Их вообще от нас который год запретить требуют как «нарушающих правила войны»!

– Правильно Орлов им сказал, пусть сперва Пламмета своего запретят. – Василевс угодившим в клетку тигром прошёл по кабинету туда-обратно. – И эту... аглицкой Восточно-Индусской кампании армию... Никола! Ты сам-то веришь?

– Сам не знаю, – честно признался Тауберт, чья душа в несчастьи не сомневалась, но логичный ум не мог принять столь вопиющей глупости. – Война в Испании ещё идёт, хотя с исходом её всё очевидно. Пламмет мог оставить для отвода глаз несколько рот и эскадронов от разных полков и погрузиться на корабли, возможно, английские, они сейчас как раз на Балтике маневрируют, но тогда они начали готовиться ещё до Манифеста...

О том, что Пламмет, если мистер Уорфилд вольно или невольно не врёт, по всему, начал собираться, когда чухонские старшины сочиняли свою жалобу русскому василевсу, Тауберт умолчал. *Сейчас* это было уже неважно.

– Карту давай!

Чертёж ливонских земель расстилали вместе. Николай Леопольдович аккуратно ставил по углам норовившего свернуться листа свинцовые грузики, клал рядом, строго параллельно друг другу, мерную линейку да цветные карандаши, в то время как государь на другом конце стола зло швырял первые попавшиеся под руку книги, кое-как придавливая карту.

– Последние депеши Шаховского что говорили?

Тауберт, хоть и «зарёкся лезть в военные дела», помнил эти писания наизусть. И потому всё больше и больше верил проклятой телеграмме.

– Авангард корпуса вышел на Млаву. В головах, – горло перехватило, – в головах как раз Пятая и Шестая дивизии, что в аглицкой писанине числятся разбитыми. И ещё сообщалось, что Второй стрелковый батальон тоже в первой линии.

– Югорцев вперёд ставить я велел, – уточнил василевс. – Всё верно, эти не побегут. А что номера дивизий угадали – так то наука нехитрая. Во млавском приречье у чухны прознатчиков хватает. Доложили, что за дивизии в авангарде, – и вот тебе, пожалуйста, «достоверные сведения»! Ещё что писали из корпуса?

– Орлов говорил, что остальные части сильно отстали, гвардия плетётся где-то в середине и полного сосредоточения ещё не достигнуто. Особенно плохо дело с артиллерией, дороги, ваше величество, совершенно размыты, как и не чинились ещё прошлым летом...

Государь потемнел и зло крутанул пуговицу. Всесильный василевс и почти столь же всесильный шеф его жандармов слишком хорошо знали, что случается, когда на растянувшиеся под дождями, утомлённые переходом части обрушивается ударный кулак из свежих, отборных войск неприятеля.

– Всё равно чушь. – Брови Арсения Кронидовича сошлись, взгляд, казалось, вот-вот прожжёт карту. – Где им тут наступать? К северу – Апсальская топь. А тут – дорог почти нет, леса, мню, там сейчас немногим лучше той же топи... Кёхтельберг далеко в стороне, ни складов там, ни арсеналов, всё в Плескове. Далеко им не пройти, Никола, нет, не пройти. Володимерцы – отличный полк, я доклады проверяющих помню. Олонецкие, суждальские – все обстрелянные, в делах бывали, с Капказа не так давно. Вот мне про конскрипцию всё толкуете с Орловым, а какие ж конскрипты так воевать смогли бы?! Не-ет, Никола, армия должна быть постоянной, только тогда солдата как следует выучить можно. Словом, брешут твои англичане, как есть брешут.

– Что ж тогда случилось на Млаве, государь? – тихо спросил Тауберт и сразу же

пожалел о вырвавшемся.

– Это вы с Орловым мне рассказать должны – что там случилось! – вновь насутился василевс. – Перестрелка какая-то небось и впрямь вышла; должно быть, казаки или югорцы ливонский секрет на нашей стороне обнаружили. Что на правый берег Млавы полезли, не верю – я Шаховскому строжайше указал, чтобы ни шага до моего приказа! А телеграф твой ихние враки только зря носит! Так и объявлю Грили, пусть только пикнет!

– Да, государь, – склонил голову шеф жандармов.

– Ещё что-то сказать хочешь, – заметил государь, направляясь было к рабочему столу.

– Да, ваше величество. Срочной аудиенции испрашивает также посол прусский.

– Фон Шуленберг? Ну, с ним-то всё понятно, – отмахнулся василевс. – Ежели и в самом деле пальба учинилась, ему сейчас самый резон нам протестивные ноты слать. Пусть протоколом канцлер занимается... и, кстати, почему ты мне об этом говоришь, Никола? Сам-то откуда узнал, а? – Государь усмехнулся. – Стоит ли в каждую канцелярию, тебе впрямую не подчинённую, своих осведомителей совать?

– Я уверен, государь, что фон Натшкопф доложит вашему величеству о просьбе прусского посла уже через полчаса. – Тауберт взглянул на огромные напольные часы. – Время обычного его доклада.

– Мог бы и пораньше при таких делах, – буркнул василевс. – На то ему укажу, а ты, Никола, смотри, сети свои раскидывай, но не так, чтобы всюду. А то они скоро мне и в моём собственном клозете видаться будут.

Тауберт не улыбнулся.

– Государь, я вижу тут несомненную связь. Подобное совпадение едва ли случайно.

– Ещё бы! – хмыкнул василевс. – Ясно, что Аляска тут ни при чём, а оба они здесь из-за Ливонии. Шуленбергу деваться некуда, надо время тянуть до зимы, а потом и до Брюсселя, он протесты подавать обязан, если кто-то из наших хоть бы и чихнёт на ту сторону Млавы или там фигу ливонскому стражнику покажет. А лорд Грили со своим интересом, ему надо, чтобы мы с ливонцами возились да на Балканы и тем паче на Запесчанье поменьше смотрели. Так что он любую перестрелку в новый Зульбург раздует! Пока мы ещё разберёмся да рассудим, что к чему, а времечко-то идёт. Погода с каждым днём портится, давно такого ноября не припомню. Ладно, Никола, выпьем чаю, а там и лорд подойдёт. А ты оставайся – только лучше за ширмою встань.

* * *

Лорд Грили любил и понимал лошадей. Ничего лучшего граф Тауберт об английском дипломате сказать не мог. Видимо, тем же ответил бы шефу жандармов и господин посол. Англия была не то чтобы врагом России, но другом только себе, а Грили служил своей королеве. Честно служил, в отличие от одного из посольских секретарей, но кто может поручиться за российских дипломатов на берегах Темзы? Только Господь...

– Ваше величество, позвольте мне выразить глубочайшую признательность за оказанную честь и столь быструю аудиенцию. – Безукоризненно сидящий фрак и породистое лицо превращали лорда в восковую фигуру или идеального лакея; впрочем, хорошие лакеи напоминают идеальных вельмож чаще, чем те, от кого государству есть прок... Один Васенька Янгальчев чего сто́ит, да и сам ты на заматеревшего Адониса не тянешь. – Поистине, явленное вами благоволение к скромному посланнику неизменно расположенных к вашему величеству монарших особ Соединённого Королевства повергает меня в смущение.

«Эк завернул, – с невольным уважением подумал Николай Леопольдович. – И без толмача явился, лишнее свидетельство, что дело конфиденциальное...»

– Пустое. – Лицо Арсения Кронидовича было благожелательным и спокойным. Николай Леопольдович надеялся, что таковым оно и останется, тем паче государя, стоя за ширмами, не остановишь. – Мы всегда рады видеть у себя посла сестры нашей Анны и, пользуясь случаем, желаем осведомиться о здоровье августейшего семейства и, особо, о

здоровье её высочества Генриетты и новорождённого Тюдора.

– Её величество и их высочества, благодарение Господу, чувствуют себя хорошо, – заверил посол. – Безмерно рад также сообщить вам, государь василевс, что жизнь их высочеств вне опасности, но я незамедлительно сообщу в Лондон о беспокойстве вашего величества.

– Слова ваши поистине принесли нам радость, – чуть ли не нараспев произнёс василевс, – в последнее время нас весьма тревожило положение её высочества, но теперь мы спокойны.

Государь улыбнулся и замолчал, глядя поверх головы посла на картину, где на крыльце своего володимерского терема князь Степан Никитич Алдасьев-Серебряный низко кланялся собравшемуся люду, соглашаясь принять терновый венец распадающегося, растерзанного, казалось бы, в клочья Володимерского государства. Арсений Кронидович намеревался не говорить, а слушать, и лорд это понял. Англичанин вновь поклонился, спокойно и учтиво, – он не сомневался ни в себе, ни в своих новостях.

– Ваше величество. – Правильный и чистый чужеземный выговор казался Тауберту чуть ли не издевательством, хотя что для посла может быть естественней знания языка страны, в которой он служит? – Я дерзнул просить о приватной аудиенции, ибо располагаю поистине печальными новостями, могущими весьма огорчить не только ваше величество, но и мою королеву. Но прежде, ваше величество, покорнейше прошу позволить мне несколько слов. Всем известно, что правительство её величества крайне озабочено сохранением мира на просторах Европы и несомых им благословения и процветания. Двадцать пять лет Европа наслаждается относительным покоем, не зная больших войн. Залечены раны, нанесённые страшными годами Буонапартовой грозы...

«Да, славно заворачивает, – вновь отметил Николай Леопольдович. – Ритор отменный, если не знать, ни за что не поймёшь, к чему ведёт».

– Потому-то кабинет моей государыни несказанно огорчён возможным непониманием и разногласием между равно дружественными нам королевством Пруссия, опекающим Ливонское герцогство, и Российской Державой. Мы были союзниками в самой страшной войне, что доселе знал мир. Мы вместе создали нынешнее благополучие. Вот отчего тревожные вести с российско-ливонской границы подвигли меня столь неучтиво и недипломатично добиваться срочной аудиенции вашего величества.

Василевс милостиво кивал, не перебивая и не являя ни малейших признаков нетерпения. Лорд Грили, похоже, несколько удивлённый подобным оборотом, тем не менее продолжал с прежней уверенностью:

– Вчера вечером, ваше величество, ваш покорный слуга получил последние известия из Млавенбурга, доставленные туда посредством телеграфа. Я покорнейше прошу простить меня, если сведения сии уже устарели и ваше величество пребывает в полной о них осведомлённости. Согласно той телеграмме, случилось ужасное: а именно, открытое столкновение армии Ливонского герцогства с войсками вашего величества, возглавляемыми его сиятельством князем Шаховским, моим добрым знакомым. Предводительствующий ливонскими силами, возможно, памятный вам генерал фон Пламмет извещает, что его лагерь подвергся нападению со стороны сил вашего величества. Была предпринята попытка захвата пленных, не увенчавшаяся, однако, успехом. Фон Пламмет счёл необходимым принять меры, как он выразился, к обеспечению безопасности вверенных его попечению страны и армии. Мне очень жаль, но он атаковал сосредоточенные на восточном берегу Млавы войска вашего величества...

«Какой актёр пропадает, – в сердцах думал Тауберт. – Ему бы в столь любимых англичанами трагедиях играть, хотя чем дипломатия не пиеса?...»

Плечи василевса поднялись, он уже смотрел исподлобья, однако по-прежнему не прерывал англичанина, только лишний раз кивнул.

– Из сообщения явствует, что кровопролитие достигло поистине ужасного размаха. Корпус его превосходительства генерала Шаховского рассечён надвое, его передовые части,

Пятая и Шестая пехотные дивизии, понесли тяжкие потери. Погибла половина корпуса, и я не нахожу слов, чтобы выразить всю скорбь, охватившую меня при этих ужасных известиях.

Самым лучшим сейчас было хранить молчание и дальше, сдержанно и неопределённо улыбаясь, дожидаться, когда посол израсходует весь запас никчёмных любезностей и скажет наконец, что ему по-настоящему нужно, но чаша терпения василевса переполнилась.

— Благодарю вас за расторопность, любезный лорд. — Привычка Арсения Кронидовича в гневе наклоняться вперёд и смотреть исподлобья была известна всем. В том числе и самому василевсу; взяв себя в руки, государь небрежно откинулся на спинку кресла, продолжая разглядывать богатырскую фигуру основателя династии. — То, что вы также получили весть о коварном и подлом нападении ливонцев на священные рубежи Державы нашей, заставляет поверить факту сего поистине ужасного вероломства. Нет, не брата нашего Рейнгольда и тем более не брата нашего Иоганна, но изгнанного с позором из столицы нашей генерала, решившего, быть может, половить рыбку в мутной воде. Мы не сомневаемся, что влекомый жаждой мщения фон Пламмет действовал на свой страх и риск, не имея на то высочайшего приказа, тем более что он, если мне не изменяет память, был уволен от прусской службы ещё при Морице-Иосифе?

— Ваше величество совершенно правы, — склонил голову посол. — Однако, ваше величество, осмелюсь подчеркнуть — случилось именно то, что может случиться, когда две армии выстраиваются одна напротив другой, быть может, по причинам весьма далёким от нападения друг на друга. Политическая демонстрация, оказание давления, сохранение государственного достоинства... а потом случайный выстрел или неосторожный дозор — и в дело вступают пушки, после чего уже невозможно разобраться, кто начал первым.

Моё сердце всецело принадлежит вашему величеству, и потому я, будучи осыпан вашими милостями, тщуся хоть как-то, в меру своих малых сил, донести до вас, государь, слово правды. Вам ведомо, что Брюссельский арбитраж обязан всеобщей конвенцией двадцать пятого года подробно разбирать подобные инциденты, могущие послужить воспламенению всеобщей войны. И, увы, присутствие в авангарде корпуса этих ужасных казаков отнюдь не послужит к укреплению позиции Державы Российской в оном.

Все знают, сколь своенравны и необузданны сии иррегулярные войска, на несоответствие коих цивилизованным правилам ведения войны не раз и не два со всем почтением указывал кабинет моей государыни. Фон Пламмет доносит о попытке регулярных частей русской армии захватить пленного, однако казаки... — Лорд Грили перевёл дух. — Простите, ваше величество, мне сию горькую откровенность, быть может, даже дерзость; рискуя навлечь гнев ваш, скажу, что казаки вполне могут склонить Брюссельский концерт к занятию позиции, противоположной взглядам вашего величества...

Мысленно Тауберт молился сейчас за сохранение государева терпения. Длинные и выпренные рулады англичанина слушать было совершенно невыносимо, и один только Господь ведал, чего стоило василевсу выражение вежливого внимания.

— Благодарю вас, лорд, за честные слова, — благожелательно проговорил Арсений Кронидович. — Поистине, счастлива сестра наша Анна, имея столь преданных и быстрых разумом слуг. Что же до прояснения, кто на кого напал... Не русские войска топчут ливонские земли, но так называемые волонтёры, сиречь наёмники фон Пламмета, чинят убийства и разорение на русской земле. Кто первым выстрелил, сокрыто туманом, однако факт, не отрицаемый даже ливонцами, — они, а не мы, массами перешли Млаву. И сия готовность немедленно ударить лучше всех сказок о «несдержанности» наших регулярных войск или же храбрых казаков говорит о том, кто замышлял наступление. Прошу вас, любезный лорд, обязательно обратить внимание сестры нашей Анны, что действия наши по выдвиганию войск к границам были обоснованны и своевременны.

Что до слухов о князя Шаховского потерях, то они преувеличены ливонской стороной, что немудрено. По нашим сведениям, хоть вероломство и помогло фон Пламмету расстроить первую линию войск наших, развить свой успех он не смог, встретив ожесточённое сопротивление югорских стрелков, муромских да олонецких егерей и рот суждальского

полка. Снежная буря также не способствовала успеху предприятия. – Арсений Кронидович, хоть и несколько подался вперёд, говорил негромко и уверенно. Граф Тауберт сжал кулаки, запоздало подумав, что лучше, быть может, было притвориться, что о случившемся не известно ровным счётом ничего. Лорд Грили, к сожалению, не глупец, два и два он сложит легко: никакая конная эстафета не достигнет Анасееполя в такую бурю, электрического телеграфа в столице не имеется, от оптического же в такие погоды никакого проку, следовательно, сведения василевс мог получить только, как говорится, «из дипломатических кругов».

– Ваше величество поистине располагает источниками куда более подробными, чем мои, – учтиво поклонился Грили, и Николай Леопольдович за ширмами чуть плотнее стиснул зубы: он рисковал, очень рисковал донельзя ценным агентом, позволив государю чуть ли не слово в слово пересказать донесение Уорфилда. – Однако и вы, ваше василеевское величество, согласитесь, что события на Млаве придали всему делу совсем иной оборот...

– Совершенно с вами согласен, господин Грили, – приятно улыбнулся государь. – Оборот этот, к нашему глубокому прискорбию, чреват весьма тяжкими последствиями для европейского мира...

– Именно это в первую очередь заботит мою государыню, – подхватил англичанин.

– Нам отрадно слышать, что сестра наша Анна столь озабочена делами, далёкими от английских границ. – Терпению василевса всё-таки наступал конец. – Убеждён, что сие нападение и переход массами ливонских войск российского рубежа не оставляет нам иного выхода, кроме войны до победного конца. Честь России оскорблена и требует удовлетворения. С радостью предложу всем послам совершить поездку в действующую армию и на месте исследовать обстоятельства случившегося в ночь на тридцатое октября. Нет сомнений, что непредвзятое изучение всех свидетельств подтвердит: вина лежит на ливонской стороне. Мы долго, очень долго ждали ответа на Манифест наш от второго сентября, однако и Ливония, и опекающая её Пруссия отмалчивались. Так что, любезный лорд, очень скоро, к Рождеству – уж точно, мы будем сообщать свежие вести из Млавенбурга, хотя переданные телеграфом новости не столь надёжны, как посланные с фельдъегерем.

Голос василевса крепчал и под конец стал просто грозным. Лорд Грили, однако, внимал, как и положено опытному дипломату, хладнокровно, с почтением глядя на государя и поминутно кивая.

– Ваше величество, от всей души благодарю вас, что сочли возможным поделиться с вашим покорным слугой сими известиями. Хочу лишь сказать, что в лице моей королевы вы найдёте самого горячего поборника мира и справедливости.

Государь, по-прежнему глядя поверх головы посла, в сто первый, наверное, раз благожелательно кивнул.

– Замечу лишь, что полученные нами известия могут разниться в деталях, суть же одна: фон Пламмет навязал корпусу его сиятельства князя Шаховского изматывающее приграничное сражение. Сведения же, что фон Пламмет сам подвергся атаке с российской стороны...

– Никто не может того утверждать! – перебил посла государь, и Николай Леопольдович с тревогой заметил, как василевс стал было наклоняться вперёд. Нет, овладел собой Арсений Кронидович, вновь откинулся назад как ни в чём не бывало.

– Конечно, ваше величество, – охотно согласился Грили. – Я безмерно рад, что не явился дурным вестником. – Англичанин сохранял полную невозмутимость, а ведь его застигли врасплох. Поймёт ли он, в чём дело, или будет грешить на пруссаков или французов? А вот с телеграфом худо, с телеграфом, паровыми машинами и оптическим стеклом. Храбрость, она города всё ещё берёт, но цена становится неподъёмной...

– Сей прискорбный инцидент, – Грили скользил будто в вальсе по вощёному паркету, – лучше всего разобрать на заседании авторитетного дипломатического собрания, сиречь Брюссельского арбитража. Я же лишь хочу смиренно заметить, что события в Ливонии

приобретают крайне опасный для столь ценимого всеми европейцами мира характер.

Позволю себе также выразить сомнение, что генералу Шаховскому удастся теперь беспрепятственно дойти до Млавенбурга. Прольётся много невинной крови, что, не сомневаюсь ни на миг, повергает ваше величество в столь же глубокую скорбь, как и её величество Анну, и его величество Иоганна. Со своей стороны хотел бы выразить искреннее и горячее стремление всемерно послужить к примирению двух держав, сколь бы ни разнились их размеры и сила. Если на то будет воля вашего величества, сношения с Берлином можно было бы устроить посредством ревельского телеграфа...

– Мы высоко ценим ваши намерения и деяния сестры нашей Анны, – Арсений Кронидович всё же чуть подался вперёд, – но пока мы не видим смысла в обращении к брату нашему Иоганну, тем паче при помощи посредников. И мы надеемся на понимание и поддержку позиции нашей в Брюсселе.

– Я испытываю те же надежды, – отчеканил посол, а что ему оставалось делать? – Однако следует принять во внимание, что занятие войсками вашего величества Млавенбурга нанесло бы тяжкий удар европейскому равновесию. Восточно-прусские владения его величества короля Иоганна оказались бы окружены с трёх сторон землями, где стоят российские войска. Таким образом, демарш фон Пламмета, вполне возможно, будет представлен в Брюсселе как действия, продиктованные опасениями за целостность прусских границ.

– Разве мы сказали, что уже согласны представить сей спор на суд Брюссельского концерта великих держав? – слегка удивился василевс. – Действия фон Пламмета, разумеется, найдут немало оправданий со стороны наших недоброжелателей, к коим, уверен, не присоединится кабинет сестры нашей Анны, однако и наш Манифест объясняется исключительно невыносимыми условиями, в кои поставлены наши единовверцы, – отрезал Арсений Кронидович и поднялся, давая понять, что аудиенция окончена. Лорд торжественно поклонился, заверил в том, в чём был обязан заверить, и скрылся за дверью. Завтра во дворец сбежится ещё три десятка дипломатов, но это уже дело фон Натшкопфа.

– Автандил! – Государь распахнул дверь в буфетную. – Где тебя носит?! Перцовой и закусить... Убил бы, вот взял бы и убил... Что нам и даже немцам твоим кровь, то этим – барыш!

Николай Леопольдович не ответил. Не из-за немцев, которые и впрямь были «его», просто устал, да и ответа крик государя не требовал. Ярость искала выхода, и хорошо, что лорд её не увидел.

– Скотина плешивая. – Василевс глубоко вздохнул и передёрнул плечами. – Прав ты с Орловым, без телеграфа этого чёртова не обойтись, тем паче на наших дистанциях. Завтра же велю строить, но что же Шаховской? Где вести?!

– Узнаем всё завтра ввечеру, – обнадёжил Николай Леопольдович. – Или послезавтра, дольше не затянется... Только, боюсь, не врёт фон Пламмет, что сотворил, о том и доносит...

– Ну нет, Никола, – набылчился Арсений Кронидович, – не может оно так... Что напал, нечистый с ним, готов поверить, кони и те бесятся. Но чтоб наши, да побежали?! Двадцать тысяч в авангарде отменного войска! Югорский батальон – лучший из стрелковых! Володимерцы... Ах да, – василевс оборвал себя, вспомнив, что об этом уже говорил, – наши с тобой, капказцы... Неужто могли они рассеяться, хоть бы и перед Пламметом?! Врёт немчура, а ты и поверил...

«...И поверил», – вздохнул про себя Тауберт. Рад бы не верить, да по должности положено – верить всему плохому и принимать меры, чтобы то плохое так и осталось бы неправдой.

– Орлов ведь знает? – через плечо бросил государь.

Орлов, если добрался уже до своего кабинета, знал, но Тауберту, чтобы успеть к василевсу, пришлось посылать к военному министру фельдгегеря с особым пакетом, запечатанным и прошитым по всем правилам. Источник Тауберт благоразумно не назвал и пакет настоятельно просил немедленно уничтожить – секретаря Уорфилда надо было спасать

во что бы то ни стало.

– И всё равно врёт, врёт англичанин, не может не врать! – никак не останавливался василевс. – Иная ложь сильнее целого корпуса, если штаб духом падёт да уверует, что, мол, «всё пропало».

– Надо ждать реляции Шаховского, государь.

– Сам знаю, что надо!

– А пока ждём, отправить вперёд по Ливонскому тракту хорошую команду со свежими конями и дохтуром. На случай, если с фельдъегерем по такой погоде чего приключилось.

– Хорошо решил, – одобрил государь. – Отправляй, да не мешкай.

– А что же с фон Шуленбергом? Если и он с теми же известиями?

– Х-ха! – рассмеялся василевс. – Что на Даунинг-стрит себе под нос насвистывают, то на Кайзерштрассе хором поют, да ещё и спрашивают, достаточно ли громко? В лучшем случае ту же брехню повторит. Явно ж одну и ту же телеграмму им сюда переслали. Пусть канцлер его примет... И ливонца туда же, если ему пруссаки с англичанами, вестимо, доложатся.

Глава 10 **Анассеополь** **5 ноября 1849 года**

1. Особняк графини Левенвольде

Мокрые львиные морды сочувственно морщились, и Зюка украдкой погладила серый камень. Катающих шары гривастых котов она любила с детства. Тогда поездки к «бабушке Варваре» казались праздником, ведь у неё жили настоящий арапчонок, говорящий попугай и обезьянка в алых шароварах, которая гоняла обруч да качалась на качелях. Жако и Петрушу бездетная графиня держала для многочисленных внучатых и правнучатых племянников и племянниц, себе же грозная дама оставила литераторов, и это было намного хуже.

– Зюша, душенька моя драгоценная, – пророкотала Варвара, протягивая затянутые в чёрный шёлк руки. – И ты, Авксентий... Давно тебя не видела, всё петушишься?

– Кукарекаю помаленьку, – папенька, как всегда при виде Варвары, потупился. Государевой тётки он боялся, хоть и не так, как самого государя. – А вы, вижу, всё цветёте, как розан...

– Все розаны отцвели ещё при твоём батюшке. – Старуха сурово свела по-прежнему ещё соболиные брови, но ей было приятно. – А где Геннадий? Напаскудил, да в кусты? Сказано ж было прийти и извиниться перед Гаврилой Дмитриевичем...

– На дежурстве Геннадий, – быстро сказал папенька, косясь на дверь, за которой пили кофий Варварины гости, – во дворце...

– Ой ли... – начала графиня, и Зюка не выдержала.

– Варвара Виссарионовна, – голос противно задрожал, пришлось заговорить быстрее и громче, – Геда просил не гневаться, но велел передать, что не станет к вам ездить, опасаясь за безопасность господина Чудинова.

– Ишь, каков зверь! – В тёмных глазах мелькнула смешинка. – И ты под стать... зверушка. Ладно, сама такая была, да укатали сивку. Авксентий, дай руку, пошли к гостям.

2. Особая его василеосского величества. Собственная Канцелярия по благонадзорным делам

– Куда прикажете, ваше высокопревосходительство?

Николай Леопольдович только сейчас сообразил, что, второй раз на дню выйдя от государя, так и не сказал Трофиму, куда ехать. Надо бы домой, устал, сердце щемит не по-

хорошему, но и дел несделанных не отменишь. Сейчас, ближе к вечеру, как раз и начнут поступать присланные конной эстафетой донесения, Феоктистов примется их разбирать, и он, Тауберт, конечно же, не удержавшись, присоединится. И не заметит, как засидится до ночи.

– В канцелярию, голубчик, – вздохнул шеф жандармов, откидываясь на подушки.

Анассеополь и Ладожская перспектива мокли под ледяным дождём, разогнавшим и любителей вечерних променадов, и вездесущих уличных мальчишек. Даже погоня Шаховской курьеров с донесениями не только в столицу к государю, но и до «первой вышки», донесение так бы там и осталось: дождь, туман и снег делают оптический телеграф бесполезным... Знал бы фон Пламмет, что своей наглостью достиг того, чего несколько лет не могли добиться виднейшие сановники государя российского: электрическому телеграфу в Анассеополе быть! Только цена уж больно велика.

Подрессоренная коляска катила ровно, и Николай Леопольдович закрыл глаза.

Устал. Очень устал. А тут ведь не только Ливония с прячущейся за «наёмниками» Пруссией, не только карбонарии доморощенные с дураками неизбывными. Тут и нечистые на руку поставщики, и всем довольные казённые приёмщики, и прочее, и прочее, и прочее... Даже не спи ты вовсе, даже раздвоись, на всё не хватит.

Люди нужны. Проверенные, такие, как Феоктистов. Да только давно не бывал ты под пулями, друг Никола, а где ещё по-настоящему человека проверить можно? Эх, эх, прогуляться б, как встарь, под тёплые звёзды, в звонкую степь, чтоб всё просто и понятно, без экивоков, намёков да последствий политических...

Коляска катила, всесильный Тауберт сидел, откинувшись на спинку и прикрыв глаза. Мысли не могли отрешиться от разговора государя с лордом Грили, и всё яснее становилось, что игра затеяна отнюдь не берлинская и даже не только лондонская. Пахло тут Буонапартовой «единой Эуропой», воняло даже, и запах сей Николаю Леопольдовичу не нравился совершенно. Пришла мысль, что, пока денег из бюджета дождёшься, пока у графа Юмина их выбьешь, проще будет, как с Гусиковским, в собственный карман залезть, ну, или у Васьки одолжиться. Поздно, эх, поздно принялись сеть заграничную плести, едва ли не позже всех остальных держав. Василевс Кронид, двенадцати языков победитель, благороден был, чтобы иначе о покойном не сказать, а каков поп, таков и приход. Не хватало у старика Карачаева пороку – шантажировать, прижимать к стенке запутавшихся и растерявшихся, безжалостно выдаивая у них сведения.

Готовые хоть друга продать, хоть королеву, хоть душу, вроде гентельмена и эстета Сэммиума Уорфилда – не забыть бы требовать отчёт, что же именно отпишет на Даунинг-стрит лысый Грили, – попадались нередко, но вот нужный товар бывал у них не всегда. С продажной английскою шкурой повезло, и то, что вышло сие именно везением, а не итогом кропотливой и умной работы, Тауберта беспокоило. На везении далеко не уедешь, оно вроде солнышка осеннего: может, прогреет, а может, и нет; жить же надо и под дождём, и под снегом. Дом надо строить – прочный, надёжный дом с печью, забором, цепным псом, чтоб за версту разбойников чуял... Чтoб не объявился у границ державы якобы воюющий в Испании чужеземный генерал, не застал врасплох, и уж всяко чтоб не от аглицких секретарей задним числом о том узнавалось.

С Испанией вышло скверно. Толковых людей и денег не хватало даже на Лондон, Париж и Вену с Берлином, вот и держали в Толедо чёрт-те кого. Дескать, что нам здесь с тамошних оливок – ну и просвистели...

За этими мыслями не заметил, как и добрались.

Под колоннадой канцелярии, кроме положенных по штату часовых, невесть зачем маялся Митя Кишин, адъютант. Миг спустя Тауберт заметил стоящую чуть поодаль карету с гербом князей Орловых на дверце. Карету, в которой Сергей не ездил никогда. Только этого и не хватало...

– Ваше высокопревосходительство, – поспешил объяснить адъютант. – Тут такое дело... Княгиня Орлова приехала, супруга князя Сергея Григорьевича...

Ох, ох, Орлуша, неужто вскрылись-таки твои новые шалости, старый ты греховодник? А ведь говорил я тебе, говорил: не в наши годы по молоденьким свистеть, в наши годы – супруги держаться, кто с тобой и в горе, и в радости всю жизнь оставался...

– Я объяснял, объяснял, ваше высокопревосходительство, – частил Кишин, – мол, вы второй раз на дню к государю поехали, вернётесь ли, нет, никто не знает... А её сиятельство: мол, я знаю, мол, вернётся граф, я его хоть до ночи дожидаться стану. Ну, я, конечно, провёл, усадил...

– Молодец, всё верно сделал, – кивнул Тауберт. – Ступай ко княгине, проси ко мне в кабинет.

– Николай Леопольдович, любезный друг мой, сколь признательна я вам, что, несмотря на занятость вашу, меня принимаете. – Адъютант тенью скользнул за дверь, уступая место элегантной даме, худощавой и черноволосой, в нарочито скромном платье, серое пополам с жемчужным.

Нынешняя Орлова при всей своей моложавости мало напоминала порывистую двадцатитрёхлетнюю княгиню, изо всех сил пытавшуюся добиться права разделить заточение мужа.

Потерпев неудачу с тремя василиссами, анассеопольским митрополитом, обер-прокурором и даже мужниной роднёй, Лукия Ипполитовна – за огромные чёрные глаза в свете её звали Люцией – бросилась к вернувшемуся с Балкан Янгальчеву. Не как к новому министру Двора, как к старому другу Сергия.

Васенька не переносил женских слёз и не видел крови на ладожском граните, вот и взялся помочь, первым делом ухватив за грудки друга Николу. Друг Никола отказал наотрез, и тогда Люция пришла в казармы конногвардейцев сама. До того Тауберт недоумевал, что заставило Сергия связать себя таким браком. Тогда он, кажется, понял и потом семнадцать лет не мог понять другого – почему Орлов изменяет жертвовавшей ради него всем женщине, а изменять Сергей начал, едва выйдя из крепости. В том, что он вообще вышел, была заслуга Люции, правда, она об этом не подозревала.

Новый василевс раз и навсегда запретил жёнам и невестам государственных преступников разделять судьбу мужей, и Никола с Васенькой, предварительно чуть не подравшись, решили зайти с другого конца. Вернуть Орлова, на которого Арсений Кронидович был невероятно зол. Другое дело, что, готовясь к приступу, дотошный Тауберт добыл старые доклады Сергия и понял, что вытаскивать Орлушу из крепости нужно не только и не столько ради жены.

– Помилуйте, Лукия Ипполитовна, для вас двери мои всегда открыты. Чем могу служить? Может, чаю? Или кофею? День сегодня холодный...

Княгиня опустила в гостевое кресло подле круглого стола у окон. Очень прямая, подбородок гордо поднят, руки аккуратно сложены, пальцы не дрожат. Не дрожал и голос, когда она заговорила, не приняв душевно-дружеского тона Тауберта. Впрочем, Люция и прежде не имела привычки финтить.

– Мы старые друзья, Николай Леопольдович. – Слова ложились ровно и спокойно, и только опыт подсказывал Тауберту, что сейчас на душе у его гости. – Позвольте ж мне быть с вами откровенной. Не только как с другом, но и... – тут она вдруг запнулась, – но и с порядочнейшим человеком, чья поистине лебединая верность в браке давно стала знаменитой в Анассеополе...

– Полноте, Лукия Ипполитовна, мне, право...

– Нет-нет, не перебивайте, прошу вас. Я вас ждала, я знала, что вы приедете, в этом – увы, лишь в этом! – вы совершенно схожи с моим супругом. Служба для вас превыше всего. Вы были у государя, я не сомневалась, что вы вернётесь работать... Простите. – Она вздёрнула подбородок ещё выше. – Когда-то вы уже видели мои слёзы, второй раз сего не повторится. Слёз и прежних чувств своих я стыжусь, однако у меня не только сын, но и дочери. Ради них я вправе требовать от своего мужа соблюдения приличий. Полагаю, вы уже догадались, о чём пойдёт речь.

Тауберт сидел ни жив ни мёртв. С куда большей охотой он бы бросился на штыки Буонапартовой Гвардии, чем длил этот разговор, однако кровавому сатрапу не избежать и сей службы. Ох, Орлуша, Орлуша...

– Лукия Ипполитовна, вы можете быть уверены...

– Да, да, я уверена! Уверена, что вы не разделяете пристрастий моего супруга, уверена – нет, знаю! знаю наверняка! – что вы сами не позволите себе ничего подобного, – именно потому я и говорю с вами, Николай Леопольдович. Видите ли, князь Сергей... в определённом смысле... по женской части... настолько неводержан, что уподобляется магометанину, как объяснил мне доктор... Это отвратительно, но я не могу с этим не считаться. Быть может, тяготы крепостного заключения как-то повлияли... всё пережитое...

Я давала клятву пред алтарём оставаться с супругом в радости и в горе, а что есть неизбывные дурные привычки и врождённая тяга к излишествам, как не прискорбная болезнь? Княгиня Аргамасова вынуждена мириться с пристрастием Ионы Филипповича к вину, а несчастная Дарья Кирилловна – с... с галантными похождениями Авксентия Марковича.

Сергей Григорьевич, увы, тоже... только предпочитает он не актрис, а... инженеру. Я готова закрывать на это глаза, но когда эти отношения выходят за рамки... потребностей организма, сие недопустимо. Я не стала бы вас беспокоить, как не беспокоила досель, но... Сегодня принесли письмо... от некоей *госпожи* Севериной. Говорит ли вам что-либо это имя, Николай Леопольдович? О, нет-нет, не бойтесь. Вы не предадите друга и ничем ему не повредите. Мне отлично известна эта связь моего мужа, я даже... – она судорожно сглотнула, – я даже... я даже заставила себя видеть в сём доказательство наличия у князя Сергея известного вкуса. Эта особа ходатайствует о некоем молодом греке и приглашает, вы понимаете, «приглашает», как она выражается... – Княгиня осеклась.

– Вы вскрыли письмо, Лукия Ипполитовна? – сухо уточнил Николай Леопольдович.

– Разумеется, – слегка удивилась собеседница. – Это же не государственный секрет – и, потом, какова наглость, писать на наш адрес! Полное забвение всех приличий! Эта гетера омерзительна! Никто не знает, как далеко она способна зайти в своём бесстыдстве! Неужели её нельзя выслать из Анассеополя? За развратное поведение? Она ведь, кажется, родом из Софьедара...

– Насколько нам известно, – выдавил из себя Тауберт, знавший о действительной статской советнице Севериной со слов Янгальчева. Восхищённых слов. – Мне также известно, что Сергей Григорьевич с ней расстался.

– О да, – гордо бросила Лукия Ипполитовна. – Я по-дружески пеняю вам, Николай Леопольдович, что вы, человек безупречнейший, не сказали князю Сергию слов укора. Разве так поступают друзья – а мы ведь друзья, верно? Об окончании же сей связи я осведомлена. Как и о том, что мой супруг уже успел сойтись с дочерью майора Абросимова. Каковая сама годится ему в дочери... Нет, я сознаю, мой супруг сохранил привлекательность, я сама женщина, я понимаю, что их влечёт к нему, но... Я уже говорила вам, я принимаю как данность чрезмерный темперамент Сергея Григорьевича, сие есть его болезнь, скорее всего, излечимая лишь временем, но терпеть наглость его бывшей пассии я не намерена.

Прошу, – она наклонилась вперёд, требовательно глядя прямо в глаза Тауберту, – прошу в сём вашей помощи. Помощи верного христианина, сердцем чувствующего, что есть святость брачной клятвы. Лучше всего, если ваш человек, доверенный человек, но не в чрезмерном чине, вернёт этой особе... – Княгиня платком вынула из ридикюля конверт и даже не бросила, выронила на стол. – Вернёт вот это... И конфискует у неё письма Сергея Григорьевича. Весьма опасно – даже и из государственных интересов! – оставлять подобные бумаги, могущие стать основанием в том числе и для шантажа, в руках подобной тв... особы. Я могу рассчитывать на понимание?

– Хорошо, – заверил Николай Леопольдович, чувствуя, как по спине стекает пот, – я приму должные меры.

– Вы воздействуете на госпожу Северину? – напирала княгиня.

– Я поступлю в полном соответствии с требованиями чести, закона, государственных интересов и дабы не умалить ваше достоинство. – Тауберт ушёл от ответа, начиная всё больше и больше понимать Орлушу. И опять после приватного визита его супруги.

– В таком случае я удовлетворена. – Орлова вновь полностью владела собой. – Благодарю вас, Николай Леопольдович, и прошу простить, что отвлекла вас от важных дел.

– Пустое, – поклонился Тауберт. Смотреть в глаза гостье ему решительно не хотелось. – Позвольте проводить вас до кареты...

Княгиня позволила, и по лицу вновь хлестанул осатаневший ноябрьский ветер, словно подводя итог несвоевременной, удивительно неприятной беседы. Меры принимать придётся, хотя бы затем, чтобы Лючия не прорвалась к василевсу, но как же оно не ко времени! И как же им всем, и в первую голову самому Сергию, сейчас не до любовей...

Николай Леопольдович провожал взглядом растворяющуюся в непогоде карету, уже складывая в голове приказ, который через полчаса, ну, может быть, через час помчится к полковнику Бобыреву с той скоростью, на которую способны в эдаком светопреставлении фельдъегерские лошади.

3. Особняк графини Левенвольде

Стихотворец был толстым и кудрявым. Толстыми и какими-то кудрявыми были у него и манеры, и голос, и стихи, которые он, размахивая пухлыми руками и значительно сопя, читал целую вечность. Слушатели молчали, вид у них был умный и печальный. Не от виршей, от почтения к себе и к хозяйке дома, раз за разом обводившей бдительным оком тоскующий салон.

Зюка поймала взгляд Варвары Виссарионовны, не испугалась, но на папеньку покосилась. Авксентий Маркович взирал на поэта с ласковым вниманием. С таким видом он слушал, а вернее, пропускал мимо ушей сетования маменьки о чрезмерных расходах. Из-за папеньки торчал куст нечёсанных волос – знак особого вольнодумства, украшавший голову господина Чудинова. Между беседой с лохматым Гаврилой об утопленном романе и Зюкой стоял лишь толстый поэт, который как раз возвысил голос, приближаясь к концу. Княжна пошевелила затёкшими лопатками, пытаясь найти утешение в том, что она хотя бы сидит, и вслушалась:

*...Утром сменяется ночь. Я сегодня один,
Только Музой любим не поднявший оружие путник;
Вы за славой пустой и кровавой погнались, Надин,
И сгорите в жестокости дьявольских плутней,
Что зовутся войной и смущают сердца и умы,
Но не всё ли равно, кто войдёт ранним утром в сей город,
Если вечером с каменным адом расстанемся мы,
Растворившись в цветущих, исполненных неги просторах.
Там мы будем свободны от плевел ничтожной войны
И бездумны, мудры и всесильны, как дикие звери,
Что не знают знамён и не ведают, где рождены,
И живут обладаньем и гоном, иному не веря...*

Кудрявый голос пошёл вниз, и Зюка поняла, что ошиблась – это был ещё не конец. И хорошо, потому что Гавриле придётся что-то говорить. Княжна старательно отогнала желание рассказать про пруд. В отличие от папеньки, Зюка Варвары не опасалась, но саму старуху было жаль. Геда ничего не понимал, вернее, понимал не то. Варварин лех связался с Радживоллом, и брат записал его в мерзавцы. Надо полагать, он мерзавцем и был, иначе не сбежал бы, но Варвара его любила, а её выдали за графа Левенвольде, которому было за сорок...

Чем ближе становился день, когда самой Зинаиде предстояло стать чьей-то женой, тем сильнее она сочувствовала разлучённым сердцам. Нужно было обладать талантом Чудинова, чтобы великая княжна вместо умиления испытала жгучее желание надавать влюблённому без надежды герою оплеух и вытолкать его взащей. Каков будет её собственный муж, Зюка старалась не думать — если ты рождена Алдасьевой-Серебряной, твою судьбу решит василевс. Единственное, в чём можешь быть уверена, так это в том, что в девках тебя не оставят. Великая Софья раз и навсегда позаботилась о младших родственницах, обязав государей находить им женихов либо августейших кровей, либо из родов, «немалые заслуги пред Отечеством имеющих и награды за то достойных». С мужеским полом урождённая княжна Чемисова тоже управилась, повелев брать жён если не рода Киева, то дочерей и сестёр правящих государей, а в случае самовольства из череды наследников быть исторгнутыми. Геда объяснил сестре, что хитрая василисса таким образом отсекала неугодных ей претендентов...

Нет, конечно, её не выдадут за ужа или же врана, как царевну из сказки. Крёстный озаботится разузнать о женихе всё, поговорит с государем, и слабоумного или невожатого на пирие просто не допустят до смотрин. И будущего мужа она увидит не за день до свадьбы — переписка, визиты, она поедет в Европу, кандидат в женихи посетит Анассеополь... Им дадут стерпеться.

А уж как там насчёт «слюбиться» — сие не для великих княжон.

— Примечательные стихи, — разбил неожиданную тишину папенькин голос, — весьма примечательные, только вы, душа моя, зря так о ружейной охоте отзываетесь. Отменная, доложу вам, штука...

— Я не поклонник бессмысленного истребления свободных тварей. — Толстый поэт предпринял попытку поклониться. — Лишь в слиянии с первозданной природой мы обретаем совершенство и счастье...

Папёнка не ответил, он ещё по дороге решил не толочь воду в ступе. Сказал то ли комплимент, то ли нет и отошёл с неведомым образом затесавшимся к литераторам бароном Крузе. Зинаида поправила браслет и приготовилась к дурацкой беседе.

— Ты ведь ещё не знакома с Кнуровым? — на весь зал осведомилась глубоким басом Варвара и, не дожидаясь ответа, развернулась к поэту. — Денис Платонович!

— Ваше сиятельство! — взвыл кудрявец, словно читая очередной стих. — Я у ваших ног!

— Передаю тебя Зинаиде Авксентьевне, — усмехнулась старая графиня, — у неё ножки помоложе, вот к ним и припадай.

— Ваше высочество, — просиял поэт, — смел ли я надеяться...

— Почему бы и нет? — Зюка выдавила из себя что-то похожее на улыбку. — Рано или поздно я узнаю всех... друзей бабушки. Про вас же я наслышана и от дядюшки Егория Кронидовича. Он весьма высоко ценит ваши элегии...

— Я буду счастлив прочесть вам любую. — Зюке показалось, что поэт плотоядно облизнулся. Княжна приготовилась к неизбежному, но её спас выросший как из-под земли Гаврила. Вернее, спас бы, будь он кем-нибудь другим.

— Зинаида Авксентьевна! Какое немыслимое счастье вновь видеть вас! — Чудинов изысканно поклонился. Многие дамы полагали литератора столь же интересным, сколь и одарённым. Зинаида с ними не спорила — улыбки Гаврилы были столь же тошнотворно приторны, сколь и его писания.

— Зинаида Авксентьевна, — не замеченный ранее господин с неприятно знакомой родинкой, кажется, философ и историк, протиснулся вперёд, — что вы скажете об «Изгнаннике любви»? Не правда ли, волнующе?

— В той же степени, что и стихи Дениса Платоновича, — нашлась Зюка, высматривая папёнку. Барон Крузе куда-то делся, и Авксентий Маркович обречённо беседовал с двумя господами, один из которых был чудовищно худ, другой нервен и лыс. Авксентий Маркович перехватил взгляд дочери и ободряюще кивнул. Великий князь был не из тех, кто задержится в обители Муз и Разума долее необходимого.

– Варвара Виссарионовна – наш добрый гений, – напомнил о себе Кнуров. – Её доброта безмерна.

– И она будет вознаграждена в веках, – оживился философ. – Гений Дениса Платоновича и Гаврилы Дмитриевича обессмертит имя их покровительницы.

– Имена всех наших добрых друзей, – галантно уточнил Чудинов. – Я был бы счастлив посвятить свой новый роман Зинаиде Авксентьевне.

– Увольте! – Вырвавшийся возглас следовало немедленно подсластить, и Зюка торопливо добавила: – Я ещё не совершила ничего достойного, и потом мой брат... Он будет возражать.

– Вы прекрасны, для поэта этого довольно. – Господин Кнуров придвинулся к княжне, хоть и так стоял ближе, чем следовало. – Моя следующая элегия ваша по праву!

– Я не заслуживаю этой чести, – твёрдо сказала Зинаида. – Гаврила Дмитриевич, о чём будет ваш новый роман?

– Вы столь же скромны, сколь и прекрасны, – не сдавался Кнуров, – но если вам претит принять бескорыстное посвящение, вы одним вашим словом превратите меня в вашего должника. Стоит лишь напомнить министру Двора о прощении, что я подал на высочайшее имя в прошлом месяце. О, это такая малость, однако поэты не ходят по земле, но витают в эмпиреях. То, что какому-нибудь конногвардейцу кажется смешным, нас убивает...

– Денис Платонович, – мотнул лохмами Чудинов, – вы можете смутить Зинаиду Авксентьевну...

– Что вы, – покачала головой Зинаида. – Я... Я поговорю с Василием Васильевичем, как только его увижу, но разве Варвара Виссарионовна, Егорий Кронидович или мой кузен Антон Арсеньевич, он ведь тоже пишет...

– О, – голос поэта закурдючился ещё больше, – это такая малость, что я не счёл возможным обременять брата государя, поэты же, открою вам тайну, ужасно ревнивы друг к другу, но коли вы изъявили желание...

Она изъявила? Она просто не хочет, чтобы на виршах этого толстяка красовалось её имя!

– Денис Платонович, вам так же трудно отказать, как Милорду... Это наш лебедь, он живёт в Хотчине... Внешне вы несхожи, но душой Милорд такой же... поэт.

– Изумительно! – закатил глаза Кнуров. – Отныне я стану подписывать свои посвящения вам Лебедем Северных озёр... Более того, в этом прощении... Я просил государя позволить мне принять другое, более приличествующее стихотворцу имя, а что может быть лучше, чем Лебедев или же Лебединский?

– Вы спрашиваете о моём новом романе? – несколько поспешно вмешался Чудинов. – О, это будет история горского юноши, воспитанного монахами. Сын князя, ребёнком он был захвачен в разорённом ауле хорошо известным всем нам генералом...

– Вы, Гаврила Дмитриевич, рассказываете чудовищные вещи, – лысый господин с нервически дёргающейся щекой и горящими глазами оставил папёнку и присоединился к беседе, – в то время как Зинаида Авксентьевна хотела бы слушать о любви, о счастливой любви. Ваша светлость, я ведь не ошибаюсь?

– Нет, – с благодарностью приняла негаданную помощь Зюка.

– Иначе и не могло быть! – воспрял будущий Лебединский. – Песнь любви, песнь счастливой, торжествующей любви! И я, исполняя волю нашей очаровательной Музы, немедля...

– Пойдите, Денис, – осадил поэта лысый, с каждым мгновением нравящийся княжне всё больше и больше. Мало того, что он оттеснил Кнурова с Чудиновым, он назвал её, как дочь праправнука правившего монарха, без льстивого «высочества». – Речь шла о романах, и я сегодня же пришлю вам «Страсти Сибири». Испытываю надежду, что вас тронет чувство, вспыхнувшее между оказавшимся за Камнем по воле, скажем так, рока блестящим молодым человеком и юной крестьянкой, не задетой тлетворным влиянием...

Овладевшая было Зинаидой симпатия умерла, не успевши расцвести, но природная

жизнерадостность великой княжны вкупе с копившейся добрых два часа злостью заставили осведомиться, не является ли влюблённый мятежным лехом.

– О! – принял мяч Чудинов. – Зинаида Авксентьевна умеет читать меж любых строк! Но сколь я счастлив, что мой бедный Хабрович не оставил её золотое сердечко безучастным.

– Это вы, Гаврила Дмитриевич, читаете если не между строк, то между чужих слов, – поморщился лысый. – Её светлость всего лишь хотела узнать, не следую ль я за явившейся в последнее время модой – делать героя романа всенепременно французом, в наших эмпиреях затерявшимся, или вот, пальцем не станем указывать, лехом. Правду сказать, я её опасения понимаю. В последнее время на книжных страницах от иностранщины просто житья нет, на что справедливо указано в последнем «Улье»...

– Как же-с, – вскинулся господин с родинкой, – читывал! Не могу поверить, что Васюричев с Солодиловым пали столь низко, что подпевают министру просвещения. Ежли так пойдёт и дальше, «Изгнанника любви» Гаврилы Дмитриевича постигнет участь книг, сожжённых испанскими иезуитами, а нас, кроме тех, кто успеет отречься, – тут владелец родинки строго взглянул на лысого литератора, – участь вашего героя. Вы, кстати говоря, не желаете его во втором томе привести к раскаянию и вступлению в государственную службу?

– Передёргиваете, Кондратий Фаддеевич, да и что б вам не передёрнуть, если вы с Гаврилою, как две известные птицы, друг друга хвалите, где только можно. Что вам до того, что язвы общества нашего бичующие идут за Камень или на Капказ, как Шигорин? Вы их не видите, ибо мыслить и страдать, по-вашему, могут лишь пленные французы с мятежными лехами, а мы «рылом не вышли»! Прошу простить, Зинаида Авксентьевна, что при вас я...

Зюке очень хотелось последовать примеру Крузе и исчезнуть. Отчаянно осматриваясь в поисках пути к спасению, княжна натолкнулась на взгляд высокого и сутуловатого человека с коротко стриженными на военный манер волосами. Он в разговорах не участвовал и, казалось, тоже дорого дал бы за то, чтобы оказаться где-то совсем в ином месте.

– Прошу простить, – перебила Зинаида готовых схватиться не на живот, а на смерть литераторов, – но кто сей господин у окна?

– Сей господин? – Кнуров и тут оказался первым. – Чистейшее сердце ваше заметило нашего собрата по перу столь же чистого, по-прежнему бродящего по дорогам прекрасного детства...

– Орест Аполлинарьевич Макарьин, – отрубил лысый борец с засильем иностранщины, – редкий гость здесь и знатный сочинитель. Да и вы, Зинаида Авксентьевна, смею уверить, книги его читали – в вашем собственном детстве, столь недавнем.

– Макарьин? – вырвалось у Зюки. – Пойдите, пойдите... «Приключения корабельного пса Алого»?

– Именно, – слегка поклонился лысый. И, невзирая на приличия, возопил, широко размахиваясь рукою: – Орест Аполлинарьевич! Пожалуйте сюда! Зинаида Авксентьевна желают...

– Да-да, желаю, – торопливо подхватила княжна.

«Приключения корабельного пса» она и в самом деле любила. Повесть о том, как русские моряки, отправляясь в кругосветное плавание на корвете «Находчивый», подобрали в порту молодого весёлого пса, как Алый постигал вместе с таким же молодым матросом Сеней сперва азы, а потом и высшие премудрости корабельной науки, как потом раз за разом выручал Сеню. Писал Макарьин просто и без прикрас, веял с его страниц ветер дальних странствий, вздувались паруса, и русский красавец-корвет резал волны, унося к родным берегам полюбившихся героев.

Однако даже в детские годы коробило, что все матросы «Находчивого» были один другого лучше, а вот господа офицеры так и норовили их унижить, оскорбить, несправедливо наказать, да и Алого всё время обижали, грозя «за борт выкинуть».

Макарьин подошёл, близоруко шурясь, поклонился Зюке.

– Ваше высочество, я счастлив...

– Да уж, Орест, будь счастлив, Зинаида Авксентьевна твоего «Пса» хвалила, – повёл

первую скрипку лысый. За спиной Зюка слышала раздражённое сопение дуэтом – там готовились к контрудару Чудинов с Кнуровым, разом позабыв о соперничестве.

– Я читала... «Приключения». До сих пор помню, как книгу не могла закрыть, когда Сеня к пиратам карфагенским угодил, а Алый его спасал... Вы ведь сами плавали, Орест Аполлинарьевич?

– О да, ваше высочество. Плавал. Ходил вокруг света, – говорил Макарьин голосом тихим, совсем не походя на отставного моряка. – Мой покойный батюшка, увы, не видел для меня иного поприща. Знали бы вы, Зинаида Авксентьевна, каких трудов стоило мне выйти в отставку!

– Служба морская не по вкусу Оресту Аполлинарьевичу пришлась, – пропыхтел за спиной Кнуров.

– Хотя ничего, кроме как рассказов из оной, Орест Аполлинарьевич и не написали-с, – подхватил Чудинов.

– Почитал сие долгом своим, – поморщился Макарьин. – Матросики наши, вот подлинные герои, истинные ангелы, хотя с парижскими парфюмериями не знакомы, да и грамоты по большей части не понимают. Но душою чисты! Куда чище, чем мы с вами, увы... Но простите, Зинаида Авксентьевна, сии материи, наверное, вам совсем не близки...

– Матросы наши, конечно, хороши и чудеса храбрости являют, – оспорил Макарьина лысый литератор. – Однако я и сам на эскадре плавал; когда Наполитанское землетрясение случилось и команды наши пожары тушили да завалы разбирали, невесть сколько людей спасли – офицеры наши ничуть матросикам не уступали. Да и управляли ими разумно. А что порой за нерадивость пропишут линьков, по морской традиции, – так то исключительно на пользу. Вы же свершаете ошибку, равняя слуг отечества с синими мундирами.

– Телесные наказания омерзительны! – содрогнулся Орест Аполлинарьевич. – А вы, Модест Ливиевич, на флоте, как я, не служили, всей подноготной не знаете и оттого...

Зюка отвернулась. Нет, нет, не хотела она больше говорить с господином Макарьиным. Пусть пёс Алый так и останется прекрасной памятью детства!

– Ваше высочество! – не преминул воспользоваться моментом Кнуров. – Книги Ореста Аполлинарьевича хороши бесспорно, однако просты, и читать их следует в юные годы. Человеку же зрелому, идущему путём истинного искусства, достойно...

– Достойно видеть и обратную сторону жизни, – ловко подхватил Чудинов. – Вот ваш покорный слуга...

– Всё спорите? – Варвара Виссарионовна, придерживая папёнку за локоть, придвинулась к окружившим Зюку чудикам. – Зюшенька, ты хоть понимаешь, о чём речь?

– Гаврила Дмитриевич роман новый пишет, – не стала вдаваться в подробности Зюка. – Про Капказ...

– Я, как и всегда, взял за основу подлинную историю. – Если Кнуров напоминал Милорда, то Чудинов – раздувшегося перед голубкой сизаря. – Пленного, но так и не покорившегося ребёнка прихвативший его для забавы генерал насильно крестит и бросает в монастыре. Юноша вырастает, томим мечтой о свободе, но ничем не выдавая своих стремлений. Его готовят к постригу, но он бежит из ставшей ему тюрьмой обители и оказывается у Буонапарте...

– Знаю я ту историю. – Папёнка, воспользовавшись случаем, высвободил руку у Варвары и взглядом указал истомлённой дочери на дверь. – Тесть мой покойный, Дарьи Кирилловны родитель, того мальчишку и привёз. Волчонок волчонком был, кусался даже.

– Ваше высочество, по понятным причинам я генерала Котенина не называю, но история сия...

– А что в ней такого? – не понял папёнка. – Ну, оставил Кирила Петрович, покойник, находку свою в монастыре, пока персиян гонял, так ведь забрал потом и в Анасееполь привёз, василиссе в презент... Только с Буонапарте вы, любезный, загнули, Автандил сей как стал Арсению сапоги ваксить, так доселе и ваксит.

Зюке давно так не хотелось расцеловать отца, как в эту минуту, среди онемевших

литераторов; правда, Авксентий Маркович о дочернем порыве не подозревал. Как и о том, что только что поверг противного Гаврилу в прах.

Глава 11

Анассеополь, Бережной дворец

6 ноября 1849 года

Рапорт лежал на столе – несколько листов, исписанных каллиграфическим, несмотря ни на что, почерком генерал-лейтенанта Ломинадзева. У стола, в кабинете василевса, сидели трое – вернее, сидели двое, потому что третий, хозяин, не переставая мерил просторную комнату шагами от стены и до стены.

Царило иссушающее молчание, и Николай Леопольдович, не в силах выносить более и тишину, и неподвижность, потянулся к рапорту, зашелестел бумагами.

Донесение штаба Второго армейского корпуса гласило:

«Всемилоостивейший Государь!

Прибыв 1-го числа сего месяца с корпусом, Высочайше, Вашим Василеосским Величеством, мне вверенным, в поселение Кёхтельберг, горькую обязанность имею донести следующее.

После того как Ваше Василеосское Величество соблаговолили назначить меня на должность, которую я занимаю по настоящее время, я опасался, что клевета и интриги пребывающих в столице недругов моих обрушатся на меня. Скажу более, я ожидал сего, потому что подобный результат совершенно естественно вытекает из порядка вещей, но мне трудно было представить, что я доживу до дня, когда донесу моему Государю о поражении, нанесённом моему корпусу, о гибели достойнейших и о нерадении, неподчинении приказам и трусости тех, кого по недопустимому мягкосердечию своему и нежеланию прибегать к ненавистному мне доносителюству я оставил в занимаемых должностях.

Прибыв к вверенному мне корпусу, я принял твёрдое решение не беспокоить со своей стороны Ваше Василеосское Величество ни единой строкой, за исключением рапортов о воинских успехах наших. Однако в настоящую минуту, когда нежелание моё тревожить моего Государя и терпимость к пользующимся покровительством высоких особ офицерам привели к несчастью, я без прикрас и оправданий расскажу о нанесённом корпусу поражении, уповаю лишь на Высочайшую справедливость. Самое горячее усердие ко благу службы, полная преданность интересам моего Государя, осмелюсь сказать, глубочайшее чувство привязанности к Его Священной особе – все эти чувства, испытываемые одновременно, вынуждают меня пренебречь советами главного корпусного хирурга, надворного советника Бетьева, и, невзирая на рану и контузию, оставаться во главе корпуса, сдерживая напор неприятеля и дожидаясь решения своей участи, коя находится в руках Вашего Василеосского Величества.

Вступив в должность и приняв дела от генерал-лейтенанта Бороздина 2-го, я приказал корпусу выступать. Совершив пятисотвёрстный марш, вверенные мне войска к вечеру 29 октября передовыми частями достигли Млавы. Однако по итогам личной рекогносцировки нашёл я пограничное положение наше на вышеупомянутой реке весьма опасным. Сие происходило вследствие растянутости линий подвоза и скверного состояния дорог, а также полного сосредоточения неприятельских войск, что выявлено было простой обсервацией, ибо командующий силами противной стороны, известный Вашему Величеству генерал фон Пламмет, не скрывал костры своих бивуаков. Однако, почитая своим долгом находиться среди войск, а также желая поощрить рвение и отвагу нижних чинов и подать благой пример офицерам, ряд коих, особливо из числа взятых с Кавказской линии, выказывал неуверенность в силе российского оружия, вынес я свою ставку к самой границе, заняв для сей цели Лабовскую мызу.

Оценив предполагаемый театр военных действий, я заметил, что позиция наша, достойнейшая при наступлении, весьма уязвима при обороне. Будучи связан сроком ультиматума и неусыпным за собой наблюдением со стороны моих недоброжелателей, я не мог ни перейти Млаву, дабы, используя все имевшиеся преимущества, обрушиться на неприятеля, как велят каноны военной науки, ни заняться устройством оборонительного рубежа, что, вне всякого сомнения, было бы дурно истолковано в войсках, и так пораженных унынием и неверием в победу. Тем не менее я повелел генерал-лейтенанту Ломинадзе отдать устные распоряжения командирам гвардейского гренадерского полка полковнику Росскому и Софьедарского гусарского полка полковнику Княжевичу в случае тревоги незамедлительно занять позиции у деревни Заячы Уши, видя по положению нашему, что деревня сия будет ключом всей позиции. Также велел я укрепить её полевыми ретраншементами и усилить орудиями, сколько место позволяет. Позднее предвидение моё сбылось, и успешные действия гренадер Росского и софьедарских гусар сковали продвижение фон Пламмета.

Приняв сии меры, я тем не менее не мог оставаться спокойным, ибо не имел достоверных известий о намерениях неприятеля и испытывал беспокойство на предмет неподчинения приказам со стороны командиров Муромского егерского полка и Югорского стрелкового батальона, пренебрегавших необходимейшей скрытностью и никак не подготовившихся к отражению неприятеля. Более же всего меня тревожили намерения командира Югорского батальона подполковника Сажнева под покровом ночи перейти Млаву, дабы провести о замыслах противника и, возможно, захватить пленных, что могло иметь и имело роковые последствия. Намерения эти на первый взгляд, при всей своей недалековидности, казавшиеся геройскими, продиктованы были не сколько рвением и усердием, сколько трусостью и желанием иметь оправдания на случай неудачи нашей.

Мною в присутствии офицеров штаба было строжайше запрещено подполковнику Сажневу производить любые действия, могущие дать противной стороне весомый в глазах Брюссельского конвента повод объявить о вторжении нашем в Ливонские земли до срока истечения ультиматума. Испытывая волнения на сей счёт и прислушавшись к советам высших офицеров своих, я издал приказ по корпусу, повторяющий мои распоряжения, наивно полагая, что сие остановит иных офицеров, позабывших на Кавказской линии о дисциплине и возмнивших, будто опыт стычек с дикими горами может быть применён в противостоянии с лучшими солдатами Европы.

Будучи наслышан от Вашего Василеосского Величества, насколько Югорский стрелковый батальон достоин всяческого доверия и что на него можно положиться при самом опасном и несчастливом стечении обстоятельств, я не счёл возможным отстранить подполковника Сажнева от командования и поставил батальон в первую линию напротив имевшего наиважнейшее и наивыгоднейшее значение моста Хуридах, подле фольварка Аттельейн, что стало моею роковою ошибкой. Днём 30 октября (я не ошибаюсь, как может показаться Вашему Василеосскому Величеству, имеющему богатый воинский опыт, это было сделано именно днём) подполковник Сажнев приказал нижним чинам перейти Млаву и проникнуть в расположение генерала фон Пламмета, опознанного по открыто вывешенным знамёнам его известной наёмной дивизии (среди прочих замечены были штандарты драгунской бригады, именуемой «Чёрными волками»). Предпринятое подполковником Сажневым самоуправство было обнаружено противною стороною и истолковано единственным возможным образом. Обстоятельства не позволили мне со всей достоверностью установить, был ли произведён нижними чинами Югорского батальона обстрел ливонских войск или же попытка захватить пленного, однако командующий противною стороною генерал фон Пламмет счёл случившееся достаточным оправданием для нанесения ответного удара, всею своей мощью обрушившись на расположение Югорского стрелкового батальона, Суждальского, Олонецкого и Муромского полков, причём как подполковник Сажнев, так и командир Муромского егерского полка майор Вильский вместе с командиром Олонецкого егерского полковником

Аксельсеном проявили вопиющую беспечность и неспособность управлять тотчас пришедшими в расстройство войсками.

Не встретив никакого сопротивления, войска прусские и ливонские устремились в пробитую ими брешь, и лишь внезапно поднявшаяся метель замедлила их продвижение настолько, что слышавший пальбу полковник Росский, проявив недюжинную расторопность, успел выйти на предписанные ему позиции и при помощи гусар подоспевшего Софьедарского полка полковника Княжевича задержать основные силы фон Пламмета.

Благодарение Господу, в разгар боя к Заячьим Ушам подошёл Володимерский пехотный полк под началом полковника Фелистова, который смог окончательно остановить вражеское продвижение. Увы, сам полковник Фелистов при этом погиб, с саблей в руке увлекая свой полк в атаку. Повествуя Ваше Василеосское Величество о храбрости и геройской гибели сего достойного офицера, не могу не молить Ваше Величество не оставить Своими заботами вдову и семейство погибшего. Тем более что подвиг сей знаменовал изрядное затруднение успешной авантации неприятеля в наши пределы вдоль Ливонского тракта. Противнику нанесены также изрядные потери: согласно донесению полковника Росского, урон вторгшихся в Отечество наёмных и ливонских войск составил под Заячьими Ушами не менее двух тысяч только убитыми. Захвачено также четыре орудия.

В то время как фон Пламмет, опрокинув и рассеяв почитавшиеся надёжными и готовыми к сражению части, основными силами продвигался вдоль Ливонского тракта, охватывая фланги корпуса, один из его полков, используя сведения, полученные у пленных, нанёс удар по моему штабу. Благодаря своевременному предостережению, о чём я подробно скажу ниже, штаб корпуса смог, уже под пулями, покинуть Лабовскую мызу. На пути в Кёхтельберг конвой наш, однако, был перехвачен чёрными драгунами фон Пламмета и принуждён был к неравному бою. Описывать действия всякого генерала, штаб- и обер-офицера я не в силах, а отличная оных храбрость доказана тем, что почти треть их истреблена на месте.

Собрав рассеянные остатки штабного конвоя, я принял решение, атаковав штыками, прорываться к лесу, что и было сделано. Наступавшая темнота и сильная буря способствовали нашему предприятию. Во время атаки в дополнение к полученной в первые мгновения нападения ране я был контужен, потерял сознание и был вынесен с поля боя нижними чинами. Командование принял генерал-лейтенант Ломинадзев, коий и доставил штаб в местечко Кёхтельберг, где я, ощущая бремя долга на плечах своих, вновь принял на себя управление корпусом.

Соединив в Кёхтельберге рассеявшиеся было части Пятой и Шестой пехотных дивизий, общим числом восемь пехотных и два егерских батальона вкупе с одной пешей батареей, я для удобнейшего укомплектования потерпевших войск и при наседавшем противнике в силах не менее двух дивизий пехоты и драгунской конницы при 60 орудиях велел отступить от Кёхтельберга, местоположение при котором нашёл весьма невыгодным для обороны. Вверенные мне части в полном порядке совершили ретираду на один марш к деревне Ягодки, расположенной на Ливонском тракте. Однако позиция наша и там не отличается выгодностью, и я не готов ещё отдаться на произвол сражения, ибо потери наши чрезмерно велики и исчисляются в две полные дивизии, поелику кроме вышепомянутых полков Пятой и Шестой дивизий понесли также тяжёлые потери Володимерский пехотный, Софьедарский гусарский и гвардейский гренадерский полки; полностью погибла, будучи со всех сторон окружена неприятелем, конноартиллерийская бригада полковника Карпина, и судьба его самого неизвестна, что заставляет меня подозревать худшее. Из состава Четвёртой пехотной дивизии такоже весьма велик урон в застигнутых на марше Жельнском пехотном и Закаменском егерском полках.

Тешу себя надеждой, что, правдиво повествуя Вашему Василеосскому Величеству о собственных ошибках и упущениях, вину в коих не отрицаю ни в малейшей степени, я не отвращу Вашего Василеосского внимания от явленных примеров храбрости офицеров и нижних чинов штабного конвоя и собранных нами

отступающих батальонов. Штыками проложив себе дорогу на Кёхтельберг, мы заставили неприятеля ретироваться, нанеся ему изрядные потери: до тысячи убитыми и ранеными, что почитаться может за немалый успех при рассмотрении того состояния, в коем оказались расстроенные наши части.

Из числа же югорских стрелков в распоряжение главных сил корпуса вышло их до полуроты, утративших знамя и имевших при себе лишь дюжину ружей. Местоположение подполковника Сажнева неизвестно. В случае его обнаружения в числе живых считаю необходимым предать его военно-полевому суду с разжалованием и ссылкой в линейный батальон Капказского корпуса нижним чином.

Не могу также скрыть от Вас, Всемилостивейший Государь, что число дезертиров весьма умножилось. Только вчера полковник Свиты Вашего Василеосского Величества по квартирмейстерской части Горяинов собрал их до восьмисот, но против сего зла уже приняты строжайшие меры.

Перехожу теперь к самой горестной части моего донесения, к повествованию о наших потерях. Выше я уже сказал вкратце, что исчисляю их в две дивизии, однако сие включает и убитых, и раненых, и просто рассеявшихся по лесам.

Сведения, у меня имеющиеся, получены большею частью из докладов уцелевших гг. офицеров и путём опроса младших чинов различных полков, что поневоле заставляет подозревать неполноту и неточность оных подсчётов.

Число только убитых простирается до восьми тысяч, число раненых же относительно невелико. Сие есть результат злодейского и хладнокровного истребления наших раненых бесчеловечным неприятелем. Отставших по ранению во время бегства вышепоименованных пехотных полков и стрелкового батальона наёмные немецкие войска и ливонская милиция безжалостно добились вместо оказания им помощи, как положено законами воинским и христианским. Ужасная погода, облегчив в известной степени отступление организованных частей наших, в то же время совершенно безжалостна оказалась по отношению к оставшим и раненым, многие из которых, не в силах идти, стали добычей холода и немилости врага. До двадцати тысяч человек числим пропавшими без вести, однако имею изрядную надежду думать, что они просто рассеялись по лесам и в ближайшее время будут собраны. Сие, однако, не отменяет того факта, что сейчас Второй армейский корпус имеет лишь одну свежую дивизию, Девятнадцатую. С имеющимися у меня силами буду, несмотря ни на что, противостоять вторгшемуся неприятелю, уповаю на безграничную милость Божию и храбрость офицеров с нижними чинами.

О неприятеле же никаких сведений у нас нет, кроме того, что лёгкими войсками открывать можно или ведать от взятых нами, несмотря на трудности отступления, пленных. По их показаниям, явственно путанным и противоречащим одно другому, выходит, что против нас фон Пламмет имел самое меньшее четыре дивизии и драгунскую бригаду, коя почти равна силой нашей кавалерийской дивизии. Уже к вечеру 28 октября все воинские части неприятеля являли собой собранный воедино кулак.

Таково положение, в коем находится ныне вверенный мне Второй корпус Действующей Армии. Никоим образом не снимая с себя вину за бедственное состояние, в коем он оказался, и будучи готов понести любое наказание, верноподданнейшие прошу обратить Ваше Василеосское внимание на подвиг генерал-майора Аристарха Богдановича Ейсмонта, погибшего при отражении натиска противника на штабной конвой, и не оставить милостию своею его вдову и детей, а также на мужество и распорядительность спасшего штаб корпуса генерал-лейтенанта Ломинадзева. Всемилостивейшие прошу Ваше Величество обратить благосклонное внимание своё на заслуги полковника Росского, коий согласно приказу в труднейшем положении дал бой на указанных ему позициях и сковал дальнейшее продвижение фон Пламмета.

Кроме означенного генерал-майора Ейсмонта, погибли у меня на глазах, изрубленные драгунами фон Пламмета, генералы Свиты Вашего Василеосского

Величества Гаев и Саковнин, уже мёртвыми попавшие в руки неприятеля.

Тело же испутившего дух с именем Вашего Василеосского Величества на устах генерал-майора Ейсмонта, согласно его предсмертной просьбе, в сопровождении адъютанта покойного, князя Крупицкого, отправлено в Анассеополь, дабы было оно предано земле в Андриано-Печерской лавре рядом с почившим от полученных во Второй Буонапартовой кампании ран родителем.

Дерзну поведать также Вашему Василеосскому Величеству о более чем достойном поведении Михаила Шигорина, кой, отбывая наложенное на него наказание, нижним чином состоял в Темрюкском гусарском полку и первым явился ко штабу корпуса с предупреждением об опасности и в дальнейшем, при отступлении штабного конвоя в Кёхтельберг и Ягодки, являл изрядную храбрость. Постоянно пребывая в сабельных стычках с наседавшими драгунами неприятеля, упомянутый Михайло Шигорин не оставлял позиции, ободряя других нижних чинов и призывая оных не жалеть жизней во имя Вашего Василеосского Величества. Лицу себя надеждой, что храбростию своей сей отпрыск достойнейшего и древнейшего рода Державы смог хоть в малой степени загладить часть вины своей перед Вашим Величеством, за каковую вину, несомненно, понёс заслуженное наказание.

Я же, будучи довольно легко ранен, умоляю лишь об одной милости – разрешить мне остаться в армии хоть рядовым, дабы смыть нынешние унижение и позор.

Всемилостивейший Государь, Вашего Василеосского Величества Верноподданнейший

Леонтий Шаховской.

Писано под диктовку начальником штаба Второго армейского корпуса князем Ломинадзевым .

Прилагаю при сём оригинальные рапорты о наличной армии и подношу также Вашему Василеосскому Величеству доклад начальника штаба к военному министру».

* * *

Пальцы разжались, отпуская роковую бумагу. Тугая боль стиснула грудь, отдалась в спине, стало трудно дышать. Виски покрыл холодный пот. Мелькнула мысль, что надо бы вызвать Харитона Фомича, дохтура, пользовавшего всероссийского сатрапа последние пятнадцать лет, – мелькнула и тотчас исчезла. До дохтуров ли тут, при таких делах...

Значит, так оно и было, не сговорился же Ломинадзев с Пламметом, а Пламмет с англичанами, ливонцами и пруссаками. Так и было... Восемь тысяч убитых, пруссаки, а это именно они, на нашем берегу Млавы, прут вперёд, и один Господь знает, где останутся.

Николай Леопольдович пошевелил губами, словно повторяя последние слова, и оглянулся на крутящего пуговицу государя. Арсений Кронидович за ночь успел себя окончательно уверить в том, что проклятый телеграф и ещё более проклятый фон Пламмет ввали хотя бы насчёт югорцев. Уж лучше б донесение пришло вчера...

Наряду с гвардией стрелковые батальоны были любимой игрушкой государя. Ему хватило воли и настойчивости устроить там всё на свой лад, не слушая никаких возражений. Арсений Кронидович очень надеялся на стрелков. Охотники, а не забритые насильно рекруты. Приличное жалованье, его можно отсылать домой по аттестату. После того как первые солдатские семьи на деньги записавшихся в службу стрелков прикупили коней да коров, наняли покосов и пашни, от желающих не стало отбоя, но брали, само собой, не всех, а только лишь достойнейших, отличавшихся на смотре.

– Лучший батальон! – Это был даже не крик, вой. – Лучший батальон загубить! Бессмысленно, зазря!

Ответ не требовался, более того, он мог сейчас только навредить, и Тауберт вновь уткнулся в рапорт, доставленный загнанным не хуже лошади фельдъегерем. Бедняга не знал ничего, просто гнал лошадей, но ливонский телеграф всё равно был быстрее.

Загубили, само собой, не один лишь «лучший батальон». Загубили две дивизии, кои теперь, если по делу, нужно переформировывать. Погибла, если верить Шаховскому, треть офицеров свиты и штаба корпуса. Убиты или пропали без вести несколько генералов. О сгинувших пушках и знамёнах Шаховской с Ломинадзевым благоразумно умалчивали, не забыв, однако, помянуть утраченное знамя югорцев.

И для василевса сейчас все поражение и разгром сжались до одного батальона, в который он верил едва ли не больше, чем в гвардию. И гвардия, кстати, выстояла...

– Что молчишь? – тяжело выдохнул василевс. – Язык проглотил?

Сказать было нечего, но и молчать всероссийский сатрап, будучи именно сатрапом, не мог тоже.

– Слишком похоже, – Николай Леопольдович аккуратно положил чудовищную депешу на стол, – словно сам лорд Грили диктовал.

– Ты о чём? – Государь ничего не понимал, да и сам Николай Леопольдович не вполне уразумел, что брякнул. Язык сработал быстрее головы, подобное с коварным Таубертом хоть и нечасто, но случалось.

– Ваше величество, – шеф жандармов осторожно подбирал слова, – очень уж бросается в глаза сходство рапорта Ломинадзева и английского доноса. И тот и другой унижают нас как только могут. Грили стремился нас уверить в нашей убогости и превосходстве фон Пламмета, а Ломинадзев, оправдываясь, преувеличивает нашу слабость. Посудите сами, ваше величество, откуда в рапорте столько ссылок на «невыполнение приказов», трусость и прочее? Полки большей частью обстрелянные, опытные. Бывалые солдаты. Ходили за Дунай, воевали на Зелёной линии. Те же югорцы там отличились не раз и не два, один штурм Даргэ чего стоит!.. А тут разом побежали?

– Толком говори, Никола! – зарычал василевс. – Два донесения у нас есть, с двух сторон, и оба – об одном и том же! Разбил нас Пламмет, немец-перец-колбаса! Погнал, как мы османов гоняли или живодёров из Даргэ, тобой помянутого! Две дивизии рассеял, убитых столько в одном бою с Буонапартовых времён не случалось! Что оспорить хочешь, Николай Леопольдович?

Молчавший доселе Орлов поднял голову. Сергей Григорьевич, как всегда в подобных случаях, был бледен, в лице ни кровинки. И, чёрт его побери, спокоен.

– Ваше величество, нашу неудачу никто не отрицает. Причины её изучим досконально позже, а пока надо Пламмета обратно погнать. Хотя он и сам едва ли надолго у нас задержится. В худшем случае обрушится на Девятнадцатую дивизию и полки, собранные... Ломинадзевым под Ягодками.

– А ты, князь, ты... – давился гневом василевс, однако овладел собой, махнул рукой. Сел.

– Уничтожение корпуса фон Пламмета теперь для нас – дело чести, – проговорил Орлов, не отрывая взгляда от карты. – Надо наступать. Если Ломинадзев прав и у пруссаков там четыре полные дивизии и бригада, то для разгрома их потребны по меньшей мере два свежих армейских корпуса.

– И гвардия! – бросил василевс. – Хватит ей тут прохлаждаться. Не хотел я гвардионцев посылать, да, по опыту полковника Росского судя, ни на кого другого надежды нет. Всех – на Млаву!

– И Конный полк? И кавалергардов? – дерзнул осведомиться шеф жандармов.

– Сказал уже – всех! – отмахнулся василевс. – Кто из Анассеополя сможет быстро до Млавы добраться. Гвардейскую кавалерию – в первую голову! И пехоту следом! Армейские же части...

– Четвёртый и Пятый корпуса, – тотчас подсказал Орлов. – Из Менска и Вильны. Для усиления придать им Китежградский конноегерский полк, в Барановске пребывающий, а

также...

Умница Сергей, подумал Тауберт. Отвлёк государя, стал перечислять полки с дивизиями, сейчас до походных гошпиталей да обозных парков дойдёт, и скроется самое жуткое и болезненное: как всё-таки получилось, что Второй корпус, даже в бой как следует не вступив, половины войск лишился.

Однако сбить василевса с горьких мыслей так и не удалось.

– Погоди, князь. Откуда подштанники везти для наступающих войск, вы в министерстве сами разберётесь. Что там про сходство двух рапортов, Никола?

Мысленно застонав, Тауберт откашлялся, пытаясь тянуть время.

– Говорил я, что слишком уж Шаховской с Ломинадзевым усердствуют, вину на младших по чину сваливая. Оправдываются...

– Не в чем им оправдываться! – вскинулся Арсений Кронидович. – Что могли, то сделали и до сих пор делают. Пламмет, кукла чёртова, ночью, в спину! Спасибо, гвардионцы не подвели, но югорцы! Югорцы! Раздразнили волка и бежать! Правильно Булашевич говорил... Штыком давить нужно. И храбростию... Даже Шигорин, каналья, труса не праздновал... А эти... Знамя бросили! Знамя!!!

Ровные ряды под выцветшим от южного солнца знаменем, загорелые лица, блестящие глаза, огромный подполковник с тремя звёздами на эполетах... Боялся? Бежал? Этот?! Шаховской пишет, что югорцы рассеялись, а Пламмета задержали гвардионцы...

– Гренадеры, ваше величество, летать покамест ещё не обучены. – Смутная догадка мелькнула и скрылась, даже не догадка, а нечто выбивающееся из картины разгрома, коего избежать было ну никак невозможно, и виновны во всём, кроме прусской мощи, югорский подполковник с муромским майором.

– Шаховской ещё раньше доносил, – ровным голосом объяснил Орлов, – дескать, гвардия отстала и движется далеко за авангардом, в главных силах. Фон Пламмет пошёл вперёд, смял авангард, едва не захватил на Лабовской мызе весь штаб корпуса; войсками никто не управлял, все пути открыты, а он только до Заячьих Ушей и добрался. Если гвардионцы его перехватили на марше, значит, на загорбке у Пламмета кто-то повис до подхода резерва. Может, муромские егеря. Может, югорские стрелки.

Арсений Кронидович не отвечал. Он слишком обманул себя, обманывая посла, чтобы теперь цепляться за туман, а вот Николай Леопольдович чем больше думал, тем меньше верил. Потому что вынесение штаба вперёд в ожидании неприятеля и для «поощрения рвения и отваги нижних чинов», равно как и во имя «подачи благого примера офицерам», было глупостью несусветной – или таким же геройством. Так при необходимости мог поступить Александр свет-Васильевич, так обязательно поступил бы помянутый Булашевич, чаи гонявший под османскими пулями, но никак не Шаховской с паркетным Ломинадзевым. Этот бы в лепёшку расшибся, но отсиделся бы за штыками тех же югорцев. Нет, не выносил Шаховской командный пункт, а попёрся, уверенный, что «ничего не случится», на уютную мызу и угодил, как кур в ошип. Попался, потерял голову и управление войсками, шарахнулся сперва к Кёхтельбергу, потом в эти самые Ягодки, отдышался и кинулся валить с большой головы на здоровую.

– Если Шаховской вынес штаб вперёд, то сам Пламмета и пригласил, – запустил пробный шар Тауберт, – и нечего на майоров с подполковниками грешить. Кто выше, с того и спрос.

– Значит, спрос с меня, – Арсений Кронидович провёл рукой по лицу, словно снимая невидимую паутину, – но мерзавцу, югорцев загубившему, оправданий нет и быть не может.

– Спрос со всех. – Шеф жандармов не может спорить с василевсом, а штаб-ротмистр Капказского корпуса со штабс-капитаном? – И с меня, и с Орлова, и с Васьки Янгальчева, что пустили Шаховского с Ломинадзевым. Мы пустили, а они врут теперь, на младших своё ротозейство сваливая!

Это оказалось ошибкой.

– Замолчи, – в горле Арсения Кронидовича клокотало, как у запесчанского волкодава, –

замолчи... Шаховской кровь проливал, пока ты тут... Ейсмонт убит, Гаев с Саковниным убиты, половины корпуса нет, а ты... Тебе б только счёты сводить, а тебя бы против Пламмета с его зверьём?! Небось не с Варвариными поэтами воевать!.. Верно говорят, жандарм воину не товарищ!

– Так точно, государь, – ровным голосом произнёс Николай Леопольдович, – а посему разрешите доложить о рапорте из Яицка.

– Нет! – Лицо василевса налилось кровью. – Слышать ничего не хочу! Убирайся! Куда хочешь! К Ваське, к жандармам своим, к чёрту!.. И ты тоже! – рявкнул он на Орлова.

Тауберт поднялся, щёлкнул каблуками и, печатая шаг, направился к двери. Орлов оказался рядом.

– Сергей Григорьевич... и ты, Никола...

Шеф Жандармской стражи замер на месте, по-уставному повернувшись кругом через левое плечо.

– Отрядите два эскадрона кавалергардов. Встретим Ейсмонта как полагается. Сперва встретим, потом проводим. Хотя бы его...

Глава 12 **Ливония** **4–8 ноября 1849 года**

Перейдя реку, собранные Росским полки, общим счётом на усиленную дивизию, наступали дерзко, словно целый корпус и как бы не армия.

Пограничный фольварк Аттельбейн встретил русских зияющей пустотой. Окна и двери аккуратно заколочены, колодец – засыпан песком.

– Ничего не пожалели, – хмыкнул Сажнев.

– Песок легко вычерпать можно, – не согласился казачий полковник Менихов, – значит, рассуждают насчёт возвращения.

– А что б им и не вернуться? – пожал плечами Росский. – Мы не с ливонцами воюем и даже не со здешними немцами.

Менихов зло прищурился.

– Погодите, Фёдор Сигизмундович, они нам ещё в спину стрелять станут, эти самые, с которыми «не воюем», да на солдат одиночных по ночам нападать. Красного петуха им пустить бы, чтоб знали!

– Полковник, полковник! – поморщился гвардиец. – Что у вас за речи?

– Вы же бывали на Капказе, Фёдор Сигизмундович?

– Бывал, – спокойно парировал Росский. – И не один раз.

– Тогда о чём спорим? – усмехнулся в чёрные усы казак. – Как горцев за набеги учили?

– Ливонцы с немцами через Млаву скот угонять да хлеба жечь не ходят, – возразил Росский.

– Пойдут! – посулил Менихов. – Всенепременно пойдут!

– Когда пойдут, тогда своё и получают, – закончил спор гвардиец, трогая лошадь. Солдаты шли весело, после Заячьих Ушей подтянули какие ни есть обозы, люди поели горячего.

Широко разбросав казачьи разъезды, держа наготове гусар и улан, буде баварские драгуны дерзнут появиться вблизи наступающих русских колонн, новоявленная Млавская бригада осторожно прощупывала дорогу. Росский помнил об опасностях, немцы с ливонцами могли ударить во фланг, попытаться отрезать от реки – однако фон Пламмет не торопился предлагать бой. «Чёрные волки» с пехотой исчезли, как ранний снег под солнцем.

Унялась и погода. Дни стояли серые, но, по счастью, сухие.

Остались позади и другие, кроме Аттельбейна, пограничные фольварки – пустые, брошенные жителями, вывезшими всё до последней соломинки.

Солдаты шагали мимо аккуратно выложенных каменных изгородей, добротных

кирпичных домов под черепичными крышами – здесь жили немцы, рыцарские потомки, и мимо отнюдь не справных ливонских деревушек, где обитали арендаторы. Там русских тоже встретила пустота.

– А эти-то чего сбёгли, – переговаривались сажневские стрелки, – чего спужались-то? Мы ж своим вернославным помогать идём, а не местных зорить, так ведь?

– Небось немчуры своей послушались, – заявлял унтер Петровский. – Германец тут заместо барина, как скажет, так всё и сполняют. А куда им деваться? Землица-то вся под немцем.

– Ишь ты, Петровский! – услышал унтера Сажнев. – Где ж ты у меня этакой политической экономии набрался?

– Виноват, ваше благородие, Григорий Пантелеевич, капли во рту не было! Нигде не набирался, господин подполковник! Да и как можно, в походе-то!

Унтер отвечал не по Уставу, но тем-то и был силён Югорский батальон, что его командир знал, когда оный Устав надлежит спрашивать до последней буквы, а когда достаточно и просто формальности.

– Да не про то я, – рассмеялся Сажнев. – Откуда ты столько про Ливонию знаешь?

– Читал, ваше благородие!

– Где? – неприятно удивился командир югорцев.

– Так, ваше благородие, когда в Анасееполе стояли да разговоры про Ливонию шли, я и решил, мол, разузнаю побольше. В увольнение когда вы меня отпустили, в библиотеку отправился. Благо она для нижних чинов бесплатная, спасибо государю-батюшке. – Унтер лукаво ухмыльнулся.

– Верно! – вспомнил Сажнев. – Это когда ты, братец, в город отправился краше, чем на государев смотр?

– Так точно!.. Все медали, какие есть, надел да и отправился. Спасибо городовому на Ладожской перспективе, объяснил куда да как. Являюсь, значит... – Увлёкшись, Петровский уже не столько отвечал командиру батальона, сколько рассказывал остальным стрелкам, случившимся поблизости. – Являюсь. Зал высоченный, две избы одну на другую поставить – и то запросто влезут, полки доверху, и все книжками заставлены. В жисть столько не видывал. Я, само собой, мундир одёрнул, думаю, ох ты боже ж мой, ну да ничего, где наша не пропадала! Иду к стойке, а там батюшка молодой, не батюшка даже, а семинарист, господин скубент, в бородаке одна волосина другую догоняет. Глаза голубые, ну чисто как у барышни. – Сажнев не прерывал, югорцы слушали со вниманием. – Я, значит, к нему. Шаг печатаю, грудь вперёд. А он мне, здравствуй, мол, служивый, какими судьбами, чего тебе надобно? Не ошибся ль ты, библиотека тут, не что иное! А я ему, мол, здравия желаю, батюшка, спасибо на добром слове, а токмо я не просто служивый, а его василеосского величества Югорского стрелкового батальона обер-унтер-офицер Петровский, по имени Егор, по отчеству Онофриевич! И потребна мне именно библиотека, не кабак вовсе иль иное непотребство! Мол, куда шёл, туда и пришёл!

Стыдно, видать, ему стало, покраснел опять же, ровно красна девица, и говорит: «Благослови тебя Господь, Егор Онофриевич, Югорского батальону обер-унтер-офицер, чем же я тебе помочь могу?» А я ему – потребна мне, дескать, книжка про Ливонию, да такая, чтобы там всё понятно сказано было, потому как мне не токмо самому читать, а и всему взводу рассказывать. Поверите ль, нет, просиял батюшка-скубент, обрадовался, к полкам меня повёл, говорит, мол, прости, Егор Онофриевич, найдём сейчас тебе книжку. Ну и дальше, про то, как читать полезно да что всем нижним чинам грамоту знать обязательно надо...

– Хвалю, Егор, – усмехнулся Сажнев. – Ты у нас на все руки мастер – и с зимовичками говорить, и экономию разъяснять. Пряма-таки Холмогоров Михайло, все науки превзошедший! Молодец!

– Премного благодарен, ваше высокоблагородие!

– Расхвастался, Егор, – буркнул другой унтер, пряча ухмылку в густых усах. – Грамоту

сам ведаешь – так других учи! А то иные стараются, а ты байки травишь!

– Тебя, Аким, пожалуй, научишь – тебе лишь бы брюхо набить да на боковую!
Солдаты захохотали, Сажнев тоже улыбнулся и проехал дальше.

* * *

Оказавшись на ливонской стороне, Русский пользовался сейчас растерянностью, царившей в штабах по обе стороны границы. Ну никак не мог командир пусть и гвардейского, но всего лишь полка вот так лихо и дерзко наступать, лезть поперёк батьки в пекло, «совать голову в петлю». Фёдор Сигизмундович и не сомневался, что уже сейчас в Ягодках, в штабе корпуса, скрипят перья и сочиняется не один рапорт-доклад в Анасееполь, обвиняющий его, гвардии полковника Русского, в самоуправстве, неподчинении приказам и «излишнем подвержении войск опасности».

Конечно, проще всего ничего не делать. Остался б после Ушей стоять, где стоял, потихоньку собирая остатки рассеявшихся полков да сочиняя победную реляцию, – и всё было бы хорошо. Не торопясь явился бы – не запылится штаб корпуса, подтянулись Девятнадцатая пехотная дивизия, все тылы, все обозы – и уж тогда, единым кулаком, пошли бы за Млаву. Был бы ты, Фёдор Сигизмундович, обласкан в Анасееполе, может, и крест бы вручили, и думать ни о чём не пришлось бы.

Однако фон Пламмета мы бы упустили. Ушёл бы, чертяка, метнулся б куда, затаился в лесах севернее или южнее тракта, пришёл в себя и ударил вновь, разрубая едва собранные корпусные колонны. Терять хитрого пруссака было никак нельзя, ему и так досталось слишком много свободы. Надо наступать, не давать «чёрным волкам» передышки, не дать зацепиться за тот же Анксальт, возвести там укрепления – нет, надо гнать их всё дальше и дальше, и не просто гнать – их надо разбить. Весь этот нечестивый сброд, наёмников-кондотьеров, – потому что они посягнули на Россию, а Россия подобного не прощает. Потому что если простит один раз – непременно сыщутся те, кто захочет попробовать вдругорядь, мня себя хитрее, умнее и сильнее того же фон Пламмета.

Опасно идти вперёд? Верно, опасно. Под Заячьими Ушами фон Пламмет имел самое меньшее две дивизии, ещё какие-то его части действовали на северной дороге, против полков русской Шестой пехотной, – и, по всем канонам, теперь эти войска вполне могли ударить Русскому во фланг, отрезая от реки и переправ. Или отступившие в Ливонию «чёрные волки» вместе с той пехотой, что совсем недавно штурмовала русские позиции, могли попытаться устроить охват. Слепо лезть вперёд казалось сейчас безрассудством; по словам немногочисленных пленных из отставших, захваченных казаками, выходило, что и наёмники, и ливонские биргерские роты отходят прямоком к Анксальту, словно приглашая русских следовать за ними.

И лишь одно все пленные отрицали дружно – мол, никаких прусских регулярных войск тут не было и нет.

Русский только хмурился, выслушивая эти известия.

Анксальт – крепкий орешек. Стоит на холмистой гряде, окружён старыми крепостными стенами. По Млавенбургскому тракту удобно перебрасывать подкрепления и припасы.

Млавская бригада наступала теперь по широкой, тщательно замощённой дороге. Немчура строила, вела каменные пути к границам Державы – уж наверняка не просто так. Первый день вокруг тянулись одни лишь брошенные дома, фольварки и хутора; на второй стали попадаться жители, прежде всего – ливонцы. Эти смотрели исподлобья и недобро, на все вопросы тянули «рюсски не понимай», а когда с ними заговаривали по-немецки или по-ливонски (в бригаде отыскалось несколько немцев-остзейцев и даже унтер-ливонец родом с русского берега Млавы), ныли, что ничего не видели, ничего не знают, господа уехали и всё с собой увезли, ничего не оставили, крошки хлеба детям взять неоткуда...

Кое-кто из солдат посередобольнее уже тянулся к ранцам, к сберегаемому запасу сухарей. Иные норовили перемигнуться со светловолосыми статными ливонками, однако те

всё больше отворачивались.

– И нечего, робяты. – Унтер Аким Федорчук внушительно поднял кулак. – Мы себя в чистоте блюдём, а тут, эвон, даже бань не видно! А уж воняет так, словно в хлеву месяц не убрано!

– А где ж те, что нашей веры? – недоумевали сажневцы. – Обряд-то сплошь какой-то чуженский!

– Римский, – вставлял всезнайка Петровский.

Деревень с вернославными по тракту и впрямь не попадалось. Местные единоверцы после мятежа, когда прусские войска давили всех – и правых, и виноватых, подались кто куда, забиваясь в места поглуше; русских же здесь всегда было мало, да и те давным-давно ушли на восток, за Млаву. Заячьи Уши были как раз из ими основанных деревень, отчего там «лявонь» и не жаловали.

Наконец после долгих расспросов и поисков одна вернославная деревенька сыскалась – в полудне пути от главного тракта.

Неугомонные казаки, однако, добрались, прихватив с собой разумеющего по-ливонски унтера, – а вернувшись, доложили, что бедность там несусветная, народ запуган вконец и даже ливонцы римской веры по сравнению с ними живут «как у Христа за пазухой». Про старейшин ничего слыхом не слыхивали, набольшие обитают где-то во Млавенбурге, там остался со времён Кронида Васильевича вернославный храм.

– Смурной народ, – докладывал, стоя навтыжку перед Росским, знакомый уже приказный Несемейко, прибившийся к казакам Менихова после дела у Заячьих Ушей. – Пугана ворона, как говорится, куста боится. Подать на них, говорят, возложена большая, однако церковь открыта, молись, коль хочешь. Тут монетой всё меряют. Заплатил – и поклоняйся хоть кому, хоть идолищу поганому. А так-то бояться, конечно. Нас увидели – давай прятаться. Мы им – мол, чего вы, мы ж свои, донцы, по государеву приказу, за дело вернославное! А они нам, вы, мол, уйдёте, а баре-немцы с ливонцами ихней веры никуда не денутся, нам под ними жить, а они, когда супротив нас, так всегда заодно, хотя господа чухну местную в грош не ставят, даже и своего обряда.

– С земель добрых их сгоняли, – охотно объяснял всем желающим унтер Петровский, – пашни да покосы отбирали, оставляли одно неудобье.

– Во-во, – подхватил Несемейко, – я им, мол, чего тут сидите, в России-матушке места всем хватит, а они только глазами лупают.

Солдаты охали да ахали, качали головами...

Первый выстрел в спину югорским стрелкам грянул утром третьего дня, когда бригада Росского покрыла без малого полсотни вёрст на Млавенбург.

Стреляли из мокрых зарослей, с невысокого холма – его следовало бы прочесать донцам, но... И на старуху бывает проруха.

С пробитым штуцерной пулей затылком молча опрокинулся солдат – из тех, что пристали к батальону во время отхода к Заячьим Ушам, из тех, кто подхватывал ружья погибших и вставал в строй, их заменяя. Конечно, суждальцев никогда не учили так стрелять, как schoлил своих югорцев Сажнев, только в бою новое волей-неволей осваиваешь очень быстро.

Но батальон не зря провёл две полные кампании в Капказском корпусе и знал, что делать «при внезапном нападении неприятеля из засады».

Прежде чем загремели ещё выстрелы, колонна рассыпалась, в свою очередь огрызаясь залпами по три-четыре ружья.

Нападавшие скрылись, оставив на холме убитую наповал драгунскую лошадь.

Штабс-капитан Рябых переживал над убитым стрелком так, будто его семья лишилась брата, и бранил своих, мол, целиться надо было лучше.

– Оставь, Михайло Платонович. – Сажнев перекрестился, покрыл лицо мёртвому, надел фуражку, встал. – Сам видишь, тут на взгляд не выцелишь. Скажем спасибо, что хоть одного из этих... прощелыг спешили.

Потом стреляли ещё и ещё, но вернулись из поиска донцы, ругаясь и не щадя щегольских ментиков, полезли в заросли гусары Княжевича. Стало поспокойнее, однако в очередной ливонской деревне, когда вступившие первыми казаки столпились у колодца, старый седой урядник вдруг резко оттолкнул молодого, уже зачерпнувшего кружкой воду.

– Вашескородь, понюхайте!

Урядник на вытянутых руках нёс Менихову ведро. Тот нагнулся, втянул воздух – и прошипел сквозь зубы ругательство.

– Не пить! Не пить! – заорал казачий полковник под недоумёнными взглядами Росского и Сажнева. – А ну, из местных кого сюда, быстро! Вот из этой хаты, из ближайшей!.. Пахнет странно, господа, – вполголоса пояснил он, оборачиваясь к остальным офицерам. – Отравили, думается.

Не прошло и минуты, как донцы притащили серого от страха пожилого ливонца, предложили выпить – но тот, упав на колени и обнимая ноги казачьего полковника, признался, что видел, как «чёрные», проходя, швырнули в колодец какой-то свёрток.

– Мразота, – не сдержался Сажнев. – Своих же травить готовы.

– Какие ж ливонцы Пламмету свои? – только покачал головой Росский. – Да пусть хоть все перемерут.

– Арапский табачок, господа, – вновь принявшись, объявил Менихов. – Как по учёному зовётся, не знаю. Повезло нам, кинули, видать, недавно совсем... Когда эта дрянь растворится полностью, никакого запаха не останется.

– Видать, из Испании и привезли с собой, – буркнул Росский, вытирая холодный пот со лба. – Спасибо, казаче! И вам спасибо, Ставр Демидович.

– Да чего тут спасибо-то, Фёдор Сигизмундыч? – пожал плечами Менихов. – Урядника к медали б представить да письмо написать поцветистее, чтоб в Военном министерстве не затерялось! Впредь, думаю, воду всю сперва проверять надо, хоть на животине какой, а брать без опаски только из ручьёв там да речек.

– К медали представим, – заверил казака Росский.

– Ох, лютуешь, полковник, – вполголоса заметил Менихову Княжевич, – сплеча рубишь. А ну как выпил бы тот старик? Как не знал бы он ничего?

– Нет здесь невинных, – зло ощерился казак. – Я то ещё на Капказе выучил. Кровью, можно сказать, мне втолковали. Потому его и выдернул, что хата у него – напротив колодезя. Знал, что должен был что-то видеть, подлюка!

– Знал, не знал, – стоял на своём гусар. – Я не первый год живых людей саблём пластаю, но мы не османы, господа. И даже не пруссаки. А Капказ... не посылали наш полк туда ещё, но...

– В том-то и дело, что ты, Аввиан Красович, на Зелёной линии не бывал, – хмуро встрял Сажнев. – А там и впрямь миндальничать нельзя, нам не веришь, хоть Хасаева, что у шемширцев, спроси.

– Но здесь-то не Капказ! – упрямылся Княжевич. – Иные в Анассеополе говорят, что нечего нам там и вовсе было делать. Уж сколько лет воюем, а набеге как были, так и остались.

– Дикари и ведут себя как дикари, – присоединился к спору полковник Страх, обычно немногословный командир шемширских улан, – чего ещё от них ждать? Так или этак следует привести их к миру и закону, а немирных, пока немирные, – бить.

– Господа, оставим сию тему, – поморщился Росский. – Я, Аввиан Красович, пришёл сюда по слову государеву, но солдат своих берегу. И полковник Менихов прав был.

– Всё равно, – хмурился гусар. – Нас вся деревня возненавидела бы, слухи б вперёд покатались!

– Она нас и так ненавидит, – хмыкнул Сажнев. – Привыкли под немцами сидеть, их словами говорят, их мыслями думают. Велят сии гордых рыцарей потомки русских ненавидеть – будут как миленькие. А тех, кто нас ненавидит, да ещё потому лишь, что хозяева велели, – чего жалеть-то?

Гусар только покачал головой и ничего не ответил.

* * *

Огромная нодья¹ горела медленно, неспешно и ровно. Опытные охотники, югорцы сложили брёвна как положено, чтобы пламени хватило до утра. Сажнев сидел подле костра, глядел на огонь. Как всегда, при себе все пистолеты, на боку – сабля, рядом стоит только что самолично вычищенный штуцер. Стрелки укладывались спать, унтер Петровский опять небось шептался с зимовичками, потому что ветер стих и снежок падал совсем лёгкий, пушистый, рождественский. Прошёл, пожелав доброй ночи и благословив, отец Герасим. Рябых отправился к своей первой роте, что-то озабоченно бормоча себе под нос, не иначе – повторяя список ротного имущества, кое надлежало вытребовать у интендантов.

Простучали копыта – казаки ушли в ночной дозор. И тебе, Григорий, на боковую пора, спи, пока нет стрельбы да тревоги.

Сажнев потянулся, зевнул. И то верно. А то глянь-ка, один ты у костра и остался, Григорий. Никого больше. А снег-то всё гуще, ну чисто настоящая зима, хотя ещё и середина ноября не минула.

– Пойдём... – сухо прошелестело в ушах.

– Что? – Подполковник вскинул голову.

На соседнем бревне, так же сгорбившись и глядя в огонь, сидел кто-то в тёмной шинели, по виду...

– Фёдор? – Русский? Что он здесь делает? Куда зовёт?

– Пойдём-м-м... – Словно комар звенит, только откуда здесь и сейчас комары?!

Человек в шинели поднялся, шагнул прочь от костра, в снежную хмарь. Открывалась тропа не тропа, дорога не дорога, а словно росчищ в густых снежных струях.

А вокруг – никого. Один только костёр среди снега.

Надо идти, Григорий, надо, тебя ведь давно уже там ждут, и не для баловства...

Сажнев поднялся, отчего-то пошатнувшись, словно ноги не желали идти. Фёдор, не оборачиваясь, махнул рукой, мол, ступай за мной, и тут...

– Вашескобродь! Вашеско!..

В лицо плеснуло ледяным.

– А? Что?

– Ваше высокоблагородие! – Петровский. В одной руке – тесак, в другой зимовичка зажата, словно птичка, из кулака глядит.

Испуганно глядит.

– Чего тебе, Егор? – совсем не по Уставу вырвалось у Сажнева. Оглянулся – нет никакого человека в шинели тёмной, и следов на свежем снегу тоже не видеть.

– Благополучны ль, ваше высокоблагородие, Григорий Пантелеевич?

– Благополучен... Просто... привиделось тут, Петровский. Заснул у костра, да и приблазнилось...

– Человека тёмного видали, – уверенно заявил унтер.

– В-видал, – чуть ли не впервые в жизни заплёлся язык. – А ты-то откуда знаешь?!

Вместо ответа стрелок поднял кулак с зажатой в нём куколкой.

– Они подсказали.

– Это как же?

– Да вот так... Я уж спать наладился, молитву прочёл на сон грядущий, а тут мне, извиняюсь, в нос комком снежным ка-ак шибанёт! Я аж подскочил, шинель слетела, и чую враз – тот, что вокруг нас за Млавой крутился... снова он тут. Бродит, шастает, за собой увести хочет...

– Тьфу ты! – сплюнул Сажнев. – С тобой, Петровский, во что угодно поверишь, так

---

¹ Сложенный из брёвен долго и сильно горящий костёр.

складно баять у тебя выходит.

– Какие ж то байки? – удивился унтер. – Зимовички, они всегда помогут. Надо только слушать их уметь...

Сажнев не сомкнул глаз до самого рассвета, но, само собой, ничего особенного уже не случилось.

* * *

На третий день подоспели и гонцы – во множестве.

Его высокопревосходительство командир корпуса генерал от инфантерии князь Шаховской, «контужен будучи», изволили продиктовать его превосходительству начальнику штаба генерал-лейтенанту Ломинадзе категорический приказ полковнику Росскому остановиться и «ожидать подхода главных сил». «Ввиду растянутости линий сообщения Вашего и лёгкости, с коей неприятель может сии линии перенять, взяв таким образом наши части в полное и совершенное окружение».

Слали яростные депеши и командир ополовиненной Четвёртой дивизии Тяглов-Голубицин, и незадачливый командир разбитой Пятой Крейц. Михаил Константинович Вяземский, брезгливо скривив породисто тонкие губы, сочинял длиннейшие и вежливейшие ответы, где в потоках витиеватых словес крылось главное: «Мы наступаем. И мы не остановимся. Догоняйте, и тогда никто не переймёт «линии сообщения нашего».

* * *

Назавтра фон Пламмет, похоже, решил, что дальше отступать нет смысла. Солдаты Росского и без того прошагали почти половину пути до Млавенбурга. Атаковать русских на марше фон Пламмет то ли не решил, то ли не решился. Здравый смысл в остережениях из штаба имелся, признавал Русский. Если командир наёмников соберёт все силы в кулак, русским придётся туго: три, самое меньшее, дивизии против полутора – не шутка. Больше всего Русский опасался флангового удара, для чего и держал в постоянном поиске всех казаков и добрую толику гусар. На долю улан полковника Страха выпало отгонять обнаглевших чёрных драгун и прусских гусар, вновь замаячивших в виду русских колонн.

Из придорожных кустов опять гремели выстрелы, и шемширцы «брали на пики» оставленные прусским командиром засады.

Впереди лежал древний городок Анксальт с острым шпилем готического собора, казавшимся сейчас настоящим штыком, нацеленным в низкое осеннее небо. Нагие рощи университетского парка упирались прямо в поля, над красночерепичными крышами поднимались уютные дымки. Городок помнил володимерских князей, на время вырвавших его из орденских рук; однако русская воля не удержалась на здешних берегах, отступив тогда перед неуклонным и беспощадным немецким напором.

– А и крепко же они встали, – проворчал Сажнев, вернувшись вместе с Фёдором Сигизмундовичем, начальником штаба Вяземским и другими офицерами с рекогносцировки.

Да, подумал Русский. Встали крепко – на крутой холмистой гряде, что подковой охватила городок. В центре виднеются замшелые стены, ещё орденской постройки, – их неудачно штурмовал, помнится, сам незабвенный Кронид Васильевич. Млавенбург – тогда ещё Млавенец не переименованный – обратно взял, а вот Анксальт не сумел.

И, похоже, городок решил вспомнить старое.

Среди вековых дубов – новоотсыпанные редуты, валы спускаются по склонам взбугрившимися, заросшими шрамами. Все проходы завалены, все промежутки закрыты. Постарались, нечего сказать.

Случилось то, чего Русский и опасался.

– Что скажешь, Миша?

– Что ж тут сказать? Ждали нас, – угрюмо буркнул Вяземский. – Не зря Пламмет от

Млавы улепётывал, только пятки сверкали. Этакие верки за три дня не выкопашь. Недели две рыли, самое меньшее. Кабы не три.

– То-то пруссаки такими молодцами-кочетами на нас насакивали, – вступил в разговор Сажнев. – Знали, во что мы лбом упрёмся.

– Вот и нечего упираться, – заметил Княжевич. – Обойдём, и вся недолга.

Росский только покачал головой. Фон Пламмет не так прост, если копает рвы там, где их легко оставить за спиной.

– Если картам верить, тут с одной стороны речушка, – продолжал гусарский полковник, – с другой низина топкая. Но с нашими Заячьими Ушами не сравнить. Поля, потом перелески, леса всюду прореженные, проряженные. Мой полк да уланы с донцами обойдут, пехота в центре навалится – не устоять Пламмету.

Росский только молчал и хмурился, не отрываясь от окуляра.

– Слишком у тебя всё просто получается, Аввиан Красович, – оспорил гусара молчавший до того полковник Страх. – Твой да мой полки даже и вкупе с казаками не справятся, если только ими захождение делать. Пламмет небось все силы за верки спрятал, как раз и ожидая наших обходов да охватов. А пехоты у нас раз, два и обчёлся.

– Два конных полка да казаки, стрелковый батальон, пехоты четыре полка, из них два свежих – разве мало? – с горячностью возразил Княжевич, уже, похоже, ворвавшийся в мечты на улицы тихого Анксальта. – Зовёмся бригадой, а так-то посильнее дивизии будем. Пламмету под Заячьими Ушами показали, что не ботфортом консоем хлебаем, и теперь ему битому быть!

– Вот именно, – перебил ретивого гусара Росский. – Показать-то показали, а наш фон – не из тех, кто дважды на одни и те же грабли наступит. Я не я буду, если резервы прусские уже не здесь. Да и городские ополчения...

– Лавочники да пекари с колбасниками? – Княжевич скривился с истинно гусарским презрением. – Разбегутся после первых же выстрелов.

Страх и Вяземский дружно покачали головами, однако смолчали. Ответил только Сажнев.

– Был у нас в Капказском корпусе, – с чувством проговорил югорец, – такой полковник, Малинов. Посулился, что Ширван возьмёт с двумя батальонами. И тоже говорил, мол, от первых же выстрелов разбегутся. Да только и сам там остался, и оба батальона положил. В ущелье втянулся, без дозоров, без охранения, ну и угодил в засаду. Кого убили, кого пленили да персиянам продали, кого у себя по зинданах рассажали...

Страх молча кивнул, Княжевич обиженно засопел.

– Брось, полковник. – Сажнев по-медвежьки сграбастал гусара за плечи. – Сам так думал, пока за Зелёную линию не сходил. Даргэ – слышал о таком?

– Кто ж не слышал. – Аввиан Княжевич глядел на массивного югорца со злым прищуром. – Да только ты, Григорий Пантелеевич, горцев с изнеженными ливонскими обывателями не ровняй. Капказцы сызмальства вплоть до зубов и ногтей драться привыкли, а здесь? Кто упомнит, чтобы Ливония хоть раз поднималась? Любую власть принимали, любой короне кланялись, лишь бы их рыбокоптильни никто не тронул. Горцы, согласен, не разбегутся. А тутошние бюргеры...

– Оставьте, господа, – поморщился Росский. – И так ясно, что в лоб эту позицию брать – кровью умыться. По ровному да гладкому полю церемониальным маршем, в ротных колоннах... – Гвардионец махнул рукой.

– Булашевич не преминул бы, – буркнул Вяземский. – Вперёд, братцы, чудо-богатыри, пуля дура, штык молодец...

– А что не так с князем Александром Афанасьевичем? – нахмурился Княжевич. – Пулям не кланяется. Уж он-то Пламмету не поддастся бы.

– Да и в Кёхтельберг не побежал бы, – поддержал гусара и Сажнев.

Не желая спорить, Росский покачал головой.

– Князь Александр Афанасьевич решил бы по-своему, но его тут нет, а есть мы,

господа. И потому города мы сейчас брать не будем.

– То есть как – не будем? – аж поперхнулся Княжевич.

– А вот так. Нам, во-первых, надо фон Пламмета не упустить, чтобы никуда б не делся, ничего б не натворил, а во-вторых, за урон державной чести нашей сего кондотьера положено целиком глиной обмазать да с яблоками в печь поставить, а не толкать в грудки до самого Млавенбурга. А для того надлежит его не просто разбить, не просто опрокинуть, но окружить, да так, чтобы никто не ушёл. Тогда бургомистры не только Анксальта, но и самого Млавенбурга сами нам ключи вынесут. В сопровождении хора мальчиков.

– Так я же и говорил, – запальчиво вскинулся Княжевич, – Анксальт обойти конницей, а пехоте...

– Аввиан Красович! – перебил горячего гусара Русский. – О чём ты, полковник? На то ведь фон Пламмет и рассчитывает! Что мы полезем на него с разных сторон, а у него тут достаточно сил, чтобы крепко по зубам дать и мне, и тебе.

– Да откуда ж сие известно? – не сдавался софьедарец. – Мы тремя полками да одним батальоном против него у Заячьих Ушей выстояли, а теперь...

– А теперь он сам нам те же «уши» устроить хочет. – Русский кивнул в сторону старательно возведённых редутов. – Стоя в крепком месте, не диво отбиться от двукратно сильнейшего неприятеля. А вот если у тебя самого сил вдвое больше, что ты сделаешь? Если хочешь противника за хвост прихватить, да так, чтобы тот ничего и не заподозрил? Правильно, сперва ретирადой его выманишь, куда тебе надо, дождёшься, чтобы он на рожон полез, как медведь из берлоги, а там и ударишь. Вот фон Пламмет и ждёт, что мы его обходить кинемся, как и он нас пытался под Заячьими Ушами. Но здесь-то не Уши, не обойдёшь, когда с одной стороны река, как там её? Тарьи? А с другой – лес.

– Так что же делать станем? – почти выкрикнул Княжевич.

– Стоять и ждать, – усмехнулся Русский. – Ждать, пока не подойдёт весь корпус. И держать глаза открытыми.

Судя по ошарашенным лицам, удивить свой штаб ему удалось. Кроме разве что Вяземского.

– Так ведь его сиятельство... – начал было полковник Евсеев, но Русский только отмахнулся.

– Если верно, что тот адъютантик болтал, контузило князя преизрядно. И, если я хоть что-то понимаю в делах придворных, не мог Шаховской об том не отписать в Анасееполь. А государь Арсений Кронидович, конечно, милостив, однако командиров, корпус чуть не проспавших – неважно почему, – может и отправить здоровье поправлять. Вот насчёт начальника штаба я не так уверен. Но я не я буду, коль не скачет уже сейчас к нам новый командующий. Ломинадзева, ероя, боюсь, так и оставят – для преемственности.

Вяземский осторожно кашлянул.

– И кого ж прислать могут?

– Ну, я ж не провидец, – отмахнулся командир гвардейских гренадер. – Мало ли в столице их высокопревосходительств! Может, Бороздин-второй, он корпусом до Шаховского командовал. Может, Лидерс с Первого армейского. Может, кто-то из гвардионцев, хоть бы и граф Гагарин. А то и сам военный министр князь Орлов стариной тряхнёт.

– То лучше всего было б, а то, не приведи Господь, князя Варчевского-второго назначат... – проворчал себе под нос полковник Страх. – Из укреплённых лагерей вылезать не станем, а первой обязанностью станет «сохранение в неприкосновенности путей подвоза».

– Едва ли, он в Варчевии, там вечно нестроение, – покачал головой Русский, – да и пока ещё доберёшься... Впрочем, нам до того дела нет. Приказ ныне действующего командира корпуса его сиятельства Леонтия Аппиановича, – Русский с трудом скрыл иронию, – остановиться и ждать подхода главных сил. Что ж, сие – в кои-то веки! – разумно. Сковать фон Пламмета, чтобы и носа из Анксальта высунуть не смог! А когда подкрепления подтянутся... мы с фон Пламметом по-иному поговорим.

Глава 13

Анассеополь

10 ноября 1849 года

1. Плац лейб-гвардии Кавалергардского полка

– ...Кронидович так решил, – закончил фразу Орлов.

Значит, полного егорьевского кавалера и генерала от кавалерии Булашевича на Второй корпус. Да, что тут скажешь... Булашевич. Сын героя и сам герой. Как в пятнадцать годочков подхватил у мёртвого гренадера знамя, как зашагал рядом с отцом, так сорок лет и шагает под барабанный бой. Верен, честен, отважен, душа нараспашку, за Дунаем, случилось, целый полк на собственные деньги кормил, потому что казённые поставки опоздали; солдаты на Ляксандру Фанасьича молятся, прапорщики да поручики за ним хоть в огонь, хоть в воду, а старичё качает головами да сетует, что таких нынче нет. И хорошо, что нет, потому что грудью на пушки войны не выиграть, её и раньше не булашевичи выигрывали, булашевичи, они стояли, где поставят, и умирали... Надо отдать им должное, честно и доблестно.

– Значит, Булашевич. – Вася Янгальчев словно мысли подслушал. – Сменяли кукушку на ястреба... Это точно?

– Точней некуда, – хмуро бросил Орлов. – Рескрипт подписан, князь уже в Бережном дворце сидит. Если ни бог, ни чёрт не выручат, послезавтра отбудет.

– Что так долго? – удивился Василий. – Ерой, самому Александру Васильевичу подобный, должен навстречу супостату намётом через буераки скакать.

– Подкрепления велено собрать и проводить, – хмуро пояснил военный министр. – Сверх того, что я тогда предлагал... Помнишь, Никола? Когда накричал на нас...

Тауберт помнил. Как и отставку Булашевича, не принявшего веры василевса в стрелковые батальоны, веры, разбившейся о неудачу югорцев.

– Значит, теперь пуля у нас опять дура, а штык снова молодец... – вполголоса произнёс Николай Леопольдович. – Кого хоть посылает?

– Как и сказал – кавалергардов с конногвардейцами. Севастиан с Конным своим отправляется... Гвардейскую конную артиллерию. Лошадей велено взять вдвое против штата, все конюшни пустые стоят. За ними следом лейб-егеря, а потом фузилёры.

– Так они ж пехота! Не успеют...

Орлов мрачно промолчал.

– Значит, думает, что успеют и понадобятся, – заключил Василий Васильевич, ни на кого не глядя.

– Вот именно. – Орлов привстал в стременах, обведя глазами придавленный тучами плац, словно на нём замерли блистательные кавалергардские шеренги. – Из казарм по домам до похода велено никого не отпускать, окромя как к лежащим на смертном одре родителям да жёнам-роженицам, буде такое случится.

– Этого ещё не хватало, – буркнул уже неделю как разочарованный в ливонской затее Янгальчев. – Сам-то хоть не едет?

– Хотел, – каменным голосом сообщил Орлов и замолчал. Как ему удалось унять государя, оставалось лишь гадать. Разве что напомнил о столичных заговорщиках... Хорошо они всё-таки здесь живут. Шеф жандармов тайно лезет в дела воинские, военный министр страшит василевса карбонариями, один Васенька Янгальчев что думает, то и говорит. Правда, не супруге.

– Лейб-егеря, да фузилёры, да конногвардейцы с кавалергардами, да Булашевич – ой, лышенько, как у нас во степях сказали бы... – Янгальчев, придерживав разнервничавшегося на пару с хозяином Бея, ответил на приветствие гвардионского подполковника. – Ляксандра Фанасьич саблей как размахнётся, как поведёт прямо на пушки да на штуцерников... И

конец корпусу, начало маршу или вальсу... «Кавказские звёзды» уже поются, а теперь, не приведи Господь, случится «Млава красная». От кровушки.

– Да, – Орлов резко, словно отдавая кому-то незримому последние почести, наклонил голову, – павших геройской смертью ещё эллины любили. Умер красиво, и неважно, что дела не сделал, мёртвые сраму не имут... А что пользы в том маловато, то композиторам с поэтами да прапорщикам с корнетами не объяснишь.

– Прапорщикам с корнетами то без нужды, – не согласился Янгальчев, – а вот генералам знать надобно. Верно говорю, Никола?

Николай Леопольдович пожал плечами и ничего не ответил. Три коня, гнедой, вороной да серый в яблоках, вышагивали по прибранному плацу. Три бывших кавалергарда совершали послеобеденный моцион. И говорили. Открыто, не таясь. С кем и поговорить, как не со старым другом под Божьим небом...

– Ты хоть спорил? – угрюмо осведомился Василий Васильевич. – Или под козырёк, кругом через левое плечо?

– Понимай как хочешь, – огрызнулся Орлов. Рассказывать о приватной беседе с государем военный министр явно не желал.

– Говорил, – удовлетворённо протянул Янгальчев. – И я говорил и был послан много далее Млавы.

Они опять были почти вместе. Почти, потому что согласие по делам млавским не отменяло разнобоя в главном. Для Янгальчева превыше всего был государь да чтоб Держава на супостатов погрозней смотрела, Орлов тянул куда-то вперёд, к конституциям да реформам, Тауберт... Пожалуй, главным для него был порядок и всё-таки василевс. Друг по Кавказу, на чьих плечах столько, что никому более не поднять. Даже с конституцией.

– Я просился на Корпус вместо Булашевича, – прервал молчание Сергей Григориевич, – не пустил. Про югорцев же даже слова сказать не дал. Обида у него на них, такая обида, что не слышит ничего и не видит, – злость, что обманулся, глаза застит.

Сергей был прав, притом не знал он, отчего разошёлся Арсений Кронидович с Катенькой Аргамаровой, а ведь похоже вышло. Услышал дурное, поверил легко и отвернулся. Потом очнулся, да поздно было – Севастиану второй год шёл, а Катеньку, чтоб глаза не мозолила, родители замуж аж в Сербию сплывили. Да, батальон – не невеста, а корпус – тем более, только назначение Булашевича родилось из отчаянной обиды государя на югорцев. А неназначение Орлова – из правоты военного министра и вряд ли осознанной досады Арсения Кронидовича уже на это. Булашевич исправит всего лишь ошибки Шаховского и трусость Сажнева, Орлов – ошибки василевса... Те самые, что Сергей желал предотвратить, впутываясь в мятеж. Теперь оба в одной упряжке – хозяин земли русской и бывший заговорщик, но друг другу они не забыли ничего.

– Булашевич Пламмета в конце-то концов одолеет, с такими-то силами, – резко, будто коня, повернул беседу Орлов, – даже если к нему из Кравецца хоть и целая дивизия подтянется... Больше Иоганн не даст, неприкрытой войны он пока ещё трусит, иначе бы бедняга Шуленберг про согласительные комиссии канцлеру не зачитывал...

– Помню я того Пламмета, – слышать о бывшем друге Сашке Шуленберге Янгальчев явно не желал, – и по Хотчине, и по Зульбургу. Рубака был знатный...

– Булашевич немногим хуже, – вступился за ероя Орлуша. – Как говорится, «штыком давить» князь умеет. И да, не Шаховской, не растеряется, не побежит. Будет драться, сам батальоны в атаку поведёт. Только сейчас обоим не рубиться надо, а соображать. Пламмета, мил-друг Васенька, я не хуже твоего помню, говорено с ним изрядно в бытность его анасеепольскую. Пруссак сей полагает о себе немало, но больше на Ляксандру Фанасьича похож, чем на Буонапарте. Шаховского он, конечно, разнёс лихо, но уже на Федьке Росском зубы обломал; это даже из рапорта при всех его странностях ясно... Никола, когда твой бульдог отпишется наконец?

– Уже отписал. Когда к вам шёл, как раз и доставили. Хоть Бобырев у меня всё больше по пропавшим сапогам, а не батальонам, главное вроде бы ухватил. Одна беда, не пил он на

Лабовской мызе и у Заячьих Ушей не был. Всё с чужих слов... Но Шаховского мы на вранье не так, так эдак поймаем.

– А я уж даже и не знаю, хорошо ли, что Шаховского в сторону. Его с Ломинадзевым Севастиан одёрнул бы, а Булашевичу наследник престола не указ.

– Ему никто не указ, окромя Отечества, – со злостью повторил любимую присказку Булашевича Тауберт. Новый командующий был не виноват, виноваты были они с Васькой, сперва смолчавшие, а потом полезшие на рожон. – Управиться-то с Пламметом он управится, если все оговорённые полки вовремя подойдут, только с чем нам на Балканы идти? Если идти, конечно.

– Какое там идти! Всё Ливония съест, чтоб ей пусто было! – Министр Двора рыл землю не хуже своего вороного. – А Кириаковичам, чтоб не сомневались в нас, девицу в зубы. Так что не только Ейсмонта хоронить будем, но и Зинаиду свет-Авксентьевну пропивать.

– Иванчиков тоже дочку замуж выдаёт, – зачем-то напомнил о преемнике на полку Орлов. О преемнике, о лейб-гвардии Конном полку и о том, что, не случись чадолюбивого ростовщика Гусиковского, готовиться б сейчас генералу Тауберту к походу.

– Выдаёт, – подтвердил Николай Леопольдович. – За Анджековича-второго. Теперь отложат...

Свадьбы не будет, будет поход – торопливый, тяжёлый, кровавый. Под Зульбургом положили половину кавалергардов, но удар тяжёлой конницы сорвал замысел Буонапарте. Это была необходимость, а не глупость.

– Прав ты, Василий, – пробормотал шеф жандармов, – быть Млаве ещё краснее, ох, быть...

2. Антоньевский дворец, резиденция великого князя Авксентия Марковича

Дом без Геды всегда казался пустым и недобрый. Может, когда-то в нём и обитала радость, по крайней мере о дедушке с бабушкой вспоминали как о счастливых людях. Говорили, будто маменька с батюшкой тоже начинали свою жизнь с любви и согласия, но Зюка этого уже не застала. Авксентий Маркович то исчезал из дома, то прятался в кабинете, откуда его извлекали к семейным трапезам; на обедах или ужинах родители либо молчали, либо скучными голосами обсуждали знакомых, либо ссорились. Вечеру папенька срывался в свои клубы и рестораны, а маменька бродила по комнатам, комкая платок и выговаривая всем, кто попадался навстречу или, наоборот, не оказывался там, где должен быть. Зюке доставалось чаще других, а может, и нет – свои обиды помнишь годами, чужие забываешь назавтра, тем паче ни со Степаном, ни с Евдокией, ни с Еленой Зинаида особо не ладила. Только с Гедой, но он отбывал на войну, которую не одобрял, но на которую рвался.

Стёпушка, вздрагивавший от ужаса при одной мысли о какой бы то ни было «службе», отправился путешествовать по Европе и сейчас, согласно последним известиям, гостил у тётки, бывшей замужем за баварским князем. Всем похожая на маменьку Евдокия была выдана государем за наследника Лисовых и уехала в Железные заводы, где, судя по письмам, нисколько не тосковала. Елена до замужества спускала целые состояния в модных лавках, а рассуждать могла только об «интересных» посланниках или же гвардионцах, коих теперь по причине не менее интересного положения слегка потеснили модные дохтура.

Оставался только Гада...

Однако брат теперь не покидал казарм, мать плакала и ездила то во дворец, то в лавру, отец сразу же после завтрака приказывал запрягать, и Зинаида оставалась одна. Конечно, можно было навещать сестру, тем паче что добродушная, как и отец, Елена вместе с подругами Василисой и Ариадной Аргамачевыми всеми силами пыталась сделать малышку Зюку достойной внимания «интересных» мужчин. Увы, ездить в Пассаж и по французским магазинам, есть конфеты да болтать о муслинах с вальсами Зинаида не могла. Потому что Гада уходил, а Фёдор Сигизмундович уже дрался.

Сероглазый полковник жив и здоров, государь им премного доволен – это всё, что успел объяснить Геда, заскочивший сообщить, что кавалергарды переходят на казарменное положение.

Дальше были слёзы, крик, разбитые на этот раз чашки, осколки на ковре, острые, лёгкие, с медальонами, из которых глядели золотые фазаны. Брат пытался что-то говорить, мать не слушала, заехавшая в гости Елена и княжны Аргамаковы опускали глаза и подносили к ним платочки с вензелями, папенька грозно сопел, вставший столбом в дверях старый Яков шмыгал и без того красным носом, а Зинаида смотрела, будто со стороны. С ней такое бывало: тело словно бы исчезало, оставались только зрение, слух и память... Проходили часы, дни, месяцы, те, кто рыдал, бил посуду, хлопал дверьми, успокаивались, а княжна помнила всё до последнего осколка на полу, до последнего брошенного в сердцах слова. И хотела бы выкинуть из головы, не думать, не слышать, не видеть – не получалось.

Зинаида Авксентьевна отложила книгу, взяла корзинку для рукоделий, погладила разноцветные шёлковые косицы, убрала назад. Осенние дни коротки, но этот тянулся, словно ленивая простуда, что с ног не валит, но и жить не даёт. Княжна перебралась к туалетному столику, посмотрела в глаза бледной русоволосой девице, наморщила нос, и тут явилась Наташа.

– Что такое? – рыкнула Зюка и закусила губу: горничная была не виновата ни в осени, ни в отъезде Геды, ни в подкрадывающейся пустоте. – Опять Жюль раскапризничался? Пусть что хочет, то и готовит, папенька обедает в клубе, Елены не будет, а мне всё равно...

– Ой, нет, – глаза у Наташи сделались круглыми и любопытными, как у хотчинских белок, – к Геннадию Авксентьевичу офицер приехали, раненый... От самой от Млавы... Письмо привезли, срочное, а никого дома и нету...

– Проси в гостиную, – Зюка торопливо поправила тугие локоны, – пусть Яков подаст что-нибудь из папенькиного. Мадеру какую-нибудь. Я сейчас.

От кого письмо и о чём? Неужто от Росского? Наверняка! Геда просился к бывшему своему командиру, надо думать, о том ему и отписал. Откуда ж Фёдору Сигизмундовичу знать, что государь сначала брата не отпустил, а теперь весь полк к Млаве гонит?

Пальцы сами взялись за жемчужные серьги – кем бы ни оказался прибывший, он видел Фёдора Сигизмундовича и ещё увидит. И расскажет, не может же он не доложить о беседе с великой княжной, хотя о чём это она? Можно подумать, раненый офицер привёз записку из имения... Зюка отбросила ни в чём не повинные серьги, одна упала на ковёр, ну и пусть её. Поднимут... Руки надо было чем-то занять, Зинаида Авксентьевна набросила шаль и торопливо вышла, почти выбежала из будуара.

В парадную полукруглую гостиную дугами спускались две лестницы морёного дуба. Геда в детстве обожал съезжать по перилам, чему, к ужасу madame, обучил и младшую сестричку, – это стало их первой общей тайной. Тяжело тикали огромные, словно крепостная башня, часы, по стенам висели портреты родни...

Когда-то Зюка любила эту комнату; в детстве она была необъятно огромной, как нижний Хотчинский луг, где они катались на пони, а потолок поднимался словно к самому небу. Сейчас громадная зала казалась нелепой и чужой, неудобной; Зинаида мимолётно пожалела, что велела позвать гостя именно сюда, а не в верхнюю приёмную, куда поднимались друзья и однополчане брата.

Отчего-то думалось, что приехавший будет в одних годах с Росским, но навстречу встал молодой человек с правильным лицом, таким бледным, что пришли на ум уроки рисования и алебастровые греческие маски. Раненая рука висит на перевязи, гусарский мундир и сапоги отчищены, елико возможно, но видно, что досталось им, как и их хозяину, презрительно.

– Ваша светлость, штаб-ротмистр граф Богунов к услугам вашим!

Богуновы. Графы, потомки знаменитого володимерского думского боярина Дениса Феодоровича. К стыду своему, затвердившая на совесть «Историю государства Российского» Зинаида не помнила, жив ли ещё знаменитый Роман Богунов и кто герою Калужина этот

штаб-ротмистр. Правнук?

– Боже мой, вы ранены... прошу садиться, граф. Позвольте мне немедленно послать за доктором!

– Ваша светлость, Зинаида Авксентьевна... рана совершенно пустяковая... и я нисколько не устал, – нагло соврал штаб-ротмистр, – к тому же доктора в походном госпитале уже сделали всё необходимое, теперь будет заживать... Я покорный слуга вашей светлости и без меры счастлив видеть вас, но... обязательства мои требуют, дабы я незамедлительно отправился на поиски вашего брата. Прошу вас, ваша светлость, не откажите в милости, откройте, где он сейчас?

– В милости не откажу, – пакостный характер в который раз взял верх и над вежливостью, и над чем-то серьёзным, что словно бы разлилось в гостиную, – Геннадий сейчас в казармах Кавалергардского полка и останется там впредь до самого выступления туда, откуда вы прибыли. Чтобы встретиться с ним, вам потребуется высочайшее дозволение или же рескрипт военного министра. Желаете мадеры или порто?

– Да, – невпопад откликнулся Богунов, сдвинув брови. Он усиленно размышлял, и княжна понимала о чём. Геда писал Росскому со всей откровенностью, и Фёдор Сигизмундович, надо полагать, платил тем же. Разница в возрасте, званиях и происхождении не мешала дружбе великого князя с внуком высланного на Каменный пояс лешского мятежника, переведённого в Кавалергардский полк по представлению военного министра. Геда, узнав о подобной наглости, был вне себя. Ещё больше он был вне себя, когда Русский написал прошение об оставлении в Капказском корпусе сверх отведённого гвардии срока. Зюке тогда не исполнилось и четырнадцати.

– Мой батюшка весьма хвалит эту партию, – сообщила невежливо молчащему гостю Зинаида Авксентьевна, выждав, когда Яков поставит серебряный поднос и закроет дверь с той стороны. – Надеюсь, вы тоже одобрите.

– Ваша светлость... – Пробовать заветный порто штаб-ротмистр не спешил, а глаза у него были такими же серьёзными, как у Русского. Только светло-кариими, почти золотистыми. – Когда вернётся ваш батюшка?

– Поздно! – отрезала Зюка, не желая вдаваться в подробности и ещё менее желая, чтобы письмо угодило в руки папеньки. – У вас поручение к брату от Фёдора Сигизмундовича?

Богунов выпил. Торопливо, не распробовав.

– Прекрасный букет, – сдавленным голосом сообщил он, – его высочество следует поздравить, такой порто сейчас редкость... Ваша светлость, Зинаида Авксентьевна, премного благодарен вам за гостеприимство, но не смею далее испытывать ваше терпение.

– Вот как? – возмутилась Зюка. – Вы хотите уйти, ничего не рассказав? С вашей стороны это весьма жестоко и весьма невежливо...

На лице гостя отразилось восхитительное борение чувств, однако гусарская галантность взяла верх над спешкой и неприязнью к любопытной каланче.

– Ваша светлость, – граф Богунов изящно, несмотря на перевязанную руку, поднялся, – если мне будет даровано счастье видеть вас снова, я расскажу обо всём, что вы только пожелаете. Сейчас же долг призывает прежде, чем... Я обязан до того, как... Поймите, данное слово требует...

– Передать письмо Геде, – весело закончила Зинаида. – Сядьте, граф. В этом деле батюшка вам не помощник – о письме он скорее всего просто забудет, или потеряет, или прочитает по рассеянности, а Геннадий так и так скоро будет на Млаве вместе с Кавалергардским полком. Государь посылает гвардию, как мне успел сказать брат.

– Правильно ли я понимаю, – растерялся гость, – что Геннадий Авксентьевич более не несёт службу во дворце?

– Не несёт, – подтвердила Зюка, с подозрением глядя на Богунова. – Весь его полк сидит в казармах, как я уже сказала. К ним никого не пускают. Приказа на выступление ожидают с часу на час. – Насчёт последнего она слегка преувеличила, ну да чего не скажешь

ради дела! – А вы, граф, сядьте наконец и скажите мне толком, в чём у вас нужда.

3. Особая его василеосского величества. Собственная Канцелярия по благонадзорным делам

В Анасееполе холодало и шёл снег. Ранние ноябрьские сумерки наинулись на великий город, наполнили улицы и проспекты, обвились вокруг плеч конных статуй, а Медная Наездница, освещённая особым указом ставленными фонарями, казалось, плыла по тёмному морю.

Николай Леопольдович стоял у печи, прижав ладони к горячим изразцам. На столе дымилась кружка с чаем, только что налитым Смирновым из кипящего самовара, лежала раскрытая коробка шоколадных вафель от Бера и Фаберже и валялась смятая салфетка с вензелем из перевитых «Б» и «Ф».

Салфетка была цветная.

Шеф жандармов думал о секретаре Уорфилде, негодяе и изменнике, коего в Англии, вскройся только его делишки, несомненно, ждала виселица. Продающий свою королеву мерзавец для Державы был сейчас полезней и нужнее десятка боевых офицеров, да что там десятка офицеров – целой свежей дивизии стоил сейчас господин Сэммиум Уорфилд, исправно получавший оплату анонимными аккредитивами и векселями на предъявителя, выданными солидными и уважаемыми банковскими конторами Лондона, Генуи, Женевы и Берлина.

Тяжёлые шторы в кабинете сатрапа всея Руси были плотно задёрнуты, и тем не менее Тауберт подошёл к окну, лишний раз поправил тёмно-зелёные с золотистой каймой портьеры. Решётки тоже в полном порядке.

Эх, Николай Леопольдович, грустно подумал он, при таких делах тебе шпионы под каждой кроватью мерещиться начнут.

Что ж, лорд Грили и его подручные не зря едят хлеб её величества королевы Анны и не даром получают выкачанные из индий и африк полновесные золотые гинеи. Нет, Николай Леопольдович отнюдь не считал своих соотечественников безгрешными ангелами, коим любой соблазн нипочём. Знал он и о том, как тщательно и осторожно создаёт английский посол – а по совместительству резидент секретной службы её величества – сеть агентов и осведомителей в Анасееполе, в кругах высшего света, чиновничества, военных; но доселе на английский крючок клевала относительно безопасная и безвредная рыбёшка. Так, караси да подлещики, в лучшем случае окуни. И вот впервые стало ясно, что в сети лорда Грили попала настоящая многопудовая белуга.

Они были квиты. Шеф жандармской стражи узнал о донесении из Млавенбурга, лорд Грили – о рапорте Шаховского, назначении Булашевича и приказе к выступлению резервов. И если переход Конного и Кавалергардского полков в казармы скрыть бы не удалось – достаточно заглянуть к Борелли, то осведомлённость англичан о поиске подполковника Сажнева объяснялась единственным образом.

Николай Леопольдович отошёл от гудящей печки, отхлебнул чаю, закусил вафлей, почти не ощущая любимого с юности вкуса.

Дело обстояло совсем скверно. В мутных министерских и дворцовых водах предстояло изловить шпиона или дурака, притом сделать это так, чтобы посол не ухватил Уорфилда за воротник. Лорда Грили, увы, и без того могла насторожить государева «откровенность», но тут уж ничего не попишешь, а вот если он, Тауберт, хоть чем-то даст понять, что русские всполошились и ищут источник столь ценных для её величества сведений, – оборотистому секретарю несдобровать. Николай Леопольдович неприязненно поморщился и перечитал крик шпионской души. Уорфилд трясся от страха и чуть ли не требовал, чтобы Грили любой ценой и неважно как уверили в том, что вести с Млавы пришли к василевсу не из английского посольства. Правильно требовал. Значит, плешивый лорд должен узнать... О чём? Об услужливости свейского атташе или о шпионе в прусском посольстве? Сvei – это

хорошо, у них к Рейнгольдам неплохой счёт, да и резидент в Ливонии сидит крепкий, вполне мог добраться до пламметовского рапорта, а телеграф из Млавенбурга в Стокхольм уже успели проложить.

Что ж, выходит, свеи. Лорду Грили это покажется вполне убедительным. Значит, шпион у свеев, о чём следует кому-нибудь проговориться, и пусть ловят!

Решено. Теперь следовало успокоить ценного – нет, ценнейшего! – мерзавца. Николай Леопольдович вновь взял письмо.

«Полагаю, Ваше Высокопревосходительство вполне оценит важность сих известий, как и риск, на кой мне пришлось пойти при их добывании. Подвергая себя смертельной опасности быть схваченным и, несомненно, подвергнутым мучительной казни, я покорнейше прошу Ваше Высокопревосходительство самому определить вознаграждение моё, ибо случившееся стало возможным исключительно благодаря моей находчивости и решительности...»

Тауберт усмехнулся. Да, каналья Уорфилд не врёт. Лорд Грили не из тех, кто разбрасывает донесения секретных агентов где попало, это даже не Пламметов рапорт. Чтобы хоть краем глаза взглянуть в такую бумагу, требуются и находчивость, и решительность.

Николай Леопольдович взял четвертушку бумаги и стал набрасывать ответ.

«...Что же до вопроса, поставленного Вами, любезный друг, спешу уведомить Вас о разрешении его к полному Вашему удовлетворению. Надеюсь, Вы найдёте прилагаемые к означенному посланию векселя вполне отвечающими трудности и рискованности дела...»

Шпиона надлежало подкармливать, но не доводить до обжорства. Шеф жандармов отомкнул сейф, затем открыл второй, внутренний, замок, извлекая на свет божий толстую кожаную папку, полную разноцветных плотных бумаг, украшенных эллинскими богами и богинями, скрытыми водяными знаками и прочими ухищрениями, до коих только смогла дойти современная печать. Подписи кассиров и управляющих, главных директоров – всё на месте. «Меерсон и сыновья», «Меняльная контора Штауффенбергов», «Банк генуэзских бирж и ремёсел», векселя на предъявителя, самые что ни на есть подлинные.

Шеф Жандармской стражи обмакнул перо, подумал и лёгким росчерком проставил суммы. Внушительные, но не настолько, чтобы господину секретарю хватило до конца его дней. Теперь предстояло зашифровать письмо и упаковать коробку. Добрые кондитеры Бер и Фаберже вручат посылку по назначению.

Подобные послания Николай Леопольдович шифровал только и исключительно сам, своим собственным шифром. О существовании Уорфилда не знал даже доверенный полковник Феоктистов. Майор жандармского корпуса, инкогнито обыгравший в своё время англичанина в карты, а потом намекувший на возможность непыльного заработка, уже три года сидел в Генуе, занимаясь, помимо всего прочего, и вышеперечисленными банками... О том, что случилось с его «случайным знакомым», зацепился ли крючок или рыбка сорвалась, майор не знал также.

В крепко запертые двойные двери осторожно постучали. Три раза и снова три. Феоктистов, лёгок на помине.

Николай Леопольдович как раз поворачивал ключ на последний оборот.

– Николай Леопольдович, – полковник казался несколько озадаченным, – приехали великая княжна Зинаида Авксентьевна. Просят её незамедлительно принять по делу, не терпящему отлагательств.

Зюка? Тауберт недоумённо взглянул на помощника и невольно улыбнулся.

– Зинаида Авксентьевна говорят, они с просьбой от её сиятельства графини Варвары Виссарионовны, – ответил на незаданный вопрос Феоктистов. – Книжку при себе держат, что изъять давеча порешили. Опять у литераторов с цензорами заваyka вышла.

– Наверняка, голубчик, наверняка... Проси княжну сюда и распорядись с самоваром. И чего-нибудь вкусенького.

Вот тебе, Никола, и оказия. Крестницу домой отвезти да с Авксентием Марковичем

стаканчик-другой пропустить. И никаких тебе министров, великий князь растрезвонит про свейского шпиона не хуже сороки, только поверит ли лысый Грили подобным известиям, имеющим источником его высочество Авксентия Марковича?

– Зинаида Авксентьевна, прошу покорно. – Феокистов посторонился, кланяясь княжне, и Тауберт позабыл обо всех англичанах и свях.

– Николай Леопольдович, я... – Разрумянившаяся Зинаида была умилительно свеженькой и юной. Ни жеманства тебе, ни притворства. – Я хотела вас видеть...

– И умница, – одобрил шеф жандармов. – Сейчас мы выпьем с тобой чаю, побеседуем, а после я тебя домой доставлю, так что литератора Варвариного, или кто там тебя привёз, гони.

– Меня штаб-ротмистр граф Никита Степанович Богунов проводил. – Зинаида залилась краской ещё сильнее, в руках она стискивала богато изданный вольнодумный альманах. До отвращения знакомый. – Он приехал к Геде и не застал... Я ему велела... То есть просила... Николай Леопольдович... Я... Я не знаю, как и сказать.

– Как есть, так и говори, – посоветовал Тауберт, любясь не подозревавшей о своей прелести княжной. – Что там опять у моей тётушки Левенвольде?

– У Кнурова, – начала Зинаида Авксентьевна. – Он поэт и хочет стать Лебединским, но это не то... Я просто сказала Фоме Порфирьичу, должна же была я что-то сказать! Николай Леопольдович, я... Я открыла чужое письмо... Не по ошибке, нарочно. Это дурно, я знаю.

– По долгу службы не могу с тобой согласиться. – Николай Леопольдович кивнул пыхтящему от усердия не хуже внесённого им самовара Смирнову. – Ставь сюда. Всё зависит от того, что за письмо и от кого.

Ну, Авксентий Маркович, ну растяпа! Разбрасывать цидульки от своих актёрок на глазах у дочери. Какой повод даже не для разговора – для выговора. И на шпионов с разбросанных писем свернуть милое дело.

– Я распечатала, – волновалась Зюка, – потому что Геда в казармах, а ехать к нему нельзя. Я могла бы просить князя Иванчикова, меня бы пропустили, но... Но это очень важное письмо.

– От девицы? – предположил Николай Леопольдович. – То-то ты растревожилась. Роман-с...

– От Росского Фёдора Сигизмундовича, – потупилась княжна. – Я обещала Никите Степановичу, что отвезу письмо Геде, но... Но подумала, что, если там что-нибудь настоящему важное, Геда не поможет, только вы. И прочитала...

– Росский прислал письмо?! – подался вперёд Николай Леопольдович, чувствуя, как начинает заходиться сердце. – Что он пишет? Когда послано?

– Вот, – Зюка раскрыла альманах и вытащила распечатанный конверт, – я... Я поступила дурно, я знаю, но... Это ведь важно? Даже не говорите, Николай Леопольдович, я поняла, насколько это важно...

У Тауберта перехватило дыхание. Что-то и впрямь случилось там, на Млаве, помимо разгрома, если полковник Росский погнал в Анассеополь своего собственного гонца даже в обход министерской приёмной, в которую был запросто вхож.

Строчки прыгали перед глазами. Шеф жандармов заставил себя глубоко вздохнуть и взялся за чтение.

«Любезный друг мой Геннадий Авксентьевич, – судя по пятну, Росский работал при очень скверных свечах, а рука полковника дрожала от усталости, – пишу тебе из деревушки Заячьих Уши, что на нашем берегу Млавы. Корпус попал под внезапный удар. Известный тебе фон Пламмет атаковал нас большой силою во второй половине дня 30 октября, смял первую линию и едва не разбил из-за спеси и глупости Шаховского с Ломинадзевым, расположивших штаб на Лабовской мызе, что у самой границы, и тем подставивших его под первый удар. Не было устроено ни боевого охранения, ни дозоров, ни поисков. Если бы не мужество и стойкость принявших на себя первый удар стрелков Югорского

штуцерного батальона подполковника Сажнева, неприятель прорвался бы куда дальше, а весь штаб корпуса угодил бы в плен. Мне посчастливилось собрать что-то вроде бригады, с бору по сосенке – володимерцы, югорцы, софьедарцы, гвардейские гренадеры, солдаты из разбитых Олонецкого, Суждальского, Муромского и Ростовского полков. Мы встали у Заячьих Ушей, днём 31 октября фон Пламмет, действуя под ливонскими знамёнами, атаковал нас по всей позиции, однако был повсюду отбит. Стрелки Сажнева дрались, как пишут в газетах, в крови по колено, володимерцы потеряли очень многих, но мы выдержали. После боя появился адъютант Ломинадзева, обрадовал вестию о ранении и контузии Шаховского и принялся производить разыскания на предмет трусости и самоуправства подполковника Сажнева. Я посланца сего елико возможно быстро спровадил назад, отговорившись неместностью дел сыскных в разгар кампании, а также тем, что храбрость и добросовестность Сажнева была явлена на моих глазах, князь же Ломинадзев ошибочно поверил чьей-то ябеде. Опасаюсь, однако, что сие не ошибка, но желание найти виноватого, дабы оправдаться в глазах Государя.

Видя такое и понимая, прошу тебя, друг мой, передать рапорт мой об истинном положении дел военному министру, дабы князь Сергей Григориевич поступил с ним по своему разумению. В рапорте подробно описываю состояние войск наших и все действия, имевшие место быть в ночь с 30-го на 31-е число, равно как и дело при Заячьих Ушах, с поимёнными списками отличившихся. Я же буду делать что должно, сиречь готовиться к наступлению, ибо после поражения Пламмета у Заячьих Ушей отсиживаться в обороне нельзя, но следует немедленно переходить Млаву хоть бы и небольшими силами. Лучшие всего было б оставить потрёпанные Пятую и Шестую дивизии во втором эшелоне, однако положение наше выбора не оставляет, наступать буду с тем, что под рукой. Лишь движение вперёд убережёт нас от поражения, в том у меня сомнений никаких нет и быть не может.

На сём заканчиваю я письмо своё, ибо доклад мой Его Высочайшему военному министру существует лишь в воображении моём, а до рассвета осталось не так уж и много. Письмо доставит штаб-ротмистр граф Богунов, раненный в левую руку при захвате вражеской батареи. Прости меня и за краткость, и за бремя, что перелагаю на твои плечи, но, не зная истинного положения дел, Государь может прийти к губительному для всей кампании решению, а подполковник Сажнев вместо наград, коих он достоин, вернётся на Кавказскую линию нижним чином. От твоей, Геннадий Авксентьевич, расторопности и настойчивости зависит честь Державы, исход кампании, но также, помимо дел огромных и всеобщих, – судьба офицера, за коего ручаюсь, как за себя самого.

Сим остаюсь твоим преданнейшим другом,
Фёдор Русский».

4. Военное министерство

– Паскуда! – Орлов устало отодвинул доклад Русского. Николай Леопольдович не удивился б, запомни Орлов написанное наизусть. – Сам не знаю, радоваться или же горевать. Радостно, что полки наши с батальонами не побежали, радостно, что Русский за чужие спины прятаться не стал, взял на себя командование, что наступает смело; горестно, что по начальственной глупости под внезапный удар угодили. А Шаховской с Ломинадзевым крутятся ершами на удилице, валят на кого только ни попадя. Только разве теперь докажешь?

– Дай срок, докажем, – утешил военного министра шеф жандармов, – однако сперва решить надо, что именно доказывать станем. Что Шаховской штаб корпуса на Лабовской мызе расположил, было бы преступным ротозейством во время военное, но поелику никакой войны официально до сих пор нету...

– В том-то и дело. – Сергей Григорьевич кисло поморщился. – Нет войны, нет и небрежения преступного. Сказать бы, что командующий корпусом обязан всегда и всюду действовать так, словно он на войне, но ведь отболтается! Мол, никто не мог ожидать, никто не знал, сколько стоять придётся до приказа, государь строго-настрого запретил поиск вести, Лабовская же мыза – единственное, мол, место, а Кёхтельберг в стороне... Да и василевс к Шаховскому по старой памяти благоволит. Разве что югорцев и их командира оправдать получится...

– Смотря в чём. Доказывать, боюсь, придётся, имел ли фон Пламмет «повод» границу переходить. – Николай Леопольдович боролся с соблазном взяться за табакерку. – Да или нет? Пламмет доносит, что в его лагерь проникли и офицера захватить пытались, а Шаховской пишет, Сажнев самовольно в поиск ходил. И ведь ходил, медведь югорский! Другое дело, что я бы тоже пошёл.

– Нельзя было не идти, – согласился Орлов. – Никола, я за этого Сажнева боюсь, да и за Росского. Если дадим рапорту ход, а государь... не выйдет из предубеждения своего, только хуже будет. Не одному подполковнику солоно придётся, но и тому, кто его покрывает.

– Шаховскому да Ломинадзево тоже дорожка не шелками выстлана, – напомнил шеф жандармов. – Забыл, что у меня во Втором корпусе душегубная команда болтается? Захочет Шаховской сажневскому делу ход дать, их не обойти, а Бобырев мой бульдог бульдогом. Вцепится – не отвалится.

– Значит, не на живого валить станут, на мёртвого. На это у Ломинадзева трусости хватит.

– Похоже на то. – Николай Леопольдович неспешно расстегнул мундир и откинулся на спинку кресла. – Стало быть, решили мы, что полковнику мы верим, генералам – нет. Ты мне вот что скажи: что государю говорить станем? Знаешь же, если он кому-то верит, так уж верит. Шаховской тот же... Во время... не мне тебе говорить, чего одним из первых подоспел, весь тот день с Севастианом да братьями его рядом был. Вот и скажут нам, мол, куда лезете с бумажками своими, генерал от инфантерии там кровь проливал, ранен и контужен, пока вы тут в тепле да уюте наветы строчили. Уже сказали... Пойми, Орлуша, коль не выгорит дело с рапортом, шею мы не только Сажневу ломаем. Росскому твоему тоже, а он хорош, курилка, летать ему да летать.

– Я за ним уже восьмой год слежу, – вроде бы ушёл от ответа Сергей. – Давно у нас таких не случилось.

– Значит, смолчишь? – сухо вато уточнил Николай Леопольдович, понимая, что так и должно. Реши Сергей иначе, пришлось бы отговаривать, но Орлов давно научился отличать дверь, хоть бы и дубовую, от глухой стены. Отстаивать Сажнева *сейчас* было невозможно, Русский этого не знал, они знали.

– Об этом, – военный министр положил руку на рапорт, – до лучших времён смолчу. Фёдор дороже, ему наступать надо, подкрепления слать, ни в чём препону не чинить, чтобы только о деле думал, а не о том, как оправдываться да кляузы сочинять. Виноватых во Млавенбурге пересчитаем, когда дойдём. Тогда и Арсений свет-Кронидович сплеча рубить не станет.

– Когда так сильно обижен – станет.

– Станет, – вздохнул Орлов, соглашаясь. – Эх, спрятать бы подполковника до лучших времён... Что скажешь, Никола? Догадается твой Бобырев?

– Спрячешь такого! – Николай Леопольдович достал табакерку и убрал назад – обещался Марии Антоновне больше восьми раз на дню не открывать. – А то сам не видишь, что югорцев своих Сажнев не бросит, а Русский – Сажнева.

– Коль с югорца эполеты сорвут да на Капказ, – военный министр глядел в огонь устроенного на английский лад камина, – досмотрим, чтобы попал к кому следует и чтоб обратное производство не замешкалось. Коль не убьют, конечно, – закончил он с сухим смешком.

– Досмотрим, – кивнул Тауберт. – Но пока ещё чина он не лишён, и... – Ох, не

обманивай сам себя, Никола, себе только не ври! – И Булашевич пока ещё Млавенбург не взял. Я своим отпишу, чтобы собирали всё, до чего дотянутся, чтобы солдат опрашивали и офицеров тоже. Князь хоть и генерал от кавалерии, а полковнику корпуса жандармов приказывать не может.

– Хоть тут слава Богу... – вставил Орлов.

– Что же до зверюги моего, – продолжал Тауберт, – то голова у него, сам знаешь, есть, и глаза тоже. Что сможет, исправит, что не сможет – запомнит. Ломинадзеву долго гоголем не ходить.

– Куда там долго! – Орлов неожиданно зевнул и виновато усмехнулся. – Булашевич первым делом под пули сам полезет и других потянет, так что кляузникам не до кляуз станет. Шаховской хоть и скотина, да не трус, а вот Ломинадзев... Быть Ираклию Луарсабовичу с мокрыми панталонами, а со столь подмоченной репутацией веры его ябедам будет поменьше. Другое дело, что с корпусом при Булашевиче станется.

– Ты ж сам говорил, что Булашевич Пламмета одолеет!

Орлов долго молчал, по-разному сплетая и переплетая пальцы и неотрывно глядя в огонь.

– Одолеет, Никола. Василевс зело осерчал. Второму корпусу велено всё давать, чего ни попросят, все арсеналы вскрыть, со всех складов замки сбивать. Не только гвардия из столицы да Китежградские конноегеря, но и Двадцать вторая пехотная дивизия, что я изначально просил. Четвёртый и Пятый армейские корпуса тоже поднимают, но они когда ещё доберутся... Меж Анасееполем и ливонской границей войск на зимних квартирах не остаётся – всё в бой идёт. При этакой-то силище... – Орлов с усилием потёр глаза, вздохнул. – По правде говоря, Никола, боюсь я сего генерала, по образу и подобию отца побед наших себя слепившего. Александр Васильевич знал, когда вперёд идти, когда и вбок, а когда и остановиться, этот же... Одна надежда на Росского; если хорошо возьмёт, Булашевич за хвост на барьере хватать не станет, но подопрёт, а лаврами потом сочтутся.

Военный министр зевнул снова и потёр виски. Тауберт всё-таки вытащил табакерку, щелчком открыл крышку и запустил пальцы в «зелье».

– Вот смотрю я на тебя и думаю, – сообщил он, набирая понюшку, – хороший из тебя, Орлуша, министр получился.

– Так и из тебя, Никола, неплохой, – невесело улыбнулся Орлов. – Скажи лучше, что мне с Богуновым делать? Назад в госпиталь? Только это и остаётся...

– К Севастиану, – с ходу предложил Николай Леопольдович. – И при деле будет, и место займёт, а то Кавалков-второй уже губу раскатал.

– Нечего Кавалковым при наследнике престола делать, – отрезал Орлов. – Только врать что будем? Хорошо, Русский гусару своему отпуск по ранению выписал. А то бы в дезертиры зачислили.

– Всё правильно твой Русский сделал, – назидательно произнёс шеф жандармов, – однако нельзя забывать, что такой отпуск во время кампании ещё и требует утверждения – командующим Действующей Армией или же военным министром. А потому, будучи ранен таким образом, что не мог быть полезен даже в качестве нестроевого, направился Богунов с разрешения старшего воинского начальника, гвардии полковника Росского, к вышестоящему начальству, дабы – вместо отпуска – получить разрешение продолжить участие в действиях военных. Таковое разрешение тобой было дадено – надо, чтобы доктора из Академии его осмотрели, – но с рукой своей он только и может, что на лошади с грехом пополам держаться. Ни рубиться, ни стрелять, ни землю копать, ни даже воду тяжелораненым как следует подавать. Вот и выходит, что в полку штаб-ротмистру делать нечего, а при высочайшей особе – в самый раз. Ничего он, кроме писем Росского на свой счёт, не привозил, а что видел у Заячьих Ушей, то Севастиану Арсеньевичу и расскажет... Или ещё кому, если оказия будет. Гусар расскажет, не мы с тобой. Жаль, у моста Богунов не был, ну да не два же горошка на ложку!

– Умно, – кивнул Орлов, – только ты всё одно недоговариваешь!

– Сглазить боюсь. – Тауберт усмехнулся и убрал табакерку. От греха подальше. – Погоды-то нынче сам видишь какие, беда, а не погоды. Как бы графу Богунову с князем Крупицким не разминуться!

Он должен был, обязан был рассказать о донесении Уорфилда. Не называя, разумеется, ни источника, ни имени. Однако... как сказать? Орлуша друзьям верен до последнего, до равелина, а людей себе подбирает сам. Да и неизвестно ещё, сидит ли шпион именно в Военном министерстве, в Бережном дворце или – Тауберт вздрогнул – в его родной Особой Канцелярии.

– На том и порешим, – прервал молчание Орлов. – Гусара нашего я прежде всего к докторам пошлю, а оттуда уже вместе к государю пойдём. Как раз к явлению Крупицкого и успеем!

Глава 14

Анассеополь

11 ноября 1849 года

1. Военное министерство. Берег Ладоги

Доктора, доктора, учёный народ, а как унять лихоманку, не знают.

Никита Богунов зябко поёжился, плотнее запахиваясь в шинель. Сегодняшний день то мчался борзым конём, то плёлся медленнее, чем телега по грязи. Из приёмной военного министра его, усадив в пролётку, отправили к докторам, за реку, в новое, только что выстроенное здание Военно-медицинской академии. Эскулапы цокали языками, разговаривали на латыни; штаб-ротмистр учил её в детстве, но сейчас разбирал лишь отдельные слова – голова кружилась, мышцы сводило от оставшегося за стенами гошпиталя холода, хоть ложись да помирай.

Его всё ещё трясло, когда той же пролёткой, с обработанной раной и свежей повязкой, повезли обратно в Военное министерство. И кто только прозвал холод жаром, холод да дрожь, только теперь скулить нечего. Сам решил, сам и терпи, гусар, не для того ехал, чтобы хныкать. Правда, думать о деле, с коим он прискакал в столицу и торчит в орловской приёмной, у штаб-ротмистра не получалось. Мысли путались, зубы стучали, а руку дёргало и крутило так, что лучше б её вовсе оторвало, как бедняге Волосатову... Если чего-то нет, оно и не болит, а если болит, значит, оно есть. Глубокая мысль, можно сказать, философическая...

Никита Степанович зябко передёрнул плечами и покосился на изразцовую печь. Печь топилась, а он всё равно дрожал. Главный хирург корпуса Паллант Сафронович Бетьев предупреждал, что будет плохо, но... Родившееся раньше всех Богуновых упрямство и злость на Пламмета вкупе с проворонившими его штабными растяпами заставили раненного в руку и в придачу слегка контуженного софьедарца удрать из походного гошпиталя обратно в полк.

Деревеньку Ягодки, что на Ливонском тракте, битком забили подходившие по размытой дороге войска, обозные фуры, артиллерийские ящики, в эту неразбериху, подобно Зевесовой молонии, врезался пионерный парк, невесть как тут очутившийся, и получился поистине первозданный хаос.

Дом сельского старосты заняли его сиятельство князь Леонтий Аппианович, суматошно скакали во все стороны вестовые, однако толку было мало. Какие-то полки ушли вперёд, батальоны смешались, уланы, как обычно, бранились с гусарами, гусары не уступали, кое-где дело дошло до кулаков, а граф Никита Степанович Богунов пробивался по непролазной грязи обратно. В родной Софьедарский полк.

Никита, не сомневаясь ни в своём командире, ни в себе, ввалился в избу, где устроился Княжевич, даже не постучав. Однако у полковника, оказывается, сидели Русский с

Вяземским и здоровенным югорским подполковником. При виде беглеца хозяин и гости переглянулись и замолчали, потом Княжевич велел докладывать. Никита доложил, чувствуя себя круглым дураком. Его выслушали и велели обождать в избе Росского, где штаб-ротмистр нелепейшим образом уснул и проспал до утра, когда ему предложили на выбор гошпиталь или Анасееполь. Богунов не колебался – возвращаться к лекарям не хотелось, а рука... Что ж, пусть болит в дороге; служивший ещё при отце Егор и не такие раны перевязывал. Так, по крайней мере, казалось, пока между Красными и Великими Лодьями в плечи не вцепилась лихорадка. Никиту трясло, хоть в костёр бросайся, но он лишь кутался в шинель и менял лошадей, сам не зная, что везёт в осургученном пакете.

– Штаб-ротмистр... Никита Степанович, чайку-с?

– Спасибо, господин полковник.

Позор, он забыл имя помощника Орлова. В третий раз забыл, а руку принялось рвать раскалёнными клещами. Делавшие перевязку медики велели вообще лежать, но какое там! Если тебя туда-сюда возит личный помощник военного министра, то хоть какая лихорадка, а будь, гусар, готов. Когда они вернулись из Академии, оказалось, что князь Орлов срочно куда-то уехал, передав штаб-ротмистру строгий приказ ждать его возвращения.

– Вы пейте, голубчик, чай хороший, крепкий... И сахару берите. Горячий да сладкий чай после раны и дороги первейшее дело, уж вы мне поверьте, Никита Степанович, по себе знаю. Приходилось и нам когда-то...

Добрый, хриплый голос доносился откуда-то издалека, но при этом казался чудовищно громким, так, что сотрясало всё внутри головы и болезненно отдавалось в ушах.

– Спасибо, господин полковник.

– Оставь, гусар, да садись, садись, не стой, как укор совести... – Полковник перешёл на «ты», дружески положил руку на плечо, и впрямь заставляя Богунова сесть.

Чашка приятно обжигает пальцы, по рукам медленно растекается тепло. Жаль, в печку их не засунешь.

За стёклами выдавшегося вперёд эркера серело одетое гранитами озеро – свинцовое, холодное, древнее. Низкое, слоистое небо нависало над неподвижной водой, ровной и тускло-блестящей, словно уже скованной льдом. Озёрная гладь завораживала и тянула заглянуть в тёмную глубину. Зинаида Авксентьевна говорила, что на Ладогу страшно смотреть лишь поздней осенью, а весной и летом она прекрасна. Сама великая княжна была хороша и в ноябре, и каким же дураком он себя при ней выказал...

– Аникита Парамонович, – неожиданно вспомнил имя полковника Богунов, – с вашего дозволения, я выйду. Душно.

– А надо ли? – встревожился хозяин приёмной. – Вы, батенька, едва на ногах стоите, а на дворе не лето, да ещё возле воды... Сидели бы уж возле печки, давайте-ка, я кресло подвину...

– Благодарствую, но всё ж покорнейше прошу дозволить, – заупрямился штаб-ротмистр, – а то я в ожидании его высокопревосходительства усну.

– Ну, – сдался Аникита Парамонович, – вольному воля, спасённому – рай, только дальше шаров не ходите, а ну как Сергей Григорьевич приедет да вас сразу спросит, а вы тут воздухом дышите. И закутайтесь потеплее. Эх, не дело это, с такой-то лихорадкой...

– Премного благодарен, господин полковник. – Богунов умудрился развернуться по уставу и выйти с обычной софьедарской лихостью. Егор подскочил с шинелью, накинул на плечи. Бережно накинул, но рука тотчас напомнила о себе, волна боли прокатилась вверх от плеча через шею, ударила, словно таран. Никита Степанович закрипел зубами, не застонал, но всё-таки пошатнулся. Несколько мгновений пришлось потратить, пока не вернулось равновесие. Зато развеялся поганый туман в голове, может, от боли, а может, помог и полковничий чай. Сырой и равнодушный холод втекал в грудь, слезились глаза, но штаб-ротмистр с извечным богуновским упорством спустился пологими гранитными ступенями к словно бы спящей воде.

Над Ладогой застыла нестерпимая тишь – ни ветерка, ни капли, ни снежинки, только

уходящая за горизонт серая гладь. Богунов зачем-то стянул зубами перчатку и прижал ладонь к стиснувшему былинным берега камню. Ладога-озеро помнило многое и многих, кто только не поил из него коней, не ломал прибрежные камыши, не смывал кровь с доспехов...

Но не только. С бесконечных русских просторов вечные путницы-реки заботливо собирали проливавшиеся с небес дожди, несли собранное вдаль, передавая одна другой, пока наконец не вливались в великую Ладогу. С разных берегов и полей, от разных градов и весей текут и текут воды в Ладогу, и длится это вечно. Всё, что творилось на Руси, помнит старое озеро; подвиги и предательства, победы и разгромы, стук топоров и рёв пожаров – Ладога не забывает ничего.

Походы и битвы, слава и позор – это было, и это ушло. На месте былых сражений встал великий город, и теперь никто не скажет, где упал с коня, захлебнувшись кровью, воевода, вместе с передовым полком ворвавшийся во вражеский лагерь, никто, кроме самой Ладоги... Не осталось свидетельств того, как прорвавшийся сквозь строй раскосых воинов князь снёс голову мурзе, но пал и сам, изрубленный кривыми саблями. Это случилось далеко, далеко от ладожской глади, но речные волны старательно донесли весть...

Память Ладоги седой,
камыши сухие,
Вашим голосом зовут
времена лихие.
Кто приходит в ваши сны
Из волны холодной,
Средь сторожкой тишины
Осенью бесплодной?

Средь сторожкой тишины... Откуда пришли слова, кто их нашептал, да и нет тут никаких камышей, только гранит и вода. Или поле? Серое, ровное, и кружат над ним три птицы, и вместе с ними кружат, скользят по тёмному зеркалу то ли отражения, то ли тени. Тени проступают и из озёрных глубин: смутные, неясные, они становятся всё чётче. Всадники и пешие в островерхих шеломах щетинятся копьями, беззвучно строятся в боевые порядки, плечо к плечу, полк к полку, и над ними реет невиданное знамя. Небесную синь охватывает алое, смыкаясь с белизной, словно горячая, живая кровь льётся на снега. Строго и яростно смотрит с синего поля лик, окружённый венцом из золотых крылатых головок.

Спас Ярое Око! Легендарная хоругвь, привезённая на Русь бежавшими от османского разорения последними цареградцами. Спасённая воительницей Софьей от воинов Пророка – и сожжённая самозванцем на глазах словно бы оледеневших володимерцев. С неё в мир смотрел не мученик и не бог, но воин. Воин, заслоняющий родной дом и потому не знающий жалости. Ведь за ним, за его плечами живёт, дышит, надеется то, во имя чего лишь и стоит жить мужчине, бойцу, человеку.

Или слышится вам звон
ярого булата,
Сквозь бессильный смертный стон,
хохот супостата,
Стрельный посвист у виска,
тулумбасов рокот
И засадного полка
ближний конский топот?

Стихший века назад ветер развернул знамя, на белом, откошенном крае стала видна шитая золотом надпись: «...прииди на помощь князю Степану!». Ладога помнила и это.

– Лечь бы вам сейчас, Никита Степанович, – знакомый голос был полон сочувствия, –

да не выйдет. Их высокопревосходительство приехали и ждут.

...Метнулась сквозь тёмное зеркало, расправляя крылья, птица с девичьей грудью и лицом Зинаиды Авксентьевны и исчезла, растаяла, растеклась осенним холодом, седым предвечерним туманом. Никита Богунов поднёс здоровую руку к разламывающему лбу, ошалело глядя на расстроенного Егора.

– Идти надобно, барин, – настаивал тот. – Сказывали поторопиться!

2. Бережной дворец

Князь Крупицкий успел не только домчать в девять дней гроб бывшего начальника с млавских берегов до Анасееполя, но и сообщить о своём прибытии дядюшке обер-камергеру, а дальше пошло как по писаному. Арсений Кронилович пожелал выслушать очевидца в присутствии Булашевича и военного министра. Орлова не сыскали, зато явившемуся с докладом Николаю Леопольдовичу велели остаться. Тауберт щёлкнул каблуками и, повинувшись приказу, опустился в привычное кресло. Арсений Кронилович тоже сел, он всё ещё был вне себя, но ярость и обида ушли вглубь. Надолго ли?

– Где Орлов? – Вопрос ответа не требовал, но субординацию Николай Леопольдович соблюдал неукоснительно. В некоторых случаях.

– Не могу знать, ваше василеосское величество! – Собственный голос показался солдафонским и злым, да он и был зол и напряжён до предела, как в кавалергардской молодости за картами, но тогда на кону стояли свои деньги, а не чужие судьбы и не исход кампании.

– Хватит, Никола! – Василевс досадливо поморщился. – Не время норов выказывать. Александр Афанасьевич, проходи, располагайся! Главное мы с тобой вчера обговорили, но Крупицкого послушай. Рапорт рапортом, а глаза глазами...

– Это так, государь Арсений Кронилович, – значительно и серьёзно согласился Булашевич. Генерал от кавалерии был преисполнен уверенности в себе, и Тауберту стало тоскливо: рапорты, доклады и депеши Булашевич и впрямь ценил не дороже своего кумира, только Александр Васильевич мосты из трупов не мостил, с этого же станет со штыками попереть на батареи, и ничего с этим не поделывать! Орлов с Янгальчевым попробовали, толку-то...

– Поручик Крупицкий явился по приказанию вашего василеосского величества, – доложил впущенный Автандилом князь. Мундир у адъютанта Ейсмонта – с иголочки, сам выбрит до синевы, глаза запали, на скулах горит румянец. Всё в порядке, так, и только так, должен выглядеть офицер, потерявший командира и рвущийся в бой.

– Вольно, князь, – на лице Арсения Крониловича читалось неподдельное сочувствие, – твою потерю оплакиваем вместе с тобой, но война не кончена. Да будет тебе известно, что командование над корпусом ввиду ранения и контузии Леонтия Аппиановича принимает генерал от кавалерии Булашевич. Взавтрева он отбывает к театру военных действий.

Поручик дёрнулся отдать честь, василевс его остановил.

– Ты устал в дороге, а усердие и польза для Отечества измеряются не Уставом, но сердцем. Садись и рассказывай о том, чему был свидетелем. Как погиб Аристарх Богданович?

– Шальной осколок, – просто сказал Крупицкий, судорожно сглотнул и замолчал. Не знай Николай Леопольдович Ломинадзева, поверил бы, что поручик всего лишь доставил тело генерала, а дядюшке дал знать исключительно из родственных чувств. Ей же богу, поверил бы!

– Князь, – прикрикнул государь, – вы не в Спарте! Извольте доложить подробно.

И князь изволил, словно плотину снесло. Нет, он никого не обвинял и ничего не понимал. Не понимал чужого вероломства, трусости, нерасторопности, путался в словах, смешивая своих и чужих, русских, пруссаков и ливонцев. Как можно без объявления войны, не ответив на ультиматум, ударить в спину раз за разом проявлявшего милосердие и

благородство союзника по великим Буонапартовым войнам? Как можно нарушить приказ командующего? Как можно забыть присягу, струсить, оставить знамя, растерять своих людей и после этого жить?! Жить, когда другие заплатили за твою глупость, ошибку, преступление жизнями и до сих пор платят...

– Аристарх Богданович, – выдохнул Крупицкий и тотчас поправился: – Господин генерал-майор находился с господином генералом от инфантерии князем Шаховским и с господином генерал-лейтенантом князем Ломинадзевым, и...

– Я знаю, кто там был! – рывкнул Арсений Кронидович. – Как погиб Ейсмонт? Что он говорил? Что делал?

– Генерал-майор Аристарх Богданович Ейсмонт, – словно очнувшись, отчеканил Крупицкий, – понял, что произошло нападение, и, действуя согласно оговорённой диспозиции, намеревался отбыть к частям егерской бригады Борисова, дабы вместе с конноартиллерийской бригадой Карпина организовать оборону нашего правого фланга. Генерал-майор, как и его высокопревосходительство командующий, и его превосходительство начальник штаба, пребывали в ложной уверенности, что Югорский стрелковый батальон и Суждальский полк, стоящие у моста Хурштах, исполнят свой долг и дадут время другим частям развернуться как подобает. Это было ошибкой... Роковой ошибкой... Лабовская мыза оказалась под обстрелом... Пальба раздавалась в нашем тылу, стало ясно, что нас обошли... было принято решение... решение переместить штаб корпуса в место, более подходящее для руководства войсками... Известий от моста не поступало... Они пришли позже – югорцы и суждальские частью рассеяны, частью загнаны в болота. К вечеру лесными тропами в наше расположение вышло до полуроты нижних чинов... Без знамени, едва ли с дюжиной ружей...

– Сие известно из рапорта Шаховского, – вмешался Булашевич. Ляксандра Василич тоже вмешивался в доклады, несмотря на высочайшее присутствие, чем Ляксандра Фанасъич хуже? – Как погиб Аристарх Богданович?

– Генерал Булашевич! – Арсений Кронидович подался вперёд, и Николай Леопольдович понял, что дело более чем плохо. – Не перебивать поручика! Он говорит, что видел, как бы нам сие ни было неприятно. Что дальше, князь?

– Штабной поезд уже под огнём неприятельских драгун покинул Лабовскую мызу. Его превосходительство Аристарх Богданович так и не смог отбыть ко вверенным его командованию войскам. Указанием князя Шаховского ему поручена была сохранность знамени корпуса. Аристарх Богданович со всем сердцем... всеми силами... Он собрал особую группу нижних чинов и офицеров, поклявшихся умереть, но не допустить... Штабной конвой осуществлял передислокацию лесной дорогой, поневоле мы двигались медленно, и чёрные драгуны, наверняка допросив пленных, узнали, куда мы скрылись. – Поручик сглотнул вновь. Он смотрел только на государя. Не как на василевса, как на родича, будучи либо умён, либо чист душою неимоверно. – Устным приказом господина генерала от инфантерии барон Ейсмонт был назначен командовать арьергардом. В таковом качестве... В качестве таковом... такового он... Мы отходили последними. Аристарх Богданович всё время оставался в первых рядах, организуя отражение неприятеля. Какое-то время мы держали их на дистанции ружейным огнём. Но потом... На нас пошли «чёрные волки», не меньше восьми эскадронов. Первая линия смялась, Аристарх Борисович вынул саблю, бросился вперёд с ротой резерва. Построил каре, отбил первую атаку. Но пруссаки на каре больше не полезли, подвезли артиллерию. Ударила пушка, генерал начал валиться вперёд, рядовой Анучин прихватил его за плечи...

– А где были вы? – резко спросил Булашевич.

– У меня было знамя, – князь закусил губу, – я не мог... Не успел... Не мог его...

– Разумеется, не мог, – зло подтвердил государь, – он же не югорец. Ейсмонт умер на месте?

– Через полтора часа... В дороге. Бетьев ничего не сумел, никто бы не сумел... Государь, он был в полном сознании и беспокоился о знамени и что не успевает составить

рапорт. Он пытался мне диктовать, но был слишком слаб...

– Он о чём-то просил?

– Нет... Но тревожился о семье... Наследственное имение расстроено ещё при матушке Аристарха Богдановича. Людмила Давыдовна осталась с пятью дочерьми, а управляющий...

– Долги заплатят. – У государя дёрнулась щека. – Вдове Ейсонта – полный пенсioen, нуждаться не будет, дочери получают приданое. Что для себя хочешь?

– Вернуться ко Млаве, – сказал Крупицкий то, что и должен был сказать. – Только не адъютантом, а в строй...

– Вернёшься, – посулил Арсений Кронилович. – Представление на тебя есть, но пока контора пишет... Своего «Егория» получишь во Млавенбурге, а вот в строй тебя не пущу. Пойдёшь к великому князю Севастиану.

Николай Леопольдович мысленно схватился за голову.

* * *

Воевода очнулся от забытья и застонал, с трудом поворачивая изломанное тело. Сейчас он мог стонать, мог даже кричать, ведь его не слышали и не видели. Вязкая, зябкая тьма казалась непроглядной, но неподъёмные каменные своды давили даже сквозь неё, отзываясь тупой, неотвязной болью; хуже открытых ран и тяжелее оков, способных удержать медведя. Гнёт, тьма и бессонное ожидание утра, чей приход угадывался лишь по пробивавшимся сквозь камень смутным колокольным звонам.

Узник дотянулся до кувшина, хлебнул отдающей железом воды и опустил на солому. Сонная одурь ушла, оставив победителя ордынцев наедине с безнадёжностью. И всё равно он не жалел ни что разбил под Желыню обнаглевшего Гирея, ни что поднял руку на Ейского, ни даже о том, что не сбежал, хоть и знал – государь затаит зло. Пусть Забецкой сохранил голову и свободу, пусть купается в лешском золоте, но водить вражеские полки на русские земли?! Уж лучше на дыбу, чем до скончания веков в кипящую смолу, да не по чужой злобе и навету, а за дело, хуже которого не сыскать...

Шум был слабым, но в крошечной тишине мышь и та конём проскачет, только то оказалась не мышь – вверху отпирали замки. Дальний визгливый скрежет воевода распознал бы в любом гомоне, не то что в тишине. Глухой стук означал, что открыли первую, окованную железом дверь, остались ещё две, когда станут отпирать камору, послышатся голоса, а сквозь щель блеснёт жёлтый маслянистый свет. Что будет дальше, воевода не загадывал. День пришёл раньше, чем думалось, и ничего хорошего принести он не мог. Узник, прикусив от боли губу, торопливо повернулся спиной к тем, кто сейчас войдёт, и натянул на голову лохмотья, оставшиеся от шубы с плеча Кронида Васильевича. Ничем другим досадить дьякам с палачами он не мог, разве что разбить голову о камень, как Михайло Чемисов...

– Богунов! – позвал кто-то властный и незнакомый. Лежащий заворочался, словно только что проснулся, и приоткрыл один глаз.

– Мил-друг Никита, – вновь позвал палач, вытирая мокрые лапы расшитым петухами полотенцем, – вы что, не слышите?

– Ваше высокопревосходительство? – пробормотал Никита, стремительно приходя в себя. – Прошу простить!..

Ай, ай, какая конфузия! Явиться со всем поспешанием обратно в приёмную министра, услышать от доброго полковника, что их высокопревосходительство «приехали, прошли к себе и сей же час позовут», кивнуть, привалиться к нагретой печке и...

Заснуть в одно мгновение.

Военный министр невесело, но понимающе усмехнулся:

– Правду Колочков говорит, тебе самое место в гошпитале, но раз уж сбежал – терпи. Поехали. Государь ждёт!

– Государь? – не поверил своим ушам Богунов. – Как же так?

– А ты думал, он не захочет очевидца расспросить? – удивился Орлов. – Кого и спрашивать, как не тебя?

– Но... Ваше высокопревосходительство, я знаю очень мало. Мой полк вступил в дело только при Заячьих Ушах...

– Всё, что нужно, есть в рапортах да в письме Шаховского, – утешил штаб-ротмистра военный министр, – твоё дело – говорить, что видел. Как всё случилось, так и говорить. Понял ли?

– Так точно, ваше высокопревосходительство, – заверил софьедарец, пытаясь собраться с мыслями, но те собираться не желали, хоть умри!

– А коли понял, – подбодрил Сергей Григорьевич, – то вперёд!

3. Бережной дворец

Граф Богунов выглядел краше в гроб кладут, но это, пожалуй, и к лучшему. Другое дело, способен ли штаб-ротмистр в таком состоянии хоть что-то соображать, ну да поздно трубить отбой.

– Орлов, что это значит?! – Арсений Кронидович недоумённо переводил взгляд с военного министра на раненого гусара. – Где тебя носило? Откуда взялся сей софьедарец, коему у Млавы пребывать должно?

– Государь, – не дрогнув и бровью Сергей Григорьевич, – штаб-ротмистр Богунов прибыл в Анассеополь с берегов Млавы. Я узнал о сём обстоятельстве лишь полчаса назад и счёл своим долгом доставить к вашему василеосскому величеству непосредственного участника сражения у Заячьих Ушей, чьё имя числится в представленном генералом от инфантерии Шаховском списке отличившихся в том деле.

– Я вижу, штаб-ротмистр ранен, – буркнул Арсений Кронидович, с подозрением косясь на Орлова, – пускай сядет.

– Ваше василеосское величество! – не замедлил влезть Богунов. – Я могу стоять, и я могу вернуться в строй!

– Сесть! – громыхнул василевс. – Это приказ! А теперь отвечай, как ты оказался в Анассеополе, если у тебя гошпиталь на лбу написан.

– Я покинул гошпиталь, – не стал хитрить Богунов. – Я здоров и могу...

– Как ты оказался у военного министра? – Государь стрельнул глазами в Орлова и на всякий случай прикрикнул: – А тебя, князь, не спрашивают.

Сергей Григорьевич едва заметно пожал плечами и заложил ногу на ногу. Николай Леопольдович давно устал восхищаться невозмутимостью сего коренного русака, порой дававшего фору не то что немецкой колбасе в лице самого Тауберта, но даже англичанам. Правда, когда на Орлушу «находило»...

– Вы слышали вопрос, штаб-ротмистр? – наседал государь.

– Так точно. – Несмотря на приказ, Богунов вскочил и замер по стойке «смирно». – Покинув гошпиталь, я вернулся в свой полк, но полковник Княжевич меня не принял, оставив решать командующему Млавской сводной бригадою полковнику Росскому.

– «Млавской сводной бригадою»? – Лицо государя стало озадаченным. Поддайся Орлов искушению и объясни софьедарцу, что и когда говорить, и то не придумал бы лучшего посыла. – Откуда ж такая взялась?! Ничего не спутал от раны да в жару, ротмистр?

– Никак нет, ваше величество! Гвардии полковник Росский принял командование отступавшими от Млавы частями и, не имея известий от штаба Корпуса... своею властью... – Богунов перевёл дух и закончил: – Издал приказ о формировании сводной Млавской бригады... Мой полк вошёл в неё накануне дела под Заячьими Ушами.

– Об этом потом, – счёл уместным подать голос Николай Леопольдович, понимая, что теперь государь не станет вдаваться в подробности походов гусара. – К военному министру вас направил Росский? Зачем?

– Никак нет. – Богунов развернулся к Николаю Леопольдовичу, и тот в очередной раз

похвалил себя, что не стал проверять ни Зюку, ни Росского. – Господин полковник сказал, что не может оставить меня при бригаде, выписал отпуск по ранению и дал мне поручение к великому князю Геннадию Авксентьевичу.

– Отпуск по ранению? – удивился василевс.

– Так точно, ваше василеосское величество, – всё-таки встрял Орлов. – Штаб-ротмистр имеет проникающее колотое ранение в левую руку, что не может никак зажить в короткое время. Принимать участие в бою граф не может, полевой госпиталь Второго корпуса переполнен тяжелоранеными. Устав не запрещает в подобных обстоятельствах предоставлять недужному офицеру отпуск для окончательного излечения, правда, требуется утверждение сего командующим Действующей Армией или же военным министром. Обычно сие делается эстафетой, но отправить таковую полковник Росский возможности не имел.

– А что ещё за поручение к великому князю? – Государь глядел на Богунова, Орлов – на государя, а Николай Леопольдович – на Крупицкого. Адъютант Ейсмонта оставался спокоен, но Тауберт подозревал, что поручик ловит сейчас каждое слово, и отнюдь не из любопытства.

– Не могу знать, – честно ответил и впрямь ничего не знавший штаб-ротмистр, – я доставил пакет в дом его высочества великого князя Авксентия Марковича, однако Геннадий Авксентьевич пребывали в казармах и... её светлость Зинаида Авксентьевна предложили мне помощь и велели её сопровождать...

– Итак, письмо ты доставил? – перебил уставший от собственной подозрительности Арсений Кронидович.

– Так точно.

Это было истинной правдой. Написать почерком Росского две короткие записки и запечатать Феоктистову было раз плюнуть, а Зюка... Зюка была умницей.

– Сергей Григорьевич, – желание узнать подробности боя стремительно загоняло упрямство и недоверие василевса в дальний угол, – зачем тебе сей гусар потребовался?

– Мне он никоим образом не требовался, ваше василеосское величество, – с готовностью объяснил Орлов. – Мой помощник немедленно отправил его к доктору Хлебову в Военно-медицинскую, и правильно сделал. Командир же Кавалергардского полка князь Арцаков переслал мне письмо Росского. Предельно краткое. Полковник высоко отзывается о штаб-ротмистре и рекомендует его – разумеется, после излечения и возвращения в строй – для вступления в Кавалергардский полк, уточняя, что таким образом исполняет давнее своё обещание направить взамен себя достойного офицера. Также полковник Росский заметил, что выписал графу Богунову отпуск, поелику не может оставить штаб-ротмистра при бригаде, ибо сие подаст дурной пример другим раненым офицерам, а госпитальный обоз с увечными при наступлении является значительной обузой.

– Росский наступает?! – Подозрения были окончательно отброшены. – Богунов!

– Должен был, ваше величество! Получая инструкции, я слышал распоряжения, данные Софьедарскому полку и югорцам...

– Югорцам?! – Государь вскочил, словно внутри него распрямилась пружина. – Каким югорцам?! Ты что несёшь, штаб-ротмистр?! Что несёшь?!

– Как вас понимать, граф? – сухо уточнил Орлов. – Что вам известно о Югорском батальоне?

– О Югорском стрелковом батальоне, ваше величество? – Удивление на лице софьедарца убедило бы кого угодно. – Они попали под самый первый удар у моста Хурштах, сдерживали Пламмета, сколько могли, сражаясь один против десяти. Стояли насмерть, не рассыпались, отступили в полном порядке, так что драгуны их обойти так и не сумели. И потом, уже под Заячьими Ушами... им был доверен центр нашей позиции, прикрытие немногих орудий, что у нас имелись. И они снова выстояли! Если б не они... У володимерцев стали рваться ружья, в штыковую было рано, Пламмет палил из пушек, мы едва сдерживали драгун... Если б не штуцера югорцев, мы не удержали бы середину, потеряли всю артиллерию и дело кончилось бы нашим полным и окончательным разгромом.

– Вы видели это своими глазами? – Орлов тоже поднялся, а за ним вскочил Булашевич. Теперь сидели лишь Николай Леопольдович и словно заледеневший Крупицкий.

– Так точно, видел своими глазами, ваше высокопревосходительство! – оттарабанил Богунов. – К вечеру югорцев осталась едва ли половина, но их доблестью была спасена позиция, о чём есть приказ по бригаде...

– А знамя?! – Казалось, государь ухватит гусара за горло и примется трясти. – Знамя батальона? Где оно?!

– В батальоне... – окончательно растерялся софьедарец. – Где же ему ещё быть?

– Значит, в батальоне, – медленно проговорил Николай Леопольдович, разворачиваясь к Крупицкому. – И как вы, поручик, сие обстоятельство объясните?

Надо отдать Крупицкому должное, он не растерялся. Или, напротив, растерялся до хлопанья глазами и заикания.

– Ваше... Ваше василеосское величество... не смея усомниться... Если граф Богунов сам видел, значит... значит, его высокопревосходительство генерала от инфантерии обманули трусы и дезертиры... Те, кто бежал от моста... Но их слова не расходились...

– Сговорились! – с умным видом объявил Булашевич. – А вышли порознь, вроде как сами по себе. Бывало такое, государь, и не раз бывало...

– Если князя Шаховского ввели в заблуждение, – протянул Николай Леопольдович, с приличествующим упырю вниманием глядя на поручика, – сие вскорости, вне всякого сомнения, прояснится. Я незамедлительно отпишу полковнику Бобыреву, дабы он учинил следствие.

– Прямо сейчас, Николай Леопольдович? Стоит ли отвлекать Росского от дела? – не согласился с шефом жандармов военный министр.

– Не стоит! – насупился Булашевич, изготовившись отстаивать доблестных воинов от поганцев в синих мундирах. – Если полковник Росский наступает, то нонче он на острие копья нашего, всё на его плечах держится. Не дам его бригаду мурожить, хоть на куски рвите, не дам!

– И всё же, – не сдавался Тауберт, – не след спускать провинности, особливо честь знамени задевающие. Тех, кто обманул князя Шаховского, следует выявить и наказать примерно, да и с югорцами не всё ясно. Знамя они сохранили, в бою у Заячьих Ушей дрались доблестно, коль штаб-ротмистр граф Богунов в том ручается и своими глазами всё видел. Это вам не лорд Грили с его телеграфом, но ведь и фон Пламмет откуда-то да взялся. Если... Штаб-ротмистр, кто командовал югорцами, Сажнев или нет?

– Подполковник Сажнев, – подтвердил софьедарец, отчего-то глядя на Крупицкого. – Это настоящий герой, честное слово! Он... Подполковник не покидал первой линии, всё время направляя огонь своего батальона и лично ободряя нижних чинов. Я сам видел, он поднял раненого солдата, из его штуцера, держа одной рукой, снял драгунского офицера, потеряв при том фуражку; так он наклонился, поднял, надел под пулями, по Уставу, как на парад. Даже пальцами промежутков под козырьком проверил и кокарду по ладони выровнял.

– Так, и только так, и пристало долг свой исполнять русскому офицеру, – не преминул встрять Булашевич. – Сие от Александра Васильевича заповедовано, и иному не бывать!

– И всё же, – упёрся Тауберт, – достойное поведение в сражении не оправдывает проступок куда более серьёзный. В рапорте говорится о неподчинении прямому приказу, каковое неподчинение повлекло за собой вторжение. Обстоятельства сего требуют строжайшего...

– Прекрати, Никола! – рявкнул государь. – Вовсе разум со своими жандармами потерял?! Во время наступления командира лучшего батальона дёргать? Дойдём до Млавенбурга, живы будем, там и разбирайся, а сейчас нет этого дела. Нет! Забудь и не лезь! Понял ли?

Николай Леопольдович угрюмо, как и пристало посрамлённому сатрапу, кивнул. Государь внимательно оглядел Богунова.

– Как же ты дозволил пруссаку себя ранить, орёл?

Штаб-ротмистр замялся, и военный министр с готовностью напомнил:

– Штаб-ротмистр Никита Богунов, предводительствуя эскадроном Софьедарского полка, вместе с нижними чинами ворвался на неприятельскую батарею, изрубил прислугу, уничтожил четыре пушки путём прямого подрыва оных и захватил ещё два орудия вместе с запряжками, кои и доставил в расположение бригады.

– «Егория»! – отрезал Арсений Кронинович. – И в гошпиталь! Шагом марш!

– Ваше василеосское величество! – вскинулся Богунов. – Прошу соизволения вернуться в полк. Обузой не буду!

– Полковник Росский так не считает, – проворчал Николай Леопольдович, как бы стараясь взять реванш за поражение с Сажневым.

– Полковник, может, и не считает, – Арсений Кронинович обвёл собравшихся сияющим оком, – а вы, господа генералы да министры, что скажете? Что с героем делать будем?

– С конём управисься, однорукий? – хмыкнул Булашевич. – Не свалишься?

– Никак нет, господин генерал от кавалерии! – отчеканил герой. – Хоть сейчас в седло!

– Ко мне пойдёшь, – с ходу решил Булашевич. – Пока в адъютанты, им рубиться не с кем, а заживёт рука – поглядим!

– Ну, так тому и быть, – усмехнулся государь и обернулся к Орлову. – Спасибо, князь Сергей, порадовал не скажу даже как. Смотри же, полные списки отличившихся при отражении неприятеля на самой Млаве и в деле у Заячьих Ушей – у себя не держи, мне на стол немедля! И чтобы писари твои с наградными листами б не затянули. А пока контора пишет, вот прямо сейчас – гвардии полковнику Фёдору Росскому – «Арсения»...

– У него есть уже, – вставил Орлов, отличавшийся абсолютной памятью. – За взятие Даргэ.

– Значит, следующего, с мечами! – расщедрился василевс. – А подполковнику Григорию Сажневу...

– У него как раз нету, – уточнил военный министр.

– Тут «Арсения» третьего класса мало будет, – решил государь. – «Софью»! Приказ отправить немедля, особым нарочным...

– Ваше василеосское величество! – вдруг встрял Булашевич. – Покорнейше прошу ваше величество о милости. Дозвольте, коль будет на то воля ваша, мне самолично героям ордена вручить. Такими чудо-богатырями сам князь Суворов бы гордился, а я, командование корпусом на себя принимая, не хочу, дабы Фёдор Сигизмундович, врага на рогатину взявший, чувствовал бы себя обойдённым и обделённым. Сажнев же и вовсе под подозрением пребывал, кто знает, что там генерал-лейтенант Ломинадзев ещё натворил-наговорил... Дозвольте добрым вестником в корпус прибыть, не столичным енералом, на чужих доблести да крови поднявшимся!

Да, подумал Тауберт. Умеет Ляксандра Фанасьич говорить. У кого иного такое услышишь – аж дурно станет, скулы от стыда сведёт, а Булашевич – да, он таков. Всегда таким был и таким помрёт. Хорошо бы только, чтобы в старости да на собственной постели, а не на поле боя со всем корпусом...

– Не могу отказать тебе, Александр Афанасьич, – улыбнулся василевс. Он сейчас казался неимоверно счастлив, несмотря на все чёрные вести предшествующих дней. – Бери и листы, и ордена, пусть от тебя узнают. А Росскому на вид поставь... Ишь, додумался! Турнул раненого в Анассеополь и хоть бы рапорт написал!

– Не чернильная душа, вот и не подумал! – бросился на защиту будущего подчинённого Булашевич. – Хороши б мы были, ежели б каждый чих по начальству доносили! На то штабные сидельцы есть, а наше дело – города брать...

Николай Леопольдович досадливо сморщился, василевс увидел и рассмеялся в голос. Впервые после визита Грили.

– А представьте-ка, братцы, – потребовал он, – что за физиогномию скорчит мерин аглицкий, когда узнает, кто прав был, мы али фон Пламмет со своими реляциями да телеграфами!

Глава 15 12 ноября 1849 года

1. Млавское приречье. Ливония, окрестности города Анксальт

Войска Второго армейского корпуса прочно встали у Анксальта. Сколько ни ругались господа генералы Крёйц с Тягловым-Голубициным, «утянутые» Росским полки их дивизий так и остались под его командой. По тракту от Млавы, через роковой мост Хурштах, спешили отставшие части: темрюкские гусары, голова Девятнадцатой пехотной дивизии – Андрианопольский и Жибичский полки. Вылезла с размокших дорог и бодро затрусила по мощёному немецкому тракту артиллерия из не участвовавших в самом первом деле дивизий.

Увы, оценив уже за Млавой всё уцелевшее после первого удара фон Пламмета, Русский убедился, что чёртов пруссак задал им таки изрядную трёпку. Из всей Пятой пехотной дивизии не удалось собрать и одного полка, потеряна вся дивизионная артиллерия, передовой обоз.

Шестую дивизию пропавшего без вести генерала Осташинского растерзали на северной дороге от Заячьих Ушей к границе, большей частью загнав в Апсальскую топь, – до Росского из неё добрались немногие. Сейчас эту дивизию – вернее, то, что от неё осталось, – должны приводить в порядок где-то под Кёхтельбергом.

Четвёртая пехотная дивизия дала сильно потрепанный в деле при Заячьих Ушах, но явивший себя несгибаемым Володимирский полк. Ещё до Млавы подошли желынцы и закаменские егеря, где-то позади, в тылах, болтался Угреньский пехотный полк, его командир, похоже, слушал только своего начальника дивизии.

Девятнадцатая дивизия, нетронутая, растянулась на несколько дневных переходов. Два её полка только что пересекли Млаву, ещё два, однако, пребывали неведомо где, как и подолецкие уланы.

Разумеется, очнулось от оцепенения и ближайшее начальство. Его сиятельство Леонтий Аппианович и его превосходительство Ираклий Луарсабович забросали Росского бесчисленными указаниями, однако даже им хватило сообразительности понять, что повисать на плечах ретивого гвардионца *сейчас* чревато – василевс за разгром тридцатого октября и так по головке не погладит; неведомо, какие ещё приказы поступят из Анассеополя. Будет ли новый командующий, или?..

– Не было печали, – мрачно изрёк Миша Вяземский, глядя на кипу депеш из штаба корпуса. – Проснулись, называется.

Подполковник досадливо покачал головой, хмыкнул, возвращаясь к прежнему занятию: он старательно заносил полученные приказы в соответствующим образом прошитые журналы боевых действий – как гвардейских гренадеров, так и новоявленной Млавской бригады.

– Ох, понадобятся нам ещё сии бумажки, ох как понадобятся...

Да, понадобятся, думал Русский. Того же Сажнева взять. Бог ведает, чем аукнулись расспросы настойчивого адъютанта, чего наврали в своём рапорте Шаховской с Ломинадзевым; и, главное, чем кончился вояж Богунова, добрался ли софьедарец до князя Геннадия, дошёл ли до Орлова доклад самого Росского...

Но пока что всё оставалось тихо. Штаб Второго корпуса также получил полное донесение о деле при Заячьих Ушах, о героизме Сажнева и югорцев; глядишь, и не станет Ломинадзев связываться, отыграется на мёртвых, на них всё свалит.

Да, нужны и журналы эти, и печати, и прочее.

– Ничего, Миша, – усмехнулся Русский. – Они нам бумажку – а мы им другую. Не на тех напали. Испугали гвардионцев бухгалтерией!

– Да уж, – поддержал другой офицер их же полка, майор Алексей Разумовский. –

Пиши, Михайло, пиши. Твоё перо сейчас сотни штыков стоит.

– Игрстого б с вас за такие слова... А то как бумажки сочинять, так «Миша, Миша!», а как добрым пуншем согреться, так...

– Ну и неправда, неправда! – запротестовали остальные.

– Ещё отпираются! – в шутку возмутился Вяземский.

Росский только улыбнулся и вновь склонился над картами.

В просторной палатке, настоящем шатре, где он устроил свой штаб, гудела докрасна накалённая печка, а за пологам грубой парусины завывал ветер. На Ливонию обрушилась настоящая зима, как никогда ранняя, и низкие тучи старались вовсю, засыпая снегом пустые поля и перелески.

Росский смотрел на карту.

Млавская бригада всей массой нависала над засевающим в Анксальте фон Пламметом. И не просто нависала – всячески показывала, что вот-вот пойдёт на приступ: гусары Княжевича, уланы Страха и донские сотни не вылезали из сёдел, рыща по ближним вражеским тылам и то и дело сшибаясь с озверевшими от эдакой наглости чёрными драгунами. Подоспевшие темрюкцы тоже требовали своей доли боя и получали её – «волки» фон Пламмета были не из тех, кто легко уступает поле.

И во весь богатырский рост вставал вопрос: что делать командиру Росскому? Прусские наёмники и ливонские ополченцы засели в крепком месте. Сколько их там, неизвестно. Пленные отговариваются незнанием, но, если верен твой расчёт, Фёдор, и там на самом деле три дивизии да ливонские ополчения, впору думать, как бы тебя самого фон Пламмет глиной не обмазал да с яблоками в печь не поставил.

Миша Вяземский предложил «выманить неприятеля на восток ложным отступлением, присоединить по ходу дела все отставшие полки наши и обрушиться на врага, лишённого защиты своих редутов». Идею с жаром поддержали гвардионцы и гусары, даже Сажнев ворчал что-то одобрителное, армейские отмалчивались, но сам Росский лишь покачал головой.

Давать встречный бой, да не просто встречный, а обернув отход в наступление, – это очень, очень сложно и рискованно. Тем более с таким противником, как фон Пламмет. Это вам не османские паши. Конечно, слава Буонапарте в памяти толкалась и ворохалась, нащёптывая сладким и лживым голосочком, мол, а ты чем хуже, Фёдор Сигизмундович? Иль в солдат своих не веришь? В оружие русское? Иль ты не гвардионец? Жизнь одна, всё равно помирать, и какая радость командиру-гвардейцу старость на козетке встречать, глухим, беззубым да полуслепым?

Росский только тряс головой, отгоняя негодные мысли. Нет, военное искусство – наука строгая. Случались во все века чудеса, сотня тысячу останавливала, тысяча десять тысяч гнала, но плох тот командир, что на чудо оное полагаться станет и на себя лавры Александра Великого примерять. А вот окружить фон Пламмета, да так, чтобы он сам того не заметил, – совсем другое дело.

Не «удача воинская» или там «счастье боевое» нужны Фёдору Росскому, а трезвый и холодный расчёт. Пруссаки орднунгом своим и сильны, и слабы. Правилам привержены, их держатся, даже в наёмных войсках, формально от уставов армейских свободных.

И Млавская бригада усиленно копала землю в виду ливонских ретраншементов, показывая, что ни о чём, кроме лишь обороны, не помышляет.

Фон Пламмет, однако, имел собственное мнение, как надлежит развиваться событиям.

Выстрел, выстрел, выстрел – Росский, Вяземский и остальные бросились из штабной палатки наружу.

Так и есть – отряд драгун опять схватился на фланге с казаками, очевидно, слишком близко подобравшимися к ретраншементам. Обычно донцы уворачивались и отходили, не принимая боя, но на сей раз что-то не заладилось, потому что к «чёрным волкам» присоединились вертлявые гусары. Лёгкие, под стать казакам, они деловито брали русских в клещи.

Не дожидаясь команды, понеслись на выручку темрюкские эскадроны. Русский вскинул подозрную трубу, видя, как конники сшиблись посреди белого поля, – никто не желал уступать, ни Пламметовы драгуны с гусарами, ни русские казаки с темрюкцами.

– Как бы он не решил в большое сражение нас втянуть... – сквозь зубы проговорил Вяземский.

– Отводить наших надо, – согласился и Разумовский.

Кавалерийская стычка окончилась всё-таки в пользу «чёрных волков», к ним подкрепление подоспело первым. Однако и казаки с темрюкцами сумели разорвать стянувшуюся было удавку, открыли огонь югорцы, две их дежурные роты успели на выручку; была русская артиллерия, преграждая дорогу немецкой подмоге, и драгуны повернули назад, подхватывая и увозя собственных раненых и убитых.

Донцы с темрюкцами так и остались лежать, где лежали.

Русский мрачно глядел на разбросанные по полю тела.

Хоть и зовётся сие действие разными красивыми словами вроде «разведки боем» или «беспокоящего рейда», а солдаты в нём гибнут по-настоящему.

Медлить нельзя.

– Бери, Михайло Константинович, пару казаков и белый флаг, отправляйся напрямик ко Пламмету. Договоритесь о перемирии для выноса раненых. Хоть на полчаса. Заодно поглядишь на нашего... прусского атташе в отставке.

– Всё сделаю, – отрывисто кивнул начальник штаба.

Сажнев ещё не вернулся из передней линии, упрямый Княжевич орудовал со своими гусарами где-то глубоко на западе от Анксальта, и рядом с Росским не осталось никого из соратников по делу у Заячьих Ушей, кроме одного лишь Разумовского. Гвардионец вновь поднёс подозрную трубу к глазам, проследил за торопящим коня Вяземским и его конвоем – до тех пор, пока подполковник с белым флагом не скрылся за прусскими ретраншементами.

– Ждём, господа.

Лекарские команды с носилками стояли наготове, вместе с примчавшимся из деревни Ягодки знаменитым военным хирургом Паллантом Сафроновичем Бетьевым. Доктор опередил всех штабных, оставив болящего Шаховского на попечение не столь именитых эскулапов, в то время как Ираклий Луарсабович Ломинадзев «с немалым героизмом в непроходимых топях собирал рассеянные части наши». И как человек гражданский, хоть и с чином в Военно-медицинской академии, терпения Бетьев не имел совсем, когда речь шла об оставшихся на поле боя людях.

– Да чего ж медлят-то, чего тянут?! – выходил из себя Паллант Сафронович, немилосердно теребя седеющую бородку.

Русский доктора успокаивал, старательно гоня дурные предчувствия, поднятые то ли бушующим хирургом, то ли чем-то, чему вовсе нет разумного объяснения, но что знакомо всем бывалым солдатам и морякам. Парламентёрство было делом обычным, договаривались и с Буонапарте, и со свеями, и даже с неистовыми османами. Общего языка не находилось разве что с капказцами, ну так чего с тех возьмёшь...

Однако прошли все сроки, доктор Бетьев едва не вырвал себе целый клоч из бороды, а Вяземский по-прежнему не возвращался. Явился Сажнев, узнал, в чём дело, помрачнел, сел на камень, принявшись зло чистить штуцер. Небось кинулся со своими казаков выручать и лично палил, подавая пример.

С фланга подоспели казачий полковник Менихов и Семён Захаров, командир темрюкских гусар, невысокий и на вид как будто даже щуплый, однако на лице и руках уже немолодого полковника красовалось столько сабельных шрамов, что хватило бы, наверное, на целый эскадрон. Вместе с ним явился и странного вида гусар, без кивера и ментика, в видавшей виды черкеске и кавказской же меховой шапке.

– Господин полковник, – Захаров спешил, – неприятель успешно отражён. Донцы из кольца вышли.

– Благодарю, Семён Маркелович. А это ещё кто с вами?

Росский смотрел на темрюковского полковника и не вглядывался в не по форме обмундированного гусара, отчего и пропустил момент, когда тот манерно-неторопливо стащил шапку.

– Здравия желаю, господин полковник, Фёдор Сигизмундович, – раздался голос, преувеличенно-почтительный и вроде б даже знакомый. – Михайло Шигорин я. – Гусар в черкеске согнулся в театрально-народном поклоне. – Виделись мы с вашим высокоблагородием в свете не раз и не два...

Так. Михайло Шигорин. Вернее, князь Михаил Медарович Шигорин. Бывший гвардионец, лейб-гвардии гусар. Разжалованный и сосланный в капказский армейский полк; формально – за излишне вольнодумные стишки, на самом же деле... Мерзкая вышла история; из тех, что, всплыв, хорошим людям жизнь в клочья разносят.

– Встаньте как положено! – вырвалось у Росского даже прежде, чем он успел подумать.

– Виноват, – скорчил гримасу Шигорин, выпятив грудь так, что сейчас, казалось, отлетит застёжка на черкеске.

– Фёдор Сигизмундович, – смутился Захаров. – Хотел лично представить вам кня... Михайлу Шигорина, рядового второго эскадрона вверенного мне Темрюцкого гусарского полка. Михайло Шигорин, видя бедственное положение казаков наших, первым вскочил в седло, увлекая гусар своего взвода им на выручку. Мне оставалось лишь скомандовать остальным. И в бою Шигорин дрался в первых рядах, лично зарубив двух драгун неприятеля и одного их гусара ранив. Означенный подвиг, по мысли моей, несомненно заслуживает...

– О достойном поведении сего нижнего чина будет, вне всякого сомнения, сообщено вместе с именами других, также отличившихся в деле. – Росский отвечал, не глядя на Шигорина, чьи светлые волосы уже присыпало снегом, а сам Михайло стоял во всё той же потешной стойке, как бы во фрунт, но так, что всякий видит – это насмешка одна, а не как Устав велит.

Семён Захаров Шигорину явно благоволил. Рубака рубаку видит издалека, это чистая душа грязь не разглядит.

– Сообщено бу-у-удет? И всё-о-о? – неожиданно капризно, словно ребёнок, оставшийся без конфеты, протянул Шигорин плачущим голосом. – А я эскадрону обещал...

– Кн... Михайло!

– Погодите, Семён Маркелович. Что ваш нижний чин тут вещает, об Уставе позабыв?

Командир темрюкцев мучительно покраснел, зарозовели даже старые сабельные шрамы.

– Даже рублём не пожалеете, ясновельможный Фёдор Сигизмундович? – умильно сложил руки Шигорин, подняв брови и изломив их домиком. – Как издревле принято у господ ахфицеров, нижнему чину отличившемуся рублишко на пропой кинуть? Я эскадрону обещал... мол, как вернусь, у обозников прикуплю да проставлюсь...

– Держи! – вдруг прорычали за плечом Росского.

Набывшийся Сажнев, словно живая гора, надвигался на Шигорина.

– Рубль, говоришь? На пропой, говоришь? Ну, лови! – В пальцах Сажнева мелькнула рублёвая монета. Лицо югорца напряглось, костяшки побелели – края серебряного кружка загибались, миг – и на огромной ладони подполковника оказался искомый рубль, аккуратно свёрнутый трубочкой. – Получай. – Сажнев швырнул Шигорину скатанку.

– Благодарю покорно, – ловко поймав, шутовски раскланялся тот, нимало не растерявшись. – Вот спасибо! Ещё и лучше, я сию диковинку обменяю с приплатой, в убытке не останусь. Премного благодарен, ваше высокоблагородие!

– Да я тебя... – вновь не выдержал Сажнев, однако Росский крепко взял друга за локоть.

– Полковник Захаров, – резко бросил Фёдор Сигизмундович, – я вас больше не задерживаю. И внушите... вашему нижнему чину, что следующее отступление от норм уставных станет для него в вашем полку последним. Более того, оно станет для него последним и в кавалерии, и вообще в любой части, приближенной к театру боевых действий

и обеим столицам ближе чем на пятьсот вёрст.

– Так точно, – только и смог выдавить из себя командир темрюкцев. Шигорин, долю мгновенья всё же помедлив, возвёл очи горе.

– Ты что же, егопустишь? – рыкнул разъярённый Сажнев, вновь берясь за принесённый штуцер. – Отродясь в батальоне своём не порол никого, а тут, ей-же-ей, не пожалел бы шпицрутенгов!

Росский усмехнулся, провожая удалявшихся гусар взглядом.

– До паяца снисходить – себя не уважать.

– Мишель-Дьявол, одно слово, – подал голос Разумовский. – Но рубака и впрямь лихой, а стишками да вольнодумством кто по младости не балуется... Или ты, Фёдор, иное что слышал?

– Оставим сие, господа, – твёрдо произнёс Росский. – Куда больше сего шута меня Миша Вяземский волнует. Всё нет их и нет...

– Едут, едут! – словно отвечая Росскому, в тот же миг выкрикнул кто-то.

Судьба, не иначе.

Со стороны Анксальта появилась небольшая кавалькада. И тоже под белым флагом. Вот только... почему три лошади без всадников?! И... что это там через сёдла перекинута?!

Росский услышал собственный стон.

Ошеломлённо смолкли штабные.

Вскочил Сажнев, бросив недочищенное ружьё.

Под белым флагом нарочито медленно ехал драгунский офицер, с ним – ещё двое всадников.

Фёдор Сигизмундович едва заставил себя остаться на месте.

– Да что же это, господа?! – беспомощно спросил небеса доктор Бетьев.

Трое казаков уже подводили к Росскому парламентёров.

– Господин полковник. – Чётко отсалютовав, драгунский майор заговорил по-французски. Также чётко. – С нелёгким сердцем я вынужден исполнить возложенную на меня скорбную миссию. Его превосходительство господин генерал фон Пламмет велел мне препроводить тела трагически погибших парламентёров...

– Как погибших? – едва выговорил Росский. – Законы войны, принятые всеми цивилизованными нациями...

– О, поверьте, господин полковник, мы все прекрасно знаем и соблюдаем эти законы. Господин – Вязьемски? – передал нам ваше послание о перемирии для выноса раненых. Господин генерал, разумеется, согласился, как и положено. Парламентёр собирался ехать назад. Однако... – породистое и надменное лицо майора отразило некоторую попытку передать скорбь, – однако достойный и заслуживающий полного доверия господин Ханс Мюллер, хозяин мельниц, беженец с пограничного фольварка Нойшвандалът, опознал в сопровождавших господина Вяземски нижних чинах – козаках – лиц, сперва совершивших жестокое насилие над его женой Марией-Зельмой и дочерью Лорхен, а затем их убивших.

Сам господин Мюллер спасся лишь чудом. Он узнал убийц, а рядом с ним находился молодой ополченец Маркус Поппер, безутешный жених погибшей девицы. Господин Поппер выкрикнул... добрые биргеры попытались задержать убийц, началась схватка, ваши козаки убили троих, в том числе и Поппера. Господин Вяземски выбежал на шум, и... и мы не успели оградить его жизнь от гнева разъярённой толпы. Всё, что мы сумели сделать, – это отобрать тела, каковые и передаём вам, господин полковник.

Ответом немцу послужило лишь мрачное молчание. Доктор Бетьев решительно склонился над телом Вяземского, откинул покрывало.

Росский заставил себя взглянуть в лицо мёртвому другу – разворочено, залито тёмной кровью, почти неузнаваемо. Мундир изодран, на груди, покрытой бурыми пятнами, присох золотой вернославный крестик.

Не защитил, не оборонил...

За спиной Росского кто-то зарычал, да так, что первой дикой мыслью стало – медведь!

Откуда, здесь?..

Нет, никаких зверей вблизи, конечно же, не было. Рычал Сажнев, злобно нагнув голову и сжав пудовые кулаки. Командир югорцев надвигался на баварца былинным Васькой Буслаевым, будто и не замечая повисших на его плечах двух дюжих гвардионцев.

– Григорий! – Русский вскинул руку.

– На осину гада! – прохрипел Сажнев, как никогда напоминавший сейчас медведя, окружённого наседающими псами.

– Стой, Григорий. Ради Господа нашего, стой!

– А чего тут... стоять?! – Теперь югорец тащил на себе уже троих – к гренадерам прибавился казачий полковник Менихов. Помогло это, правда, мало.

– Не уподобляйся, Григорий! – распалился и сам Русский.

– Они парламентёров... меж оглобелъ... давить станут, а мы – не уподобимся?! – взревел Сажнев, разом стряхнув с плеч и Менихова, и обоих гренадеров. – Глянь, глянь, на лицо Михайлы глянь!

– Я очень сожалею, – только и смог повторить драгунский майор. Его спутники заметно побелели, со страхом косясь на склонённые пики донцов; но куда больший ужас у них вызывал Сажнев, ворочающийся, точно сказочный дракон, в окружении вновь повисших на нём гвардионцев.

– Значит, парламентёров забила толпа, – всё ещё по-французски сквозь зубы процедил Русский, поворачиваясь к драгунскому майору. – Якобы потому, что какой-то мельник якобы опознал казаков, якобы надругавшихся над его близкими и их убивших. И всё это – несмотря на то что закон велит строго оберегать посланников, под белым флагом явившихся! Вы, майор, привозите нам трупы. А что мешает мне сейчас вот вздёрнуть вас на первом попавшемся суку, после чего вернуть ваши трупы господину генералу фон Пламмету с приличествующими случаю соболезнованиями? Или *не* возвращать!

– Я в ваших руках. – Баварец едва заметно пожал плечами, хотя лоб его покрылся бисеринками пота. – Но не сомневаюсь, что вы, как полковник русской гвардии, не опозорите честь свою подобным преступлением. Во всяком случае, если надумаете вешать – прошу вас, повесьте лишь меня. Отпустите солдат, они ни в чём не виноваты, кроме лишь того, что, выполняя приказ, отправились вместе со мной.

– Как заговорил... – сощурившись, процедил Русский. Теперь он смотрел не на бледного парламентёра – на избитого, изувеченного Вяземского.

Прощай, Михайло Константинович, друг дорогой, друг сердечный, с кем немерено чаю на привалах выпито, с кем, было дело, рубились спина к спине, когда и у нас, и у горцев кончились патроны и всё решала сабельная пластовня...

– Дай мне, Фёдор Сигизмундыч! – рычал тем временем Сажнев. – Дай мне!.. Рук не марай, души не погань... Мне всё равно, я его сам вздёрну...

– Отставить, подполковник! – гаркнул Русский, давя подступивший к горлу комок. – Не баба, чай! Отставить! Честь нашу воинскую рушить никому не позволю! А кто рискнёт – того сам застрелю! Парламентёра отпустить. Мы не «волки» и... не шакалы. Доктор! Раненых, как я понимаю, майор, можно забрать?

– Именно это и велел передать мне господин генерал. – Хоть и бледный, баварец держался молодцом.

Хирург, больше ничего не слушая, махнул рукой помощникам, солдаты с носилками рысью побежали на поле.

– Уезжайте, майор. – Русский смотрел в лицо драгуну, и тот не выдержал – отвёл взгляд. – Уезжайте и передайте господину фон Пламмету: в грядущем сражении я, полковник русской гвардии Русский, сделаю всё, чтобы ни его солдаты, ни он сам никогда не увидели больше Берлина. Передайте точно, как слышали, не забудьте.

– Я... сожалею. – И это, наверное, стало первым – и последним живым словом, сказанным баварским майором. Он отрывисто, словно вздёрнутый незримым вервием, бросил оттянутую ладонь к виску, отдавая Росскому честь так, будто перед ним оказался сам

кайзер Иоганн собственной персоной.

Сажнев уронил руки, голова его поникла. Гренадеры осторожно, бочком, отступили в стороны.

Командиры полков, все как один, отводили глаза. Один Менихов глядел в упор, со злым прищуром, чуть ли не с ненавистью.

– Повесить стоило гада. Шомполами заporоть. У сукиных сынов на виду, чтобы кровавыми слезами возрыдали. – Оскалившись, казачий полковник сжал кулак, погрозил молчаливым веркам.

– Замолчите, Менихов. – Фёдор Сигизмундович тяжело, словно древний старик, опустился на колени возле Вяземского, осторожно смежил мёртвому веки. – Я тебя здесь не оставлю, Миша. Неуютно тебе тут лежать будет... Чужое тут всё, и земля, и вода, и даже небо. Чего стоите, господа? Торопиться надо. Фон Пламмет не дурак, сообразил уже, поди, что мы его за сусала держим, остального корпуса поджидаячи. Я не я буду, если уже сегодня не ползет...

* * *

Наскоро сколоченный гроб с телом Вяземского едва успели погрузить на телегу, когда с прусских позиций грянул первый, пока ещё сигнальный выстрел.

– Давай, Григорий Пантелеевич, – устало бросил Русский. – Потом на меня злиться будешь. После боя. Твоей югре опять центр держать.

– Кому ж ещё. – Сажнев поднялся, расправил широченные плечи, легко, словно аглицкий стэк, подхватил штуцер. – Смотри, Фёдор Сигизмундович, я эту нелюдь в плен теперь брать не буду. Врал, сволочь немецкая, как сивый мерин врал! Сами небось в толпу и выпихнули.

– Григорий, – у Русского даже скулы побелели, – потом с тобой диспутировать станем, ровно Кикерон с Катилиной. Сейчас одно скажу. Я с пруссаками мерзостью душевной мериться не стану.

– И сломают они тебя. – Сажнев не сдержался, плюнул наземь. – Как горцев учили, помнишь? Покуда не повесишь на позор десяток заложников – за очередной набег, полон нахватать – не угомонятся. А мерзостей бояться – других в домовину класть, Фёдор.

– Потом доспорим, подполковник. – Русский сжал зубы. – К батальону! Шагом марш!

– Слушаюсь, – угрюмо бросил Сажнев, с издевательской точностью отбив штуцером ружейный приём.

Скрипели колёса, выдавшая виды телега медленно ползла сквозь снег и грязь, а Фёдор Русский стоял, стиснув кулаки и глядя прямо перед собой. Прусская артиллерия гремела всё громче, всё чаще – начиналось настоящее дело.

2. Анассеополь. Антоньевский дворец, резиденция великого князя Авксентия Марковича

Древняя Ладога гневалась. С самого утра, ещё в непроглядной тьме, над озером сгустились низкие снеговые тучи; на замерший город они надвигались, точно готовое к штурму войско. Задул ветер, холодные незримые фаланги маршировали по вымершим площадям и проспектам, а немногочисленные прохожие поднимали воротники, поглубже надвигали шапки да жались к стенам домов. От извозчицких лошадей валил пар, и сами извозчики в монументальных тулупах, присыпанных снегом, казались огнедышащими гигантами, изрыгающими если не пламя, то уж дым самое меньшее.

Утро едва-едва пробивалось слабыми и бледными лучами, но в закоулках и арках стыла ночная тьма. В окнах тут и там тлели где кенкеты, где свечи, а где и лучинки, лишь в самых богатых домах горели новомодные керосиновые лампы; фонарщики, вышедшие было гасить уличное освещение, бросили столь безнадёжное дело – вечер скорее наступит, чем рассеется

этот мрак.

Будочники и околоточные, подкрепившись государевой винной порцией, по хладу положенной, двинулись от дома к дому – «смотреть, нет ли где человека замерзающего, чувств лишившегося, и такового, буде он даже и нетрезв, забирать в полицейскую часть для отогрева по долгу христианскому».

Ветер всё усиливался, с воем пытался драть крыши, хлопал ненавистными ему ставнями, свистел в печных трубах, метал пригоршни мягкого снега, словно стараясь избыть саму память об уходящей осени.

В такую погоду надо дома сидеть, носа не высывая; Зюка и сидела, увь, не одна – а в обществе приехавших, несмотря ни на какие бураны, княжон Аргамаковых да сестры Елены.

Папенька же, явно вдохновившись дочерним примером, радостно велел закладывать, не обращая внимания на поджатые губы и сощуренные глаза маменьки.

Девицы Аргамаковы трещали как сороки, Елена старалась блюсти достоинство, как подобает замужней особе, но всё равно не выдерживала – охала, ахала, жадно переспрашивала, вбирая в себя наисвежайшие столичные сплетни, от которых отлучена была своим нынешним положением. Зюке все эти «просто ужасно причёсанные», «откровенно навязывающие своё общество» и даже «явившиеся в поддельных сапфирах» знакомые были более чем безразличны, но приходилось терпеть. Оставить гостей княжна не могла, вот и слушала про спешно испросившего отставку и отбывшего на воды поправлять здоровье красавца Горна-Иловайского.

– Так печально думать о людях дурно, – вздохнула Елена, – но не стала ли причиной болезни несчастная привязанность бедного Иловайского к Лиди Бороздиной?

– Несчастливая ли? – подняла соболиную бровь Василиса Аргамакова. – Разве что для её супруга и этого ужасного серба Кириаковича... Ты же знаешь, дорогая, сколь мне противны сплетни, но в Киршбаден бедный Андрэ уехал не по своей воле.

– Может ли такое быть? – зарделась Елена, как и сёстры Аргамаковы, полагавшая внезапно занемогшего кавалергарда неотразимым.

– Это тайна, – понизила голос Ариадна, – но тебе и Зинни мы доверяем как себе. Поклянитесь, что мои слова умрут вместе с вами!

– Клянусь, – подалась вперёд раздумывавшаяся Елена, – ты же знаешь, тайны во мне умирают.

– Зинни, – Василиса выжидательно наклонила головку, – теперь ты.

– Я лучше выйду, – вскочила Зюка, – я... я разговариваю во сне.

Сиди она дальше от двери, может, её бы и ухватили, а так княжна выскользнула из «девичьей» гостиной, тихонько прошмыгнула мимо двери в столовую, успев заметить, как маменька комкает платок под сочувственным взглядом княгини Аргамаковой, и юркнула в зимний сад. Болтать о всякой ерунде, когда Фёдор Сигизмундович мог быть ранен или даже убит, не было никаких сил. Хорошо, дома считали, что она переживает из-за Геды, и никто не знал, о чём говорилось в письме. Кроме Николая Леопольдовича, но крёстный не расскажет, а само послание в Особой Канцелярии заклеят так, что никто ничего не заподозрит. Тем более Гед... И всё равно слушать про дурака Иловайского с его усиками и белокурым коком было почти невыносимо. Хорошо, что противного блондина сплывили на воды, и плохо, что туда же не убралась Елена со своими Аргамаковыми. Нет бы... полечиться, сидят в гостиной и охают из-за чужого воздыхателя, хотя одна замужем, а две просватаны.

Зинаида непонятно зачем топнула ногой на ни в чём не повинную пальму и уселась у её подножья, глядя на разноцветные альпийские фиалки. Очень хотелось написать Росскому и во всём признаться, но куда и как? Ничего не поделаешь, придётся ждать конца кампании или хотя бы весточки от Геды, если тот соизволит взяться за перо. Девушка наклонилась, сорвала похожий на мотылька розовый цветок с малиновой полоской вокруг тычинок. Вот бы вложить его в ненаписанное письмо, но нет, невозможно это, не обманывай себя, княжна. Фёдор Сигизмундович женился, когда Зюке не исполнилось и двенадцати. Скоро она тоже

пойдёт к алтарю и уедет из этого дома, из Анасееополя, из России... Что поделать, сейчас в семействе Алдасьевых лишь две девицы на выданье – Мэри и она, а немецких женихов – трое. Кого-то осчастливят родной племянницей василевса, кого-то – двоюродной, а кто-то останется с носом. В любом случае, если верить портретам, длинным и унылым...

Великая княжна со вздохом приколотла цикламен к платью, благо оно было розовым, и совсем уж собралась вернуться к сорокам, когда Яков доложил о приходе графа Богунова.

– Ваша светлость! – Штаб-ротмистр имел вид даже более бледный, чем вчера. – Прошу прощения, я дерзнул похитить ваше драгоценное время...

– Пустое! – перебила Зинаида. – Я вам признательна, ведь вы меня избавили от трёх... От не очень приятного общества, куда мне предстояло вернуться. Как ваша рана?

– Я о ней вспоминаю, только садясь на коня. – Зюка, конечно, не поверила ни на грош. – Зинаида Авксентьевна, я жаждал поблагодарить вас за участие и проститься...

– Вы уезжаете? – не поняла Зинаида. – Куда? Когда?

– Как только стихнет буря. Я возвращаюсь в корпус.

– Как в корпус? – Зюка вздрогнула. – Вы же ранены!

– Генерал от кавалерии князь Булашевич явил милость, взяв меня в адъютанты, для этой службы довольно и одной руки, – объяснил штаб-ротмистр и замолчал. Зюка тоже не знала, что сказать, вернее как. Что подумает Богунов, если она попросит передать письмо Росскому?

– Прошу простить мою дерзость, но я... Я мечтаю отплатить вам за вашу помощь хоть какой-то услугой...

– Вы это можете, – живо нашлась княжна, – вы же ещё увидите Геду? Моего брата... Я хочу ему написать... Мы очень дружны, очень, а даже если его отпустят проститься, мы... Мы не сможем свободно поговорить.

– Мне очень жаль, – наклонил голову Богунов, – но кавалергарды и конногвардейцы выступили ночью. Государь решил, что прощание и парад сейчас неуместны. Как говорится, лишние проводы, лишние слёзы...

– Так я напишу, – быстро сказала Зинаида, – вы подождёте?

– Я полностью в вашем распоряжении, – заверил штаб-ротмистр. – К его высокопревосходительству мне должно вернуться к трём часам пополудни или сразу же, как стихнет ненастье.

Шепнув Якову, чтобы поднёс гостю с холода, Зюка вихрем взлетела к себе – и вовремя, потому что уже раздавался голос маменьки, посылавшей Наташу проводить, что такое. Зинаида не сомневалась, что и Елена не преминет высунуть любопытный нос из гостиной, а за ней замаячат обе девицы Аргамаковы, и если они увидят Богунова...

Перо словно летело по бумаге. Яти, еры и фиты выстраивались стройными рядами, слова находились сами собой.

– Зинаида Авксентьевна! – Выросшая в дверях матушка при всей своей субличности казалась грозным монументом Благовоспитанности. – Как можете вы принимать офицера, должным образом не введённого в дом? Вы, великая княжна?!

Будучи в сердцах, Дарья Кирилловна переходила с детьми на «вы», а бегство папеньки на глазах приехавших с визитом Аргамаковых вывело и так раздражённую княгиню из себя. Обычно Зюка, хоть и молча, принимала сторону матери, но сейчас она слишком торопилась, а выговор был от начала и до конца несправедлив.

– Я пишу письмо Геде. – Она даже не оторвала взгляда от бумаги, свершая ещё одно преступление против Истинного Добронравия. – Граф Никита Степанович Богунов был настолько любезен, что согласился доставить его. Он адъютант генерала Булашевича, и...

– Письмо Геде? – Маменька мгновенно забыла гнев. – Что же ты сразу не сказала? И почему держишь графа в передней? Какая невоспитанность, Зинаида! Немедля выйди к нему и пригласи остаться на обед. Или... нет уж, я сама. Ты опять всё перепутаешь.

Что можно было «перепутать», приглашая графа к обеду, осталось тайной, покрытой мраком.

– А... как же письмо...

– Закончишь, пока на стол накрывают! – отрезала княгиня. – Я Геде тоже отпишу. А теперь пойдём, посмотрим на твоего графа...

Елена и княжны Аргамаковы уже были тут как тут. Зюка не удержалась и за спиной матушки показала им кончик языка. Сестра укоризненно покачала головой, гости тактично не заметили.

«Они, наверное, все ждали, чтобы я выпалила, что он, мол, совсем не мой, – пронеслось у Зинаиды в голове. – А вот и нет, промолчу. Пусть что хотят, то и думают!...»

Несчастный штаб-ротмистр при виде великой княгини Дарьи Кирилловны попытался вскочить, лихо щёлкнув каблуками, но из-за раненой руки едва не потерял равновесие и только чудом удержался на ногах.

– Дорогой граф. – Маменька протянула руку, и Зинаида мимоходом позавидовала её поистине монаршей грации. Никогда у самой Зюки-каланчи так не получится... – Я очень, очень вам признательна за проявленную заботу. Прошу простить мою младшую дочь, не известившую меня о приезде вашем. Вы же, если не ошибаюсь, графа Степана Романовича сын?

– Память вашего высочества поистине безупречна. – Гусар остаётся гусаром, и раненая рука уже как будто и не мешает великосветскому ритуалу.

– Ах, граф, оставьте, – бездумно зажеманилась матушка. – Вы подарили нам большую радость. Мы все напишем письма князю Геннадию...

– Почту за честь вручить их лично! – отчеканил Никита, едва заметно улыбнувшись Зинаиде.

– Надеюсь, Никита Степанович, вы не откажетесь отобедать с нами? Погода ужасна, бушует настоящий буран, даже прославленная выносливость князя Булашевича едва ли устоит перед таким ненастьем! Нет-нет, никаких возражений! Где сейчас квартирует князь Александр Афанасьевич? Немедля отправлю к нему человека, дабы он знал, где вы...

Никита Степанович просиял глазами.

Зинаида закусил губу, чтобы не рассмеяться, оглянулась – девицы Аргамаковы беззастенчиво строили глазки «ах, такому загадочно бледному!» гусару; Елене, по всему, очень хотелось последовать дурному примеру, и сдерживали её лишь присутствие маменьки да *интересное* положение. Наверное, именно в этот миг Зинаида Авксентьевна и поняла, что Богунов в самом деле очень красив. Поняла и тут же выкинула это открытие из головы.

3. Млавское приречье. Ливония, окрестности города Анксальт

Млавская бригада не дала застать себя врасплох. Полки из Четвёртой дивизии, Желынский и Закаменский, развернулись позади строя сажневских югорцев, готовые штыком подпереть редкую цепь штуцерных. На правом крыле выстраивался испытанный Володимерский полк уже с новым командиром, майором Шеншиным, на левом – коломенские егеря, свежие, из только что подошедших. В резерве остались сборные роты сужальцев и олончан, тех, что сумели выбраться из Пламметовой мясорубки.

Остатки разбитых в первый день батальонов Русский свёл в один новый полк. Вернее, не он сам – покойный Михайло Константинович Вяземский успел. Эх, Миша, Миша, смотришь ли оттуда, видишь ли, как мне тебя не хватает? Майор Алексей Разумовский, незаметно принявший должность начальника штаба, тоже знакомец давний ещё по Капказу и вояка отменный, а только, только... сердцу не прикажешь, даже если это сердце не красной девицы, а гвардионского полковника.

Гусары с уланами остались во второй линии, как и гренадеры самого Росского; вперёд лёгкой россыпью вынеслись донцы Менихова, угрожающе нагнув длинные пики. Пять пехотных полков, два конных, казаки, подтянувшаяся артиллерия, стрелковый батальон – Росскому было что выставить на шахматную доску грядущего сражения.

Всё же ты решился, фон Пламмет. Не усидел за своими редутами, пошёл вперёд.

Заячьи Уши не дают покоя? Решил небось, что русские так и не двинутся с места, – а подкрепления к ним идут, идут непрерывно. Может и конфузия случиться, как под Заячьими Ушами. А может, тебе-то как раз резервов и не прислали? Опростоволосился, голубчик, и те, кто заварил всю эту кашу, кому плевать и на русских, и на ливонцев, и даже на пруссаков, сказали – выпутывайся, мол, сам, как сумеешь, генерал наёмный? Может, Пламмет понимает, что атаковать ему надо сейчас, пока тут не собралась половина Действующей Армии русских?

За время стояния под Анксальтом пионерные роты успели возвести ретраншементы, не в чистом же поле встречать неприятеля.

Пламметова артиллерия неспешно спускалась с холмов, русские цепи и квадратные колонны сжавшихся для контратаки рот предусмотрительно держались вне досягаемости окружавших Анксальт батарей.

За немецкими пушками стройными рядами двигалась конница – пока ещё держась кучно, совокупно, но Русский помнил, как быстро и хорошо умеют чёрные драгуны Пламмета приспосабливаться к любому бою, знают, как наваливаться и в плотном строю и в рассыпном, не уступая казакам в мастерстве одиночной схватки.

В центре – густые цепи пехоты. Надо же, рискнул старый прусский волк – колонн не видно совсем, стрелки в рассыпном строю.

И вновь – знамёна с чёрным тевтонским крестом, памятные ещё по Заячьим Ушам. Под ливонскими стягами идёт в бой Пламметово воинство, продолжают врать даже и сейчас.

Ваш черёд, югра. Ваш и артиллерии, хотя картечь ещё не достанет.

Сажнев, чертяка, ушёл, так и не попрощавшись. Обиделся югорец, как бы не полез на немчуре вымещать да не зарвался б при этом, как бы не влип...

* * *

– Вернее целься, вернее, шкуру почище пруссаков спущу, – хрипел Сажнев, вновь, как и под Заячьими Ушами, вышагивая вдоль шеренги своих стрелков. Серое небо лениво сыпало снежком, но с запада, от недалекого уже моря, дул тёплый ветер, гнал стада небесных коров на привольные восточные пастбища.

Но теперь бока русским полкам уже не защищают топкие болота и уходящие в них засеки. Эх, Фёдор Сигизмундович, знать бы, что ты задумал, – как бы не взяли нас снова в клещи, до коих фон Пламмет, похоже, немалый любитель. Уланы Страха с темрюкскими гусарами, конечно, герои и, буде нужда, полягут все до единого... даже и Шигорин; но ты, Фёдор Сигизмундович, так воевать не привык.

Русские ждали.

А потом вражьи шеренги вновь шагнули за незримую черту, отделяющую обычное поле от поля смертного; заговорили русские батареи, вторя им, ударили югорские штуцера.

Миг спустя русским ответили немецкие ружья, как и в прошлый раз, значительно превосходя числом. К ним спешили присоединиться пушки, гранаты рвались тут и там, ложились метко и кучно – артиллеристы фон Пламмета не зря ели свой хлеб.

– Заряжай!.. Целься... Пли! – шёл вдоль линии фашин Сажнев. Остановился, вскинул штуцер, прищурился, выцелил – знаменосец с ливонским стягом опрокинулся, выпустив древко. – Будут тут всякие с какими-то тряпками шастать, – проворчал подполковник под одобрительными взглядами своих стрелков.

Вроде и не были никогда они друзьями с Вяземским, случилось, ещё на Капказе бранились, отчего-то никак не получалось друг друга не задевать, а сейчас вот погиб он – и словно калёным железом в душу ткнули.

С того самого мига, когда доктор Бетьев снял рогожу с изуродованного лица Вяземского, командир югорцев ощутил себя словно вновь на Зелёной линии, когда нет иного закона, кроме как око за око и кровь за кровь, а если дрогнешь, счистоплюйничаешь, заиграешься в благородство – тебя тут же прирежет прикормленный как будто горец.

Слабину они чуяли с поистине дикарской, волчьей сноровкой.

Так и тут. Только наёмники эти с ливонцами поганей будут, думал Сажнев, механическими, навек затверженными движениями всовывая патрон в камору и закрывая казённый. Горцы хоть не прикидывались – ни под Ведено, ни у Шамира. Честно шли и умирали, творили страшное над пленниками, но и сами пощады не просили и, угодив в руки хоть русских, хоть иррегуляров из «мирных», угрюмо ждали смерти, кроме разве что сиятельного Камиль-бека с его мюридами, ну так на то он и сиятельный из краёв Каспийских. А эти... Ведь заскулят же, заноят, завывают к «ле колонель де ла гарде рюс»... Флаги свои поднять – и то не подняли... Ливонцы, дескать. Тьфу! Мерзота баварская.

Драгуны меж тем размахивались широко, словно косарь исполинской косой, заходя глубоко на русские фланги, и русская пехота встретила врага как умела – квадратами плотных каре и картечью в упор. Но фон Пламмет именно на это, наверное, и рассчитывал – что справа, что слева появлялись всё новые и новые эскадроны чёрных драгун и гусар. Прусский генерал вывел, наверное, из Анксальта все до единой части в надежде стиснуть русских наглицов с боков, прижать их к веркам города-крепости и положить конец бесстыдному вторжению в ливонские пределы.

– Прислугу, прислугу орудийную! – не забывал подсказать своим командир югорцев.

Сажневцы исправно стреляли, прячась за частой линией со всем тщанием ставленных фашинов. Прусские штуцерные старались не отставать, пули шли густо, летели щепки и фонтанчики земли, если судьба проносила кусок горячего свинца мимо живой плоти.

Если же нет – ещё один стрелок застывал, крепко прижавшись ко всепрощающей матери-земле, отдавая ей последний вздох. С обеих сторон заговорили орудия, на флангах володимерцы и закаменцы Евсеева, в упор разрядив ружья, пошли в штыки. В центре «крестоносцы» остановились и даже попятись. Батальон Сажнева, хоть и понёс потери, хоть и влилось в него после первых боёв немало солдат из разгромленных полков, не обучавшихся штуцерному делу, стрелял так, что над прусскими рядами словно гуляла сама Смерть, развлекалась, тыча костлявыми пальцами в мерно шагающие шеренги и собирая обильную жатву.

Держись, югра. Держись да молись, чтобы глаз даже в пороховом дыму, в разгар боя точно брал прицел.

* * *

– Жмут на флангах, Фёдор Сигизмундович. – Разумовский, хмуря брови, опустил подзорную трубу.

– Сам вижу, – буркнул Русский, не отрываясь от окуляра. – Тут нам не Заячьи Уши. Пусть втянется. Посмотрим, кто кого перехитрит.

С обеих сторон нарастал грохот артиллерии, звучали команды, маршировали шеренги, и гвардионский полковник поморщился, видя зряшное усердие какого-то батальонного командира желынцев, вынудившего солдат пройти перед начальством настоящим церемониальным маршем.

– Миш... – начал Русский и тотчас оборвал себя.

Ничего больше не сделает Михайло Константинович, не скажет, не поправит, не упрекнёт.

Полковник ощутил, как кровь бросается в голову, словно наяву услышав злой шёпот Менихова: *«Учить гадов надо, Фёдор Сигизмундович, кровью учить, иной науки не понимают. Как вышибем Пламмета, дай мне сей Анксальт хоть на полдня, я его добрых обывателей живо обучу к парламентёрам почтительности...»*

Русский резко оборвал смуглого донца, сделал как положено – и тут же напоролся на взгляд Сажнева.

«Он всё правильно говорит», – казалось, кричали насупленные брови и стиснутые зубы

югорца.

Неправильно, неправильно, и правильного тут быть не может!

Именно после этого Русский и продикировал приказ по всем полкам, обещая лично повесить каждого, «кто покусится на имущество или жизнь мирного обывателя».

Менихов, прочитав бумагу, только плечами пожал.

– Приказ исполним, господин полковник. А токмо такое, – он кивком указал на бумагу, – перед каждым заграничным походом пишется. А бывало, сами знаете, всякое...

Русский тряхнул головой. На миг нахлынуло – черед не слов, а слепяще быстрых образов, чтобы их описать, куда больше времени потребно. Бывало. Всякое. На то война, и главное в ней – не защита «мирных» обывателей, гори они синим пламенем, эти герры мюллеры!

Русские полки держались крепко, однако Пламмет, похоже, задумал что-то иное – вражеский натиск слабел, эскадроны откатывались назад, отходила и артиллерия, батареи огрызались последними залпами.

– Заманивает, – вслух бросил Русский. – Алексей Климентьевич, срочно вестовых ко всем полковым командирам – не преследовать ни в коем случае! Нас под картечь хотят подвести, чтобы мы не понарошку, а всерьёз полезли на верки. Хитёр ты, фон Пламмет, ну да и мы не лыком шиты.

Разумовский торопливо кивнул; конники рванулись от штабной палатки, словно брызги от угодившего в воду камня.

Чёрные драгуны, стрелки и всё немецкое, простите, ливонское воинство где пятилось, а где и бежало – перед бросившимися в горячую рубку гусарами Княжевича, подоспевшими из своего поиска к самому разгару веселья, и Русский сжал кулаки: горяч непомерно Аввиан Красович, густа сербская кровь, может, и вправду в родстве полковник с Кириаковичами... Как бы не угодил в ловушку, к нему сейчас никакой гонец не поспеет.

Но софьедарцы с не отстававшими от них темрюкцами не потеряли головы, не увлеклись преследованием, гусарские эскадроны один за другим поворачивали назад, не собираясь с разгону влетать под убийственный огонь с ливонских ретраншементов.

Сражение утихало само собой – русские не откликнулись на недвусмысленное предложение штурма в лоб, немцы не собирались класть своих в бесплодных атаках. Стоянию у Анксальта суждено было продолжиться – пока с востока не подойдут все части Второго корпуса и не прискачет из Анассеополя его новый командир.

Фон Пламмет до конца не пошёл. Не ударил всей мощью, как мог бы. Не дерзнул? Понял, что русские не отступят, не побегут, а будут драться? Ещё что-то? Зачем он при такой осторожности вообще высунулся за стены? Не затем же, чтобы в преддверии вражеского наступления разменять своих драгоценных «волков» на русских?

Русский покачал головой. На поле боя подбирали раненых. На сей раз парламентёра прислали пруссаки – с ним остался говорить Разумовский, Фёдор Сигизмундович же ушёл прочь, от греха подальше.

Глава 16

Анассеополь

16 ноября 1849 года

1. Особая его василеосского величества. Собственная Канцелярия по благонадзорным делам

Орлов сидел в том же кресле, что занимала неделю раньше его княгиня. Визит военного министра неожиданностью для шефа жандармов не стал: Никола сам пригласил друга ввечеру заехать. Предстоящий разговор казался Тауберту неподъёмным и грязным, однако прошёл на удивление гладко. Орлуша преспокойно выслушал и попросил чаю. Ни

отповеди, ни оправданий, ни хотя бы сетований на вынесшую сор из избы жену. Тем бы и закончить, но природная дотошность и основанные на многолетнем опыте опасения заставили спросить о будущих намерениях. Сергей пожал плечами.

– Письма мои Ирина Львовна сожжёт, а греку этому я в самом деле помочь обещал, да запамятовал. Надо Ваське сказать, пусть в Севастианку пристроит.

– Так он по музыкальной части?

– Ирина говорит, тенор не хуже наполитанских, я ей верю.

– Сам-то слышал?

– Слышал. Хорошо показалось, очень. Но я ценитель невеликий, а Ирина Львовна зря не похвалит. Скверно вышло... Я ведь с мая беднягу мурыжу, выходит.

– Бог с ним, с греком сим поющим, – отмахнулся Николай Леопольдович. – Ты письма свои заberi, именно заberi. Их нужно сжечь на глазах Лукии Ипполитовны, и лучше, если это сделаю я. Хорошо бы ещё рассказать ей при этом о новом покровителе госпожи Севериной...

– Ирина сейчас одна, – отрезал Орлов, – не считая мужа. И намерена таковой остаться.

– Жаль. – Тауберт встал, прошёлся. Сейчас говорил уже не друг Никола, даже не граф Николай Леопольдович Тауберт, но глава Особой Канцелярии. Кто забыл – «по благонадзорным делам». – Сергей, жену свою ты... сделал несчастной, очень несчастной, прости за прямоту. И мало того что Лукия Ипполитовна несчастлива, она несчастлива опасно. Я бы сказал, что ты рискуешь, если бы не госпожа Северина; Лукия Ипполитовна в ней видит воплощение всех своих горестей. Признаюсь, надеялся отвлечь её от мыслей о мести рассказом об унижении соперницы, неважно уже, подлинном али мнимом...

Орлов закинул ногу на ногу, уголок губ дрогнул в едва заметной усмешке.

– Брось, Никола. Что она мне сделает? Застрелит?

Тауберт промолчал, барабанил пальцами по столу.

– Никола... – поморщился Сергей Григорьевич. – Ну скажи мне, что ты так не думаешь.

– По долгу службы обязан думать, – буркнул Николай Леопольдович. – А ты, друг любезный, сам говорил, что пару пистолетов всегда в кабинете заряженными держишь. Подать тебе список дел уголовных, где ревнивые жёны мужей да разлучниц убивали?

– Чёрт!.. Я Лючию хотел на воды отправить, она и слушать не пожелала.

– Эх, Орлуша, Орлуша, да ты ж этим её только подстегнул. Мол, избавиться от меня хочет. А письмо госпожи Севериной стало последней каплей... надеюсь, что именно последней. И что больше ничего не случится. Заberi цидули, и чем скорей, тем лучше. Если Лукия Ипполитовна во мне разуверится, то может и собственные меры принять. Она – натура страстная, романтическая и при этом скрытная, хотя в своё время выказала свои чувства всему Анасееполю. Ты для неё кумиром и героем был...

– Героем был, – Сергей Григорьевич неторопливо, со вкусом, закурил, – двадцать пять лет, как минуло сие... Но не её героем, вот ведь беда какая. Похож был, не спорю, особенно в профиль, а как лицом к лицу оказались, кончился герой. И богиня тоже кончилась... Годами только на людях и говорим, а наедине разве что по делу. Тебе того не понять, ты с Марией Антоновной плоть едина... Скучаешь?

– Скучаю, – признал Николай Леопольдович, проводивший супругу в гости к замужней дочери. – Так заберёшь письма?

– Заберу... Ирина, она даже это поймёт.

– Как же ты диво такое бросил и на девицу Абросимову польстился?

– Потому и бросил. Аленька счастлива, а счастье так заразительно... Если не думать. Ирина же думает, а я не хочу смотреть в женские глаза, как в зеркало. И думать тоже не хочу!

– Да ты всю жизнь только это и делаешь.

– Не при женщинах, Никола.

2. Антоньевский дворец, резиденция великого князя Авксентия Марковича

Лысый сочинитель – теперь Зюка знала его полное имя: Ольхович Модест Ливиевич – своё творение, само собой, прислал, и великая княжна даже взялась его читать. Главным образом чтобы найти повод для уединения, однако роман вопреки всем ожиданиям увлекал – Ольхович либо знал, о чём пишет, либо обладал отменным воображением. Зинаида Авксентьевна словно бы видела дремучие, не чета хотчинским и даже плесковским, леса, полноводные, медленные реки и сильных, свободных, под стать окружающей их природе, людей. Грело душу и то, что героиня обладала длинной русой косой, а не золотыми или же иссиня-чёрными локонами. Мало того, рождённая в сибирских дебрях Анфиса была высока ростом, не лишалась поминутно чувств и не лепетала, что батюшка проклянёт, Господь не велит и вообще «нам должно навеки расстаться»... Сибирская дикарка не шарахалась от любви, да и отправленный Ольховичем аж к Баргузинскому морю разжалованный кавалергард Соколов Зинаиду не бесил.

Княжна добралась до половины книги, лишь дважды споткнувшись о рассуждения про всевластие жандармов и мерзости крепостничества. На фоне занимательной и местами жуткой истории обличительные сентенции напоминали нарукавники и передник, которые маменька, будучи в Хотчине, надевала, собираясь посетить ферму; правда, на памяти Зюки великая княгиня так ни разу и не коснулась ни коровы, ни индюшки. Роману рассуждения тоже ничего не прибавляли, но, видимо, не вставить их для Варвариного литератора явилось бы неприличным. Соколовым герой тоже не просто так стал, но Зюка, хоть и поняла намёк, рисовала в воображении отнюдь не военного министра. В конце концов, дед Фёдора Сигизмундовича в самом деле был выслан за Камень, хоть и не столь далеко.

Зинаида Авксентьевна перевернула страницу и пошарила рукой в вазе с фруктами. Оказалось, что виноград она прикончила и не заметила, яблоки чистить было лень, и княжна, уповая на то, что ни маменька, ни *madame* её не потревожат, уподобившись диковатой Анфисе, впилась в яблочный бок зубами.

Становилось всё интересней. Отправившийся по весне к заклтому Грозовому Камню промышленник вернулся каким-то странным, и вместе с ним в село проникло нечто чужое, голодное, тоскующее. Сгорела церковь, утонул местный дурачок, а на следующий день промышленник застрелил бросившуюся на него собаку Анфисы, сказав, что пёс взбесился. Ночью мёртвая собака пришла под окно хозяйки и принялась выть... Зюке стало страшно, и она забралась в кресло с ногами; так её и застал Яков, доложивший, что барин ждут прямо сейчас. В кабинете.

– Скажи, иду.

Авксентий Маркович отцовским долгом не злоупотреблял, а если по настоянию маменьки и выговаривал своим чадам, то совершенно без всякого удовольствия. Зюка с Гедой вообще полагали папенькины назидания успешным завершением неприятности, но чем она провинилась на сей раз, княжна не представляла. Штаб-ротмистр, мало того что был из хорошей семьи и удостоен приёма у государя, повёз письма к Геде, Варвара не гневалась, к тому же Зинаида была при толстой русской книге, что в глазах семьи само по себе являлось наказанием. Оставался отказ от поездки в Пассаж, но не станет же маменька требовать вмешательства папеньки по этому поводу, хотя Авксентий Маркович в тонкостях дамских туалетов и разбирался. Отец частенько посмеивался над женой и старшими дочерьми, видящими «розовые салоны на себе, а не себя в розовых сарафах»... Сама Зинаида, впрочем, не видела ни первого, ни второго.

Проходя вторым этажом, княжна услышала в маменькиных комнатах приглушённые голоса и звон чайной посуды. Дарья Кирилловна принимала гостей и никак не могла принудить супруга к чтению нотаций, разве что сделала это с вечера, а папенька позабыл, сейчас же решил исправить упущение.

Зюка постукала, из кабинета раздалось:

– Зинаида? Дверь закрой получше.

Авксентий Маркович в кресле у окна что-то пил; наверное, свою мадеру. Ни скуки, ни недовольства на румянном моложавом лице не читалось, разве что некоторое смущение. При виде дочери великий князь поставил стакан и слегка откашлялся, точно собираясь петь.

– Садись, – велел он. – Что поделываешь?

– Читаю. Господина Ольховича роман.

– Вот ведь несчастье какое...

– И вовсе нет, мне очень интересно.

– Ну и славно. – Авксентий Маркович поощрительно кивнул, отхлебнул мадеры и заговорил – гладко и ласково. Зюка знала эту его манеру уговаривать и объяснять, «забалтывать», как смеялся дедушка Кирилл Петрович. – ...наше странное положение, – журчал отец. – Не мне тебе напоминать, что...

Само собой, Зюка помнила, что папенька, будучи праправнуком правившего василевса, являлся великим князем, но уже его потомство переходило в разряд князей василеосской крови. Это если считать от свёкра великой Софьи, василевса Дениса, однако чаще исходили из того, что дедушка Марк Антонович приходился родным братом василевсу Крониду, а двоюродные внуки государя – василеосские высочества. И вот, как выяснилось, не далее как сегодня противоречие было устранено особым дополнением к «Учреждению о василеосской фамилии», доля папеньки в уделах изрядно возросла, а сама Зюка стала бесспорной великой княжной и высочеством.

– Конечно, времена теперь трудные, – отец вздохнул богатырской грудью и скорбно наполнил свой стакан, – но свести концы с концами мы, приложив некоторые усилия, сможем...

Об экономии Авксентий Маркович мог рассуждать долго. Начинал великий князь с живописания трудных времён, перечислял то, от чего предстоит отказаться, и то, от чего отказаться никоим образом невозможно, но придётся, после чего со вздохом объявлял, что вместо жизненно необходимых восьми сотен бутылок «Шато Икем» семьсот восьмидесятого года в погреба заложено шестьсот пятьдесят. Папенька «экономил», сколько Зинаида себя помнила, маменька упрекала его в мотовстве, всё это было привычно неприятно, но при чём тут она, Зюка?

– Ты мне вот что скажи. – Как ни странно, дальше трудных времён в этот раз не пошло. – Что ты думаешь о немцах?

Теперь уже безоговорочно великая княжна о немцах не думала, папенька это понял и оживился.

– Волки они, – уверенно сказал он, – а сколько волков ни корми... Иоганна того же взять – где бы он был, если б мы его с родителем в нашей Хотчине от Буонапарте не спрятали, а потом того Буонапарте не побили? Или Пламмет... Пять лет в Анассеополе в холе и неге просидел, а взял да и насвинячил! Да и посол их ведь как с Янгалычевым, каналья, дружен был, как очки свои протирал, когда про Зульбург речь заходила... Не поверишь – к князю Арцакову, Петру Ивановичу, на могилку каждый год ездил, и что? Пруссак переряженные на нас напасть задумали, а Шуленберг вроде как и знать не знал, теперь же про переговоры бубнит. Нет, Зинаида, немца могила исправит! Как лезли к нам в стародавние времена, так и теперь...

– Гедя? – вдруг испугалась Зюка. – Фёдор Сигизмундович?

– Что Фёдор Сигизмундович? – не понял Авксентий Маркович. – Воюет наш лех, и Бог ему в помощь, а Гедя и до Красных Лодий ещё не добрался, кавалергарды – не фельдъегеря, ну да не о них речь. Пойми, Зинаида, от немцев одно невезение, а уж мелочь эта пузатая... Курфюрсты! Сосиски на стол по счёту подают, рожи скверные, носы – только яблоки конские клевать, а туда же... Женихи! Давай, дочь моя, признавайся, нужен тебе однодворец немецкий, коего завтра если не Пруссия, то Австрия проглотит?

– Не нужен, – быстро решила всё меньше понимающая Зинаида. – Папень...

– Умница, – от души похвалил великий князь, – а посему идти тебе не за немца, а за

наследника Кириаковичей.

– Кириаковичей? – мёртвым голосом переспросила Зюка. – Как?

Она в самом деле не поняла, хотя чуть ли не всю жизнь знала, что этот миг наступит, а последние два года это и вовсе могло случиться каждый день. Вот оно и случилось, неожиданно и нелепо. На середине книжки...

– Ты конфетки бери, – торопливо предложил тоже бывший не в своей тарелке отец. – От Бера с Фаберже... Для девицы лучше нет.

Пальцы сами взяли обсыпанную сахарной пудрой пирамидку, отправили в рот. Кириакович... Очень высокий, очень смуглый, совершенно чужой. Они видели друг друга несколько раз – великая княжна и обучающийся в Анасееполе сербский наследник. Или не слишком обучающийся... Зюка припомнила какие-то сплетни о сербе и Лиди Бороздиной и, кажется, не только о Лиди. Княжны Аргамаковы полагали Кириаковича не столько «интересным», сколько «ужасным» и «невозможным»... Правда, серб что-то сделал дураку Иловайскому – для Ариадны с Василисой это было преступлением.

– Ты только не вздумай рыдать, – забеспокоился великий князь. – Особенно у Аргамаковых на груди. Ничего они не понимают, а что Екатерина в Чёрной Горе сидит и знать родню не желает, так не сербы тому виной. Да и ехать тебе никуда не придётся. Пока ещё Кириакович науки воинские сгрызёт, а мы ливонцев прижучим и до османов доберёмся... Будете в Анасееполе, чем плохо? Государь тебе к свадьбе Ближнее Софьино отпишет, живи да радуйся, а серб твой отнюдь не дикарь. – Авксентий Маркович слегка замялся, но отважно закончил: – Можешь мне поверить. Я его частенько встречал... в свете. Что такое, Яков?

– Дарья Кирилловна сказать велели, княгиня Аргамакова уезжают...

– И чёрт с нею! Дверь-то затвори!.. Судьба, Зинаида, она такие петли выписывает, куда там зайцу... Мы с твоей маменькой поженились по сердечной склонности – и сама видишь, до чего дожили... А не будь эмпирей витательных, не вышло б в собственном доме такой, прости Господи, смеси Особой Канцелярии с кислым молоком, так что иди и думай. Дарья... маменька вскорости за тебя примется, ты уж озаботься глаза покруглей сделать – мол, не знаю ничего. Ни про серба, ни про уделы, ни про Гименея с его вервиями, чёрт бы их побрал! Поняла?

– Да. Папенька...

– Ась?

– Я... выйду за Кириаковича. Выйду!

Она выскочила из кабинета, не дожидаясь, не желая, ненавидя неизбежное ответное воркование с «умницами» и «лапоньками». Титул, уделы и прочие сласти-мордасти Зюку не влекли, просто княжну как громом поразило осознание того, что и дальше жить в этом пустом без Геды доме, средь вязкого, как варенье, несчастья, она не хочет. Пусть серб, пусть «невозможный» и «ужасный», но это будет её жизнь, её Софьино, её дорога, а на Рейне и в самом деле нечего делать, Русский же... Дальше он не станет и ближе тоже. Не её это звезда, и ничего тут не поделать. А кто тут «невозможнее» и «ужаснее», мы ещё посмотрим!

3. Особая его василеосского величества. Собственная Канцелярия по благонадзорным делам

Они заговаривали об этом нечасто, раз десять с того дня, как Орлуша вышел из крепости, но у кого на сердце какой камень, знали. Молва сильно приукрасила многих участников заговора, но достойных людей там тоже можно было найти... Мятеж вырос не только и не столько из обойдённых честолюбий или вражеских козней, сколько из искренней обеспокоенности насущными бедами отечества, по поводу которых никто явным образом ничего не пытался предпринять. Если в государстве происходят такие мятежи, это не от хорошей жизни – теперь Никола Тауберт в том не сомневался.

– Военную реформу двигаем, елико возможно. На конскрипцию пока никак не

уговорить, но не это главное. К военной реформе прилагаться бы и реформе гражданской... – Сергей бросил очередной окурок в малахитовую пепельницу. – Было дело, думал я начать с одного слоя, армейского, ибо важен настолько, и вытаскивать через него всё. Сейчас понимаю, шансов на успех у такой попытки столько же, сколько у пресловутого барона себя за волосы из болота извлечь вместе с лошастью.

– Ну а мне тогда что говорить? – Николай Леопольдович глянул на часы и удержался от того, чтобы порассуждать о причинах испанского конфуза и необходимости держать толковых шпионов во всех столицах, вплоть до Ханьской. – Делаю что можно при данном от Бога порядке вещей. Тоже, скажешь, за волосы из болота тащу?

– А ты, мил-друг, вытаскиваешь себя с конём и телегою не за волосы, за шляпу, – невесело пошутил Орлов. – Только не вытащишь. Недалёк тот день, когда даже государь не сможет делать вид, что всё прекрасно и благолепно.

– Да не делает он вида. – Тауберт десятый раз за день открыл табакерку. Девятый был, когда слушал, как государь Авксентию Марковичу о замужестве Зюкином объявляет. – Верит. Так верит, что на крест пойдёт.

– Ты его лучше знаешь, – не стал спорить Орлов. – Хотя это ещё горше... Его бы верой горы сворачивать, а он их громоздит да подпирает, Держава же между тем и посейчас катится в тартарары...

– Преувеличиваешь, – не мог не возразить Николай Леопольдович. – Мне доклады идут со всей России, я зверьё своё отучил в донесениях красивые сказки писать, знают, что головы им не сносить, коль на вранье поймаю. Не в парадизе живём, кто бы спорил, но и в тартарары не катимся.

– На месте мы стоим, – бросил Орлов. – А это сейчас всё равно что в тартарары катиться. Эх... – Он только махнул рукой.

Этот разговор был ещё более редким и бессмысленным. Сергей Арсения Кронидовича не любил и не понимал, хотя служил отечеству со всем рвением. Арсений Кронидович своего министра понимал и не любил, при этом оба друг с другом мирились. Ради дела. Тауберт же всей душой равно любил и бывшего товарища по полку, и сослуживца по Капказу: Зулбурга штабс-капитану Алдасьеву-Серебряному не досталось. Вездесущая Софья повелела, чтоб во время войн первый наследник, буде годами вышел, пребывал при Действующей Армии, второй же – в столице. Севастиану Кронидовичу Буонапартова школа не дала ничего, его брата она выучила бы многому, не повезло... Ни великому князю, ни Державе.

– Хоть посылай кого в Лондон газету печатать! – внезапно пожаловался шеф жандармов военному министру. – Чтоб было государю, где достоверно и безгрешно узнавать о злоупотреблениях всяческих... Цензоры от рвения одуревают, унимай не унимай, а питомцы Варварины одуревают ещё больше.

– Выворот мозгов наоборот? – предположил, поднимаясь, Орлов. – «У нас всё плохо и ничто не может быть хорошо» в ответ на «у нас всё хорошо и замечательно, а кто думает иначе хоть в мелочи, тот подрывает основы». Ты домой, надеюсь? Отпускай Трофима, подвезу.

– Можно и так...

Орлов жил в новом, большом особняке на Фонтанном канале, с зимним садом на крыше и прочими иноземными штуковинами, Тауберт предпочитал относительно скромный дом на самой Ладожской набережной. Добираться к нему от Особой Канцелярии было пять минут, но Орлов отчего-то велел кучеру ехать совсем в другую сторону.

– Поговорить надо, Никола.

– Здесь? – удивился шеф жандармов, кивнув на спину кучера. – Не наговорился?

– Именно здесь, – резко сказал министр, переходя на немецкий. – Для дел моих сердечных и Канцелярия твоя хороша, а тут ставка повыше... Тебе ничего не показалось странным во всей этой истории с фон Пламметом?

– Много всякого, – осторожно ответил Тауберт.

– Он был готов. – Сергей Григорьевич смотрел на падающий снег. – Он ждал нас на границе во всеоружии, и я не только про его разбухшую дивизию. Милейший Герберт точно знал, где и когда начнётся наше сосредоточение. Ударь он слишком рано – и встретил бы за Млавой одну пустоту, ударь слишком поздно – сам понимаешь...

Тауберт понимал.

– Фон Пламмет всё знал. Где именно будет наступление, по какой дороге мы двинемся. Не по южной, от Менска, не по юго-западной от Варчевии, а там ведь два целых армейских корпуса. Кронид Васильевич в Ливонскую войну взял Млавенец именно от Менска, а фон Пламмет там даже заслонов не оставил, всё к нашему Ливонскому тракту стянул. Не удивляешься ещё, Никола?

– Немного. – Сказать Сергию об известиях от Уорфилда или нет? Похоже, князь сам что-то заподозрил, что ж, хорошо.

– Немного... Вот и я «немного». Нет ли по твоему ведомству чего-то? Полковник Бобырев ничего не писал... приватного?

– О таком нет, – покачал головой Николай Леопольдович. – Но рассуди сам, Сергей, сие могло оказаться и совпадением. От Анассеополя до Млавенбурга по Ливонскому тракту – кратчайший путь, да и наступать мы не собирались, токмо на рубежи выйти, а стоять вдоль реки удобней.

– Мы Второй корпус и впрямь от столицы двигали, – не согласился военный министр. – Не мог Пламмет заранее знать, какие мы войска направим! А если б рассуждал за нас, наверняка решил бы, что мы и Четвёртый корпус из Менска выведем. Как я и предлагал в самом начале. Не мог толковый генерал – а Пламмет всё же толков – на южной границе вообще ничего не оставить. Он, приготовивший нам тёплую встречу в глубине страны подле Анксальта! Вот представь, Никола, перешли б мы вопреки Манифесту Млаву, что Пламмет стал бы делать?

Тауберт молча кивнул. Сейчас от него больше ничего и не требовалось, только молча кивать. Подозрения Орлова довершат остальное.

– Весть могла и от гвардионцев уйти. Слухами Анассеополь полнится, и долго ль было срочной почтой до Ревельского телеграфа достигнуть?

– Могла, могла... – рассеянно отозвался Сергей Григорьевич, невольно задумавшись о своём. Не перебор возможных прорех ему был нужен, а лишнее подтверждение, что искать-таки надо. Хотя больше всего на свете Орлуша желал бы услышать «ну что ты, какие такие шпионы, о письмах лучше своих подумай!».

Коляска военного министра миновала его особняк, поехала дальше. Снег сеял и сеял над Анассеополем, время саней близилось, но ещё не наступило. Экипаж Орлова катил и катил, мимо Аресова поля, мимо Ближних садов, мимо зловещего Замкового дворца и казарм лейб-гвардии казачьего полка...

– Домой тебя отвезу, Никола.

– Благодарю, – отозвался шеф жандармов, только сейчас сообразив, что сам Орлуша домой явно не собирается.

Глава 17

Ливония

19–21 ноября 1849 года

1. Млавское приречье

– Как дела-то, герой однорукий? – Его высокопревосходительство генерал от кавалерии князь Александр Афанасьевич Булашевич придержал коня рядом с Богуновым. – Как рука?

– Проходит, уже почти совсем прошла, ваше высокопре... – начал было врать новоиспечённый адъютант, однако Булашевич лишь хитро прищурился да покачал головой.

– Аль забыл, что я уж больше сорока лет как в строю? Что мальчишкой безусым начинал, пятнадцати не сравнялось? Знаю все ваши хитрости и вижу насквозь. Лучше стало, но дёргает порой так, что ты, друг любезный, в седле подпрыгиваешь, хотя и наездник отменный. Ну, скажи, дёргает ведь?

– Дёргает, – вздохнув, сознался софьедарец, изгоняя из головы последние следы несвоевременных мыслей об оставшейся в Анасееполе великой княжне. – Но из седла не выпадает, ваше...

– Сколько раз тебе говорено?! Александром Афанасьевичем моё высокопревосходительство звать.

– Виноват. – Богунов сделал попытку улыбнуться.

– А раз виноват, то держи ответ – что это у нас впереди?

Штаб-ротмистра не пришлось просить дважды.

– Млава, Александр Афанасьевич. А за ней – тот самый фольварк Аттельбейн.

– Здесь, значит, подполковник Сажнев и стоял? – Булашевич натянул поводья – новый командующий, несмотря на солидный возраст, в седле держался лихо. Истинный генерал от кавалерии, не от чего иного!

– Так точно, – подтвердил другой адъютант, Иван Ульссон из суомских свеев, высокий и светловолосый, с характерно вытянутым костистым лицом.

– Ты погоди, – остановил его Булашевич. – Пусть Никита скажет.

– А что ж мне говорить? – повёл здоровой рукою софьедарец. – Сам я с ними не был. Дрались, говорят, геройски, если б не они – разгромили б в ту ночь не две дивизии, а весь корпус.

– А они стояли! – понёсся на любимом коньке Булашевич. – В точности как Александра свет-Васильевича чудо-богатыри, как сыны их, на поле Калужинском оборону державшие...

Никита Степанович отвернулся и невольно поморщился. Генерал был всем хорош – не придира и не аккуратист, никаких тебе «подать вперёд корпус между четвёртой и пятой пуговицами». Но вот «чудо-богатыри» и «его сиятельство князь Александр Васильевич», поминаемые при каждом удобном и неудобном случае, за время дороги успели в зубах навязнуть. Гусар украдкой вздохнул. Было и стыдно, и неловко. Стыдно – потому что *те* солдаты и впрямь были богатырями. Не возразишь, действительно герои! Такое творили, что завидки берут аж до сих пор.

Но сколько ж про них можно-то? Это во Вторую Буонапартову над пруссаками смеялись – проспали свою свободу да шасть в Хотчину, чай гонять, ожидая, куда мы двенадцати языкам бока не намнём, – а ныне пруссак совсем иным стал. Тот же фон Пламмет не хуже иных удалцов французского императора. Эвон чего удумал: первым ударить, через реку, когда не ждали, – и ведь преуспел бы, кабы не югорцы. А другие чудо-богатыри... – тут Богунов невольно поёжился, ибо мысли лезли какие-то совсем уж неуместные, не иначе как от больной руки, – побежали. Не все насмерть стояли. А кто стоял, тех перебили. Где Олонецкий полк, где Суждальский? Где муромские егеря? Где артиллерия Карпина? Как корова языком слизнула. И под Заячьими Ушами... на волоске всё висело. И потери немалые.

Нет, не закидать фон Пламмета шапками, не закидать.

– ...как Александра Васильевича чудо-богатыри, – возвысил голос Булашевич. Никита Степанович вздрогнул – задумавшись, пропустил целую тираду его высокопревосходительства, очнувшись только на очередных «богатырях». Генерал, впрочем, не заметил.

У реки кортеж Булашевича встретил пионерный взвод: на месте взорванного моста наводили новый. Взялись за дело основательно – соорудили треногу, с неё бухала здоровенная баба, загоня сваи в речное дно.

– Кессоны ладят, – заметил Ульссон. – Новые опоры возводить будут. Надо же... не ждал.

– Чего ж не ждал, Иван? – тотчас отозвался Булашевич.

– Мост, согласно порубежному размежеванию, ещё василевсом Денисом Кронидовичем подписанному, отнесён ко владению ливонскому, – тотчас, словно на экзамене, ответил адъютант. – Уложение одна тысяча семьсот...

Богунов невольно позавидовал. Нет, он не был профаном в истории государства Российского, но куда сильнее последних веков его манили времена древние. Времена, когда его прямые предки собственными мечами – а потом саблями – раздвигали володимерские пределы, насмерть бились с князьями-переметчиками и ордынцами, ходили против тех же ливонцев и угнездившихся по русским окраинам разбойников с лиходеями всех мастей и вер. Да что говорить о нём, «молодом графе Богунове», как прозывали Никиту имевшие удовольствие знать «старика Богунова»! Двоюродный дед Абериан Акимович нынешние времена и нравы тоже не жаловал. Всё ещё бравый вояка, Абериан терпеть не мог ни своего имени, ни своего титула, вечно обрывая гостей и слуг раздражённой сентенцией:

«Ваше сиятельство, ваше сиятельство! Какое я вам сиятельство, чай, не солнце, сиять не обучен. Боярин я! Думный боярин Богунов! Так и зовите, как от предков нам заповедано! А то придумали иноземное – граф да шкаф, африканский зверь жираф! Тоже мне!»

Конечно, при василевсе своевольный старец такое б не высказал, но среди родни и володимерских знакомых прослыл большим оригиналом.

– Уложением одна тысяча семьсот шестнадцатого года мост сей отнесён к исключительной собственности властей ливонских, – продолжал меж тем Ульссон.

– Славный Рейнгольду подарочек вышел, – буркнул Богунов.

– Совершенно согласен с вами, граф, – учтиво поклонился своей. – Щедры были русские государи. Так что починки и исправления здесь – прямой убыток, если, конечно, не... – он многозначительно закатил глаза.

– «Если, конечно, не...» что? – Булашевич всё слышал.

– Если, конечно, его василеосское величество не намерены, э-э-э, изменить вышеупомянутое уложение, – осторожно заметил Ульссон.

– Ты, Иван, государя все не поминай, – нахмурился Александр Афанасьевич. – То не нашего солдатского ума дело. Прикажут – уложение изменим, прикажут – мост наместим, а нынче приказано с пруссаков шкуру спустить! Эй, орлы! – Генерал тронул коня, вплотную подъезжая к побросавшим работу и вытянувшимся во фронт сапёрам. – Я ваш новый командир корпуса, генерал от кавалерии Булашевич, по имени Александр, по батюшке...

– Афанасьевич! – раздался чей-то смелый голос из-за солдатских спин.

– О, стало быть, знаете меня, – довольно усмехнулся князь, провёл ладонью по густым, совершенно седым усам. – Чей приказ выполняете, кто над взводом начальствует?

– Ваше высокопревосходительство! – перед Булашевичем в струнку тянулся совсем молодой офицерик, розовощёкий, кому ещё и бритву с собой в поход можно не брать. – Второго сапёрного батальона первой роты первый взвод, прапорщик Неунывайко!

– Ишь ты, – князь спешился, – славная фамилия какая. Это ж из каких Неунывайко будешь, прапорщик? Не Остапа ли Тарасовича сын? Я его помню, на персиянцев вместе хаживали... Вольно, сапёры!

– Никак нет, Остап Тарасович мне дядей приходится, ваше высокопревосходительство!

– Вишь, ненамного ошибся, – Булашевич шёл вдоль строя. – Стало быть, Андрея Тарасовича сынка вижу. Чей приказ выполняете?

– Приказ его высокопревосходительства...

– Короче, прапорщик. Коли всех титуловать, так я тут до вечера с тобой простою.

Среди солдат прокатился сдавленный смехок.

– Генерала Шаховского.

– Он же ранен да контужен!

– Так точно. Приказ был в пакете, командиром батальона вскрытом, едва лишь мы на границу вышли. Порченые дорожные строения восстанавливать обычным порядком, после того как соорудим временную переправу. Переправу соорудили, теперь сам мост чинить

следует.

– Что ж, хвалю, орлы! – Булашевич придиричливо оглядел кессоны. – На совесть ладите, то видно сразу. Ну, а ты, прапорщик, веди-ка меня к котлам, проверю, как богатырей наших кормишь... Да смотри, «какой надо» мне не подсовывай, сам изо всех попробую.

– Нашенский он, Ляксандра Фанасъич, не смотри, что князь! – услышал Богунов чей-то шёпот среди сапёров.

Да, верно, нашенский, подумал гусар. И в этом весь генерал Булашевич, ему играть-притворяться не надо. Он мимо солдата, нос зажав и парижской парфюмерией обрызгиваясь, проходить не станет. Что говорить, Александр Афанасьевич и в нужник для нижних чинов заглянуть не побрезгует. Знает солдата Булашевич, и солдаты его знают.

– Отдали приказ чинить мосты, граф, – негромко заметил подъехавший ближе к Богунову Ульссон. – Отдали приказ заранее, в запечатанном пакете хранили...

– Что ж тут удивительного?

Тонкие губы свея чуть дрогнули.

– Уложение менять будут, вот что удивительно, граф.

Никита Степанович только пожал плечами.

– Уложения на то и уложения, чтобы их менять, когда время приходит. И так больше ста лет продержалось!

– Так, да не так. – Взгляд Ульссона буравил. – Уложение сие, граф, скреплено многими подписями, кроме Ливонии и России руку приложили Пруссия, Саксония и свеи с данами. Его менять – на серьёзную драку нарываться. Во всяком случае, Брюссельский арбитраж из себя выйдет.

– Как выйдет, так обратно и зайдёт, – попытался отшутиться гусар.

– Боюсь, не сразу, – не принял тона Ульссон. – Европейская политика, граф, есть материя тонкая, от глаз большинства скрытая. Надо уметь замечать признаки большого в малом, на первый взгляд незначительном. А Брюссельский концерт... с ним шутить тоже не стоит, сие есть конференция общеевропейская... Раздуть с ними ссору нам не с руки.

– Ну и пусть себе их корячит! – отмахнулся Никита. Длинномордый свеи начинал злиться. – Ты, Иван Максимилианович, забыл разве, что случилось, когда двенадцать языков на нас надвинулись?

– Я-то не забыл, – парировал Ульссон. – И в Европе не забыли, а лет, как ни крути, прошло без малого сорок. Многое другим стало. Сами ж говорите – совсем по-иному пруссаки сражаются, если же к ним из тех двенадцати хотя бы треть добавить – так, знаете ли, солоно нам придётся.

– Тебе б, Иван Максимилианович, в Академии Генерального Штаба лекции читать, – делано рассмеялся Богунов. Соглашаться с нудным свеим, понимай, почти что неприятелем-немцем, было выше гусарских сил. – Такой союз склотить только Буонапарте мог, так он сперва всю Европу штыком к покорности привёл. А сейчас? Француз англичанину не товарищ, пруссаки с Веной за рейнскую мелюзгу, как петухи за кур, спорят, что ни год, все драки меж ними ждут; даны свеим ничего не забыли и не простили, лежи нас, конечно, ненавидят, да только пруссаков, австрияков и прочих германцев – ничуть не меньше... Куда им да единой армадой!

– Хотел бы согласиться с вами во всём, граф, – холодно поклонился свеи, никак не оставлявший вызывающего обращения на «вы», словно и не одногодки и не в одном чине. – Очень хотелось бы.

– А ты согласись, Иван, – сделал над собой усилие Богунов. – Согласись, да и давай с тобой водки ввечеру выпьем, сколько в зимнем походе дозволено!

– Не пью я водку, ваше сиятельство Никита Степанович, – ухмыльнулся Ульссон. – Но мадерой таврической с превеликой радостью угощу. А теперь не поспешить ли нам? Его высокопревосходительство там один, а оба адъютанта... – свеи усмехнулся ещё раз и чётко по-русски произнёс: – Лясы точат!

2. Ливония, окрестности Анксальта

Стычки с засевшими в Анксальте «наёмниками» продолжались, однако решительных атак не предпринимали ни Пламмет, ни Млавская бригада. Её, впрочем, уже нельзя было полагать ни «самозваной», ни даже «бригадой» – из Анассеополя наконец доставили долгожданные приказы, василевс именным указом утверждал создание особой Млавской дивизии и вручал командование над ней Фёдору Сигизмундовичу. Тяглову-Голубицину и Крёйцу оставалось лишь сетовать – их «недопустимым образом перехваченные вне всякого порядка» полки передавались Росскому, и не только они – из столицы слали помощь, и слали щедро.

Ко Второму корпусу спешил также и его новый командир; Росский в замешательстве, чтобы не сказать в отчаянье, глядел на фамилию князя Булашевича в государевом рескрипте.

Нет, князь Александр Афанасьевич кто угодно, но не трус. Не придворный блюдолиз, не чинодрал, не паркетный генерал, хотчинских полей сроду не покидавший. Прост генерал Булашевич, нравом лёгок, к солдату – ласков, с офицерами – на дружеской ноге, со штабными же – строг, а уж интенданты да квартирмейстеры от одного имени его бледнеют и крестятся.

– Дождались, вот, – вымолвил Росский, протягивая бумагу Разумовскому. – Князя Булашевича – на Второй корпус, Шаховского – к... – хотелось сказать «к чёртовой матери», но этих слов, увы, в приказе не сыскалось, – в увольнение от командования и в длительный отпуск по ранению. Занеси в журнал, как положено, Алексей Климентьевич.

Разумовский, конечно, отлично знал, как надлежит поступать с доставленными рескриптами, но Фёдору Сигизмундовичу хотелось хоть что-то сказать вслух.

– А что ж тут плохого, рискну спросить? – пожал плечами полковник Страх. – Я служил с Александром Афанасьевичем. Молодым совсем, в персиянскую кампанию, и потом, на Капказе... Храбрец. Сам в атаку идёт, пулям не кланяется. Солдаты его любят. Что так закручинились, Фёдор Сигизмундович?

– Да, правильно всё сказал Глеб Свиридович, – поддержал Страха Менихов. – Князь Булашевич – генерал от кавалерии, толк в нашем, конном деле знает. По кустам отсиживаться не станем!

– Можно подумать, Ставр Демидович, ты сейчас со своим полком у кухонь отираешься, – заметил Разумовский.

– Не отираюсь. А вот что мы под сим Анксальтом застряли...

– Горяч ты, казаче, не в меру, – оспорил Менихова командир шемширских улан. – Дуром на редуты лезть – большого ума не надо.

– Я не о том, – стал было возражать Ставр, но Росский поднял руку.

– Господа. Закончим, что начали.

Офицеры вновь склонились над картой – вместе с Мениховым, Евсеевым, Страхом и Разумовским Росский наносил на неё новые батареи ливонцев, сысканные казаками и уланами.

Полог штабной палатки откинулся – несмотря на стильную осень, куда больше напоминавшую сейчас уже настоящую зиму, Росский избегал становиться на постой в ливонских фольварках. После страшной смерти Вяземского оставленные ливонцами дома казались упырями, только и ждущими, чтобы живые по незнанию сунулись к ним в утробу, привлечённые теплом и светом. И про отравителей забывать тоже не следовало. После случая с «арапским табачком» проверяли все колодцы, но, как говорится, бережёного Бог бережёт.

Ввалился Сажнев, запорошённый снегом, как никогда напоминая медведя, разбуженного посреди спячки и крайне тем недовольного.

– Входи, Григорий Пантелеевич. – Разумовский подвинулся, пропуская массивного подполковника к гудящей походной печке.

– Благодарствую... – Сажнев протянул руки, бестрепетно касаясь раскалённого почти

докрасна металла. – Эх, хорошо пробирает...

– И как ты ладони не спалишь, Григорий? – Русский улыбнулся, покачал головой.

– До того, как в кадеты учиться сплавил, вечно на кузню удирал. Наш умелец, Петров Кузьма, баяли, огненное слово знал, мог руку чуть не по плечо в горн засунуть и обратно вытащить, – пояснил югорец, усаживаясь.

– Какие новости, Григорий?

Сажнев помрачнел.

– Приехало оно, золотце наше, – пробурчал он безо всяких предисловий.

– Какое ещё золотце? – Фёдор Сигизмундович оторвался от карты. Для Булашевича было слишком рано.

– Его превосходительство начальник штаба Второго армейского корпуса генерал-лейтенант князь Ираклий Луарсабович Ломинадзе, – ухмыльнулся югорец. – И со всей свитой.

– Молодцы, – подал голос Разумовский, цветным карандашом отмечая новую вражескую батарею, – пересидели, переждали, а теперь – явились на готовенькое.

– Да, под Заячьими Ушами мы их не видели, только адъютанта ихнего, как бишь его?... – попытался вспомнить Княжевич.

– Интересно, почему Шаховского – в Анасееполь, а Ломинадзева оставили? – ни к кому в отдельности не обращаясь, бросил Страх.

– Господа. – Русский выпрямился, спокойно отложил линейку. – Не наше дело обсуждать решение его василеосского величества. Генерал Ломинадзе – начальник штаба государевой волей; нам эту волю и исполнять.

Выразительный взгляд Разумовского яснее ясного говорил, что от Росского ждали совсем других слов.

Эх, не понимают. Ломинадзе, конечно, паркетный генерал, последний раз в деле бывал, когда Валахию из-под османов вырвали, да и то всё больше при штабах отирался, зато верен, как и Шаховской. Пока большой войной не запахло, казалось в Анасееполе, что вполне эти двое справятся, – не справились, да ещё и опозорились, считай, на всю Европу. Государь осерчал, послал Булашевича, но... но почему ж именно его? Князь Орлов отставку строптивного генерала от кавалерии принял, глазом не моргнув, а тут вдруг Александра Афанасьевича, норовом своим знаменитого, – да на корпус? Оставляя притом Ломинадзева, у кого от имени «Булашевич» изжога случается?

– Интересно. Приезжает начальник штаба корпуса, мне ничего не докладывают, а ты-то, Григорий, как у него оказался?

– По пути попался, – мрачно пояснил Сажнев. Настроение у него не улучшалось. – Его превосходительство никому тебе и доложиться не дало. Мол, незачем Фёдора Сигизмундовича беспокоить, он тут командует, а мы, мол, с дороги, устроимся, тогда и разговоры разводить станем.

– А тебя-то, Григорий Пантелеевич, что они с собой потянули? – осведомился Страх.

– Я-то, честно признаться, думал – допрашивать станут. Ломинадзе ещё на мызе слюной брызгал, мол, как я смел поиск на ливонском берегу Млавы учинять. Особенно, как с его превосходительством синемундирника увидал, жандармского полковника. Бобыревым зовут, как ты и говорил.

– И что же?

– Да ничего, Глеб Свиридович. То-то и оно, что ничего. Ломинадзе всё визнавал, да, про тот же поиск, но уже так, будто сам меня туда посылал. Говорил вежливо. Бобырев... даром что жандармский полковник, а голову на плечах имеет. И Ломинадзе его побаивается, то видно сразу. Меня спрашивал по делу, я по делу и объяснял. Мол, так и так, никого не обстреливали, никого в плен взять не пытались. О том у моих унтеров выяснить можно. Это уже без Ломинадзева было. В общем, думает наш генерал-лейтенант сейчас, как перед государем оправдываться станет.

– Наверняка, – кивнул Разумовский. – Не слыхал ведь ты ещё небось, Григорий? Сняли

Шаховского, Булашевича назначили...

– Слышал. Ломинадзев и поведал. Не скажу, что очень счастливым при том выглядел, но речи рёк сладкие до невозможности. Мол, с князем Александром Афанасьевичем государев приказ исполним, до Млавенбурга дойдём, в том никаких сомнений у него нет и быть не может...

– А дальше? Чем дело-то кончилось?

– Да чем кончилось? Ничем, – пожал могучими плечами Сажнев. – Только время зря терял. Ломинадзев в конце выдавил, мол, благодарю, подполковник, за службу да «о ревности вашей отпишу государю». Ай, ну их, хватит про то! Замёрз. Чай тут не наливают, что ли?

– Ерой наш штабной, конечно, трус, не без того, однако ж и не дурак, – промолвил Разумовский, кладя карандаш и берясь за короткую трубочку, проделавшую с ним весь Капказский анабазис. – Василевс твою «Млавскую бригаду» утвердил, Фёдор Сигизмундович, дивизией поименовал, самоуправство неуставное – одобрил. Ломинадзев не из тех, кто кота против шерсти гладить станет.

Сажнев, явно не желая больше длить эту тему, дёрнул плечом, ничего не ответив. Промолчали и окружающие. Разумовский чуть заметно качнул головой; вместе с Мениховым и молчаливым даже более Страха Евсеевым продолжил раскрашивать карту, попыхивая трубочкой-носогрейкой. Оно и правильно – ничего так не ценил в штабных генерал Ломинадзев, как умение красиво, разными цветами «отмыть» карту. Ну, кроме связей, само собой... Пусть-пусть. Больше на квадратики да стрелочки глазеть будет, меньше в настоящее дело вмешается.

Пока что Млавской дивизии удавалось держать фон Пламмета за несуществующую бороду, накрепко привязав чёрных баварских драгун к веркам и ретраншементам Анксальта. В окрестностях города то и дело сшибались малые конные отряды, не давали врагу покоя охотничьи команды сажневских стрелков – и зверь пока что оставался в берлоге. Фон Пламмет бездействовал, то есть вёл себя именно так, как хотел Русский, но – чем дальше, тем больше это бездействие тревожило.

Когда враг делает именно то, что ты от него хочешь, причём враг умный, хитрый и опытный – это всегдастораживает.

Чего ты ждёшь, зультбургский герой? Подкреплений? Да, знаю, доложил Менихов: по неперерезанной дороге подтянулось к тебе до полка пехоты и то ли четыре, то ли пять эскадронов конницы. У тебя немало сил, Пламмет, однако атаковал ты нас вяло, и впрямь стремясь вынудить пойти на штурм. А навязать настоящий бой, разбить Второй корпус по частям – не рискнул. Неужто так подувяла неожиданная прусская прыть после Заячьих Ушей? Вряд ли.

Что-то сильно хитрое задумал фон Пламмет, размышлял Русский. И, хотя он сам не раз повторял перед штабом, мол, уловляющий сам уловлен будет, у гвардионского полковника на душе кошки скребли. Особенно после получения известий про Булашевича. Вот пожалуй новый командир корпуса, и повалят батальоны в лобовую под штуцерными залпами на вражьи верки. И неважно, что князь Александр Афанасьевич сам в первом ряду пойдёт, за солдатские спины не прячась, кровь, пролитая не в том месте и неправильно, преимущества не покупает. Только как это втолкуешь генералу, что по старинке превыше всего ценит решимость погибнуть, но пройти или проложить собой дорогу? Никто не спорит, в Буонапартову эпоху так оно и бывало. Проломить, пробиться, сокрушить – зачастую любой ценой, потому как рухнувший строй врага мог означать победу в сражении.

В былую свою службу Русский с генералом от кавалерии тогда, на Капказе, сталкивался мало, зато слышал куда больше.

Что и говорить, лихо воевал Ляксандра Афанасьич! А ещё круче бился со всяческими несправедливостями и утеснениями солдат – лично, сам велел повесить вора-подрядчика, поставившего сгнившую, кишашую червями муку. Приезжала после этого душегубная команда, синие мундиры, Булашевич всё взял на себя, ни от чего не отказывался, всё

признавал, но вытребовал себе как-то право написать лично василевсу.

И простил его Арсений Кронидович! Простил, хоть и попенял за самоуправство. Да и как было не простить? Собрал Булашевич корпус в Грозной вроде как на парады да учения по случаю приезда высоких анасеепольских чинов, а сам, с двумя полками и одним батальоном стрелков, ночью, скрытно, ушёл в горы, проскользнул, словно дух, непроходимыми ущельями, по верёвочным лестницам вскарабкался вместе со стрелками и ударил на Ведено, захватив самого Гаджи-Антыка, второго человека в горском имамате; правда, и солдат полегло немало, потому что атаковал Булашевич в полный рост, уповая на штык вместо пули, а такое уже и горцы мало прощали...

Но на тот раз простили, гоголем вернулся князь Александр Афанасьевич, грудь у выживших, как положено, в орденах, а о погибших не вспоминали, да и не считали почти – тихо-тихо спустили приказ о пополнении, прислали молодых солдат из запасных батальонов, да убитых схоронили, кого смогли. Кого смогли – потому как дорого платили и тот же Антык, и сиятельный Камиль-бек, и едва ли не обошедший его жестокостью наиб Фазиль, и даже сам «смутьян имам Газий» – за отрезанные головы русских солдат, и неважно, отчего погиб бедолага.

Вот и лезли местные, вот и тащились шакалей сворой по местам боёв, вот и торопились выхватить мёртвые тела у похоронных команд; нешуточные схватки разыгрывались, чуть ли не роту приходилось на такие дела отряжать.

– Однако, – встряхнувшись, вслух сказал Русский, – коли начальство прибыло, пора и мне, как ты, Григорий, выражаешься, идти являться. Они ж небось в фольварке?

Сажнев кивнул.

Русский даже не успел кликнуть денщика, как у входа в палатку возник незнакомый вестовой, тотчас вытянувшийся во фронт.

– Накаркал, – усмехнулся гвардеец, вставая. Фаддей тотчас набросил полковнику на плечи помнившую ещё Зелёную линию бурку. – Что ж, являться так являться...

* * *

– Вы, барин, уж там потише, потише, – ворчал Фаддей, пока они вдвоём ехали заснеженным полем. – Нравом-то огневые, в отца, ещё ваша покойница-матушка мне наказывали, мол, пойдут Фёдор Сигизмундыч по начальству, а ты их острожи, значит, моим словом и именем...

– Будет тебе, Фаддей, – рассмеялся Русский. – Чай, уж не мальчик я. Возьми у меня полтину, пусть тебе в лавке тоже чаю нальют. Уж с чем, с чем, а с походными лавками у его превосходительства, говорят, всегда полный ажур...

– Премного благодарю, Фёдор Сигизмундыч, а только нехорошо это. Куда ж мне полтину? На неё корову купить, а не чайку выпить!

Русский слушал давно знакомое, привычное ворчание вечного своего пестуна, состарившегося на службе их семье, и вдруг пронзило острое, холодное, страшное – что ж я без Фаддея делать стану, коль вдруг с ним чего учинится? Совсем ведь один останусь, словом живым не с кем перемолвиться будет, окромя Сажнева, да и то, пока близко служим...

Много с кем можно доброго бургундского или даже крымского выпить, с кем за картами посидеть для препровождения времени, занимаясь вроде будто и не пустой беседой; а вот так, чтобы говорить, не скрывая ничего, как на сердце лежит?.. Михайло Константинович, друг сердечный, слышишь ли меня, видишь ли? Светлый ты был и чистый, пленников защищал, чтобы по девкам – ни-ни, даже в старшие пажеские годы, даже безусыми поручиками, когда все, было дело, грешили по молодости, по глупости...

Нет тебя, Миша. Остался один Сажнев, с кем сошёлся ты, Фёдор, на Капказе, когда твой полк в полном составе отправили порошу понюхать – мол, застоялись гвардионцы, заскучали, штыки ржой покрылись, одни сбор – да плац-парады. Не ведал Русский, кому за то

решение надо свечку возжечь, то ли Орлову, то ли самому василевсу, решившему, что после долгих лет мира гвардии пора крови вражьей попробовать. Однако оказались гвардейские гренадеры за Зелёной линией, в Капказском корпусе, куда – хошь ни хошь! – назначали не ломинадзевых с шаховскими, а боевых генералов, выучеников славного Алексея Петровича.

«Эх, Фёдор Сигизмундович, не вовремя ты в воспоминания ударился – перед начальственной дверью!»

Не заметил за невесёлыми мыслями, как добрался до места.

Генерал-лейтенант избрал местом своего штаба не чистое поле, как Русский, а как раз фольварк, притаившийся в излучине мелкой речушки и отгороженный от анксальтских позиций негустой, по-немецки причёсанной и расчищенной рощей.

Русский усмехнулся, одёрнул мундир, поправил саблю и шагнул внутрь.

Конечно, к самому Ираклию Луарсабовичу так просто было не попасть: навстречу полковнику бросился адъютант, старый знакомец, тот самый, что приезжал в Заячьи Уши выведывать о «трусости» Сажнева.

Аж извивается от почтительности. Да и сам – красавец, что говорить. Сапоги блестят, аксельбант по полной форме, пуговицы сияют, пряжка на портупее так горит, что аж слепит, масляные, словно чёрные оливки, глаза смотрят с подкупающей любезностью.

– Господин полковник, Фёдор Сигизмундович! – ишь, как подскочил, каблуки щёлкнули, точно гишпанские кастаньеты. Только из Испании к нам не только оливки, но и пламметов возят! – Прошу вас, прошу. Их превосходительство уже справлялись о вашем присутствии...

– Виноват, – перебил извивы шелкового голоса Русский. – Прибыл немедленно по получении предписания. Его превосходительство не изволили выслать вперёд вестовых. Я узнал, лишь когда...

– Да, да, господин полковник. Ираклий Луарсабович не желали причинять лишних неудобств. Неприятель, как заключили мы из донесений ваших, сидит в Анксальте тихо, так чего ж было шум поднимать?

Словно отвечая адъютанту, за стеной послышался грохот передвигаемой тяжёлой мебели.

– Нелегко весь штаб корпуса всё время с места на место таскать, – как бы доверительно пожаловался адъютант. – Не всё ещё устроить успели... но прошу вас, прошу, господин полковник!

Русский не удержался, кивнул.

– Супругу мою частые наши переезды тоже в раздражение и растерянность ввергают.

Князёк либо не понял, либо, напротив, понял слишком хорошо, но посмотрел с сочувствием.

– Так что можете не сомневаться, Ираклий Луарсабович не выражали никакого недовольства, понимая всю ответственность, что доселе лежала на плечах ваших...

В лъстивой, угодливой речи, словно змея в кустах, крылось – лишь «доселе лежала» ответственность, теперь извольте подвинуться.

Впрочем, полковник не зря хаживал не только по-над Зелёной линией, но и по анасеепольским паркетам. Оливковоглазому адъютанту досталась чуть утомлённая вежливая улыбка, какую принято называть «великосветской».

За вторыми дверьми поместился штаб его превосходительства – как бы то ни было, по Уставу, в отсутствие василевсом назначенного командира, корпусом распоряжался именно Ломинадзев.

Ираклий Луарсабович со всем достижимым комфортом расположился в просторной гостиной, подле огромного, жарко пылавшего камина. Стены отделаны морёным дубом, на незваных гостей мрачно косятся потемневшие от времени портреты; с длинного стола убрали посуду, завалили картами, на креслах и, похоже, собранных сюда со всего дома кушетках и козетках устроились штабные офицеры, так и не показавшие носа, когда шло дело у Заячьих Ушей. На мгновение Росскому почудилось, что он снова на Лабовской мызе –

те же портреты, те же физиономии... Но нет, другой генерал теперь во главе стола, и крестоносные рыцари на стенах не столь губасты.

– Фёдор Сигизмундович, – Ломинадзев аж приподнялся в кресле, приветственно, словно равному, протягивая руку. – Счастлив видеть вас здесь, за рубежом неприятельским, в глуби его земель, куда достойно донесли вы русский штандарт!

– Благодарю, ваше превосходительство, – любезный тон обманул бы многих, но не Сажнева с его звериным чутьём и не Росского с его анасеепольским опытом.

– Ах, без чинов, без чинов, Фёдор Сигизмундович! Прошу сюда, к карте. С нетерпением ожидаю доклада вашего с последними известиями о положении наших войск и неприятельских, равно как и суждения о намерениях фон Пламмета...

Улыбка на красиво очерченных губах господина генерал-лейтенанта была открытой и располагающей, взор – отечески ласков. Ишь, заюлил, заюлил, хитрец ресторационный; хоть и вхож ты в дом великого князя Авксентия Марковича, хоть и дружен вельми с канцлером фон Натшкопфом, а боишься, потому как жареным совсем с другой стороны запахло, с самых верхов.

Но, хитрец или не хитрец, Ломинадзев оставался начальством, и Росский, пустив в ход гвардионское столичное изящество, шагнул к карте.

– Неприятель, ваше... – нет, не выговариваются ломинадзевские имя-отчество, знак добросердечного расположения, всё на уставщину тянет, и понятно почему. Но не время сейчас для того, Фёдор, не время! – Неприятель, Ираклий Луарсабович, занимает позицию по гребню Анксальтской гряды, всемерно усилив оную полевыми фортификациями, как то...

В прихожей, где расположилась «приёмная» его превосходительства, где, словно породистый кочет на насесте, восседал преисполненный собственной значимости адъютант, вдруг зашумели, затопали, заскрипели поспешнодвигаемой мебелью – а она в сём фольварке была тяжёлой, сработанной с чисто тевтонской основательностью.

И Росский, и Ломинадзев, и остальные офицеры в гостиной – все разом повернулись в дверям.

Створки распахнулись, словно от доброго пинка. Ввалился некто в бурке, на плечах – не успевший растаять снег. Новоприбывший двинул плечами, сбрасывая меховую полость.

– Господа офицеры! – запоздало пискнул пытавшийся протиснуться следом оливковоглазый Саакадзев.

– Здравствуй, здравствуй, князь Ираклий Луарсабович, давненько не виделись, – усмехнулся широкоплечий, уже немолодой седоусый генерал, шагая ближе к столу. – Вот, прибыл к тебе из самого Анасееполя с государевым письмом. Принимаю командование корпусом.

И недобрая усмешка, более напоминавшая презрительную, и тон явившегося, и его краткое, но решительное «принимаю командование» яснее ясного говорили, что на самом деле думает свеженазначенный генерал Булашевич о генерале Ломинадзеве, неведь почему не снятом с должности. Но тот, более чем искусный в придворных играх, сделал вид, будто ничего не понял и не заметил.

Да, всё верно, именно так Александр свет-Васильевич себя держал с опаскудившимися генералами, если мемуарам верить...

– Князь Александр Афанасьевич, какая радость! – всплеснул руками Ломинадзев с совершенно неподдельным дружеским гостеприимством, могущим обмануть кого угодно. – Иван! Иван, что ж стоишь, душа любезная, прикажи самовар сюда, немедленно! И пуншу князю пусть тоже подадут, согреться с дороги. Прошу, ваше высокопревосходительство, сюда, сюда...

– Да не суетись ты так. – Командующий, вроде как и невеликий ростом, казался на голову выше не обиженного статью начальника штаба. – Вольно, господа. Прошу садиться. Я не плац-парадник, передо мной тянуться не надо. О, и Росский как раз здесь! – на широком лице появилась улыбка – искренняя, настоящая. – Никак докладываешь диспозицию перед наступлением, Фёдор Сигизмундович? Докладывай, а я послушаю, а потом объявлю насчёт

тебя кое-что. Тебя да Сажнева. Только вот прежде спрошу, почему у вас, господа квартирмейстеры, в котлах вместо положенных полуфунта мяса на человека в лучшем случае по четверти, а?

Двое побледневших майоров разом вскочили с мест.

– Ва-ва-ваше высокопревосходительство...

– Моё высокопревосходительство, – резко перебил Булашевич, – желает строжайшего соблюдения уставов воинских и высочайше утверждённой дачи провианта для нижних чинов, а не токмо для штабных офицеров. Прошу, господа, принять к исполнению сего самые деятельные меры.

Майоры опрометью вылетели прочь – не иначе как лично докладывать в котлы столь успешно извлечённое оттуда мясо, с усмешкой подумал Русский.

– Трудности подвоза имеют место быть, – осторожно заметил Ломинадзев.

– Александр Васильевич на трудности подвоза не ссыался, когда у Дьяволова моста велел всех гренадер так накормить, чтобы и в раю б сыты были, – отрезал Булашевич. – А мы не в глубине гор враждебных, до Млавы и России, коль переходы считать, пальцев одной руки хватит. Слышать не хочу никаких оправданий! Солдат кормить как положено, на «трудности подвоза» не ссылаться! Голодный солдат – не солдат, то отцом побед наших заповедано, и я на том же стою. – Он перевёл дух. – Не выгораживай нерадивых, князь. Уж больно ты добр да мягок с ними, а тут порой и палку взять следует, как...

«Как его сиятельство князь Александр Васильевич», – мысленно закончил Русский.

Но Булашевич, похоже, тоже сообразил, что в третий раз подряд поминать прославленного полководца всё же не следует.

– Господа штаб. – Булашевич остановился у стола с картами, внушительным взглядом обвёл замерших офицеров. – Кто со мной бывал, знает, чего я от штаба хочу, кто не бывал – тем скажу. Бумаг поменьше, господа, писанины пустой. Нечего мне каждый чих доносить, я и сам не доношу и его василеосскому величеству так и сказал, сюда отправляясь, мол, наше дело – города брать, а не гроссбухи изящным рондо заполнять. Так что если какая цидулька пропадёт – строго не спрошу. Дело военное. Зато если у солдат рационы урежутся, если мяса в котлах хватать не будет – вот тут пощады не ждите. До государя дойду, коль потребуется, но нерадивец аль подлюга, солдат обиравший, будет под судом. – Александр Афанасьич снова перевёл дух. – А теперь прошу, господа, продолжайте, как начали. Ведите дело, я пока послушаю.

– Золотые слова, князь Александр Афанасьевич, – элегантно кивнул Ломинадзе. – За провиантское нерадение спрашивать надлежит со всей строгостию. А начали мы слушать полковника Русского, всё это время под Анксальтом стоявшего, его доклад о состоянии вверенных ему частей и о неприятеле, в оном Анксальте укрепившемся. Прошу вас, Фёдор Сигизмундович.

Русский кашлянул, прочищая горло.

Правильные слова говорит Булашевич. Голодный солдат – не солдат, ленивых провиантмейстеров хорошо бы розгами сечь для вящего вразумления и в приказе о том сообщать; да только, чтобы города брать, ещё кое-что иное потребно.

Он уже совсем было собрался продолжить, но тут Булашевич, улыбаясь в усы, вдруг поднял руку.

– Сперва дослушать хотел, – громогласно объяснил он. – Ан нет, не могу, пока поручение его василеосского величества не выполнено!

Штабные воззрились на генерала, Ломинадзев – с лёгким, наилегчайшим волнением.

– Это я ещё и в приказе по всему корпусу объявлю, – начал Булашевич. – Государь весьма доволен похвальной храбростию и стойкостью войск в деле при Заячьих Ушах. Все отличившиеся будут им отмечены особо, то он мне самолично сказал, прощаясь. Но допреждь всего – ты, Фёдор Сигизмундович! За явленные мужество и распорядительность, за отменное командование войсками при явном перевесе сил неприятельских, государь тебя награждает орденом Святого Арсения второго класса, с мечами. Вручим торжественно, как и

положено, перед строем, но знать, – быстрый взгляд на Ломинадзева, – тебе уже сейчас надлежит. И подполковнику Сажневу, командиру Югорского стрелкового батальона – орден святой Софьи-воительницы. Смелость и доблесть сего офицера государем особо отмечены!.. Тихо, тихо, господа штаб! Поздравлять потом станете. Когда, как уже сказал, перед строем вручим, по всей форме. А сейчас, Фёдор Сигизмундович, прошу тебя, продолжай. Государево одобрение, думаю, тебе сейчас как раз на пользу придётся.

– Благодарю, ваше высокопревосходительство, – по-уставному ответил Русский, вытянувшись во фрунт.

Вот оно как дело обернулось-то! Не зря, не зря погнал он раненого гусара сквозь ненастье в Анассеополь: по крайней мере в одном задуманное удалось. С Григория обвинения – коли они и были – сняты, честь его вне сомнений, и государь доволен. «Софья-воительница»! Её и у самого Росского нет, хотя орденами он не обижен...

– Весьма, весьма рад за вас, Фёдор Сигизмундович, – соловьём пропел Ломинадзев. – Уверен, что служить государю и Отчизне станете с ещё большим рвением, ибо...

– Рвение полковника Росского, – перебил сделавшегося чрезвычайно ласковым генерал-лейтенанта Булашевич, – в подстёгивании не нуждается. Он и так жизни не пожалеет за веру, василевса и Отечество. Достаточно слов, господа. Гулять да праздновать, орденам радоваться станем, когда с фон Пламметом покончим. Меня его величество сюда затем и прислал. Продолжай, Фёдор Сигизмундович. Тебя наградами не смутить, уж я-то знаю. – Александр Афанасьевич широко улыбнулся.

Кое-как опомнившись – нет, «Арсений с мечами», он на дороге не валяется, тем более когда третий класс того же ордена не так давно получен, – Русский продолжил доклад, в подробностях описывая неприятельские батареи и редуты, возведённые по всему Анксальтскому полукольцу. Ломинадзев слушал, благожелательно кивая, Булашевич, нахмурясь, глядел на карту, следя за скользящей указкой (даже её не забыл Ираклий Луарсабович!). Окажись здесь один Ломинадзев, быть бы полковнику Росскому мягко укорённым за излишнюю горячность, но Булашевич ждал совсем иного доклада и совсем иных стрелок на карте. Эх, ну что бы Сажневу иное начальство по дороге не встретить!.. И сам с доброй вестью бы оказался, и их бы с Разумовским оповестил.

– Почему же дорогу не перерезали? – вдруг спросил Александр Афанасьевич, резко ткнув пальцем. – Немец в полуокружении сидит, так отчего ж клетку совсем не захлопнуть?

Булашевич барабанил по столу пальцами; Русский чуть скосил глаза, увидав умильно-ожидательное выражение Ломинадзева. Ерою паркетному лишь бы найти, кому поддакивать. Вцепится привыкший к буре и натиску князь Ляксандра Фанасьич в «бездействовавшего» полковника гвардии, даже не попытавшегося взять в кольцо прусское войско, кивнём. Согласится, что верно всё сделано, кивнём дважды и напомним про свой приказ. Хороший приказ, Мишей покойником в журнал занесённый!

– Имевшихся за Млавой частей наших хватило, чтобы приковать наёмников и биргерское ополчение к Анксальту, но не для решительного маневра на окружение. На пути же снабжения фон Пламмета у нас действуют и гусары, и уланы, и казаки. Фон Пламмет отвёл все силы к городу, укрепился там и засел, пытаясь вызвать нас на фронтальную атаку... – Осторожнее, Фёдор, оборвал он сам себя и добавил по какому-то наитию: – Не знаю, сдержались ли бы мы после убийства парламентёров, если б не строжайший приказ дожидаться полного сосредоточения...

– Теперь у нас в кулаке весь корпус, – перебил Булашевич. – Сил достаточно. У Пламмета три дивизии, уже битые под Заячьими Ушами, да биргерское ополчение – до дивизии будет, но вояки хреновые, при первых выстрелах своим фрау под юбки заберутся! У нас Двадцатая пехотная уже подошла, так что с ней уже четыре дивизии, да кавалерия, да на подходе кавалергарды с конногвардейцами, а затем и гвардейские фузилёры с лейб-егерями и гвардейской артиллерией подойдут! Почитай, по двое наших на каждого колбасника придётся!

Да, в Млавенбург, говорят, к имеющимся прусским дивизиям из Кралева ещё две

заявились, включая конную, но в открытую пруссаки не полезут, их опасаться нечего. С конногвардейцами же... – он сделал паузу, – с его василеосским высочеством Севастианом Арсениевичем, – офицеры переглянулись. Прибытие самого наследника престола означало, что дело и впрямь серьезней некуда, – невместно нам при нём будет в ретраншементах отсиживаться, то русских воинов недостойно. А потому, господа, представьте мне к утру план атаки. – Крепко сжатый кулак пристукнул по столешнице. – Убийцы же парламентариев наших будут наказаны особо. Фёдор Сигизмундович, прошу на два слова.

Проходя мимо Ломинадзева, Русский поймал быстрый, почти незаметный взгляд его превосходительства, брошенный ему вслед – с явной надеждой на его, Русского, заступничество. И ведь прав, каналья, защищать придётся. Не Ломинадзева, приказ, по трусости отданный, но единственно верный.

Они вышли под тёмное небо, с боков к Булашевичу придвинулись две фигуры – в одной Русский с радостью узнал раненного в деле под Заячьими Ушами Богунова, усакавшего в Анасееполь с письмом к великому князю. Молодец, не напрасно съездил, – полковник невольно улыбнулся. Отстояли-таки Сажнева.

– Не хотел при Ломинадзе, – вполголоса проговорил тем временем Булашевич, кивком давая понять адъютантам, что с Русским он желает говорить один на один. – Орден ты, Фёдор Сигизмундович, заслужил и переслужил. Счастлив и горд, что его тебе сам вручу, при знамени и музыке. Не сужу тебя ни в чём. Понятное дело – в корпусе разброд и шатание, а как штаб нашёлся, так тебя и осадили – ты же Пламмета не только остановил, но и обратно погнал. Потому не корю, что встал у Анксальта, приказ выполняючи. Но теперь всё решилось, я корпусом командую, василевс меня доверием облёк – на мне и ответ за всё. Будем уловлять фон Пламмета, раз он решил тут зубами в редуты вцепиться, – усмехнулся генерал. – Помню твои кавказские подвиги и потому спрошу – не может быть, чтобы ты сам плана атаки уже не составил.

Русский помедлил. Вот оно. Как и предполагал ты, Фёдор. Князь Булашевич, портрет Александра Васильича вечно с собой возящий, и впрямь в ретраншементах отсиживаться не собирается. Этого ты ждал, к этому готовился. Давай же теперь, не подкачай!

Гвардионец заговорил, тщательно подбирая слова:

– Ваше высокопревосходительство, князь Александр Афанасьевич. Моим делом было фон Пламмета тут удержать, пока корпус не подтянется, пока потери не восполним.

Булашевич значительно покачал головой.

– Фон Пламмет, сукин сын, дальше отступать не может, решил дать генеральную баталию. Оно и понятно – Млавенбург в четырёх переходах, вокруг поместья тевтонские – не уйти ему. Будет стоять насмерть, если, конечно, его пруссаки на такое способны. Хотя вряд ли... Помню их, позорников, ещё по десятому году. Крепости и те, едва французов завидя, не пальнув ни разу, Буонапартию сдавали, куда им в поле да против нас?! Вот и надеется на ретраншементы, немец-перец-колбаса, кислая капуста! Ничего, мы ему покажем, кто такой солдат русский, что за дело святое сражается! Господь нас благослови! – Князь полез под мундир, достал крест, поцеловал с искренней верой, вновь спрятал.

– Совершенно верно, ваше высокопревосходительство. Вот потому-то я и составлял план атаки, но такой, чтобы прусские хитрости с доски снять, а наши, напротив, оставить.

– Вот как? И что ж надумал?

– Фон Пламмет, ваше высокопревосходительство, надеется на укрепления, на пушки да на штуцерных, коих у него как бы не половина всей пехоты. Ему главное нас до штыковой не допустить, заставить в лоб по чистому полю в атаку идти, пока он нас, как на смотре стрелковым, уполовинивать станет. В деле двенадцатого ноября мы с этим уже столкнулись – палить пруссаки выучились.

– Штыковая наша – немцу смерть, – подтвердил Булашевич.

– Вот и выходит, ваше высокопревосходительство, что придётся и нам на хитрости пускаться. Как князь Александр Васильевич у Дьяволова моста, когда в лоб лишь показную атаку устраивал, да ещё и велел гренадерам падать чуть ли не всем вместе, мол, убиты, и

ждать вблизи от вражьего рва, пока обходной отряд супостату в спину не ударит.

– И что же предлагаешь? – оживился генерал от кавалерии. – В открытом поле мы бы его обошли, но тут с одного фланга река, с другого лес заболоченный, а посреди холмы...

Фёдор Сигизмундович мрачно вспомнил карту, где каждый аккуратный синий треугольник – батарея, что смотрела остриём в сторону красных квадратов, изображавших русские войска, – казалось, впивался прямо в душу. Не приходилось ещё полковнику Росскому бывать на большой, настоящей войне, Капказ за таковую ведь не посчитаешь, так что большого пороху ты не нюхал. Не ошибись, Фёдор, тысячи жизней на тебе, не оловянные солдатики, коими в Академии Генерального Штаба исторические сражения разыгрываются!

Как и Пламмета не выпустить, и Булашевича обойти, чтоб генеральская храбрость боком не вышла? В лоб атаковать – то и Ломинадзев сможет. Если прикажут да над душой встанут. Да что там Ломинадзев, и Крёйца б хватило. Силы разделить поровну и с фронта, и в обход ударить – тоже Буонапарте быть не требуется. Но всё это знает и Пламмет, а фланги немецкой позиции и вправду прикрыты...

Думай, Фёдор! Сейчас, ночью, завтра, когда указку Ломинадзеву возьмёшь, поздно будет. Там, в Анксальте, испустил последний вздох твой друг, Михайло Константинович. Видит Господь, чья Длань Дарует, больше всех, больше Булашевича и Ломинадзева, больше даже василевса в Анассеополе, хочет полковник Росский увидеть стяг с тремя русскими птицами, Алконостом, Гамаюном и Сирином, – на самой высокой башне подлого Анксальта!

Глава 18 26 ноября 1849 года

1. Анассеополь. Посольство королевства Пруссия

- Почта, ваше сиятельство.
- Благодарю, Мартин.
- Не угодно ли вашему сиятельству кофе?
- Да, Мартин, спасибо. И пусть принесут ещё дров.
- Сию же минуту распоряжусь. И жаровню тоже.
- Да, именно так, – кивнул фон Шуленберг старому слуге.

Мартин вышел, шаркая и пришепётывая беззубым ртом. Посол вздохнул – все мы, увы, не молодеем. Бедняге Мартину сейчас бы не холода Анассеополя, а тёплый итальянский берег. И ведь можно было получить назначение в Наполи... но Апеннинский сапог для прусского дипломата – это просто почётная ссылка, каковой, возможно, всё и кончится.

Граф фон Шуленберг который уже день пребывал в отвратительнейшем настроении – с того самого вечера, когда пришла роковая депеша. О да, он сделал всё, что мог, он немедленно подал прошение о срочной аудиенции и даже её получил, только не у василевса, а у государственного канцлера. Встреча, однако, вышла пустой и никчёмной. Посол собирался на неё, как на важнейшую в жизни, полагая сие своим личным Зульбургом – не всякому дипломату выпадает останавливать двоих балансирующих на грани войны гигантов.

А всё обернулось унылым ритуальным бормотанием, обменом витиеватыми протокольными фразами, от которых кругом идёт голова. Посол и канцлер говорили по-немецки, и ни один ничуть не уступал другому в умении составить По-настоящему Длинное Предложение, Заканчивающееся Глаголом.

Ясно, что аудиенция окончилась ничем. Фон Шуленберг «дерзал настаивать» на скорейшей встрече с государем, канцлер скрипел о «необходимости тщательной подготовки оной, прежде всего в рассуждении повестки», и дело не сдвигалось с мёртвой точки.

Донесения из Млавенбурга исправно доставлялись каждый день, но не радовали и не удивляли. После первого успеха фон Пламмет, как и следовало ожидать, нарвался на

ожесточённое сопротивление и был принуждён отступить за Млаву, русские же опомнились и начали преследование. Тем не менее император Арсений пока что вёл себя на удивление сдержанно – войну Пруссии, а именно этого посол страшился больше всего, он, во всяком случае, объявлять не стал.

Кофе обжигал язык и нёбо. Шуленберг отставил чашечку, взялся за пухлые пакеты, как всегда, начав с самой тщательной инспекции прошивки и печатей. Осмотрел в любимую, подаренную фон Зероффом лупу, поворачивая и так, и эдак: Тауберта нельзя недооценивать, особенно в такое время... Сколь, однако, иронична судьба! Выглядевший финалом Зульбург оказался прелюдией к очень неприятной фуге, а они – молодые, горячие, готовые на всё, лишь бы одолеть вселенское Зло в лице Буонапарте, кем оказались они? Русские и пруссаки, бывшие союзники и, похоже, тоже уже бывшие победители?

Как же они устали тогда, двадцать пять с лишним лет назад, и как же были счастливы, лишь Тауберт, опьянев, плакал об убитом коне, а Герберт фон Пламмет не плакал о брате... Офицеры, не считаясь с чинами, переходили от костра к костру, пили, пели, хлопали друг друга по плечам, снова пили и пели, обняв друг друга и раскачиваясь, будто ремесленники в пивной... Чёрные прусские гусары, белые русские кавалергарды и заглянувший к бывшим товарищам уже генералом Орлов. Этот молчал, только когда провозгласили тост за сохранившую его в «сердце ада» – как выразился, награждая русского героя, кайзер – судьбу, хмуро сказал, что его судьбу звали Сергей и... Прочие имена ротмистр Шуленберг запомнил, но всего их было пятеро – солдат, принявших на себя предназначенную командиром смерть. Теперь Россия Орлова и Тауберта вот-вот схлестнётся с Пруссией Шуленберга, для войны не хватает sequer малости, возможно, даже этой депеши...

Посол взялся за внушительного вида толстый конверт, бездумно повертел в пальцах, вновь отложил. Пригубил кофе.

В первые дни «млавского инцидента», как именовали его в дипломатической переписке, Шуленберг не мог дожидаться очередной почты из Берлина. Сейчас он уже почти не сомневался, что кроется в очередном прошитом и осургученном пакете.

Кайзерштрассе вела какую-то свою игру. Или не свою, или не игру. При том что расклад «большой политики» казался Шуленбергу вполне ясным. Франция, Австрия, Пруссия – все имели свои интересы, и интересы эти диктовали умножающиеся в числе фабрики, всё новые и новые паровозы на железных дорогах и пароходы в портах, всерьёз угрожающие господству паруса. Что нужно Пруссии? – мир на востоке, а её негодянты и инженеры, не сомневался истинный пруссак фон Шуленберг, этим сумеют воспользоваться куда лучше лягушатников или островных пожирателей овсянки, не говоря уж о весёлых макаронниках, кои непревзойдённы разве что в бельканто.

Буонапартова гроза, что, казалось, кончилась для Пруссии вполне благополучно, оставила, однако, куда более глубокий след. Фон Шуленберг в Первую Буонапартову был совсем ребёнком, но запомнил, как по берлинским мостовым маршировала Старая Гвардия, занявшая столицу без единого выстрела. Помнил он и как сдавались гарнизоны даже превосходных крепостей, едва завидев вдали знамёна великого императора.

А потом кайзер с семьёй бежал в Россию. И это запомнили. Сильные мира сего и не очень.

«Пруссак – сдадутся».

Конечно, после была Третья Буонапартова, был Зульбург, но, но, но... Тогда рядом с прусскими развевались русские знамёна и чёрные прусские гусары прикрывали фланги всепокрушающей кавалергардской лавины русских. Пехота князя Арцакова собственной грудью остановила натиск Гвардии, об неё сломалось остриё Буонапартового решающего натиска – и это тоже помнили. Помнили, хотя очень, очень многие из всех сил стремились забыть.

«Если на пруссаков надавить как следует, они сдадутся». Предложите им мир и орду, и вы получите то, чего желаете. В конце концов, никто не срывал французские флаги, развешанные в своё время по всему Берлину...

Значит, нужен союз с Россией. Чтобы державы, успешно поделившие самые сладкие куски заморских пирогов, не возомнили бы в один прекрасный день, что на Пруссию можно не оборачиваться, легко купив при этом молчаливый нейтралитет Анасееполя.

Европейское равновесие нуждается в Востоке. Это было очевидно фон Шуленбергу, многим его коллегам по дипломатической службе – но очевидно ли для самых верхов?

Посол вздохнул. Эх, мысли-помыслы, толку-то от вас...

Он заставил себя вновь взяться за письмо из родного министерства.

Нет, следов вскрытия не заметно. Тонкие нити нетронуты, печати чётки и не смазаны. Фон Шуленберг аккуратно разрезал конверт.

Непоправимого все ещё не случилось. Канцелярия министра иностранных дел опять слала какую-то ерунду. Открытые переговоры с русским императором по-прежнему отвергались, предлагалось лишь указывать на «необходимость способствовать прекращению враждебных действий между Россией и Ливонским герцогством», то же самое писали и неделю назад, и две, а корпус фон Пламмета и русские войска застыли друг перед другом возле Анксальта. Они не предпринимали ничего, и посол использовал это затишье как только мог, по-прежнему всеми силами добиваясь высочайшей аудиенции, благо это совпадало с требованием Кайзерштрассе; однако его величество подобной встречи упорно избегал, даже вне официальных пределов. К услугам фон Шуленберга всякий раз оказывался государственный канцлер, скрипучий, вежливый фон Натшкопф. Разговоры шли по одному и тому же кругу, словно ослы на мельнице, вращающие жернова.

– Ваше высокопревосходительство, господин государственный канцлер. Кабинет его величества Иоганна свидетельствует своё непреходящее почтение его василеосскому величеству государю Арсению Кронидовичу и имеет честь изложить нижеследующее. Ненужная враждебность и пролитие крови между Державой Российской и Ливонским герцогством, состоящим под опекой прусской короны, продолжаются, вызывая убытки и страдания добрых обывателей, ни в чём не провинившихся перед Русским государством.

Кабинет его величества Иоганна имеет честь вновь и вновь предлагать вниманию его величества василевса немедленно прекратить враждебные действия, обменяться ранеными и пленными. Правительство его величества также заявляет решительный протест против действий иррегулярных казачьих войск, что в нарушение всех законов войны чинят невозбранно насилие против мирных жителей Анксальтской земли Ливонского герцогства. Сии насилия имеют место в форме: конфискации движимого имущества безо всякой оплаты, нанесения ущерба имуществу недвижимому, лишения чести особ женского пола, а также...

Он мог говорить так часами. А господин государственный канцлер точно так же мог отвечать часами, выдвигая встречные претензии, перечисляя всё те же «обиды и утеснения, творимые жителям Ливонии, исповедующим вернославную веру».

Господин государственный канцлер был прекрасным дипломатом.

Вчера граф Александер не выдержал.

– Ваше высокопревосходительство. – Прусский посол решительно отодвинул поданный кофе. – Мы обмениваемся с вами образцовыми речами, а война продолжается. Необъявленная война. Господин канцлер! Неужто вы верите, что в интересах и России, и Пруссии, если эта война перекинется на другие области или просто хотя бы разгорится?

Фон Натшкопф нарочито медленно отставил чашечку, сложил ладони перед грудью, соединил кончики пальцев, развёл, вновь свёл...

– Господин посол, – канцлер взвешивал каждое слово, – Держава Российская готова прекратить враждебные действия в любое время. Для сего достаточно поистине совершеннейшей малости. Во-первых, подписи герцога Рейнгольда под Декретом о Равенстве. Содержимое сего Декрета вполне известно как господину послу, так и прусскому кабинету. Во-вторых, выдачи России для предания справедливому суду генерала фон Пламмета, предводительствовавшего возмутительным нападением на части русской армии, находившиеся на российской же территории. Дело за малым – посоветовать... настоятельно посоветовать ливонцам принять наши условия. Враждебные действия немедленно прекратятся.

Неужели это настолько трудно?

– Я не раз и не два советовал моему кабинету... рекомендовать герцогу Ливонскому принять означенный Декрет, разумеется, установив путём справедливых переговоров пределы изменений в ливонских законах, – раздельно произнёс фон Шуленберг. – Что же касается выдачи генерала фон Пламмета... Сие сделать едва ли возможно без предварительного обсуждения инцидента Брюссельским арбитражем, без какого решения... Также, боюсь, что односторонне, без встречных уступок кабинета анассеопольского, сделать всё вышеперечисленное, увы, невозможно.

– Его василеосское величество уже пошёл на уступки, почти оскорбительные для его чести и достоинства, – возразил канцлер. – Россия не требует даже прав покровительства вернославным христианам в пределах ливонских, полагая слово его величества Иоганна, буде таковое воспоследует, вполне достаточной гарантией.

О Брюсселе канцлер даже не упомянул, словно не услышав.

Опять тупик, опять стена. Граф Александер стиснул зубы – до хруста и боли. Надутый болван, зло подумал он о Натшкопфе. Ты отлично видишь, что я дошёл уже до предела пределов. Я не кайзер и не могу капитулировать, ты знаешь это.

– Господин посол, – канцлер глядел на Шуленберга бесцветными глазами умудрённой жизнью форели, – в беседах наших я не раз упоминал действия... ливонских войск, руководимых генералом фон Пламметом. Сей генерал...

– Уволен с прусской службы без пенсионера, – перебил граф Александер. – И, ваше высокопревосходительство! Вновь обращаю внимание ваше, что, благодаря миролюбию его величества Иоганна, войска прусские, согласно Брюссельским трактатам расквартированные в Ливонии, не покинули своих казарм. Хотя имели на это полное право.

– Поступающие из действующей армии донесения утверждают иное. – Сухие губы канцлера стянулись в бледную линию. – Что так называемые войска ливонские на деле состоят из солдат прусских, переодетых в ливонскую форму!

– Возможно, речь идёт о дивизии генерала фон Пламмета, в составе каковой действительно имеются уроженцы Пруссии, как и иных немецких земель. Однако сия дивизия...

– Да, граф, да. Я знаю. Является добровольческой и наёмной.

– И совершенно официально и законно нанятой ливонской короной, чью суверенность не оспаривает ни одна европейская держава, и в таковом качестве вполне может быть обмундирована в ливонскую форму...

Стоп, сказал себе посол. Он опять втягивает меня в спор. Он не хочет мира? Или мира не хочет василевс? Или... тут какая-то более хитрая игра?

Канцлер благожелательно улыбался.

– Разумеется, господин посол. Вы говорили о мире? Я повторяю, что в этом заключается и самое горячее желание его василеосского величества. Для этого достаточно лишь принять...

Тогда фон Шуленберг сдержался и вернулся к остывающему кофе. Теперь он хватил кулаком о свой рабочий стол так, что подскочил тяжеленный письменный прибор. Да, так они и разговаривают с русским немцем фон Натшкопфом. День за днём, не сдвигаясь с мёртвой точки. А Кайзерштрассе на все его отчаянные письма и призывы пойти хоть на какой-то, но компромисс отвечает поощрительной пустотой: всё хорошо, лучше и быть не может, вами довольны, продолжайте в том же духе.

Кто-то из нас явно сошёл с ума, угрюмо думал посол, собственноручно подбирая рассыпавшиеся перья. Чего они хотят там, в Берлине? Русские остановились у Анксальта, верно; но чего добились этим Пруссия? Василевс отправит ещё один корпус или даже два, и что тогда? Спешно гнать в Млавенбург бурной предзимней Балтикой всю прусскую армию? Объявлять войну?!

Тупик, горько сказал он себе. Все твои усилия, граф Александер, оборачиваются против тебя же. Все влиятельные знакомцы держатся с тобой более чем осторожно, один

лишь великий князь Георгий Кронидович на балу у князя Аргамачева подошёл, многозначительно покивал и произнёс прочувствованную речь о необходимости скорейшего мира.

Зато остальные, от кого в самом деле тянутся ниточки к управлению колоссальной Державой, раскинувшейся на три континента, если не отворачиваются, как Янгальчев, то разводят руками да качают головой. Мол, всей душой бы рады, герр Шуленберг, но никак. Вот ну ни в какую. Его величество очень, очень гневается. Конечно, если бы его величество Иоганн обратился к государю лично...

Герр Шуленберг глубоко вздохнул и поправил стопку чистой бумаги, украшенной водяными знаками родного министерства. Вполне возможно, подумал посол, мои бесконечные послания вконец вывели Кайзерштрассе из себя. Но в отставку меня не отправляют, что уже хорошо и к тому же даёт повод задуматься.

И выводы из этих раздумий графу Александру очень, очень не нравились.

Все прекраснотушные рассуждения о «равновесиях» и прочем, похоже, в Берлине просто отбросили. Но, поелику нельзя считать, что и его величество кайзера, и главу его же кабинета разом поразило помутнение рассудка, то дело тут, видать, ещё хитрее.

Существует что-то, чего не положено знать даже ему, графу Александру фон Шуленбергу, право же, занимающему не самое последнее место в прусских коридорах власти.

Кайзер спокоен, сдержан и не отступает от заранее избранной линии. А судя по инструкциям с Кайзерштрассе, избрана сия линия именно заранее. Он уверен... что война с Россией не разразится? Но сколько же можно испытывать долготерпение императора Арсения? Чего бояться хозяину Анастасополя, совсем недавно доказавшего всем, раздавив Унгарскую смуту, что его армия отнюдь не обленилась и не утратила сноровки? Да что там Унгария, млавское дело говорит о том же, даже не говорит, кричит!

Его величество Иоганн тем не менее уверен, что при любом исходе Пруссия не останется внакладе и не попадёт в совсем уж большую беду.

И вот от этой августейшей уверенности Шуленбергу становилось совсем плохо.

2. Ливония. Окрестности Анксальта

Руке, хвала Господу, стало лучше. Не жгло, не дёргалось, только ныло – пусть неотвязно, но жить можно.

Никита Богунов поморщился от боли, останавливая Гранда. После обеда гусар вновь учился управляться сразу и с конём, и с саблей. Получалось плохо. Совсем недавно он был среди софьедарцев мало что не первым в искусстве рубки лозы, мог по-казацки ссечь воткнутый в землю шест так, что надетый на верхушку кивер упал бы на оставшийся торчать конец палки, а теперь...

– Доброго вам вечера, граф.

Ульссон протянул руку, взял Гранда под уздцы, помогая Богунову сойти с седла.

– Спасибо, – от души поблагодарил гусар. – Руку натрудил, – пожаловался он.

– Вам, Никита Степанович, руку надо беречь да покоить, – с неприятной назидательностью заметил свей. – Идёмте, его высокопревосходительство ждёт. Справлялся, где, мол, новый мой адъютант? Сказал, что уехали вы, что без сабли не можете. Этот резон Александру Афанасьевичу понятен.

– Гусар без сабли не гусар, – отшутился Богунов. – Иван Максимилианович, мы хоть на брудершафт и не пили, но, может, на «ты» перейдём, как меж боевых соратников принято? Лет мы одних, чина одного...

– Вы, Никита Степанович, граф, – бледно улыбнулся Ульссон. – Фамилия Богуновых всем известна, кто «Историю Русской Смуты» читывал, а мой родитель, в службу военную вступая, даже личного дворянства не имел. И, хотя льстит мне предложение ваше, но давайте всё оставим как есть, коль и вправду хотите мне приятное сделать.

– Доблесть предков – она по наследству не передаётся! – смутился Никита. – Да и когда то было! Почитай, два века с половиной минуло!

– Что значит «когда было»? – оспорил Ульссон. – Вы, ваше сиятельство, граф и по мужеской линии прямой потомок думского боярина Дениса Феодоровича Богунова, ближайшего сподвижника князя Степана Никитича Алдасьева-Серебряного, первого василевса донныне правящей династии, да хранит Бог государя и всех его домочадцев!

– И что ж с того? Я от этого лучше стал?

– Конечно, – удивился свей. – Я хоть и из Суомии, но от немцев недалеко ушёл, немцы же превыше всего ставят орднунг, сиречь порядок. А порядок – это и правильная кровь. Правильная она у вас, Никита Степанович, потому и зову вас на «вы», что сие – знак уважения. Вы ж меня зовите как хотите, ибо всё должно́ быть, как должно́.

Богунов не то чтобы не понял, ему не понравилась сама мысль.

– Иван Максимилианович, кровь – она просто кровь. Красная. Что у моих гусар, что у князей. Только Помазанник Божий над нами, а так-то...

– И слушать не хочу! – отрезал Ульссон. – То мысли крамольные, граф! Простолюдина с дворянином уравниваете!

Никита растерялся. С одной стороны, так-то оно так, но кровь красна что у князя, что у последнего бродяги... И у врага, и у друга. Капказ тот же взять. Дядюшка Абериан, младость вспоминая, уши все прожужжал, что хоть сволочь там не жалели, но при этом немалое число нижних чинов, да и младших офицеров женилось на местных; вот и выходило, что многие, осевшие на Зелёной линии и полагавшие себя русскими и вернославными, были «на лицо весьма своеобразны». Особенно во втором поколении, так что не в крови дело. Или хотя бы не только в ней.

– Да что вы, Иван Максимилианович... помилуйте, какая тут крамола? Просто так оно у людей выходит... Сказано же «несть эллина»...

– Общество должно пребывать в порядке! – уверенно заявил суомский свей. – А самая устойчивая фигура, как вам, Никита Степанович, известно, – пирамида. На вершине государь. Ниже...

– Помню, помню...

– А коль помните, то давайте того и держаться. Порядок должен быть.

– Порядок? – Гусар не выдержал, усмехнулся. – Но ведь его высокопревосходительство орднунг немецкий не слишком жалуется. Как вы с ним живёте-то?

– У Александра Афанасьевича имеется своя система, – охотно пояснил не заметивший «подначки» Иван. – Во главу угла князь ставит верность государю и отечеству, но немалое место занимает и верность иным взятым на себя обязательствам. Мой родитель, майор Ульссон, получил смертельную рану, исполняя приказ его высокопревосходительства, после чего князь счёл своим долгом позаботиться о нашем семействе.

В свою очередь, когда спешно вызванному из своего имения Александру Афанасьевичу потребовался адъютант, я не мог не оставить Академии. Надеюсь, однако, в ближайшем будущем покинуть своего благодетеля и вступить в Володимерский полк, где, по несчастливым нынешним обстоятельствам, открылись вакансии.

– Я бы, Иван Максимилианович, сказал, что в основе вашего решения лежит свойственное человеку чувство благодарности, а вовсе не орднунг.

– Порядок есть основа основ, – и не подумал смутиться свей, – но пути к нему могут пролегать различные. Пирамиду по-разному строить можно. А теперь идёте, его высокопревосходительство ждёт. Встречаем сегодня гвардию. И его василеосское высочество.

3. Анассеополь. Дворец графа Менелая Орестовича Бороздина-второго

Полуобнажённые сатиры и нимфы по обеим сторонам ярко освещённой лестницы разглядывали запоздавших гостей. Как чудилось фон Шуленбергу, с намёком, хоть и не

столь откровенным, как у блиставшей на верхней площадке хозяйки дома.

– Господин посол, какая приятная неожиданность. – Лиди Бороздина церемонно и при этом... дерзко подала руку. Декольте графини тоже было дерзким. О да, её сиятельство имела что показать, но всё-таки, всё-таки...

– Премного благодарен за приглашение, прекрасная Лидия Тейнарьевна. – Необычное даже для русских отчество выговорилось на удивление легко. – В наше нелёгкое время...

– Ах, милый граф, ну хоть вы не говорите о политике! – надула губки великолепная Лиди. – Все мужчины как сговорились, только и рассуждают, что о каких-то глупых государственных делах. У меня от них случается мигрень...

– Прекрасные дамы, такие как вы, графиня, и не должны помышлять о столь скучных материях, предоставив сии вещи мужчинам...

Так, за светской беседой, они и проследовали роскошной даже для софьинского Анасееополя анфиладой навстречу доносящейся из большой, отделанной по последней моде залы музыки. Контраст между тяжеловесной прадедовской роскошью и умопомрачительно дорогой современной «простотой» был одной из последних причуд графини. Удачной причудой, так как примеру Бороздиных успели последовать Аргамаровы, Кавалковы и Чемисовы. Правда, у них отчего-то вышло не столь впечатляюще. Поклонники Лиди искали секрет в её неповторимом шарме, недоброжелатели же... Недоброжелатели скромно молчали.

– Лидия Тейнарьевна, смею ли я надеяться, что в вашей бальной книжечке осталась хотя бы одна свободная строка?

– По секрету, граф, и только для вас – одна и осталась. Третий вальс. – Она улыбнулась, взметая сине-зелёный, сверкающий, будто морская волна, подол. – А теперь простите меня, мой дорогой... граф Александер, я должна вас покинуть, ибо...

Фон Шуленберг успешно изобразил композицию из разочарования (его покидают) и надежды (ему обещан вальс). К нему уже спешил хозяин дома: могучий и необъятный живот Менелая Орестовича, в последние годы ценившего хорошую еду дороже молоденьких прелестниц, уверенно прокладывал своему обладателю дорогу. Хозяин дома и гость обменялись парой ничего не значащих фраз, потом Бороздин устремился к только что прибывшему графу Юмину, и пруссак вздохнул с облегчением. Окажись он, как это порой случается в снах, любовником Лиди, или даже стань Менелай Орестович воздыхателем Урсулы, Шуленберг вряд ли бы испытал большее неудобство – генерал Бороздин до недавнего времени командовал тем самым Вторым корпусом, что потрепал Пламмет.

...Граф Александер начал обходить залу, обмениваясь улыбками и поклонами. Нельзя сказать, что от прусского посла шарахались, как от зачумлённого; это бал, а не политический раут. Но Шуленберг знал, что, попытайся он заговорить о чём-то более серьёзном, нежели последние веяния в парижских модах, большинство его любезных собеседников замкнётся или постарается вернуть разговор к перьям и декольте.

Что ж, сегодня он здесь ради одного-единственного человека, с которым иначе ему никак не удалось бы встретиться, не нарушив все писанные и неписанные правила дипломатии.

Военный министр князь Орлов приехал к Бороздиным, хотя чувствовал себя явно плохо – бледный, под глазами огромные синяки, голос хриплый. Порой князь покашливал, изо всех сил стараясь сдерживаться.

Он же болен насквозь, подумал Шуленберг. Зачем же тогда появился? Или... – обожгла догадка, – он у Бороздиных для того же, для чего и ты сам?

Несколько несложных манёвров, известных любому опытному дипломату, и после тура вальса с прелестной Лиди, чуть было не заставившей графа забыть, для чего он здесь – хороша! Чудо, как хороша! Неудивительно, что Горн-Иловайский потерял голову и отбыл на воды. Что ж, будем надеяться, секретная служба его величества Иоганна не упустит столь примечательную возможность, – Шуленберг оказался за одним ломберным столом с военным министром.

– Сегодня скверная погода, – заметил по-французски Орлов.

– О да, дорогой князь, – по-французски же ответил Шуленберг, лишний раз подчёркивая, что здесь он совершенно не по делам службы.

Сергий Григорьевич играл, против обыкновения, дурно и после всего нескольких талий досадливо бросил карты.

– Прошу простить, господа. Игрок сегодня из меня никудышный. – Он поднялся. – О, вы тоже всё, граф? Пойдёмте, поищем горячего пуншу, я никак не могу согреться. Ужасная осень, не правда ли?

У посла даже перехватило дыхание. Орлов показывал, что желает приватного разговора, – безо всяких хитростей и уловок.

Вместо пунша, правда, военный министр выбрал только что снятый с огня глинтвейн и с явным удовольствием пригубил.

– Осень поистине ужасна, ваше высокопревосходительство.

– Оставьте, граф... мы же на балу, не так ли?

– И да, и нет, князь Сергей Григорьевич, – по-русски сказал Шуленберг.

Орлов остро взглянул на пруссака. Отвернулся, кашлянул и раз, и другой.

– Князь Сергей... Я искал встречи с вами.

– Знаю, – хрипло проговорил Орлов, делая ещё глоток глинтвейна. – Ах, хорошо... только им и спасаюсь, да ещё чаем с малиной да мёдом...

– Сергей Григорьевич... позвольте мне сказать кое-что не как посланнику прусскому, но как кавалерийскому ротмистру, имевшему честь сражаться рядом с господином Янгальчевым...

Орлов тяжело усмехнулся, набрякшие веки на миг сомкнулись.

– Можете пропустить вступление. Давайте будем откровенны друг с другом. Пока ещё не поздно.

– Именно так. Пока ещё не поздно, – горячо подхватил фон Шуленберг. – Я имел честь множество раз беседовать с господином государственным канцлером. Я не новичок в дипломатии, поверьте, но никогда ещё у меня не было столь бесплодных и бессмысленных переговоров. Господин фон Натшкопф явно... не заинтересован в мирном исходе нынешних... печальных событий.

Орлов кивнул. Станный человек... Он никогда не вызывал у Шуленберга иррациональной приязни, как это вышло с жаждавшим драться до победного конца Янгальчевым, но с Сергием Григорьевичем можно было говорить сразу и о Зульбурге, и о Млаве.

– Граф Александер, – Орлов или оговорился или давал понять, что они пришли из одной... молодости. – Я дважды помню фон Пламмета – по Зульбургу и Анассеополу. Я по возможности не упускал его из виду и позднее. Пламмет служит кайзеру Иоганну, для меня это столь же очевидно, как то, что вы служите Пруссии, а я – России. Можете мне поверить, ваш кайзер совершил очень, очень большую ошибку, ввязавшись в ливонское противостояние. И ещё бóльшую ошибку он совершил, не пожелав урезонить своих подопечных во Млавенбурге, пока огонь можно было залить парой вёдер воды. А теперь не справится и десяток пожарных бочек.

– Вы полностью правы, князь Сергей Григорьевич. – Шуленберг впервые с отъезда фон Зероффа был откровенен. И с кем?! – Я послал множество отчётов, всеми доступными мне средствами убеждая берлинский кабинет, что необходимы уступки и компромиссы, но... ко мне не прислушались.

– Что мы в таком случае можем сегодня сказать друг другу, граф Александер? Кроме как пожаловаться на... метель. Увы, ни гусару, ни кавалергарду жалобы не пристали.

Сейчас или никогда, подумал фон Шуленберг. Краем глаза он заметил невдалеке ненавистную плешь. Английский паук, разумеется, тут как тут. Неудивительно... Его недооценивать никак нельзя.

– От нашей свары выигрывает только Лондон, – решил посол. – Сила, равно не расположенная как к России, так и к Пруссии. Необходимы решительные шаги, пока дело не

стало необратимым.

– Однако... – поднял бровь Орлов. – Однако разве не связаны Берлин и Лондон договором о дружбе?

– О дружбе, не о союзе. – Во рту у Шуленберга пересохло. – Замечу, что подобные же договоры, мало что значащие, имеются у Лондона со многими европейскими державами, что не мешает правительству её величества действовать, руководствуясь исключительно английскими интересами безо всякого внимания к интересам «друзей». Замечу также, что меж Россией и Англией таковой договор отсутствует вовсе.

– Так, так... – медленно сказал Орлов, явно сдерживая приступ кашля. – Признаюсь вам, граф Александер, я тоже никак не мог усмотреть причины столь жёсткой неуступчивости прусского кабинета, его стремления во что бы то ни стало довести дело до открытого столкновения.

– Кабинет анассеопольский тоже не проявлял склонности к компромиссу, – заметил посол. – А все переговоры вёл его высокопревосходительство фон Натшкопф.

– Наши требования всегда отличались умеренностью, – начал было Орлов и всё же закашлялся. – Прошу простить.

– Князь Сергей Григорьевич. Поверьте мне. Дело уже не в правах вернославных. Кровопролитие надо остановить, пока не поздно.

– Вы понимаете, что задета честь Державы? – глухо, с болью спросил Орлов. – Василевс оскорблён. Оскорблён до глубины души. Он не остановится и не успокоится, пока не получит полного удовлетворения. Неужели на Кайзерштрассе этого не осознают? Нас, русских, любят сравнивать с медведями, но при этом отчего-то забывают, что медведя нельзя дразнить.

– Вы правы... – Фон Шуленберг смотрел прямо в глаза военному министру государства, с которым, очень возможно, совсем скоро его родине предстоит схватка не на жизнь, а на смерть. – Вы абсолютно, совершенно правы. Но, я боюсь, что кое-кто и в Берлине и в Анассеополе заглотил наживку слишком глубоко и уже не может сорваться с крючка.

Слов о «наживке» Орлов как бы не заметил.

– Что, по сути, вы предлагаете?

– Перемирие, – выпалил воскресший гусарский ротмистр. – Немедленное перемирие, обмен пленными, помощь раненым. Переговоры. Его василеосское величество желал Указ о равноправии...

– Боюсь, вы не поняли меня, – с тоской покачал головой Орлов. – Вы не расслышали, граф Александер, что я сказал об оскорблённом достоинстве Державы и самого василевса? Арсений Кронидович не прощает обид и позора.

Да, признался сам себе посол, тут Орлов прав. Обида у василевса смертельная. Смываемая, увы, не только кровью солдат своих и вражеских, но и чернилами, подсыхающими на новых договорах. Договорах, венчающих победоносные войны.

– Князь, прошу вас... мне нужна аудиенция у его величества. Канцлер фон Натшкопф...

– Не в Натшкопфе дело. – Воспалённые веки Орлова вновь опустились и поднялись, словно с усилием. – Я бы не советовал вам встречаться с василевсом, пока не разбит фон Пламмет, причём не разбит вдребезги. Перемирие? Арсений Кронидович в лучшем случае рассмеётся вам в лицо, в худшем... ваши слова, ваши приватные, как я понимаю, слова могут быть восприняты как оскорбление, издевательство, вызов со стороны вашего кайзера. Вы сейчас можете только ждать. Сражение будет, ни фон Пламмет, ни вы, никто ничего не может с этим сделать. Пересечение границы моего отечества – вот что стало роковой ошибкой сего *наёмного* генерала, соглашусь, во многом весьма способного. Василевс не повернёт назад.

– Даже если вы, ваше сиятельство, военный министр его величества, напрямую посоветуете заключить перемирие и приступить к переговорам?

Орлов вздохнул.

– Граф Александер, сейчас уже вы совершаете ошибку.

– Я знаю. Но я сейчас говорю не как посланник... но как известный вам ротмистр. Мы, я не оговорился, *мы* таскаем каштаны из огня не для себя, для других. Даунинг-стрит смотрит на нашу свару и посмеивается.

– Берлин ничего не может предложить.

– Но Анасееполь может проявить... великодушие и разум. Держава способна первой в открытую пойти на переговоры. Если же нет... неужели его василеосское величество не видит опасности? Неужели его советники, люди столь выдающихся достоинств, не могут остеречь его?

– Не слишком-то надейтесь на наше... великодушие. – Они всё ещё понимали друг друга. – Давайте оставим эту тему. Признаюсь, я ожидал многого от этой беседы, но получил даже больше. Говорю как известный вам *полковник*. – Орлов глухо откашлялся. – Но ни вы, ни я не изменим того факта, что прусский кабинет не сделал ни одного шага нам навстречу. Ни единого. Вы же, со своей стороны, из лучших побуждений пытаетесь убедить, пока, к счастью, только меня, что Россия обязана признать своё поражение просто потому, что «наша свара выгодна лишь Англии»...

– Но это так.

– Что выгодно Англии? Безусловно, но в том, что лишь ей, я не уверен. Не пытайтесь говорить с василевсом, граф Александер, это бессмысленно. Всё, что вы можете, это убедить Жуайё, что фон Пламмет – лошадь не просто дохлая, но павшая от сибирской язвы и от неё надо держаться как можно дальше. Нас ждёт мало хорошего, но вас всё ещё не вызвали в Бережной дворец, чтобы сообщить об объявлении войны, и, может статься, и не вызовут. Прошу простить меня, господин посол...

Орлов вновь зашёлся в кашле.

– Прощайте, граф. Я сожалею.

– Благодарю вас, князь, за уделённое мне время, – механически, затвержённой фразой протокола ответил фон Шуленберг. Орлов кивнул, поднялся и, распрямив плечи, пошёл прочь, щеголяя безупречной кавалергардской выправкой. Да, он прав, со жгучей досадой думал прусский посол, провожая взглядом высокую фигуру министра, пока та не затерялась в пёстрой блестящей суете. Русские вообще горды, а император Арсений из них, наверное, самый гордый. Никакие соображения высшей политической выгоды не возьмут верх над их гордостью – не гордыней, прошу заметить, гордостью, а кто там первым выстрелил на Млаве – знает только Господь.

Герберт фон Пламмет перешёл пограничную реку, и только наивные глупцы могут воображать, что можно остановить матёрого бурого медведя, с рёвом поднимающегося из берлоги. Быть может, Герберту удастся сдержать Булашевича, даже нанести тому поражение, тогда на смену Второму корпусу двинутся остальные шесть армейских да ещё один гвардейский. Император Арсений не остановится. И даже те его советники, кто понимает происходящее, ничего не смогут тут предпринять. Князь Орлов был более чем откровенен. Остаётся ждать, ждать, чёрт побери, но как же это мучительно.

От острого чувства собственного бессилия хотелось или напиться до бесчувствия, или вызвать кого-нибудь на дуэль, как в давно минувшие молодые годы.

О, вот и лорд Грили. Любезная улыбка, внимательный взгляд, бокал в отставленной руке... Но молодые годы безвозвратно миновали, и дуэли не будет. Жаль.

– Господин граф, – по-французски приветствовал пруссака англичанин, – простите мне моё несносное любопытство. Не сказал ли военный министр чего-то такого, чем вы смогли бы по старой дружбе поделиться с вашим покорным слугой?

Надо же, подумал Шуленберг. Он даже не прячется, не маскируется. За проливом полностью уверены, что Пруссия у них в кармане.

– Прошу простить за столь рьяный натиск, – приятно улыбнулся Грили. – Но сейчас мы, послы дружественных государств, должны держаться вместе и помогать друг другу.

Хотел бы, любезный граф, в свою очередь поделиться с вами известиями, что, полагаю, окажутся весьма небезынтересны прусскому кабинету...

Лысый лорд болтал, фон Шуленберг слушал, механически отмечая важное. Да, некоторые из сплетен по крайней мере выглядят любопытно. Иные так даже могут оказаться полезными.

– И всего за полсотни серебряных рублей вы можете узнать всё расписание отгрузки, – закончил англичанин, победно оглядывая графа Александра.

– Вы раскрыли мне своего осведомителя, – постарался улыбнуться пруссак. – Это... большая честь, дорогой коллега.

– Не стоит, – благодушно отмахнулся лорд. – Да, согласен, ход... нетривиальный. Но в наше время проверенное и затверждённое зачастую не работает.

– Хотел бы я похвастаться столь широкой сетью, – с почти искренней завистью сказал фон Шуленберг.

– Ах, дорогой мой, сегодня она есть, завтра – нет. Тауберт, увы, не дремлет. Так что на вашем бы месте я поторопился – бедняга портовый смотритель вряд ли долго просидит на сём тёплом местечке.

– Благодарю... – как бы в сомнениях проронил пруссак. – Но, любезный лорд, боюсь, что не смогу ответить вам тем же. Господин военный министр всего лишь оценил будущее фон Пламмета как весьма печальное.

* * *

Граф Тауберт бродил среди разгорячённых бороздинскими винами гостей, не забывая благодушно улыбаться и поддерживать беседы о погоде, театре, несомненной скорой победе князя Булашевича, а также о ну совершенно необременительных, можно даже сказать, ничтожных просьбах, которыми, право же, неудобно тревожить милейшего Николая Леопольдовича, но раз уж судьбе и графине Лидии угодно было их свести в этом доме...

Лидия и Менелай в самом деле были сверх меры гостеприимны, причём от их балов и приёмов отчего-то оставалось удивительно приятное послевкусие. Шеф жандармов почти наслаждался бестолковым вечером, пока не увидел, как Шуленберг отчаянно вцепился в Орлова и как потом уходил Сергей: высоко вскинув голову, печатающая шаг, точно ведя незримых гренадер на вражеские штыки.

Николай Леопольдович забеспокоился.

Орлова он догнал уже внизу. Сергей Григорьевич стоял в накинутаой на плечи шинели, ожидая экипаж.

– Не тревожься, Никола, – перехватил он взгляд друга. – Поеду сейчас... отлежусь... Ты газеты... «Австрийскую газету» от семнадцатого, часом, не видел?

– Нет вроде. – Иностранные газеты разбирал, и отлично разбирал, Кишин, у адъютанта на это дело был прямо-таки талант. – А что там?

– Надеюсь, что ничего, – ушёл от ответа Сергей. – Прав Васька, мне сейчас водки выпить да спать. А завтра всё равно в министерство...

– Пусть лучше Колочков твой к тебе с бумагами приедет.

Остзейско-жандармская душа графа Тауберта вопияла к небесам от столь возмутительного нарушения всех правил и наставлений; секретные документы могли пребывать только и исключительно в казённой канцелярии, под надёжной охраной, только куда он, такой, пойдёт? Герой зульбургский да дунайский.

– Вот ещё... удумал, Никола... – Орлов хрипло рассмеялся, почти сразу же болезненно сморщившись, и потёр горло. – Не ты ль, немец-перец-колбаса, меня учишь, что ни одна бумажка пределов министерства покидать не может?

Николай Леопольдович назидательно поднял палец:

– В особых обстоятельствах и с соблюдением всех потребных регламентов допускается... могу твоему Аниките жандармскую охрану выделить.

Орлов только отмахнулся.

– Брось, Никола. Ничего со мной не случится... наверное.

– Э-э, Сергей, – всполошился Тауберт, – ты что это говоришь такое? Езжай-ка и впрямь домой, водки, на перце настоящей, выпей рюмку, да спать! Назавтра всё как рукой снимет.

– Верно говоришь. – Высокие двери отворились, Тауберта окатило холодной волной. – Устал я, Никола. Ужасно устал... Был бы дом домом, и впрямь бы никуда б завтра... С Бороздиными за меня попрощаешься?

– Само собой.

Тауберт очень хотел спросить, о чём же его друг толковал с прусским посланником, но потом только рукой махнул. Орлуше и впрямь домой надо, в постель, а не политические разговоры на сквозняке разводить.

Орлов, враз ссутулившись, взобрался в поданный возок, фореитор закрыл дверцу, но она тут же вновь распахнулась, и Сергей прыгнул в уже не тающий под ногами снег. Тауберт, как был без шинели, бросился навстречу.

– Забыл чего?

– Никола... – Орлов говорил быстро и хрипло, и Тауберт уверился, что у бедняги жар, – Никола... Вильский, майор, у меня из головы нейдёт. Дураки мои представление на него раскопали... Пока дошло, а он мёртвый и, сдаётся мне, не более Сажнева виноват. Только за того, живого, Федька Росский глотку перервёт, а этот лежит себе в ливонском болоте... Если кто и вспомнит, то жена, коли любила. Его самого любила, не пенсион...

– Чего ты хочешь, Сергей? – Николай Леопольдович понимал, что на глазах у него происходит что-то важное. И вместе с тем не понимал ничего – Орлуша всегда был с секретами.

– Чего хочу? Отпиши своему Бобыреву, пусть разузнает про Вильского... Не только Ейсмонта дочкам замуж идти.

– Отпишу... Ты из-за того вернулся?

– Из-за того, Никола... – Орлов улыбнулся юной кавалергардской улыбкой. – Хороший всё ж из тебя жандарм получился! Всё, поехал я... Холодно...

Фореитор вновь захлопнул за Сергием Григорьевичем дверцу, возок сорвался с места. Тауберт ещё постоял немного, глядя в крутящиеся снежные вихри, потом вздохнул и отправился обратно в зал. Не развлекаться. Бдить.

Уезжал с бала Николай Леопольдович с тяжёлым сердцем. Вроде и не случилось ничего, а тягостно. Кашляющий Орлов, фон Шуленберг с твёрдым, но и каким-то молящим взглядом, лоснящаяся самодовольством физиономия Грили...

Хотел было порадоваться за крестницу, так тоже не получилось – вальсировала она с молодым Кириаковичем безо всякого настроения. Ох, тяжка ты, доля великих княжон – быть вам выданными замуж за кого василевс укажет... Хотя про молодого Александра ничего худого сказать Тауберт не мог. Сын и наследник Драгана Вуковича учился в Анасееполе, окончил Гвардейскую офицерскую школу – был там вторым в классе, а мог бы и первым, кабы не горячая балканская кровь и ссоры, из-за чего и не получилось «сверх отличного» за поведение, – с чем и отбыл в Чёрную Гору, но вскоре вернулся в Россию. Теперь Кириакович с тремя то ли друзьями, то ли свитскими проходил курс в Академии, попутно внося смятение в души падких до темпераментных брюнетов дам и девиц. Та же Лиди зашла в интересе своём к «сказаниям и обычаям западных славян» весьма далеко.

Зюке, однако, серб не приглянулся. Видел, видел Николай Леопольдович, как глаза у девиц горят, когда и впрямь за сердечного друга своего выходят... Хотя кто его знает, как лучше – взлететь да оземь грянуться, как та же Лючия, или вовсе не летать?

Так и не найдя ответа, Тауберт откинулся на подушки. За окошком крутилась настоящая метель, словно на дворе январь или февраль в полной силе.

Арсений Кронидович не жалел денег, чтобы столица не превращалась бы ночью в глухую пустынь, в Анасееполе уже не один год приказом василевса ставились и ставились уличные фонари, однако снег жадно скрал весь свет, точно рыночный вор.

Вот и набережная Фонтанного канала – кучер, каналья, куда повёз?

– Объезд тут, рогатку поставили, ваше сиятельство, – прогудела переговорная труба голосом Трофима. – Круглой дорогою придётся.

– Ничего, прокатимся... – Думается в дороге хорошо, а о чём подумать, есть.

Тауберт смотрел в непроглядную, белёсую от вьюги ночь и думал, а потом из крутящихся струй снега вдруг возникла тёмная фигура – высокий человек в шинели застыл подле фонаря. Трофим отчего-то придержал лошадей, и Николай Леопольдович, обмирая, узнал в стоящем Орлова.

– Стой, стой! – только и успел он крикнуть, рванув дверцу возка. Ах, Сергей, куда ж тебя опять понесло с такой-то болезнью – ночью в метель по набережной гулять!

– Ваше высокопревосходительство! – всполошился денщик, но Тауберт уже ступил в холод и ветер, поднимая воротник и прикрывая глаза рукою в перчатке. – Непогодь-то кака...

Под фонарём было пусто. Николай Леопольдович замер, потряс головой, протёр глаза – никого. Нетронутый снег в слабом кругу света – и никаких следов.

– Смирнов! Видел ты здесь кого? Под сим фонарём?

– Никак нет, ваше сиятельство, не видел. Да и кому тут взяться-то по такой погоде да в такую ночь?

– Не было тут никого... – поддержал денщика с козел и кучер. – Святой истинный крест, не было!

– Показалось, – с усилием улыбнулся Тауберт в ответ на тревожные взгляды Смирнова. – Снег да темень... мститесь невесты что...

Шеф жандармов медленно влез обратно в обогретую жаровнями безопасность. Хотел было приказать ехать к Орловым, но вспомнил о Люции и не приказал. Возок миновал лавру и повернул на Софийскую. К дому.

4. Окрестности Анксальта

Конногвардейский и Кавалергардский полки, краса и цвет гвардейской кавалерии, подходили к бивуакам Второго корпуса торжественным маршем, несмотря на поздний час распустив знамёна, с музыкой, сверкая обнажёнными палашами, как и положено по регламенту.

Богунов и Ульссон сидели в сёдлах справа и слева от Булашевича, из-под руки всматривавшегося в чёрные шеренги, рассекие залитое лунным светом белое поле. Снег покрыл окрестности Анксальта и более не таял, красные черепичные крыши городка посидели; и днём было видно, как уютно и мирно поднимаются над ними дымки, как будто нет вообще никакой войны.

– Его высочество прислал письмо, – негромко проговорил генерал, обращаясь к штабным, – что не желает никаких помпезных встреч...

– Церемониал прибытия особы василеосской крови, наследника престола, не может быть отменён его, особы, простым желанием! – возмутился Ломинадзев. Несколько свитских, оставшихся при корпусе после всех событий, дружно и часто закивали. – Вам, милостивый государь Александр Афанасьевич, сие прекрасно известно!

– Я не придворный, я солдат, – не поворачивая головы, бросил Булашевич. – Севастиан же Арсеньевич с регламентами также знаком. Вот, в письме прямо сказано... Иван, давай.

– *«Особливо же прошу господ начальствующих лиц, – громким ровным голосом зачитал Ульссон, – воздержаться от всяческого рода торжествований, поднесения хлеб-соли, выстраивания всего корпуса альбо значительной его части, ибо в делах воинских подобному не место.*

Будучи осведомлён об уставах и уложениях не хуже иных ретивых ревнителей оных, спешу указать, что скрупулёзное их применение вызовет гнев мой и отражено будет в рапорте василеосскому нашему родителю ...»

– Довольно, – велел Булашевич, и Ульссон аккуратно спрятал письмо в кожаный бювар. – Мы на войне, господа штаб. Караульная рота выстроилась – и то, боюсь, его высочество недоволен будет.

Ломинадзев поджал губы и отвернулся, всем видом своим показывая, сколь велика и глубока нанесённая ему несправедливая обида.

– Ваше сиятельство... Александр Афанасьевич, – шепнул, не выдержав, Богунов. – Донос ведь напишет, ей-же-ей, напишет!

– Пускай себе пишет, бурдюк эдакий! – весёлым шёпотом ответил генерал от кавалерии. – Его василеосское величество на дела смотрит, не на слова, желчью накорябанные.

Никита Степанович подавил вздох.

Музыка длилась, гвардейский марш уносился к небесам, и полная луна, словно вдохновлённая торжественной песнью, как могла старалась заменить собой канувшее в северную ночь солнце.

Шеф Конного полка великий князь Севастиан Арсеньевич ехал на громадном коне рядом с командиром конногвардейцев, генералом Иванчиковым. Генерал отличался и ростом, и статью, но Севастиан возвышался над ним чуть ли не на полголовы, шириной же плеч он уступил бы, пожалуй, разве что Сажневу. Как и все прочие гвардионцы, великий князь держал в руке обнажённый палаш.

Оркестр сыграл торжественный марш, грянул «Встречу». Булашевич вскинул ладонь к виску, и вместе с ним отдали честь все остальные командиры полков и дивизий, успевшие подтянуться к Анксальту.

Гвардия пришла.

Наступало время штурма.

Приложение

Боевой состав Второго армейского корпуса на 29-е октября 1849-го года

4-я пехотная дивизия

(командир – генерал-майор Тяглов-Голубицин)

Пехотная бригада

- Володимерский пехотный полк

- Желынский пехотный полк

Егерская бригада

- Угреньский егерский полк

- Закаменский егерский полк

5-я пехотная дивизия

(командир – генерал-майор Крейц)

Пехотная бригада

- Суждальский пехотный полк

- Ростовский пехотный полк

Егерская бригада

- Муромский егерский полк

- Олонецкий егерский полк

6-я пехотная дивизия

(командир – генерал-майор Осташинский)

Пехотная бригада

- Аждарханский пехотный полк

- Старобогунецкий пехотный полк
- Егерская бригада
- Коломенский егерский полк
- Ладожский егерский полк

19-я пехотная дивизия

(командир – генерал-майор Антольский)

Пехотная бригада

- Андрианопольский пехотный полк
- Жибичский пехотный полк

Егерская бригада

- Коломенский егерский полк
- Ярославлев егерский полк

4-я лёгкая кавалерийская дивизия

(командир – генерал-майор Шевардинский)

- Софьедарский гусарский полк
- Темрюкский гусарский полк
- Шемширский уланский полк
- Подолецкий уланский полк

2-й отдельный Югорский стрелковый батальон

(командир – подполковник Сажнев)

Лейб-гвардии Калужинский и Зульбургский гренадерский полк

(командир – гвардии полковник Росский)

2-я конноартиллерийская бригада

(командир – полковник Карпин)

2-я артиллерийская дивизия

(командир – генерал-майор Набольшев)

4, 5 и 6-я артиллерийские бригады.

4-я артбригада:

2 тяжёлые батареи

2 лёгкие

5-я и 6-я артбригады (каждая):

1 тяжёлая батарея

3 лёгкие

Всего в дивизии: 144 орудия, по 8 орудий в батарее.

2-й отдельный коннопионерный парк

2-й отдельный сапёрный батальон

4-й Донской казачий полк

(командир – полковник Чехвостый)

5-й Донской казачий полк

(командир – полковник Менихов)

2-й и 11-й отдельные полевые госпиталя

2-й корпусной обозный парк

Жандармская команда

6 нестроевых батальонов, инвалидные команды